

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
(ПУШКИНСКИЙ ДОМ)

НЕКРАСОВСКИЙ СБОРНИК

IX

ЛЕНИНГРАД
«НАУКА»
ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
1988

Редакционная коллегия:

*Б. В. МЕЛЬГУНОВ, Н. Н. МОСТОВСКАЯ,
Ф. Я. ПРИЙМА* (ответственный редактор)

Рецензенты:

О. Б. АЛЕКСЕЕВА, В. С. МАСЛОВ

Серия основана в 1951 г.

НЕКРАСОВСКИЙ СБОРНИК Т. IX

*Утверждено к печати
Институтом русской литературы (Пушкинский Дом)
Академии наук СССР*

Редактор издательства *Т. А. Лапицкая*
Технический редактор *Л. И. Каряева*
Корректоры *А. З. Лакомская, А. Х. Салтанова и Г. И. Суворова*

ИБ № 33073

Сдано в набор 02.07.87. Подписано к печати 21.01.88. М-24113. Формат 70×108¹/₁₆.
Бумага типографская № 2. Гарнитура обыкновенная. Печать высокая. Усл. печ. л.
18.20. Усл. кр.-отт. 19.70. Уч.-изд. л. 19.52. Тираж 2150. Тпш. зак. 1705.
Цена 2 р.

Издательство «Наука». Ленинградское отделение.
199034, Ленинград, В-34, Менделеевская линия, 1.

Первая типография издательства «Наука».
199034, Ленинград, В-34, 9 линия, 12.

Н 4603010101-540
042(02)-88 315-88-1

© Издательство «Наука», 1988 г.

І. СТАТЬИ

Ф. Я. Прийма

НЕКРАСОВ И ГЕРЦЕН

(ИЗ ИСТОРИИ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ)

Знакомство Некрасова с А. И. Герценом относится к лету 1845 г. Выехав из Петербурга 7 июня, Некрасов по прибытии в Москву отправился в Соколово, на дачу Герцена, и сразу же начал с ним переговоры о сотрудничестве в «Петербургском сборнике». 12 июля 1845 г. в письме к А. А. Краевскому Герцен писал: «Я теперь на превеликолепной даче; где нас навещил Некрасов, и занимаюсь с утра до ночи. . .».¹ Плодотворность названной встречи Герцен засвидетельствовал осенью того же года, прислав Некрасову для альманаха статью «Ум хорошо, а два лучше» и очерк «Капризы и раздумье».

Второй раз побывал Некрасов у Герцена летом 1846 г. Горячие споры на политические темы заполнявшей герценовскую дачу молодежи, по видимому, нашли отражение в стихотворении «Я за то глубоко презираю себя. . .», написанном, по собственному признанию поэта, «во время гощения у Герцена».²

В самом начале октября 1846 г., приехав на несколько дней в Петербург, Герцен сообщал оттуда жене: «Панаев и Некрасов поглощены „Современником“. Все доселе виденное и слышанное мной заставляет меня желать полного успеха» (Г, 22, 259).

Сотрудничество Герцена в реорганизованном «Современнике», хотя и продолжалось недолго, как нельзя лучше способствовало успеху журнала. Только в 1847 г. Герцен напечатал там статьи «Новые вариации на старые темы» (№ 3), «Из сочинения доктора Крупова „О душевных болезнях вообще и об эпидемическом развитии оных в особености“» (№ 9), «Письма из Avenue Maigny» (№ 10—11), роман «Кто виноват?» (прил. к № 1—12). В 1848 г. в журнале были опубликованы его рассказ «Сорока-воровка» (№ 2) и статья «Несколько замечаний об историческом развитии чести» (№ 3).

Участие Герцена в некрасовских издательских замыслах было, таким образом, достаточно внушительным. При этом почти каждое из названных печатных выступлений Герцена оказывалось подлинным событием в литературе. Достаточно сказать, что публикация «Писем из Avenue Maigny» вызвала едва ли не первую поляризацию (либеральные и радикально-демократические элементы) в среде русских западников.

Сочувствие к «Современнику» Некрасова и И. И. Панаева проявлял не только автор «Сороки-воровки», но и его жена Н. А. Герцен. Именно по ее инициативе в 1846 г. Герцен ссудил Некрасову 5000 р. ассигнациями для покрытия первоначальных расходов по зарождающемуся журналу.

¹ Герцен А. И. Собр. соч.: В 30 т. М., 1961. Т. 22. С. 240. Далее (в наст. статье, а также в статьях Н. Н. Мостовской — с. 54—68, Г. А. Тишкина — с. 104—107 и Н. П. Генераловой — с. 131—135) ссылки на это издание (М., 1954—1966. Т. 1—30) даются в тексте сокращенно: Г, том и страница (арабскими цифрами).

² См.: *Ближневская М.* «Написано во время гощения у Герцена» // Вопр. лит. 1971. № 8. С. 253—256.

Эти признаки дружеского расположения и участия были должным образом оценены Некрасовым. В конце 1836—начале 1847 г. он через посредничество В. А. Соллогуба способствует приобретению Герценом заграничного паспорта.³ Получив летом 1848 г. от Герцена главу 2 из цикла очерков «С того берега», Некрасов писал Тургеневу: «Герцену поклон. Спасибо ему за его доброе письмо. Я плакал, читая „После грозы“, — это чертовски хватает за душу».⁴

Имя Герцена было изрядно скомпрометировано в правительственных инстанциях, поэтому ни под одной из его опубликованных в «Современнике» статей оно не стояло. В обстановке начинавшегося «мрачного семилетия» имя Герцена, ставшего к тому же политическим эмигрантом, вошло в число запрещенных имен. К тому же в дикле «С того берега» запрещенной являлась сама тема, поэтому о публикации этой вещи в подцензурной печати не могло быть и речи.

Приблизительно в это же время — и на срок более длительный, чем семилетие, — омрачаются личные взаимоотношения двух видных литераторов. Причиной этого послужило так называемое «огаревское дело».

Еще в октябре 1846 г. Н. П. Огарев, разойдясь со своей женой М. Л. Огаревой (юридически брак остался нерасторгнутым), выдал ей шесть необеспеченных заемных писем на сумму 85 000 р. серебром с условием выплачивать проценты из этой суммы, по 6000 р. ежегодно. Уехав вскоре за границу, Огарева доверила ведение своих денежных дел на родине А. Я. Панаевой, которая в свою очередь отчасти поручила эти заботы некоему Н. С. Шаншиеву. В 1849 г. Огарева по настоянию Панаевой подала векселя ко взысканию. В обязанности Панаевой и Шаншиева входило взыскание с Огарева требуемых сумм и пересылка их за границу М. Л. Огаревой. Капитал с Огарева был взыскан к началу 1851 г. Панаева оформила на взысканную капитальную сумму векселя, по которым она обязывалась выплатить Огаревой все деньги к маю 1853 г. До этого срока Мария Львовна должна была получать от Панаевой проценты. Обещание выплатить капитал к указанному сроку не было выполнено.

В 1853 г. проживавший еще в то время в России Огарев обратился к начальнику III Отделения гр. А. Ф. Орлову с просьбой, вызванной тем, что М. Л. Огарева не давала ему развода, «поступить по существующим законам с женою его, Марьей Львовою Огаревою, которая отправилась за границу в 1846 году и седьмой уже год находится там без дозволения правительства».⁵ Пока это прошение переходило из одной инстанции в другую, парижское генеральное консульство поставило Министерство внутренних дел в известность, что 28 марта (9 апреля) 1853 г. Огарева от болезни легких скончалась в Париже. Для погашения долгов покойной ее скудное имущество было продано с аукциона. Оставшиеся после смерти бумаги Огаревой подтверждали, что она была владелицей заемных писем на крупную сумму, но состояние финансовых дел умершей продолжало оставаться невыясненным.

В ноябре 1853 г. бумаги, удостоверявшие смерть Огаревой, поступили в Московский надворный суд; был произведен розыск наследников. Одним из них объявился Н. П. Огарев, представивший доказательства того, что капитал, взысканный с него в пользу М. Л. Огаревой Панаевой и ее поверенным, не был передан по назначению. Дело чрезвычайно медленно

³ См.: Соллогуб В. А. Воспоминания. СПб., 1887. С. 132—135.

⁴ Некрасов Н. А. Полн. собр. соч. и писем. М., 1952. Т. 10. С. 116. Далее на протяжении всего сборника ссылки на это издание (М., 1948—1953. Т. 1—12) даются в тексте сокращенно: Н I, том и страница (арабскими цифрами). Глава 2 «С того берега» была прочитана Некрасовым в рукописи, по-видимому присланной Герценом для публикации в «Современнике». Упоминаемое Некрасовым «доброе письмо» Герцена нам неизвестно. Возможно, это было сопроваждавшее упомянутую рукопись авторское письмо к Некрасову как редактору журнала.

⁵ Некрасовский сб. Л., 1983. Вып. 8. С. 155.

проходило необходимые стадии судебного разбирательства; лишь 14 марта 1855 г. поверенным Огарева И. Т. Гржегелевским был предъявлен иск Панаевой и ее поверенному Шаншиеву. И только 19 августа 1860 г. окончательное решение суда о взыскании с последних денег в сумме 85 815 р. серебром вступило в силу.

Итак, суд пришел к решению, что капитал М. Л. Огаревой остался в руках Панаевой и Шаншиева. Имя Некрасова на судебном процессе не фигурировало, но тем не менее Огарев считал, что все действия тяжущейся с ним стороны были подсказаны именно им. Эмигрировавший в 1856 г. в Лондон Огарев утвердил в этой мысли также и Герцена.⁶

Будучи летом 1857 г. за границей, Некрасов предпринимает попытку рассеять создавшуюся вокруг него атмосферу подозрительности. 26 мая (7 июня) он пишет из Парижа И. С. Тургеневу, находившемуся в Англии, письмо следующего содержания: «В Лондон едва ли поеду, хоть все еще окончательно не решился не ехать. Правду сказать, в числе причин, по которым мне хотелось поехать, главная была увидеть Герцена, но, как кажется, он против меня восстановлен — чем не знаю, подозреваю, что известной историей огаревского дела. Ты лучше других можешь знать, что я тут столько же виноват и причастен, как ты например. Если вина моя в том, что я не употребил моего влияния, то прежде надо бы знать, имел ли я его, — особенно тогда, когда это дело разрешалось. Если оно и могло быть, то гораздо прежде. Мне просто больно, что человек, которого я столько уважаю, который, кроме того, когда-то оказал мне личную помощь, который был первый, после Белинского, приветствовавший добрым словом мои стихи (я его записочку ко мне, по выходе «Петербургского сборника», до сей поры берегу),⁷ — что этот человек нехорошо обо мне думает. Скажи ему это (если найдешь удобным и нужным — ты лучше знаешь нынешнего Герцена) — и прибавь к этому, что если он на десять минут обещает зайти ко мне в гостиницу (к нему мне идти неловко, потому что я положительно знаю лютую враждебность Огарева ко мне), то я, ни минуты не колеблясь, приеду в Лондон. В таком случае я приеду к 11-му числу, чтоб 16-го вместе с тобою уехать обратно» (Н I, 10, 340—341).

Можно догадываться, что слова письма «я не употребил моего влияния» имеют в виду Панаеву, которую Некрасов по-джентльменски не назвал, хотя и подразумевал здесь степень своего влияния именно на нее. Заслуживает дальнейшего исследования вопрос о том, какую из стадий этого затянувшегося дела считал Некрасов определяющей («когда <...> дело решалось»), — 1849-й или 1853-й год.

Судя по последним двум фразам письма, Некрасов обсуждал вопрос о своем приезде, рассчитывая на посредничество Тургенева. Согласился ли на это Тургенев — мы не знаем; известно, однако, что в середине июня Некрасов прибыл в Лондон, но не был принят Герценом, о чем свидетельствует письмо последнего к М. К. Рейхель от 6—7 (18—19) июня 1857 г. Помимо сочувствия Огареву, так сказать пострадавшей стороне в этом деле, у Герцена была своя собственная денежная претензия к Некрасову —

⁶ В советском некрасововедении «огаревское дело» изучалось весьма интенсивно (см., например: Черняк Я. З. Огарев, Некрасов, Герцен, Чернышевский в споре об огаревском наследстве. М.; Л., 1933; Евгеньев-Максимов В. Е. Некрасов в кругу современников. Л., 1938. С. 83—123; Дементьев А. Г. 1) «Огаревское дело» // Рус. лит. 1974. № 4. С. 127—142; 2) К истории «огаревского дела»: (Неизв. письма А. Я. Панаевой) // Вопр. лит. 1979. № 11. С. 238—246; Бессонов Б. Л. 1) К истории «огаревского дела» (по новонайденным материалам) // Рус. лит. 1978. № 3. С. 139—144; 2) Об утраченной переписке А. Я. Панаевой и Некрасова: (История одной публикации) // Некрасовский сб. Л., 1980. Вып. 7. С. 47—65; 3) По поводу одной публикации // Некрасовский сб. Л., 1983. Вып. 8. С. 140—145; 4) Документы «огаревского дела» // Там же. С. 154—176).

⁷ Адресованная Некрасову «записочка» Герцена до нас не дошла. В списке сохранившихся и найденных его писем она не значится (см.: Г, 22. 435—445).

выданная поэтом в 1846 г. расписка в получении упомянутых выше 5000 р. ассигнациями. В представлении Герцена эта расписка служила доказательством безответственной забывчивости Некрасова в денежных делах. Но, предъявляя подобного рода обвинение, Герцен сам впадал в не менее странную забывчивость; он запамятовал, что еще до 1850 г. Некрасов частично погасил названный долг. В письме к Герцену от 15 (27) июня 1857 г. Некрасов напоминал ему: «В 1850 году Тургенев привез мне из-за границы записку Вашу о передаче остальных денег ему. С Тургеневым я имел постоянные счета, по которым постепенно мои деньги приходились за ним, поэтому долг ему не беспокоил меня, и я до настоящей минуты оставляю это дело нерешенным, думая, что ответственности обязан уже не Вам. Теперь спешу по возможности загладить следы своей беспечности < . . . > и сообщаю Вам, что первым моим делом по возвращении в Россию (куда я еду скоро) будет приведение в ясность счетов и высылка Вам остальных денег» (Н I, 10, 342—343). Это напоминание Некрасова не могло не привести Герцена в состояние сильного раздражения. Правда, отвечая на некрасовское письмо, Герцен признавал, что он «забыл и о нем (т. е. о долге ему Некрасова. — Ф. П.), и о записке, данной Тургеневу, как и сам Тургенев» (Г, 26, 105). Спустя десять дней почти теми же словами скажет он об этом и самому Тургеневу: «Я совсем забыл о записке (относительно переадресовки долга Некрасова. — Ф. П.), которую тебе дал» (Г, 26, 106). Но получивший ложную информацию Тургенев успеет написать Некрасову исполненное удивления и раскаяния письмо (к сожалению, оно до нас не дошло) и дать задание «дядюшке» Н. Н. Тургеневу погасить несуществующий долг Некрасову. Взволнованный случившимся поэт писал Тургеневу 20 июля (1 августа) 1857 г.: «Сейчас я перечел твое письмо и уверяю тебя честью, что о том < . . . > будто бы ты заплатишь Герцену из денег, должных будто бы мне, — в моем письме нет ни слова, даже какого-либо намека. Это суцая выдумка — попроси Герцена, пусть он пришлет тебе мое письмо!» (Н I, 10, 347—348). Обрадованный получением некрасовского письма, Тургенев отвечал ему: «. . . где эти проклятые счета заведутся, рано или поздно заводятся также недоразумения; а я не хочу, чтобы они были между нами. Уверяю тебя, что эта, как ты говоришь, „история“ не произвела на меня никакого действия; я так же люблю тебя, как любил прежде, — стало быть, и думать об этом больше не стоит».⁸

Герцен был не рад своему напоминанию о предоставленной в 1846 г. Некрасову ссуде в 5000 руб. ассигнациями как потому, что к 1857 г. эта сумма сократилась приблизительно вдвое, так и ввиду неясности вопроса, кого, наконец, следует считать истинным должником (долг соглашался погасить Некрасов, но не отказался бы выплатить его и Тургенев).

Не желая поднимать шум из-за относительно незначительной суммы, Герцен через Тургенева «велел ему (Некрасову. — Ф. П.) сказать, чтобы он их отдал мало-помалу Петруше (человек, который купил здесь ружье в 45 дүг. и собаку, которая стоит не меньше, может платить). А потому пусть Петруша к нему явится и полученные деньги отошлет Аксин(ье) Иван(овне) половину, а другую возьмет себе < . . . >. Петруша живет у Львицкого в Петербурге» (Г, 26, 101). Однако Некрасов, по-видимому, счел для себя такую форму выплаты долга унижительной и в двадцатых числах (ст. ст.) июля отправил сумму долга почтовым переводом.

Вскоре после этого было написано и письмо Герцену, третье по счету и последнее. В нем Некрасов не сдерживал своих эмоций. Он отдавал

⁸ Тургенев И. С. Полн. собр. соч. и писем: В 28 т. Письма: В 13 т. М.; Л., 1961. Т. 3. С. 144—145. Далее (в наст. статье и статьях М. Я. Блинчевской — с. 116, Н. П. Генераловой — с. 131—135 и М. В. Теплинского — с. 136—139) ссылки на серию «Писем» издания сочинений и писем Тургенева (М.; Л., 1961—1968. Т. 1—13) даются в тексте сокращенно: Т, Письма, том и страница (арабскими цифрами).

себе отчет в том, что его отношения с лондонским изгнанником прерываются надолго, может быть, навсегда.

Если месяц назад он искал случая, чтобы встретиться с Герценом и как-то оправдаться перед ним, то теперь он был настроен иначе. Его оскорбило содержащееся в герценовском письме от 28 июня (10 июля) 1857 г. требование дать письменное подтверждение его причастности к огаревскому делу.

Он твердо заявляет: «Что же касается до причины Вашего неудовольствия против меня, то могу ли, нет ли оправдаться в этом деле — перед вами оправдываться я не считаю удобным. Думайте как Вам угодно» (Н I, 10, 352).

Важно отметить, что в растянувшемся на целое десятилетие деле об «огаревском наследстве» Некрасов встречал неизменное сочувствие Чернышевского и Добролюбова. И не случайно в письме Чернышевского, отправленном 28 ноября (10 декабря) 1860 г. Добролюбову в Италию, находим строки: «Да, вот еще новость. Кажется, дело Панаевой и Шаншиева с Сатиным (Огаревым) кончилось примирением. По крайней мере, подписаны мировые условия; оставалось подать мировое прошение в Московский надворный суд».⁹ И далее целая треть письма посвящалась изображению «свирепой сцены» Некрасова с Шаншиевым.

Почти через четверть века вместе с письмом от 21 января 1884 г. Чернышевский отправил А. Н. Пышину свои воспоминания об «огаревском деле». Изложение Чернышевским «в коротких словах» этого «многосложного» дела мы считаем излишним воспроизвести здесь: «Огарев должен был уплатить пятьдесят тысяч рублей жене, с которой разошелся. Взамен платы он предоставил в пользование ей часть своих поместий. Огарева умерла. Поместья должны были быть возвращены Огареву; но управлявший поместьями (Н. С. Шаншиев. — *Ф. П.*), дальний родственник Ивана Ивановича (Панаева. — *Ф. П.*), бестолковый плут, расстроивший свое прежде довольно большое состояние хитрыми, но глупыми спекуляциями, не желал возвращать поместья, да если б и хотел, то затруднился бы при запутанности своих дел. Дело усложнялось чрезвычайно запутанными расчетами о том, какие из долгов, лежавших на Огаревой, должны быть признаны Огаревым. Огарев и Герцен, у которого он жил тогда, воображали, что плут, в управление которому были отданы поместья, был прислан в поверенные Огаревой Некрасовым и что он подставное лицо, которому Некрасов предоставил лишь маленькую долю выгоды от денежных операций, основанных на управлении имуществом Огаревой, а главную долю берет себе сам Некрасов. При уважении, каким пользовался тогда Герцен у всех просвещенных людей в России, громко высказываемое им обвинение Некрасова в денежном плутовстве ложилось очень тяжело на репутацию Некрасова. Истина могла бы быть достовернейшим образом узнана Герценом, если бы он захотел навести справки о ходе перемен в личных отношениях Некрасова в те годы, в которые были делаемы г-жою Огаревой неприятные ее мужу распоряжения. Но Герцен имел неосторожность высказать свое мнение, не ознакомившись с фактами, узнать которые было бы легко, и тем отнял у себя нравственную свободу рассматривать дело с должным вниманием к фактам. Я полагаю, что истина об этом ряде не заслуженных Некрасовым обид известна теперь всем оставшимся в живых приятелям Огарева и Герцена и всем ученым, занимающимся историей русской литературы того времени, потому считаю возможным не говорить ничего больше об этом жалком эпизоде жизни Огарева и соединенных с его странными поступками ошибках Герцена».¹⁰

Излагая события большой давности, Чернышевский не мог избежать известных неточностей: так, например, сумма в 50 000 р. фигурировала

⁹ Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч.: В 15 т. М., 1949. Т. 14. С. 416.

¹⁰ Там же. М., 1939. Т. 1. С. 733—734.

в судебном разбирательстве 1851 г., где Н. П. Огарев выступал в качестве ответчика. На судебном же процессе 1853—1860 гг., где Огарев выступал в качестве истца, речь шла о выплате ему суммы в 85 815 р. серебром, на которую были им выданы в 1849 г. М. Л. Огаревой заемные письма. Но ценность приводимых Чернышевским данных состоит в том, что они исходят от современника, близко стоявшего к изображаемым событиям, и содержат характеристику причастных к делу лиц, в частности характеристику Шаншиева. Примечательно, что Чернышевский воздержался от оценки роли в этой истории Панаевой, главного доверенного лица Огаревой.

При резко отрицательной оценке отдельных черт характера, склонностей и поступков Некрасова, Герцен умел возвыситься над своими субъективными пристрастиями в оценке его художественного дарования. Так, в письме к Н. М. Щепкину от 27 декабря (8 января) 1857 г., охлаждая оптимистический пыл адресата по поводу успехов общественного прогресса в России, Герцен писал: «Цензура стала легче, а цензора „Современника“ отставили за Некрасова стихи, перепечатанные из полного издания. Нет, любезнейший Щепкин, употребите наши руки, благо их немного развязали, не на аплодисмент, а на работу, на многостороннюю работу в пользу русского дела, каждый по-своему обличая недостатки, изыскивая средства» (Г, 26, 67).

25 ноября (6 декабря) 1856 г. Тургенев сообщает Герцену из Парижа: «Из России я имею известие о громадном успехе „Стихотворений“ Некрасова. 1400 экземпляров разлетелись в 2 недели; этого не бывало со времени Пушкина» (Т, Письма, 3, 44). И желая сделать приятное другу, Тургенев в скором времени отправляет ему «небывалую» книжную новинку. Получив ее, Герцен в письме от 30 декабря 1856 г. (11 января 1857 г.) отвечает Тургеневу: «Некрасова получил — от кого? Ты, что ли, мне прислал? Я нахожу и находил в нем сильный талант, хотя сопряженный с какой-то злой сухостью и угловатой обрывчатостью, — мне еще не удалось хорошенько почитать. Первая статья (Герцен имеет в виду «Поэта и гражданина». — Ф. П.) — сумбур какой-то, не оригинальный, а пушкино-гете-лермонтовский, а как-то Некрасов вовсе не идет слова Муза, Парнас — где это у него классическая традиция? Да и что за чин „поэт“. . . и пора и это к черту. Так же глупо говорить о себе: „Я поэт и живу вдохновением“, как „Я очень умен и любезен“.

Псовая охота зато прелесть, и мать, лишившаяся сына, и Ненила — больше не читал» (Г, 26, 69).

С 25 января (6 февраля) по 10 (22) февраля 1857 г. Некрасов с Тургеневым прожили вместе в Париже. Отрадное впечатление на обоих произвело чтение опубликованного в очередном номере «Колокола» фрагмента из «Былого и дум». «Некрасов, которого ты не любишь, — писал Тургенев Герцену 16 (28) февраля 1857 г., — был в восхищении от последнего отрывка твоих мемуаров» (Т, Письма, 3, 89).

Судя по процитированным нами словам письма, герценовская оценка «Стихотворений» Некрасова 1856 г. не могла вполне удовлетворить Тургенева, не находившего в то время в стихах поэта-гражданина никаких недостатков. Представление о «какой-то злой сухости» некрасовского поэтического таланта и кислотоватый отзыв о «Поэте и гражданине» объясняют процитированные выше слова о Некрасове в тургеневском письме: «которого ты не любишь». Не остался к ним глух и Герцен; в его письме к Тургеневу от 18 февраля (2 марта) 1857 г. читаем: «Ты напрасно думаешь, что я ненавижу Некрасова, — право, это вздор. В его стихотворениях есть такие превосходные вещи, что не ценить их было бы тупосердие. Но что я нелегко прохожу юридические проделки, вроде скупки векселей Огар^{ева}, и его союза с „плешивой вакханкой“, как ты назвал Мар^{кию} Льв^{овну} — то это у меня такой педантизм, я всё скорее прощаю, нежели такие *обдуман*ные ошибки» (Г, 26, 78).

Как видим, Герцену не раз приходилось предпринимать известные

усилия с тем, чтобы освободить свои оценки поэтического дарования Некрасова от произвольно проникавшего порою в них элемента личного нерасположения к автору.

Глубокая и объективная характеристика лондонским изгнанником творчества Некрасова была дана в его письме к М. Мейзенбуг от 28 мая (9 июня) 1857 г., которое написано под впечатлением знакомства с рукописью ее статьи о русских писателях, подготовленной для публикации в западноевропейской печати. «Почему, — спрашивал Герцен в своем письме, — не сказано ни одного слова о стихотворениях Некрасова, — хотя я его как человека не люблю, но это поэт весьма примечательный — своей демократической и социалистической ненавистью; с другой стороны, поэзия печальная и меланхоличная, в которой переплетаются скептицизм и верное ощущение нашего положения при Николае, нашла своего истинного представителя в Огареве» (Г, 26, 98).

Проходит два года, и в «Колоколе» (1859. 1 июня. Л. 44) появляется герценовская статья «Very dangerous!!!», направленная против «Современника» в целом и Добролюбова в особенности, сосредоточенно борющегося в течение последних двух лет с литературой либерального обличительства. Добролюбов утверждал, что обличение частных злоупотреблений без дискредитации социально-политического строя только отвлекает силы от борьбы с главным злом. Хотя персонально Некрасова герценовская статья и не задевала, но он был также крайне встревожен. Для объяснений с Герценом летом 1859 г. в Лондон от редакции «Современника» отправился Чернышевский. Две его встречи с Герценом к компромиссу не привели. Расхождение между «Колоколом» и «Современником» обнаружилось по целому ряду пунктов. Из выступлений петербургского журнала против либерального обличительства логически вытекало отрицательное отношение к идеализации литературой «лишних людей» и активное неприятие гегемонии дворянской интеллигенции в освободительном движении. В статьях Добролюбова «лишним людям» из дворян противопоставлялась дееспособная разночинская молодежь.

На фоне резко обозначившихся расхождений политического курса «Современника», с одной стороны, и «Колокола» — с другой, несколько неожиданной явилась публикация в герценовской «Полярной звезде» на 1859 г. (кн. 5) поэмы Некрасова «В. Г. Белинский», написанной еще в 1855 г. В этой же книжке «Полярной звезды» была опубликована и глава «Старые письма» из «Былого и дум», в которую вошли отрывки из писем Белинского к Герцену, содержащие вполне положительные упоминания о поэте, например в письме от 19 февраля 1846 г.: «„В дороге“, Некрасова», превосходно, он написал и еще несколько таких же, и напишет их еще больше; но он говорит — это оттого, что он не работает в журнале. Я понимаю это. Отдых и свобода не научат меня стихи писать, но дадут мне возможность так хорошо писать, как мне дано» (Г, 11, 520). Неожиданным было также появление в «Колоколе» 1860 г. (15 янв. Л. 64) некрасовского стихотворения «У парадного крыльца» («Размышления у парадного подъезда») с таким редакционным примечанием: «Мы очень редко помещаем стихи, но такого рода стихотворение нет возможности не поместить» (Г, 14, 373). Созданное в 1858 г., стихотворение это в легальной русской печати не появлялось до 1863 г., и, публикуя его, как и поэму «В. Г. Белинский», Герцен руководствовался, разумеется, не конъюнктурными соображениями, а интересами действенной революционной пропаганды.

Поэтому с большим удивлением встретила передовая Россия ровно через девять месяцев напечатание в «Колоколе» (1860. 15 окт. Л. 83) герценовской статьи «Лишние люди и желчевики». В ней общественно-политические и эстетические расхождения автора статьи с «Современником» достигли своей кульминации. Комментаторы этой статьи в тридцатитомном собрании сочинений Герцена как на ближайший повод для

ее написания указывают на статью Добролюбова «Благонамеренность и деятельность» (Современник. 1860. № 7), забывая при этом, что главной причиной полемического выступления Герцена в «Колоколе» от 15 октября 1860 г. явилась добролюбовская статья «Когда же придет настоящий день?», опубликованная в «Современнике» четырьмя месяцами ранее.

Не скупясь на похвалы по адресу автора, отмечая его «чутье к тончайшим поэтическим оттенкам жизни»,¹¹ Добролюбов шаг за шагом вскрывал и слабые стороны тургеневского романа «Накануне»: традиционность его композиции, сказавшуюся в нем политическую нерешительность автора. Критик «Современника» внушал читателю мысль, что «лишние люди», герои прежних тургеневских произведений (Пасынков, Рудин, Лаврецкий), найдутся в родственных отношениях с главным героем гончаровского «Обломова», праздно существование которого надежно обесценивается крепостническим правопорядком. Поэтому-то быстро угадывающий новые потребности жизни Тургенев в романе «Накануне» решил изобразить «героев дела», Инсарова и Елену. Однако замысел этот не вполне удался автору. Тургенев «вовсе не хотел, да < . . . > и не в состоянии был бы написать героическую эпопею < . . . > из всей Илиады и Одиссеи он присваивает себе только рассказ о пребывании Улисса на острове Калипсы. . .».

Как живому образу, Инсарову не хватает реальной плоти. Живя в Москве, ничего не делая, а лишь готовясь к делу, пребывая, так сказать, вне типических обстоятельств, он не воздействует на нас «с такою силою, чтобы мы < . . . > в гордом одушевлении воскликнули: „идем за тобою!“».¹²

Написанная эзоповским языком, исполненная тонких намеков и недосказанностей, статья Добролюбова настолько не понравилась Тургеневу, прочитавшему ее еще в рукописи, что он обратился к Некрасову с просьбой приостановить ее печатание. Просьба эта не была Некрасовым удовлетворена, и разгневанный Тургенев порвал всякие отношения с «Современником».

Известие о разрыве Тургенева с журналом революционной демократии вскоре дошло и до Герцена, — может быть, даже в искаженном истолковании: Некрасов де пожертвовал Тургеневым, выбирая между ним и Добролюбовым.

В пользу соображения, что при написании «Лишних людей и желчевиков» если не главным, то одним из основных поводов явилась статья Добролюбова о романе «Накануне», можно привести также следующий аргумент: из живых антагонистов Герцена в его статье упомянуты лишь Добролюбов («наш Даниил») и Некрасов («литературный ruffiano» и «барышник»).

При этом в уста «Даниила» Герцен вкладывает следующие слова о «лишних людях»: «. . . я констатирую факт: это были праздные, пустые аристократы, жившие покойно и хорошо, и не вижу причины, почему мне сочувствовать им» (Г, 14, 326).

Полемизирующий с «Даниилом» автор, нарушая логику спора, вдруг заявляет: «Я вам, пожалуй, укажу типы вреднее не только мертвых, но и живых лишних людей» (Г, 14, 327) — и на вопрос «Даниила», какие же типы имеются в виду, отвечает весьма пространно: «. . . мы не привыкли к барышникам, отдающим в рост свои слезы о народном страданье, ни к промышленникам, делающим из сочувствия к пролетарию оброчную статью. < . . . > Поверьте, что гонитель неправды, сзывающий позор и проклятие на современный срам и запустение и в то же время запирающий в свою шкатулку деньги, явно наворованные у друзей своих < . . . > вреднее и заразительнее всех праздных и лишних людей, желчевых и слезливых!» (Г, 14, 327).]

¹¹ Добролюбов Н. А. Собр. соч.: В 9 т. М.; Л., 1963. Т. 6. С. 96.

¹² Там же. С. 119, 123.

В приведенном отрывке Герцен пытался дать гротескный портрет Некрасова, правомерность включения которого в текст статьи была хотя бы в минимальной степени оправдана при условии, если бы Некрасов-поэт выступал где-либо гонителем «лишних людей». Но таких примеров Герцен привести не мог. Более того, и в поэме «Саша», и в стихотворениях, к тому времени опубликованных, «лишний человек» изображался Некрасовым с известным сочувствием, отнюдь не с позиций заведомого непонимания и непримиримой вражды.

Если в статье «Very dangerous!!!» Герцен брал под защиту «лишних людей» от критики «Современника» (одновременно выступая в «Полярной звезде» пропагандистом запретных произведений Некрасова), то в статье «Лишние люди и желчевики» Добролюбов и Некрасов рассматриваются как участники коварного и тщательно продуманного сговора. Логика, которой руководствовался в данном случае Герцен, была следующей. Не как автор, а как редактор «Современника», утратив свою самостоятельность, Некрасов объединился с Добролюбовым, гонителем «лишних людей» вообще и — в особенности — в произведениях Тургенева. Тем самым он дал повод для включения своего имени в статью о «лишних людях». Упоминания о Тургеневе в ней нет, но создавалась она в момент, когда размолвка писателя с «Современником» была у всех на устах. Вызванные этой размолвкой «сотрясения» ощутимы и в статье Герцена, написанной в состоянии полемической экзальтации. Его статья — посильный вклад в борьбу, в стороне от которой он оставаться не мог.

Основной смысл статьи был правильно понят Тургеневым. 12 (24) октября 1860 г. он писал Герцену: «Я понял конец „Желчевиков“ — и сугубо тебе благодарен. Пора этого бесстыдного мазурика (Некрасова. — Ф. П.) — на лобное место. И за нас, лишних, заступился. Спасибо» (Т, Письма, 4, 143).

С своей стороны Герцен 8 (20) ноября 1860 г. спрашивал у П. В. Анненкова: «Читал ли ты „Лишних людей“ в „Кол<о>коле“? Я после разговора с тобой и небольшой статьи этих господ вдруг вздумал анонимный портрет — демократа-поэта поместить под Колокола. Что это произвело за эффект?» (Т, 27₁, 114).

Наш обзор упоминаний имени Некрасова в сочинениях и переписке Герцена следует дополнить двумя анонимными заметками 1866 г.: «Стихи и проза Некрасова» и «Еще о Некрасове», в которых дана недвусмысленно осуждающая оценка стихов поэта, прочитанных им 16 апреля 1866 г. в Английском клубе при официальном чествовании генерала М. Н. Муравьева.

В сочинениях и особенно в переписке Герцена Некрасов неоднократно упоминался и после 1866 г., однако ничего принципиально нового в наши представления о взаимоотношениях двух писателей эти упоминания не вносят.

Если бы отношение Герцена к руководству «Современника» застыло на уровне, обозначенном статьей «Лишние люди и желчевики», то это нанесло бы большой урон развитию русского революционного движения, общественной мысли и литературы. Желание руководителей «Современника» устранить конфликт, возникший между двумя центрами русской освободительной борьбы, проявилось в поездке Чернышевского в Лондон, к Герцену, летом 1859 г. С известным промедлением намерение достигнуть подобного компромисса стало обнаруживаться и в руководстве «Колокола».

Прежде всего следует отметить в этом плане заметку «Кончина Добролюбова» (Колокол. 1861. 15 дек. Л. 116) следующего содержания: «Опять нам приходится занести в нашу хронику раннюю смерть — энергический писатель, неумолимый диалект и один из замечательнейших публицистов русских, Добролюбов, похоронен на днях на Волковом кладбище возле своего великого предшественника Белинского. Говорят, что Добролю-

бову было только 25 лет» (Г, 15, 213). Как дополнение к этой заметке было воспринято читателями «Колокола» и опубликованное в нем двумя месяцами спустя (1862. 15 янв. Л. 119—120) стихотворение М. Л. Михайлова «Памяти Добролюбова».

Эти две публикации мы вправе рассматривать как своеобразную поправку, внесенную Герценом в недавние негативные оценки не только Добролюбова, но и «невских Даниилов» в целом.

Свидетельством совершившегося «перелома» настроений Герцена по отношению к петербургскому революционному «центру» является его письмо к Н. А. Серно-Соловьевичу от 24 июня (6 июля) 1862 г., в значительной своей части продиктованное дошедшими в Лондон слухами о цензурном терроре в России и возможном закрытии «Современника». Герцен писал: «Мы готовы издавать „Современник“ здесь с Чернышевским или в Женеве — печатаем предложение об этом. Как вы думаете?» (Г, 27, 244).

Арест и ссылка Чернышевского произвели в сознании Герцена целый переворот. Он посвящает этому событию буквально десятки выступлений, обвиняя царское правительство и в нарушении правил следствия, и в незаконности приговора; добывается того, что материалы о Чернышевском широко публикуются в западноевропейской печати. Первая волна мировой известности Чернышевского, поднявшаяся вскоре после его ареста, возникла при непосредственном и деятельном участии Герцена.

Итак, предположение Герцена, что, подвергая осмеянию обличительную литературу, можно «досвистаться <...> и до Станислава на шею» (Г, 14, 121), обнаружило свою полную несостоятельность. Зачинщиков нигилистической «заразы» III Отделение разыскивало прежде всего среди «свистунов».

Аресты М. Л. Михайлова, Н. Г. Чернышевского, А. А. Серно-Соловьевича, С. С. Рымаренко, волнения учащейся молодежи Петербурга, Москвы, Казани и других городов продемонстрировали огромные масштабы вдохновленной «Современником» политической борьбы с самодержавием. Подъем освободительного движения в России начала 1860-х гг. оказал решительное воздействие на общественно-политическую позицию Герцена. И если еще в 1860 г. (Колокол. 1860. 1 янв. Л. 60) Герцен возлагал надежды на правительство, призывая его опереться на новую среду, в которой «встречаются атомы всех других слоев, но иначе кристаллизованные, к ней принадлежат дети графов и князей и сын воронежского прасола, в этой среде образование, университеты, вся умственная деятельность, книги, а книги теперь власть» (Г, 14, 219), то в 1864 г. на страницах брюссельской газеты «La Cloche» (15 июня. № 45) в статье «Новая фаза в русской литературе» на эту же тему Герцен излагает следующую, новую точку зрения: «Сын мелкого чиновника, не желающий служить, как Белинский, неверующий сын священника, как Чернышевский, наконец, бедный провинциальный дворянчик, барин-пролетарий, как Гоголь, начинают играть большую роль. Они не представляли собой ни третьего сословия, ни вообще отдельного класса, но живую среду, которая черпала свою силу и снизу и сверху. И чем дальше мы подвигаемся, тем очевиднее, что именно этот неустойчивый слой, занимающий промежуточное положение между растущей бесплодностью верхов и непросвещенной плодотворностью низов, призван спасти цивилизацию для народа. Эти *новые люди* внесли в литературные формы некоторую жесткость, раздражение, нечто резкое, неумолимое: им недостает такта и иногда изящества. Это оскорбляет вкус пуристов, не говоря уже об обидчивости камергеров от литературы» (Г, 18, 217).

Обращает на себя внимание как то, что на этот раз в перечне слагаемых «новой среды» отсутствуют «дети графов и князей», т. е. она становится по сути средой разночинской, так и то, что эта среда вместо *ведомой* правительством делается *ведущей*, призванной «спасти цивилизацию», ввиду «растущей бесплодности верхов». Мысль о том, что разночинцы превра-

щаются в основную силу революционной борьбы в России, с еще большей определенностью была высказана Герценом и в статье «VII лет» (Колокол. 1864. 15 июля. Л. 187).

Характеристика «новых людей» («некоторая жесткость, раздражение, нечто резкое, неумолимое»), как видим, во многом сходна с недавней характеристикой «невских желчевиков». Но если тогда Герцен предрекал последним скорое исчезновение с жизненной арены, то теперь «новым людям» он пророчит долгую жизнь.

Почти полное примирение Герцена с «невскими Даниилами» распространялось, конечно, и на Некрасова, поскольку он был не только редактором «Современника», составной частью которого являлся и «Свисток», но и деятельнейшим участником и вдохновителем последнего. Однако никаких прямых характеристик Некрасова-поэта в позднейших трудах Герцена мы не находим. Ввиду этого немаловажное значение приобретает для нас вступительная статья Н. П. Огарева к сборнику «Русская потаенная литература», увидевшему свет в Лондоне в середине 1861 г., в которой некрасовский «жесткий лиризм» получил следующую историко-литературную оценку: «Боль от гнета чиновничества, которое давит даже само себя, обрекая низменные ступени на нищенство и пролетариат, нашли свой голос в Некрасове. Картина ли родных полей и деревень, роскошь ли столицы, страдание женщины, страдание мелкого чиновника и мужика — у него все облитое одной скорбью, скорбью перед властью чиновника. Если ему случается ненавидеть и презирать самого себя — это в те минуты, когда он в душе своей подмечает движение, унаследованное из мира чиновничьего. С этой точки зрения он любит народ, теснимый чиновником, и все теснящее возбуждает в нем ненависть. Но общество молчит, ненависть бессильна, — и скорбь практической жизни доходит до поэзии мрачной, но искренней и потрясающей. Некрасов естественно возникает вслед за Лермонтовым и Кольцовым; его задача была трудна для поэзии и требовала таланта истинного и сильного, таланта, которого „муза плачущая, скорбящая и болящая, всечасно жаждущая, униженно просящая“ муза „мести и печали“ — никогда не пела над ним сладкогласной песни; его задача была лишена идеала вне общечеловечности, лишена и стремления в неопределенную даль. В его задаче скорбь определялась и вошла в практический мир; это было горе настоящего, горе без исхода, горе о стране, задавленной чиновничеством, горе человека, который отрекся от этого чиновничества, — горе, выстраданное целой жизнью. Его „суровый стих“ полон поэзии сухого горя. Его женский идеал равно не кроткая Татьяна и не сосредоточенная в эгоистической страстности маленькая Нина; его женский идеал не идеал, а бедное дитя нужды, бродящее по городским улицам, не зная, чем поужинать и на что похоронить заморенного ребенка. . .»¹³

Можно не сомневаться в том, что цитируемая статья Огарева была не только прочитана, но и одобрена Герценом. Подчеркнем, что писалась она в момент, когда ни «Коробейники», ни «Мороз, Красный нос», не говоря уже о знаменитой эпопее, еще не были написаны.

Как процитированный нами фрагмент статьи Огарева, так и приведенные ранее отрывочные высказывания на ту же тему Герцена приводят нас к выводу, что «лондонский центр» в общем высоко оценивал поэзию Некрасова, видя в ней закономерный феномен русской демократической поэзии, мощное выражение оппозиционных по отношению к самодержавию общественно-политических сил.

Нам остается остановиться на творческих взаимоотношениях Некрасова и Герцена, которые по вполне объективным причинам имели односторонний характер. Дело в том, что отыскивать следы воздействия Некрасова на творчество молодого Герцена до 1846 г., т. е. до отъезда его за

¹³ Русская потаенная литература XIX столетия. Лондон, 1861. С. 87—88.

границу, вряд ли целесообразно, поскольку в указанный период времени Некрасов не был еще поэтом творчески зрелым. В деятельности же Герцена периода эмиграции художественное творчество занимало второстепенное место.

Более перспективно, как нам кажется, изучение вопроса, как воздействовал Герцен на Некрасова, видевшего в нем старшего собрата по перу, уверенно ставшего на путь писательской деятельности еще в 1830-е гг. и поражавшего друзей и знакомых своей энциклопедической образованностью, широтой исторических и социологических воззрений, проницательностью.

Еще в 1924 г. П. Н. Сакулин отметил в некрасовском стихотворении «Ванька» (написано в 1850 г. и входит в цикл «На улице») реминисценцию из герценовского очерка «Капризы и раздумье» (1846).¹⁴ Наблюдение весьма любопытное: художественная мысль Герцена и Некрасова работала в одном направлении, определявшемся зарождающейся «натуральной школой», — воссоздание «физиологии» большого города. «Когда я хожу по улицам, — писал в названном очерке Герцен, — на меня находит ужас; за каждой стеной виднеются горячие слезы, — слезы, о которых никто не сведает, слезы обманутых надежд, — слезы, с которыми утекают не одни юношеские верования, но все верования человеческие, а иногда и самая жизнь» (Г, 2, 80—81).

Почти такой же поэтический образ рождает и некрасовское стихотворение «Ванька»:

Но оба вы — извозчик-дуралей
И ты, смешно причесанная дама, —
Вы пробуждаете не смех в душе моей —
Мерещится мне всюду драма.¹⁵

Из переписки Некрасова с Тургеневым (см.: Т, Письма, 3, 89) мы узнаем, что, будучи за границей, он читал «Колокол», в котором печатались отрывки из «Былого и дум». Впрочем, редактору «Современника» не так уж трудно было обеспечить себе регулярное знакомство с герценовскими изданиями и в России. Сюжет, на котором мы хотим далее специально остановиться, относится именно к теме «Некрасов и „Колокол“». Речь пойдет о некрасовском стихотворении «Притча», которое по цензурным соображениям в подцензурной печати Некрасов опубликовать не смог. Впервые оно было напечатано в женевском «Общем деле» в 1881 г. (июнь. № 41. С. 7—8). Автограф его до сих пор не разыскан, но копия и первая публикация дают счастливую возможность бесспорно установить место (Карабиха) и дату его написания (20 июля 1870 г.). «Притча» начинается словами:

Прислушайте, братцы! Жил царь в старину,
Он царствовал бодро и смело;
Любя бескорыстно народ и страну,
Задумал он славное дело.

(Н II, 3, 66)

Царь замыслил соорудить новый храм, ибо старый, в котором сберегались духовные ценности государства, безнадежно обветшал. Тщательно обдуманый план величественного здания царь вынес на обсуждение приближенных. Сперва этот план встречают пышными хвалами, но затем староверы из царской свиты пытаются его опорочить. Царь решительно пресекает происки ретроградов и делает свой проект достоянием всей страны. В столицу стекаются толпы тружеников, готовых ничего не по-

¹⁴ Сакулин П. Н. Русская литература и социализм. М., 1924. С. 137.

¹⁵ Некрасов Н. А. Полн. собр. соч. и писем: В 15 т. Художественные произведения. Т. 1—10. Л., 1981. Т. 1. С. 79. Далее на протяжении всего сборника ссылки на это издание (Л., 1981—1985. Т. 1—10) даются в тексте сокращенно: Н II, том, страница (арабскими цифрами).

жалеть ради исполнения царского плана. Расположившиеся вокруг храма толпы «с запасом рабочих орудий» ждут мановения руки просвещенного монарха, но... безрезультатно:

Увы! не дождутся они ничего!
Пришельцы царю полюбились.
Но их испугались вельможи его
И в ноги царю повалились. . .

(Н II, 3, 68)

Не об интересах общего дела, а о собственных целях думали вельможи, и поэтому они внушили царю мысль, что пришельцы явились не с добрыми пожеланиями, а с намерением погубить страну.

И вышел указ. . . И за дело тогда
Взялись празднoлюбцы и воры. . .
А люди, сгоравшие жаждой труда
И рвением, сдвигающим горы, —

(Н II, 3, 68)

были оставлены на произвол судьбы. Из них целая треть не вернулась домой; иные умирали в пути, иные вынуждены были нищенствовать:

Иные скитались по чуждым странам,
Иные в столицах остались. . .

(Н II, 3, 69)

Именно против последних, подвергавших критике и насмешкам сооружение храма по старозаветным шаблонам, и был направлен царский указ, воспрещавший «смутьянам» любое вмешательство в ход строительных работ:

Указ роковой написали, прочли,
И царь утвердил его тут же,
Забыв поговорку своей же земли,
Что «ум хорошо, а два лучше»!

(Н II, 3, 69)

Здесь наступает переломный момент в развитии повествования, появляется новое действующее лицо, которое станет центральным персонажем «Притчи»:

Но смело нарушил жестокий закон
Один гражданин именитый,
Служил бескорыстно отечеству он
И был уже старец маститый.

Измлада он жизни умел не жалеть,
Не знал за собой укоризны
И детям внушал, что честней умереть,
Чем видеть бесславье отчизны;

По мужеству воин, по жизни монах
И сеятель правды суровой,
О «новом вине и о старых мехах»
Напомнив библейское слово,

Он истину резко раскрыл пред царем,
Но слуги царя не дремали,
Успев овладеть уже царским умом,
Улик они много собрали:

Отчизны врагом оказался старик —
Чужда ему преданность, вера!
И царь, пораженный избытком улик,
Казнил старика для примера!

(Н, II, 3, 70)

В статье «Образ революционного демократа в поэзии Некрасова» В. Е. Евгеньев-Максимов, воспроизведя эти кульминационные строфы некрасовской «Притчи», писал: «Излишне доказывать, что в приведенных строках содержится превосходная характеристика личности Чернышевского». ¹⁶ Но зачем потребовалось Некрасову превращать тридцатичетырехлетнего Чернышевского в «старца маститого»? Предвидя подобного рода упрек, исследователь, несколько не смущаясь, отвечал: «... для устранения подозрения (цензуры. — Ф. П.), что в рассмотренном отрывке он изобразил Чернышевского». ¹⁷ Но наиболее уязвимое место гипотезы В. Е. Евгеньева-Максимова состояло в том, что она превращала Чернышевского в деятеля, искренне поверившего в «бескорыстную любовь царя к народу». Однако исследователям Чернышевского известна лишь одна его статья «О новых условиях сельского быта» (1858), в которой он из тактических соображений делал вид, что разделяет царистские иллюзии. И статья эта никак не может поколебать нашего представления о Чернышевском как о последовательном революционере. Крайне наивным кажется нам и последний аргумент В. Е. Евгеньева-Максимова: «... о переходе Чернышевского на революционные позиции в „Притче“ не сказано ни слова», ¹⁸ потому что Некрасов опасался, как бы на томившегося в виллюйской ссылке Чернышевского самодержавие не обрушило дополнительные карательные меры.

Нет, гипотеза В. Е. Евгеньева-Максимова несколько не способствует объяснению смысла некрасовской притчи, поскольку действительным прототипом «гражданина именитого» был не Чернышевский, а Герцен.

Заслуживает внимания тот факт, что Герцен в «Колоколе» 1861 г. (15 апр. Л. 96) опубликовал статью, озаглавленную «Новые меха для нового вина», ¹⁹ в которой читаем: «Носятся слухи о перемене некоторых министров и о замещении их людьми свежими. Это так естественно после манифеста, так необходимо, что мы верим. Нельзя же оставить оппозиционных министров вроде Муравьева, оппозиционных жандармов вроде Долгорукова, — по правде сказать, III Отделения вообще нельзя оставить. Пора, пора идти открытой дорогой; гласностью заменить тайную полицию, а Тимашева и заменять не нужно» (Г, 15, 71).

Таким образом, мы имеем право сказать, что именно Герцен напоминал правительству евангельское слово о «новых мехах для нового вина». Смысл, который он вкладывал в эти слова, заключался в том, что радикальные государственные реформы можно осуществить только при помощи обновленного и надежного государственного аппарата. Заметим, кстати, что Некрасов в своей «Притче» не счел нужным пояснить, что имел в виду его «гражданин именитый», цитируя эти евангельские слова. Не счел нужным потому, что это было ясно из писем Герцена к Александру II, к членам царствующей фамилии, из его обращений к правительству в «Колоколе». Вот, например, письмо Герцена к великому князю Константину Николаевичу в «Колоколе» за 1861 г.: «Окружите себя свежими, живыми людьми, не рутинистами, не доктринерами, а людьми понимающими, любящими Россию...» (Г, 15, 53).

Но Герцен ведь не был казнен царем подобно герою некрасовской «Притчи». На этом основании возможно возражение против уподобления Герцена «гражданину именитому». Но чем же, спросим мы, лучше в таком отношении «кандидатура» Чернышевского? Прототип не всегда абсолютно сходен с литературным образом. К тому же в 1861 г. Герценом было получено два анонимных письма о том, что в III Отделении разрабатывается план его убийства. В связи с этим он, как известно, обратился с пись-

¹⁶ Некрасовский сб. М.; Л., 1956. Вып. 2. С. 80.

¹⁷ Там же. С. 80.

¹⁸ Там же. С. 81.

¹⁹ Название статьи навеяно евангельским мотивом (см.: Евангелие от Марка. Гл. 2, ст. 22; Евангелие от Матфея. Гл. 9, ст. 17).

мом к русскому послу в Лондоне (Г, 15, 154—156) и «передал смеху всей Европы ноздревскую родомонтаду III Отделения и его угрозы» (Г, 15, 181—182).

В одном из авторитетных изданий сочинений поэта в комментарии (автор — А. Б. Муратов) к «Притче» сказано: «Стихотворение характеризует отношение Некрасова к реформам Александра II и отражает либеральные колебания поэта в те годы».²⁰ В какие годы? В годы написания «Кому на Руси жить хорошо» и «Современников»? Нет, в 1870-е гг. Некрасов никаких колебаний не знал. Некоторые основания для такого комментария давала лишь цитированная выше статья В. Е. Евгеньева-Максимова. Но комментарий видного некрасововеда к «Притче» критики не выдерживает, она давно нуждается в новом истолковании. Правда, казалось бы, заслуживает известного упрёка противоречивая трактовка Некрасовым образа царя. Фигура эта, особенно в финале, представляется, на первый взгляд, явно не выдержанной: «Казнил старика для примера»; «Строителям роздал награды»; «О плане великом своем тосковал». Но просыпающаяся в конце человечность царя не является ли уступкой цензуре? И к тому же разве искренность его чувств не вызывает сомнений? «Притча» — одно из необыкновенно смелых стихотворений поэта. Основная сила авторского негодования обрушивается в нем на жестоких и хищных, безразличных к национальному благу вельмож, послушным орудием которых выступает царь. Он и лицемер и тиран одновременно. Слова о «несказанной доброте» этого манекена двусмысленны и, скорее всего, ироничны.

Некрасов прибегает к поэтике книг для народного чтения. Отсюда жанр произведения — полупритча, полусказка; простонародная лексика («Прислушайте, братцы!» и др.). Отметим, кроме того, что адресована «Притча» не просто читателю из народа, а пребывающему в плену религиозных предрассудков и царистских иллюзий читателю. Отсюда ориентация на репертуар евангельских проповедей и уподобление главного положительного героя монаху. Некрасовская «Притча» направлена на разоблачение предрассудков патриархального крестьянства. Что же касается царистских и либеральных иллюзий самого Некрасова, то в «Притче» их нет. Автор не объединяет себя всецело с «гражданином именитым», но глубокое уважение к нему не вызывает никаких сомнений («Служил бескорыстно отечеству он»; он «сеятель правды суровой»).

Есть основание полагать, что «Притча» явилась откликом на кончину Герцена 9 (21) января 1870 г.; автор как бы подвел в ней итог весьма неровной и напряженной истории своих взаимоотношений со знаменитым лондонским изгнанником. Подвергая их анализу, поэт сумел отделить в них личное от исторически значимого, случайное от существенного. Оценивая прошедшее с исторической дистанции, Некрасов увидел не Герцена, проявлявшего в его полемике с «Современником» рецидивы дворянской революционности, а Герцена 1860-х гг., который «безбоязненно встал на сторону революционной демократии против либерализма».²¹

Некрасовская «Притча» бросает свет также и на творческую историю стихотворения, которое в двенадцатитомном Полном собрании сочинений и писем Н. А. Некрасова публикуется в разделе произведений 1861 г. под названием «Тургеневу», а в последнем, академическом, издании — с датой: «1861—1877» под названием «Т<ургене>ву». Читатель узнал о нем впервые из статьи В. Е. Евгеньева-Максимова, опубликовавшего автограф, в котором имя Тургенева никак не было обозначено.²² Укажем, кстати, что в этом автографе над текстом — авторская дата: «1861. 14 июля. Грешнево».

²⁰ Некрасов Н. А. Полн. собр. стихотворений: В 3 т. 2-е изд. Л., 1967. Т. 2. С. 694 (Б-на поэта. Большая сер.).

²¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 21. С. 261.

²² См.: Евгеньев-Максимов В. Е. Н. А. Некрасов и А. И. Герцен // Заветы. 1913. № 12. С. 30—50.

Кроме автографа, опубликованного В. Е. Евгеньевым-Максимовым (первоначальная редакция) (он хранится в Гос. библиотеке СССР им. В. И. Ленина (ГБЛ)), существует еще один автограф стихотворения в той же редакции (ныне хранится в Рукописном отделе Института русской литературы АН СССР (ИРЛИ)), но с перечеркнутым начальным восьмистишием (строки 9—16) и надписью над текстом: «Начало на лоскутке [Вспомнил и записал 11 января]». «Лоскуток» этот (лист почтовой бумаги) уцелел. На нем — 16 строк (строки 1—20, без строк 9—12) начала стихотворения, заглавие («Т<ургене>ву») и пояснение Некрасова: «(Писано собственно в [1860] 1861 году, к которому и относится, когда разнесся слух, что Тургенев написал „Отцов и детей“ и вывел там Добролюбова. Теперь я только поправил начало)». Заметим тут же, что «лоскуток» однозначно датируется специалистами 1877 г.

Анализируя автограф ГБЛ, В. Е. Евгеньев-Максимов еще в 1913 г. приходил к выводу, что стихотворение было обращено к Герцену. Вывод вполне естественный, если учесть, что в нем никаких упоминаний Тургенева (ни в заглавии, ни в тексте) не было и что начиналось оно строфой:

Ты, как поденщик, выходил
До солнца на работу,
В глаза ты правду говорил
Могучему деспоту.

Подобная характеристика приложима к Герцену, но не к Тургеневу. Ни «Записки охотника», ни «Муму», которые упоминались в возникших по этому вопросу спорах, правдой, произносимой царю в глаза, не являлись. Речь здесь идет о правде публициста, каким был Герцен, о его обращениях к императору (прямых и косвенных): «Разумеется, моя хоругвь — не ваша, я неисправимый социалист, вы самодержавный император < . . . >. Дайте землю крестьянам. < . . . > Торопитесь! Спасите крестьянина от будущих злодейств, спасите его от крови, которую он должен будет пролить. . .» («Письмо к императору Александру Второму», 1855 — Г, 12, 273—274); «Вот когда бы Александр Николаевич, одним добрым утром услышав из окна национальный крик нарастаев и в нос — „Половые щетки продать!“ — купил бы себе две-три да и вымел бы Зимний дворец щетки от николаевского сора < . . . > тогда, может, и мы принялись бы умиляться и хвалить» (статья «От издателя» в сборнике «Голоса из России» (ч. 3), 1857 — Г, 12, 446—447); «Государь, у вас человеческое сердце, скажите, положивши руку на грудь, — можно ли это вынести на той степени образования, на которой стояли Пестели, Бестужевы, Муравьевы? Ну как же их осуждать за то, что они хотели лучше погибнуть, нежели быть страдательными свидетелями этого повсюдного, ежечасного злодейства?» («Письмо к императору Александру II (по поводу книги барона Корфа)», 1857 — Г, 13, 40); «Причина очевидна, мы ее скажем прямо и мужественно: Александр II не оправдал надежд, которые Россия имела при его воцарении. < . . . > Может, еще есть время. . . но его мчат дворцовые кучера, пользуясь тем, что он дороги не знает» (статья «1 июля 1858», 1858 — Г, 13, 293); «Чего же испугался государь? — А чего бояться люди на кладбище?. В том-то и состоит несовершеннолетие людское, что оно боится вздора и не видит действительной опасности, что оно опирается на гнилое дерево возле свежего. Стремясь за фантазиями, оно упускает из рук реальное; боясь призраков в яковинской шапке — гладит шакалов в генеральских эполетах; боясь демократической странички в журналах — не боится олигархических грамот в бархатной книге» (статья «1860 год», 1860 — Г, 14, 217).

В своих многочисленных письмах к царю и еще более многочисленных статьях «Колокола» Герцен напрямую и в совершенно свободном тоне говорил с ним.

Таким образом, опубликованное В. Е. Евгеньевым-Максимовым в 1913 г. стихотворение «Ты, как поденщик, выходил. . .» первоначально

было адресовано Герцену. Однако с публикацией его Некрасов не спешил, и не только ввиду антицензурности написанного. «Петербургский центр», как известно, нисколько не был заинтересован в раздувании своего конфликта с Герценом. Тем более неуместной была подобная публикация впоследствии, когда Герцен решительно изменил свою позицию по отношению к «желчевикам». На затерявшийся в груде не пошедших в дело бумаг автограф Некрасов обратил внимание незадолго до смерти, в 1877 г. Обратил внимание и решил переадресовать его Тургеневу. Для такой переадресовки у поэта было достаточно оснований. Дело в том, что в стихотворении есть еще герой — Добролюбов, по отношению к которому в 1860 г. и Герцен, и Тургенев были антагонистами. Некрасову достаточно было приписать начало и внести мелкие поправки в остальную часть пьесы, и перестройка была завершена. Сделанное автором позднее указание, будто стихотворение было написано под воздействием слухов, что Тургенев вывел в «Отцах и детях» Добролюбова, не соответствует действительности, это, как подозревал еще в 1938 г. В. Е. Евгеньев-Максимов, маленькая мистификация. «Откуда Некрасов, — спрашивал ученый, — летом 1861 г., сидя в Грешневе, мог узнать о содержании романа „Отцы и дети“, законченного лишь в конце июля 1861 г., а появившегося в печати только в 1862 г. («Русский вестник»)»?²³ Действительным поводом для написания стихотворения в первоначальной его редакции послужила герценовская статья «Лишние люди и желчевики», главной же причиной переадресовки стихотворения — возникшая у поэта новая оценка Герцена, о чем говорилось выше. Он был сопричислен Некрасовым к триумvirату великих имен — Белинскому, Добролюбову, Чернышевскому.

В новой редакции стихотворения первые девять строф (основной его корпус) обращены к Тургеневу («Ты маску дерзостно срывал с глупца и негодяя», ты вел трудную и честную борьбу, но, когда «луч едва блеснул Сомнительного света», ты задул свой факел в ожидании рассвета, стал охранять спокойствие невежды, и, более того, ты, как гласит молва, на «идущих до конца Походы замышляешь»).

Последние три строфы стихотворения — это портрет Добролюбова и одновременно гимн в его честь. Ради Добролюбова создавалось, собственно, все произведение. Удивительно, что подавляющее большинство некрасововедов еще и до сих пор продолжает отыскивать в этом портрете черты Герцена или Тургенева.

О том, что в заключительной части стихотворения Некрасов говорит о Добролюбове, писал в 1961 г. В. А. Архипов,²⁴ в 1963 г. эту же мысль аргументировал автор этих строк.²⁵ Напомним также то, что писал об этих строфах стихотворения А. М. Гаркави: «Мы < . . . > считаем, что эти строфы лишь косвенно относятся к адресату предыдущей части стихотворения. В них Некрасов, далеко отойдя от прототипа, нарисовал обобщенный образ идеального политического деятеля, прокламировал, каким должен быть адресат, да и не только адресат, но и всякий истинный гражданин. Примечательно, что человек, о котором говорится в концовке, явно отличается от „героя“ предыдущей части стихотворения».²⁶

В стихотворении бывшему бойцу, ныне сошедшему с пути борьбы и охраняющему «спокойствие невежды», противопоставлен боец молодой, «идущий до конца». И если первого характеризуют слова:

Ты глхнешь год от года
И к свисту буйного бпца,
И к ропоту народа,

(И II, 3, 189)

²³ Евгеньев-Максимов В. Е. Некрасов в кругу современников. С. 118.

²⁴ См.: Архипов В. А. Поэзия труда и борьбы. Ярославль, 1961. С. 196.

²⁵ См.: Прийма Ф. Я. Н. А. Добролюбов и русское освободительное движение // Рус. лит. 1963. № 4. С. 73.

²⁶ Гаркави А. М. Тургеневу или Герцену? // О Некрасове: Ст. п материалы. Ярославль. 1975. Вып. 4. С. 140.

то второй удостаивается диаметрально противоположной характеристики:

Непримиримый враг цепей
И верный друг народа!

(Н II, 3, 190)

Конечно, если бы Некрасов, описывая бывшего бойца, высказал надежду, что тот со временем станет «непримиримым врагом цепей», то в таком случае можно было бы говорить, что эти противоположные качества совместимы в одном лице, но ведь никакого намека на подобного рода «перевроплощение» в стихотворении нет. Носителями противостоящих качеств выступают противопоставленные друг другу лица.

Итак, по нашему твердому убеждению, три заключительные строфы обращены к самому выдающемуся представителю «идущих до конца» — Добролюбову. Иная точка зрения высказана Н. Н. Скатовым. Приведя ряд лестных отзывов Некрасова о Тургеневе, относящихся к 1850-м гг., исследователь заключает: «Ясно, что так думавший, чувствовавший и писавший поэт только к Тургеневу и мог обратиться со стихами:

Кому назначено орлом
Парить над русским миром,
Быть русских юношей вождем
И русских дев кумиром. . .»²⁷

(Н II, 3, 190)

При этом ученый забывает о том, что примерно с начала 1860 г., т. е. за год до написания интересующего нас стихотворения, адресованного первоначально Герцену, отношения Некрасова и Тургенева резко ухудшаются, что было вызвано появлением в мартовском номере «Современника» статьи Добролюбова о романе Тургенева «Накануне». К тому же Некрасов, как мы помним, дал понять, что его стихотворение написано с целью защитить Добролюбова от несправедливых нападок. Возникает вопрос: если последние 12 строк стихотворения характеризуют Тургенева, то что же произошло с намерением Некрасова защитить Добролюбова? Этот замысел в таком случае оказался бы сведенным к констатации факта, что Тургенев замышляет походы против идущих до конца.

К сказанному выше добавим еще один аргумент в пользу мысли о том, что заключительные строфы стихотворения — это гимн в честь Добролюбова.

В словах:

Непримиримый враг цепей
И верный друг народа!
До дна святую чашу пей —
На дне ее — свобода! —

(Н II, 3, 190)

логично видеть реминисценцию из стихотворения Добролюбова «Еще работы в жизни много» (1861):

Но знаю я, — дорога наша
Уж пилигримов новых ждет,
И не минет святая чаша
Всех, кто ее не оттолкнет.²⁸

Под воздействием стихотворений самого Добролюбова, с которыми Некрасовзнакомился едва ли не в момент их рождения, под впечатлением бесед с критиком-революционером писал Некрасов эти строки своего «гимна». Поэт как бы подхватывает употребленный Добролюбовым образ

²⁷ См.: Скатов Н. Н. Некрасов и И. С. Тургенев // Страницы истории русской литературы. М., 1971. С. 381.

²⁸ Добролюбов Н. А. Собр. соч.: В 9 т. М.; Л., 1964. Т. 8. С. 79.

дороги, по которой шла и на которую звала молодую Россию революционная демократия.

И журнальная полемика Герцена с Добролюбовым и Некрасовым 1859—1860 гг., и последовавшая сразу же за нею полемика с Добролюбовым Тургенева являлись закономерными явлениями общественно-литературной борьбы эпохи и поэтому, даже будучи отодвинутыми в прошлое и утратив свою злободневность, продолжали приковывать к себе внимание Некрасова в 1870-х гг., послужив стимулом для создания одного из выдающихся его поэтических произведений. Его непреходящая ценность состоит в том, что различные его грани — личное и общественное, обыденное и типическое, литературное и политическое, фактографическое и возвышенно-поэтическое — выступают в нем в нерасторжимом единстве.

Б. В. Мельгунов

НЕКРАСОВ — УЧАСТНИК ПУБЛИЦИСТИЧЕСКОГО ОТДЕЛА
«СОВРЕМЕННОГО»

Трудами библиографов, исследователей — современников Некрасова (В. П. Горленко, С. И. Пономарев, А. Н. Пыпин), опирающихся на указания самого поэта и его сотрудников, усилиями советских ученых (В. Е. Евгеньев-Максимов, Д. С. Лихачев, А. Я. Максимович, М. М. Гин, Б. Я. Бухштаб, А. М. Гаркави, Т. С. Царькова и др.) собрана значительная часть публицистического наследия Некрасова первой половины 1840-х гг. Скромнее успехи исследователей, изучающих публицистическое наследие Некрасова эпохи «Современника» (1847—1866), об объеме которого можно составить представление на основании собственных слов Некрасова, обращенных к М. Е. Салтыкову-Щедрину в 1869 г.: «. . . вся, так сказать, черновая работа по журналу: чтение и исправление рукописей, а также и добывание их, чтение корректур, объяснение с цензорами, восстановление смысла и связи в статьях < . . . > после их карандашей лежали на мне, да я еще писал рецензии и фельетоны. . .» (Н I, 11, 133—134).

В библиографическом списке произведений поэта, не вошедших в посмертное издание его стихотворений, С. И. Пономарев из публицистических произведений смог указать лишь на фельетоны Некрасова в № 6 «Свистка» (Современник. 1860. № 12) и две статьи: «Посмертные стихотворения Н. А. Добролюбова» (текст выступления поэта на вечере памяти Добролюбова — Современник. 1862. № 1) и «А. В. Дружинин» (некролог — Современник. 1864. № 1).¹

«Библиография и хронология сочинений Некрасова» В. Дерновой,² подводящая итоги разысканиям дореволюционных исследователей, содержала всего два дополнения к списку публицистических материалов Некрасова: «Петербургские известия» (Современник. 1855. № 10) и включенный в «Заметки Нового поэта» адрес старшинам Английского клуба (Современник. 1860. № 5). Существенное пополнение корпуса критико-публицистических материалов Некрасова первой половины 1840-х гг. зафиксировано в работе Н. Выводцева «Некрасов — критик и рецензент».³

Наиболее интенсивно участие Некрасова в публицистическом отделе «Современника» исследовалось в период подготовки и издания двенадцатитомного «Полного собрания сочинений и писем» Некрасова. Настойчивыми были поиски В. Е. Евгеньева-Максимова, А. Я. Максимовича, Б. Я. Бухштаба, М. М. Гина, Н. В. Драгомирецкой, И. Я. Айзенштока, Э. Э. Найдича. В целом же современниковская часть публицистики Некрасова, помещенная в т. 9 и 12 указанного издания, очень невелика и составляет, по-видимому, лишь небольшую часть статей и фельетонов Некрасова, напечатанных в этом журнале. Помимо восьми фельетонов и заметок из «Свистка» (1860—1861) здесь помещено пять статей: «Современные заметки» (1847. № 7); «Журналистика» (1849. № 9); «Петербургские

¹ См.: Некрасов Н. А. Стихотворения. СПб., 1879. Т. 4. С. CXLVIII.

² См.: Некрасовский сб. Пг., 1918. С. 174—239. Эта работа весьма несовершенна, грешит многими ошибками и неточностями.

³ См.: Некрасов Н. А. Собр. соч. М.; Л., 1930. Т. 3. С. 351—372.

известия» (отрывок) (1855. № 10); «Письмо петербургских литераторов к М. С. Щепкину» (1855. № 12); «Обед Н. И. Пирогову» (1858. № 10).

С нашей точки зрения, в двенадцатитомном «Полном собрании сочинений и писем» имело место смешение жанров, непоследовательность и неточность в жанровом разделении материалов. Так, в т. 9 «Заметки о журналах» 1855—1856 гг. отнесены к отделу критики, хотя и выделены в заголовке этого отдела как бы в особый промежуточный жанр: «Литературная критика. Библиография. „Заметки о журналах“». Указанные фельетоны, действительно, могут служить образцом не только публицистической, но и критической мысли Некрасова. Но все-таки прежде всего это публицистические произведения. Они пришли на смену «Заметкам и размышлениям Нового поэта о русской журналистике» и печатались в отделе «Смесь», ни в коей мере не подменяя, однако, отделы критики и библиографии.

Помещенные в отделе критики т. 9 этого издания текст публичного выступления Некрасова «Посмертные стихотворения Н. А. Добролюбова» и некрологическая статья «А. В. Дружинин» также, на наш взгляд, относятся к комплексу публицистических произведений Некрасова.

Изучение участия Некрасова в публицистическом отделе «Современника» продолжалось и после издания двенадцатитомного «Полного собрания сочинений и писем». А. Ф. Крошкин установил принадлежность Некрасову одного из первых фельетонов Нового поэта (Современник. 1847. № 11).⁴ Много сделал для выявления некрасовских материалов в «Современнике» В. Э. Боград. В числе его почти всегда бесспорных атрибуций — установление принадлежности Некрасову двух публицистических материалов: «Моды» (1847. № 7) и «Всего понемногу» (1850. № 2) (часть заметок).⁵ М. М. Гин атрибутировал Некрасову (на основании свидетельства П. А. Плетнева) часть фельетона «Заметки и размышления Нового поэта по поводу русской журналистики. Апрель 1852».⁶

Работа по выявлению некрасовских фельетонов еще далека от завершения. Трудности атрибуции *журнальных* материалов зачастую более серьезны, чем те, с которыми встречаются исследователи, атрибутирующие, положим, материалы «Литературной газеты» первой половины 1840-х гг. Ведь исследователь журнала должен иметь в виду значительно большее количество литераторов — возможных авторов той или иной анонимной статьи.

В 1840—первой половине 1850-х гг., до прихода Чернышевского и Добролюбова и стабилизации основного состава редакции журнала, фельетонные обозрения составлялись помимо самого Некрасова А. В. Дружининым, И. И. Панаевым, Н. А. Мельгуновым, П. В. Анненковым, Р. Р. Штрандманом, М. Л. Михайловым и многими другими установленными и не установленными авторами.

Еще одна трудность атрибуции публицистических материалов «Современника» состоит в том, что фельетонные обозрения, помещавшиеся в отделе «Смесь» под традиционными названиями «Журналистика», «Петербургская жизнь», «Современные заметки», «Заметки о журналах» и т. д., составлялись зачастую из статей и заметок разных авторов — поставщиков материалов по различным областям культуры, науки, общественно-литературной жизни. Эти статьи и заметки печатались, как правило, в подбор, а их темы перечислялись, по журнальной традиции того вре-

⁴ См.: Крошкин А. Ф. Неизвестный фельетон Н. А. Некрасова «Теория бильярдной игры» и «Новый поэт» // Изв. АН СССР. Отд-ние лит. и яз. 1957. Т. 16, вып. 1. С. 60—66.

⁵ См.: Боград В. Журнал «Современник». 1847—1866: Указ. содержания. М.; Л., 1959. С. 71 и 483, 141 и 501—502. Далее (в наст. статье и статье Н. Н. Мостовской — с. 54—68): Боград.

⁶ См.: Гин М. От факта к образу и сюжету: О поэзии Н. А. Некрасова. М., 1971. С. 173—175, 288.

мени, под общим заглавием фельетона. Трудно надеяться в обозримом будущем установить авторскую принадлежность каждой из частей этих фельетонов.

В свое время А. Н. Пыпин указал, к какому типу журнальных материалов следует относиться с особенным вниманием, когда речь идет об установлении авторства или соавторства Некрасова. Констатируя скудость сведений о критико-публицистической деятельности Некрасова в «Современнике», он писал: «Предоставим дальнейшим разысканиям определить другие рецензии, заметки и т. д., которые могли принадлежать Некрасову в старом „Современнике“. Несомненно, что таковые были < . . . > в журнальных заметках бывали вставлены стихотворения Некрасова; могли здесь принадлежать ему какие-либо части самого текста; ему принадлежали, сплошная или частично, тогдашние полемические статьи против „Отечественных записок“».⁷

Указанный Пыпиным тип материалов — статьи *коллективного* характера. Некоторые из них к настоящему времени уже выявлены. Так, в отделе «Объявления журнала „Современник“» последнего тома «Полного собрания сочинений и писем» Некрасова в двенадцати томах помещены три статьи, которые следует отнести к *коллективным публицистическим выступлениям* Некрасова и его товарищей по редакции журнала: «От редакции „Современника“» (1850. № 11); «Четыре страницы по поводу тридцати четырех страниц, напечатанных в 12 № „Отечественных записок“» (1850. № 12); «Несколько замечаний на последние выходы „Отечественных записок“ против „Современника“» (1854. № 12).

Разумеется, участие Некрасова в *редакционных полемических выступлениях* «Современника» не исчерпывается этими тремя статьями. Сплошной просмотр публицистического отдела («Смесь») журнала позволяет выявить ряд других материалов, редакционный характер которых не столь очевиден. Как правило, это небольшие анонимные статьи, фельетоны, заметки, входящие в состав журнальных обзоров — без названий или с названиями, вынесенными под общее заглавие обзора. Полемически эти редакционные материалы, конечно, не всегда направлены против «Отечественных записок». Объектом полемических выступлений Некрасова-редактора и его сотрудников бывали и другие периодические издания, и отдельные авторы.

Круг редакционных материалов, к составлению которых имел прямое отношение Некрасов, естественно, не ограничивается полемическими статьями. В него следует включить и некоторые редакционные информации,⁸ а также несколько *редакционных некрологических заметок*, которые вместе с названными выше некрасовскими статьями о Добролюбове и Дружинине могут составить особый раздел его публицистики.

Предположение А. Н. Пыпина о принадлежности Некрасову «каких-либо частей самого текста» статей, включающих стихи руководителя «Современника», особенно плодотворно. Развивая мысль ученого, можно добавить, что эвристически перспективным пластом публицистики «Совре-

⁷ Пыпин А. Н. Н. А. Некрасов. СПб., 1905. С. 243.

⁸ Особую группу *редакционных* (а значит, написанных либо самим Некрасовым, либо при его непосредственном участии) заметок, помещавшихся, как правило, в конце фельетона (отдел «Смесь»), составляют оперативные информации, примыкающие по жанру и назначению к корпусу редакционных объявлений и зачастую их дополняющие, корректирующие. Относящиеся к ним названия, указанные вслед за заглавием фельетона, также были традиционны: «От редакции», «Литературная новость», «Заметка», «К читателям „Современника“» и т. д. Особенно часто такого рода заметки встречаются в «Современнике» 1840—первой половины 1850-х гг. Порою это были заметки-аннотации к книгам сотрудников «Современника», издававшимся редакцией журнала. Регулярное оповещение подписчиков о своих изданиях (краткое или подробное, в зависимости от обстоятельств) было традицией редакции «Современника». По объему и содержанию эти заметки нередко приближаются к краткой рецензии. Они должны быть собраны и помещены в выходящем сейчас академическом издании сочинений и писем Некрасова в томе *редакционно-издательских* материалов.

менника» для некрасоведов являются фельетоны Нового поэта, под маской которого, как известно,⁹ выступали Панаев и Некрасов.¹⁰

Изучая вопрос о личных и творческих отношениях Некрасова и Панаева до их сотрудничества в «Современнике», об их *совместной* работе по созданию журнального образа Нового поэта и об основных принципах их *соавторства*, мы пришли к выводу, что Некрасов не был простым стихотворным иллюстратором панаевских фельетонов Нового поэта; более того, наличие некрасовских стихов в составе фельетонов Нового поэта — верный признак участия Некрасова в работе над *все*м фельетоном. Некрасов, таким образом, мог быть как автором отдельных главок, так и единоличным автором некоторых фельетонов Нового поэта.¹¹

Подчеркнем, что стихотворное участие Некрасова в фельетонах и других публицистических материалах «Современника» не ограничивается статьями Нового поэта. Поэтому, исследуя вопрос о степени участия руководителя «Современника» в его публицистическом отделе, следует, безусловно, рассмотреть *все* статьи, органически включающие стихи Некрасова.

В специальном изучении нуждаются и фельетоны Нового поэта, защищавшие произведения Некрасова от нападок других журналов. Ведь известно, что сам поэт иногда отвечал на недоброжелательную критику в собственных неподписанных статьях. Возникает вопрос: не следует ли считать Некрасова наиболее вероятным автором статей, написанных с целью отразить нападки на него самого?¹²

Итак, предметом нашего внимания в настоящей статье будут, во-первых, статьи и заметки, написанные от лица редакции; во-вторых, статьи, органически включающие стихотворения Некрасова, и, в-третьих, статьи, содержащие полемические отклики на критику некрасовских произведений.

Принадлежность Некрасову (или Некрасову и Панаеву) некоторых анализируемых ниже материалов, с нашей точки зрения, столь очевидна, что для атрибуции достаточно указать на статью или заметку, приведя ее текст или изложив содержание. Другие статьи требуют более глубокого атрибутивного анализа.

1

Рассмотрим группу произведений, имеющих ярко выраженный *редакционный* характер и дающих прежде всего отчетливое представление о позиции самого Некрасова.

О первой статье такого рода мы узнаем из письма Некрасова от 8 декабря 1847 г. к официальному редактору «Современника» А. В. Никитенко, который в своем неизвестном нам письме упрекал Некрасова за публикацию в декабрьском номере журнала статьи, содержавшей выпады против А. А. Краевского и его «Отечественных записок».

В ответ на доводы Никитенко Некрасов обращает его внимание на обстоятельства, которые тот упустил из виду:

«1-е) Не *мы* начали, а Краевский. Уже четвертый месяц по всей России рассылается его объявление, наполненное самыми грубыми выходками и *клеветами* на нас.

⁹ См.: Ямпольский И. Литературная деятельность И. И. Панаева // Панаев И. И. Литературные воспоминания. [М.], 1950. С. V—LV; Бухштаб Б. Я. Некрасов в стихах «Нового поэта» // Некрасовский сб. М.; Л., 1956. Вып. 2. С. 434—444.

¹⁰ Маской Нового поэта пользовались и М. Н. Лонгинов (см. его рецензию: Современник. 1851. № 3. Отд. V. С. 12—18; ср.: Боград. С. 168, 497), и, возможно, даже Белинский. В последние годы жизни Панаева, когда фельетоны Нового поэта утратили сатирическо-пародийный характер, в их составлении участвовал также П. М. Ковалевский (см.: Боград. С. 581).

¹¹ См.: Мельгунов Б. В. Некрасов, Панаев — *Новый поэт*: (К истории создания журнальной маски) // Рус. лит. 1986. № 3. С. 153—169.

¹² См., например, фельетон Некрасова «Журналистика» 1849 г. (Н I, 12, 250—260), содержащий полемику с «Северным обозрением» о романе «Три страны света».

2-е) Все, что у нас сказано о Краевском и его объявлении, *сущая истина*, которую вполне оправдывает время, а что эта истина довольно тяжка — не наша вина; а что мы взялись ее раскрыть, тут, может быть, мы немного и виноваты, но ведь он перед нами несравненно больше виноват, ибо имел в виду своим объявлением нанести нам существенный вред и бросить на нас дурную тень» (Н I, 10, 90).

О каком объявлении Краевского идет речь? В комментарии к цитированному письму в двенадцатитомном «*Полном собрании сочинений и писем*» Некрасова говорится: «Текст объявления „Отечественных записок“ разыскать не удалось: объявления о подписке нередко рассылались отдельно и большей частью утеряны» (там же, 91).

Сделаем необходимые уточнения: ежегодные журнальные объявления о подписке распространялись тремя способами. Отпечатанные отдельной брошюрой или афишей (иногда одновременно в двух этих видах), они прилагались к последним номерам данного журнала (для старых подписчиков) или рассылались при других периодических изданиях и с городскими афишами — для тех читателей, которых можно было считать потенциальными подписчиками журнала. Третий способ распространения объявлений — публикация в газетах. Этим наиболее эффективным и надежным способом издатели никогда не пренебрегали, и хотя бы в одной из наиболее распространенных газет («С.-Петербургские ведомости», «Московские ведомости», «Северная пчела», «Русский инвалид») в течение сентября—декабря объявление печаталось не менее трех раз. И если при журналах до настоящего времени сохранились не все объявления, то газеты дают нам возможность восстановить полный корпус редакционных объявлений о подписке на любой журнал. Объявление «Об издании „Отечественных записок“ в 1848 году» печаталось, в частности, в № 111, 124 и 140 «Московских ведомостей» соответственно от 16 сентября, 16 октября и 22 ноября 1847 г.

Как известно, уход из «Отечественных записок» Белинского, Некрасова и Панаева, сопровождавшийся ожесточенной газетно-журнальной полемикой, толками в читательских кругах и в среде литераторов, и основание ими своего (арендованного у П. А. Плетнева) журнала существенно изменили положение «Отечественных записок». ¹³ Из органа, обеспеченного участием всех лучших писателей, критиков, ученых и практически не имевшего сколько-нибудь серьезных конкурентов, журнал Краевского вдруг превратился в издание, вынужденное бороться за свое существование.

Ценой больших потерь и усилий выстояв в этой борьбе, Краевский в объявлении на 1848 г. демонстрировал перед подписчиками жизнеспособность своего издания. Не скупясь на лесть и заискивания, он благодарил подписчиков, не поверивших тем, кто распространял «толки, что „Отечественные записки“ почилы, что они оставлены всеми своими сотрудниками, перешедшими будто бы в другие журналы, что, хоть и объявлена подписка, но едва ли „Отечественные записки“ будут выходить, что, словом, они исчезнут с 1846 года».

Не называя прямо своего противника, Краевский именует новую редакцию «Современника» «сочинителями и создателями» враждебных статей и объявлений, «печатавшихся и в газетах, столичных и губернских, и в отдельных листовках, рассылавшихся и при афишах, так что, вероятно, не оставалось на Руси ни одного читателя, который не имел бы удовольствия два-три раза получить одну и ту же статью, силившуюся доказать, что в 1847 году „Отечественные записки“ по малой мере никуда не будут годны и что прежние достоинства их целиком перейдут в другие журналы». «Итак, да послужит этот случай спасительным уроком для тех, кто в жур-

¹³ См. об этом: *Евгеньев-Максимов В.* «Современник» в 40—50 гг. Л., 1934. С. 23—78.

нальном деле предпочитает извилистый путь прямому и открытому! — восклицал далее редактор «Отечественных записок», констатируя «торжество» своего журнала, и продолжал: — Но если, с одной стороны, нас не обманула надежда на доверие к нам публики, то — с другой, и публика на деле испытала ложность доходивших до нее и беспрестанно в течение последней трети года повторявшихся перед нею слухов. Теперь она сама может видеть, на чьей стороне была истина, сама может судить, утратились ли хоть сколько-нибудь достоинства „Отечественных записок“ в 1847 году, несмотря на то что, как старались уверить ее, они лишились главных своих сотрудников, — изменилось ли хоть сколько-нибудь направление журнала, ослабела ли редакция и главные ее сотрудники в своей деятельности, был ли недостаток в материалах и пр. и пр.»

Используя демагогическую фразеологию, Краевский высокомерно заявлял, что его журнал имеет в виду «одну мысль, одну цель — истину, — истину в науке, истину в искусстве, истину в жизни».

Как видим, это выступление Краевского было отнюдь не безопасным для еще не укрепившегося некрасовского «Современника». Дело осложнялось также тем, что благодаря более крепкой материально-финансовой базе Краевскому удалось сохранить сотрудничество в «Отечественных записках» ряда писателей и ученых, составлявших и основной контингент авторов нового «Современника». Они были перечислены в указанном объявлении Краевского: В. П. Боткин, А. Д. Галахов, И. А. Гончаров, В. И. Даль, Ф. М. Достоевский, К. Д. Кавелин, С. М. Соловьев, И. С. Тургенев.

Как видно из цитированного письма Некрасова к Никитенко, редакция «Современника» (и, очевидно, Некрасову здесь принадлежала ведущая роль) не оставила «выходку» Краевского без ответа. В цитированном уже комментарии к этому письму упоминание об ответной статье разъясняется следующим образом: «В № 12 „Современника“ 1847 г. письмо „Нового поэта к издателям „Современника““ о „Журнальных объявлениях и обещаниях“, содержащее в себе главным образом полемику с объявлением Краевского. О том же речь идет отчасти и в „Современных заметках“ (там же)» (Н I, 10, 91).

Здесь все неточно. Дело в том, что *литературная* часть «Современных заметок» в декабрьском номере «Современника» 1847 г. состоит из пяти следующих друг за другом фельетонов: «Письмо Нового поэта к издателям „Современника“. — Выбранные места из приятельских писем. — Литературные новости. — Театральные новости.¹⁴ — О журнальных объявлениях и обещаниях». От имени Нового поэта написан только первый из перечисленных фельетонов. Последний из них — «О журнальных объявлениях и обещаниях» — написан от лица редакции и содержит полемику с объявлениями (об издании на следующий год) «Северной пчелы», «Сына отечества» и «Литературной газеты».

Сатирические выпады по адресу Краевского находятся именно в «Письме Нового поэта к издателям „Современника“» — первом фельетоне литературной части «Современных заметок» (и только в нем).¹⁵ Мы имеем в виду сцену, в которой обыгрываются натушно-высокомерные декларации Краевского и высмеиваются те «меры», к которым приходится прибегать редактору «Отечественных записок» в борьбе с «Современником»:

«И еще недавно один ученый журналист, на глубокомысленном челе которого, кажется, начертано огненными буквами: „истина в науке,

¹⁴ Заметки «Литературные новости» и «Театральные новости», возможно, принадлежат В. Г. Белинскому, так как обещанные их автором рецензии на «Китай в гражданском и правовом отношении» о. Иакинфа (СПб., 1848) и «Парижские письма...» Н. Греча (СПб., 1847) напечатаны в январском номере «Современника» за 1848 г. и, как известно, написаны Белинским.

¹⁵ Этот сюжет не является в «Письме...» главным; в основном его содержание связано с фельетоном Некрасова — Нового поэта «Теория бильярдной игры».

истина в искусстве, истина в жизни“¹⁶, единственный из журналистов, идущий по пути прямому, открытому, забегал ко мне с просьбою удостоить его чести быть сотрудником его журнала в 1848 году.

— Для чего же вам мое сотрудничество? — небрежно возразил я, лежа на пате против камина и закуривая *регалию* „Казадорес“, — у вас сотрудников и без того много. . . Редакция ваша не изменилась, сотрудники *все те же*. . . А у меня, право, теперь ничего нет. . . драма моя „Басманов, или И дым отечества нам сладок и приятен“¹⁶ почти совсем окончена, но эта драма продана мною. . .

— Но я надеюсь, — перебил меня журналист, — на глубокомысленном челе которого начертано „истина в науке, истина в искусстве, истина в жизни“, — я все-таки надеюсь на вас. . . Я уверен, что вы. . . ваше имя. . . ведь еще времени много, перед вами целый год; ну, посвятите для меня хоть полчаса, подарите меня хоть несколькими строчками. . . Назначьте какую угодно цену за ваши произведения, — на все согласен заранее (слышите ли, гг. издатели «Современника?»), лишь бы только ваше имя украшало страницы моего журнала. . .»¹⁷

«Деловой разговор» фатовски-высокомерного Нового поэта с униженно-подобострастным и одновременно циничным, назойливым «ученым журналистом» заканчивается полной неудачей искателя именитых сотрудников. Новый поэт остается верным «Современнику».

Не вдаваясь в подробный анализ «Письма. . .», укажем на одну его особенность. Упоенный собственным величием Новый поэт, защищающий свое имя от «мистификаторов», вдруг заговорил языком автора «Выбранных мест из переписки с друзьями»: ¹⁸

«Милостивые государи, я вполне и глубоко убежден в моем призвании и пишу вследствие „личной потребности внутреннего очищения“; может быть, я сделал еще немного, но я знаю, что могу сделать. . . Несколько уже громадных, требующих обширной „эрудиции“ <. . .> произведений замыслено мною; из них многие в скором времени приведены будут в исполнение. Вдохновение душит меня, исполинские, колоссальные образы восстают передо мною. . .

В груди моей и буря и смятенье,
Святым восторгом вечно движим я,
Внимает мне Россия с умилением. . .
Чего же, Русь, ты хочешь от меня?
Зачем с таким невиданным волненьем
Не сводишь ты с меня своих очей? . . .
О Русь, О Русь! с немым благоговеньем
Чего же ждешь ты от моих речей? . . .
Иль чувствуешь, что слово „вдохновенье“ —
В устах моих, пылающих огнем,
Есть „личная потребность очищенья“
И потому такая сила в нем!» (187) ¹⁹

¹⁶ Об этой же «драме» впервые см.: Н I, 9, 555.

¹⁷ Современник. 1847. № 12. Отд. IV. С. 189. Далее при цитировании «Современных заметок» страницы журнала указываются в тексте статьи. Обращаем внимание на сатирическую фигуру «ученого журналиста» («журналист, на глубокомысленном челе которого. . .»). Сходной пронической характеристикой Некрасов пользовался и в других своих произведениях, например в «Необыкновенном завтраке» (1843), «Жизни и похождениях Тихона Тростникова» (1843—1848). Впрочем, тем же приемом называния героев не по именам, а комическими формулами еще ранее воспользовался И. И. Панаев в его опубликованной в № 2 «Отечественных записок» за 1843 г. «неповести» «Тля» (см. об этом в комментарии Н. Н. Мостовской: Н II, 7, 574) — свидетельство того, что общие черты сатирической поэтики Некрасова и Панаева вырабатывались задолго до их совместной работы в «Современнике».

¹⁸ Из уже известных к тому времени откликов на это произведение Гоголя укажем, кстати, выступления В. Г. Белинского (рецензия на «Выбранные места. . .» в № 2 «Современника» за 1847 г. и знаменитое «Письмо к Гоголю») и «Письма к Н. В. Гоголю» Н. Ф. Павлова, раскрывавшие консервативную сущность «Выбранных мест. . .» (Современник. 1847. № 5, 8).

¹⁹ Стихотворение пародирует знаменитое лирическое отступление из главы XI части первой «Мертвых душ»: «Русь! Русь! вижу тебя из моего чудного, прекрасного

Включение пародийных стихов в текст фельетона или рецензии выглядит как поэтическое извержение, «независимое» от воли автора — отчаянного «романтика»; этот прием — характернейшая черта Некрасова-сатирика уже в первой половине 1840-х гг. Он используется, например, в рецензии на поэтический сборник «Русский патриот» (Лит. газ. 1842. 15 февр. № 7). Стихотворная пародия «Привет русскому патриоту» предваряется здесь следующим юмористически-восторженным пассажем: «Я <...> проникнут к нему (автору-«патриоту». — Б. М.) каким-то невольным уважением и в припадке горячей признательности готов сам сочинить ему привет, только боюсь неудачи... Пойдите... по жилам моим пробегает какой-то лихорадочный огонь... в голове вертятся какие-то идеи, которых я средо не видывал... что это?.. уж не вдохновение ли? Так точно, должно быть — вдохновение... Да, да... точно, вдохновение... уж позвольте, позвольте... перо, скорее перо!» (Н I, 9, 41).

Тот же прием находим и в рецензии Некрасова на альманах «Новоселье», содержащей пародию на «Три искушения» В. Г. Бенедиктова: «Что может быть сильней, образней, грациозней? — иронически восклицает Некрасов-рецензент. — Но позвольте! я что-то странное чувствую. Чувствую я в себе страстное желание, может быть, даже призвание воспеть... что бы вы думали? кудри! кудри, воспетые господином Бенедиктовым... Конечно, дерзость неслыханная, но уже раздумывать поздно — я ничего не слышу, ничего не вижу... я пою...»²⁰

Таким образом, у нас есть основания считать Некрасова если не единственным, то по меньшей мере основным (в сотрудничестве с Панаевым) автором «Письма Нового поэта...».

Фрагмент «Выбранные места из приятельских писем» своим названием еще раз напоминает читателям о книге Гоголя и одновременно — по форме, характеру и содержанию — о «Романе в письмах» (1845) и «Достопримечательных письмах» (1845) Некрасова. В одном из «приятельских писем» (некоего Сучкова к Рукавицыну) содержится исповедь молодого автора романа, пытавшегося напечатать в Петербурге свое произведение. Подобно герою романа Некрасова о Тростникове, он приехал в Петербург, чтобы поступить на службу, и поселился вначале в гостинице на Невском. Места получить не удалось, 1000 рублей, с которою он приехал, быстро растаяла, Сучков переселился на Пески. Нужда заставила «пуститься в литературу»: в течение двух недель Сучков написал роман.

Приведем отрывок из «письма» Сучкова с описанием его попытки напечатать свой роман, отмечая при этом курсивом моменты сходства с одним из эпизодов романа Некрасова «Жизнь и похождения Тихона Тростникова»:

далека...», защищаемое автором в «Выбранных местах...» от насмешек критиков (см.: Гоголь Н. В. Полн. собр. соч. [Л.], 1952. Т. 8. С. 288—289). Ср. пародийный выпад по поводу названного лирического отступления в статье В. Г. Белинского «Речь о критике» (1842), когда критик иронизирует по поводу писателей, подобно птицам поющих оттого, что им поется: «...они счастливы, если им поется, они выше человечества, выше своих страждущих братьев, тщетно обращающих к ним полные мольбы и ожидания очи...» (Белинский В. Г. Полн. собр. соч. М., 1955. Т. 6. С. 280; далее (в наст. статье, а также в статьях Н. Н. Мостовской — с. 54—68, В. А. Егорова — с. 101—103, Г. А. Тишкина — с. 104—107) ссылки на это издание (М., 1953—1959. Т. 1—13) даются в тексте сокращенно: Б, том и страница (арабскими цифрами)). Этот же мотив встречается в «Двойнике» и «Господине Прохарчине» Ф. М. Достоевского (1846), где не раз упоминаются «полные ожидания очи», «слезящиеся», «гордые», «стыдливые», «восторженные», «прилично завистливые» очи многих персонажей (см.: Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: В 30 т. Л., 1972. Т. 1. С. 129, 252, 349, 494). Полемическое выступление Эраста Благоврова (Б. Н. Алмазова) против этой пародии Нового поэта см.: Москвитянин. 1851. № 19—20. С. 270. Приведенное в «Москвитянине» без ссылки на источник стихотворение перепечатано по тексту статьи Эраста Благоврова в изд.: Н. В. Гоголь в русской поэзии / Сост. В. В. Калаш. М., 1902. С. 19.

²⁰ Отеч. зап. 1846. № 5. Отд. VI. С. 11. Авторство Некрасова установлено Я. Э. Боградом (см.: Некрасовский сб. Вып. 2. С. 412—423).

«Когда роман был окончен, мне представился другой вопрос: что делать с рукописью? Печатать самому — денег нет; стало быть, надо продать, но кому? Спросил было я совета у нашего Тёркина, он захотел и сказал: „Охота тебе черт знает чем заниматься! Ну, продай на Апраксин! там всякую бумагу принимают. Или непременно хочешь напечатать? Пожалуй, печатай, только не выставляй своего имени: ведь только и будет славы, что разругают! Великий человек!“»

Другие два мои приятеля, люди очень образованные, — я читал им мой роман, и они остались им очень довольны, — посоветовали обратиться сперва к книгопродавцам, а если из них никто не возьмет, так отдать кому-нибудь в журнал. Прихожу я в книжный магазин N. — „Вам что угодно-с?“ — „Вот не хотите ли вы купить у меня роман?“ — „А как ваше имя-с?“ — „Такой-то“. — „Не знаю-с“. — „Кому же знать, хотите ли вы купить роман или нет?“ — „Я вас не знаю-с“. — „Да на что вам меня знать? Я продаю вам рукопись, и дело с концом“. — „Нет-с, мы не покупаем романов“. — „Ну так прощайте“. — В дверях он остановил меня, однако же, вопросом: „А сколько вы хотите за ваш роман?“ — „1000 рублей“. — „Нет-с, нельзя-с; если вам угодно. . . Сколько в нем листов?“ — „Листов 20 печатных“. — „Так, если угодно-с. . . да вы не сердитесь?“ — „Говорите. . . сколько же?“ — „Так, знаете, гуртом, за весь роман. . . да нет-с, право, совестно-с. . . рубликов-с пятнадцать“. — „Как, ассигнациями?“ — „Ассигнациями. . .“. А в других магазинах и ровно ничего не давали» (197—198).²¹

Изложенные наблюдения дают основание говорить по меньшей мере об участии в работе над фрагментом «Выбранные места из приятельских писем» Некрасова, использовавшего, очевидно, в нем материалы незавершенного романа о Тихоне Тростникове.

По-видимому, и фрагмент «О журнальных объявлениях и обещаниях», завершающий «Современные заметки» и написанный от лица редакции «Современника», также принадлежит Некрасову и Панаеву. Кроме полемики с названными выше изданиями (главным образом с «Сыном отечества» и его редактором К. П. Масальским) он содержит информацию о причинах невыполнения «Современником» некоторых обещаний, в том числе обещания напечатать роман Некрасова, повесть Панаева и статьи Белинского о Гоголе и Лермонтове.

* * *

Еще один фельетон, по поводу которого может идти речь об авторстве Некрасова, связан с сотрудничеством в «Современнике» А. В. Дружинина. Последнему с 1849 г. было поручено журнальное обозрение в «Современнике». Дружининские «Письма Иногороднего подписчика в редакцию „Современника“ о русской журналистике», публикация которых началась с первого номера журнала за 1849 г., быстро завоевали симпатии читателей и способствовали росту популярности журнала. Однако уже к концу этого года наметился конфликт Иногороднего подписчика с редакцией

²¹ Ср. историю Тихона Тростникова, который, как и Сучков, исчерпав все возможности раздобыть деньги, решил издать книгу своих стихов, записав их в тетрадь в течение одной ночи (Н II, 8, 92—93). Упоминание о «неизвестном еще в литературе приезжем авторе» находим в «Трех странах света» (там же, 9₂, 263, 377). Размышления на эту же тему см. и в одном из некрасовских фельетонов, напечатанном в «Русском инвалиде» (1844. 5 марта. № 52) под рубрикой «Петербургская хроника»: «В памяти многих, близких к литературному или книжному делу, свежи еще примеры, как какой-нибудь „книжного ума продавец“, брадатый или начисто выбритый, без всякой шутки, с серьезною миною предлагал иному автору за толстую-претолстую рукопись пятнадцать рублей ассигнациями!» (фельетон атрибутирован Некрасову в статье: Царькова Т. С. Фельетоны и рецензии Некрасова в газетах 1844 года: (Новые атрибуции) // Н. А. Некрасов и его время. Калининград, 1976. Вып. 2. С. 62).

журнала. Злоупотребляя доверием редакции, Дружинин, всегда подчеркивавший свою независимость, внепартийность и «объективность», не упускал случая едко вышучивать не только «материальную сторону» (опечатки, некомпетентное, с его точки зрения, редактирование), но и литературно-общественную позицию некрасовского журнала.

Так, в майском «письме» 1850 г. Иногородний подписчик во весь голос заговорил о недостатках современной литературы, которые, по его мнению, заключаются в следующем: «Первое, что сатирический элемент <...> не способен быть преобладающим элементом в изящной словесности, а второе, что наши беллетристы истощили свои способности, гоняясь за сюжетами из современной жизни».²²

Это был выпад прежде всего против самого «Современника». Противников журнала Некрасова обрадовала неожиданная поддержка. В декабрьском номере «Отечественных записок» 1850 г. от имени всех читателей и подписчиков «Современника», «не исключая и того иногороднего, который пишет письма в редакцию о русской журналистике», выражалось «недоумение» по поводу того, что «Современник» называет себя «литературным журналом».²³ Одновременно высказывалась догадка, что Иногородний подписчик — «сама редакция» «Современника».²⁴

В ответ во вступительной части «Обозрения русской литературы за 1850 г.» было заявлено (по-видимому, также Некрасовым и Панаевым), что сотрудники редакции «никогда не смотрели на <...> „Письма“ как на исключительный орган „Современника“ и всегда отделяли свое мнение от мнения Иногороднего подписчика».²⁵

Наметившийся конфликт умело использовал О. И. Сенковский, поручивший своему соредактору А. В. Старчевскому привлечь Дружинина к сотрудничеству в «Библиотеке для чтения». Как вспоминал впоследствии Старчевский, редакция этого журнала надеялась переманить вслед за Дружининым и других сотрудников «Современника».²⁶ Одновременно, втайне от Некрасова и Панаева, Дружинин установил связи и с «молодой редакцией» «Москвитянина», выдвигавшей «художественность» в качестве главного критерия оценки литературного произведения.²⁷

Вскоре конфликт Дружинина-фельетониста с «Современником» еще более углубляется. В одной из своих рецензий А. В. Старчевский, явно намекая на «Современник», заговорил о бесплодности и вреде журнальной полемики, которую некоторые журналы используют в нелитературных целях. «Есть и такие журналы, — писал рецензент «Библиотеки для чтения», — которые с первой уже программы открыли существование свое потоком недостойной брани на собратьев, в благоприятной надежде подорвать их, и которые навсегда остались верными такой несчастной программе. Наконец, почти из всех больших журналов желчна и раздражительная полемика вошла в жизненную их потребность: каждый считает долгом „разбить“, то есть терзать, статьи своего товарища. Большие журналы являлись большими и важными по одной только дородной наружности, — внутри этих толстых книжек они резвились, царапались и царапали всех, как мальчишки».²⁸

«Пишущее сословие наше, — говорил рецензент в другом месте, — числом, талантом, массою науки, обширностью средств к деятельности, без сомнения, не может идти в сравнение с пишущими сословиями Англии, Франции или Германии. Между тем как Англия в состоянии изда-

²² Современник. 1850. № 5. Отд. VI. С. 81.

²³ Отеч. зап. 1850. № 12. Отд. VI. С. 126—127.

²⁴ Там же. Отд. VIII. С. 277.

²⁵ Современник. 1851. № 1. Отд. III. С. 8.

²⁶ См.: Старчевский А. Александр Васильевич Дружинин: Из воспоминаний старого журналиста // Наблюдатель. 1885. № 4. С. 121—123.

²⁷ См.: Селезнев В. М. Чернышевский об Островском: (К истории лит. борьбы 50-х гг.) // Н. Г. Чернышевский / Ст., исслед. и материалы. Саратов, 1962. Т. 3. С. 54.

²⁸ Б-ка для чтения. 1851. № 2. Отд. VI. С. 129.

вать только три больших журнала < . . . > и то не ежемесячные, а трехмесячные, между тем как Франция с трудом содержит один изрядный двунедельный журнал < . . . >, а Германия не имеет ни одного значительного ежемесячного издания, у нас, — страшно сказать! — у нас, при наших ограниченных литературных средствах, в одно время существует шесть огромных журналов, а недавно существовало семь».²⁹

Дружинин, и прежде выступавший с «миротворческими» призывами,³⁰ не замедлил в «письме» 24, отвечая на сетования «Мосвитянина», обиженного невниманием к нему петербургских журналов, подчеркнуть неумеренность, пристрастность журнальной полемики, целью которой является дискредитация конкурента. Этот пассаж Иногороднего подписчика заключался словами: «Впрочем, редакция „Москвитянина“ может быть довольна: бесконечные споры наших журналов уже осуждены по заслугам и вызвали весьма остроумный и резкий, а в то же время — с сокрушенным сердцем должны признаться — справедливый отзыв со стороны одного известного литератора. Эта замечательная статейка напечатана во 2 № „Библиотеки для чтения“ в „Литературной летописи“».³¹

Редакция «Современника» сочла необходимым прервать своего фельетониста обширным полемическим примечанием, в котором, в частности, говорилось: «Поистине было бы удивительно, даже необъяснимо, каким образом, при меньших средствах, русская журналистика производит ежемесячно более английской, французской, немецкой, если б не было известно, что русские журналы наполовину, а иногда и более наполняются переводами, чего не бывает с иностранными журналами. Рецензент упустил это из виду и предался удивлению, которое не имеет достаточного основания. Гораздо основательнее замечание его о неумеренности журнальных ссор и перебранок. Мы совершенно согласны в этом случае с рецензентом, и публика недавно имела случай убедиться, что мы не имеем особенного пристрастия к журнальным битвам».³² Не можем, однако же, не заметить, что напрасно рецензент ставит свой журнал («Библиотека для чтения») примером безукоризненности в этом отношении. Когда Пушкин — не чета нынешним журналистам — начал издавать „Современник“, что писала по этому поводу „Библиотека для чтения“? Если рецензент забыл, мы можем ему напомнить! Что касается до разбирания журнальных статей, которые рецензент называет „жалким ремеслом“, то не должно забывать, что каждая литература имеет свои условия и что русской литературе во многом нельзя ставить в пример и в укор ни французскую, ни немецкую, ни английскую. Кто не повторяет, что русская литература вся сосредоточилась в журналах? Итак, не пишите о том, что печатается в журналах, и ваш собственный журнал не только не будет отражением текущего периода литературы, но превратится в нечто до того отсталое, до того бесцветное. . .».³³

Примечание Некрасова и Панаева было очевидной попыткой дезавуировать выпады своего сотрудника против «Современника» и его направления. В результате этого столкновения «Письма Иногороднего подписчика. . .» прекратились на апрельской книжке «Современника» 1851 г.: продолжая сотрудничество в журнале как беллетрист, Дружинин перенес их в «Библиотеку для чтения».³⁴

²⁹ Там же. С. 128.

³⁰ См., например: Современник. 1849. № 5. Отд. V. С. 120—124; 1851. № 2. Отд. VI. С. 216—218.

³¹ Современник. 1851. № 3. Отд. VI. С. 80.

³² Одна из наиболее ранних «мпролюбивых» деклараций «Современника» — вводная редакционная глава к «Обзору русской литературы за 1850 г.» (Современник. 1851. № 1. Отд. III. С. 1—11) — содержала призывы к доброжелательности в отношениях между журналами и взаимной терпимости.

³³ Современник. 1851. № 3. Отд. VI. С. 80—81.

³⁴ С декабря 1852 г. Дружинин начал печатать в «Современнике» свои «Письма Иногороднего подписчика об английской литературе», но обиду, нанесенную ему редак-

Вместо «Писем. . .» Дружинина с мая 1851 г. в «Современнике» стали печататься «Заметки Нового поэта о русской журналистике», составлявшиеся на первых порах обоими редакторами журнала.

Первый фельетон под этим названием,³⁵ судя по его содержанию, не мог быть написан без прямого участия Некрасова как руководителя «Современника». Вообще авторы не слишком стремились скрыть под маской Нового поэта редакционный характер фельетона.³⁶ Новый поэт уполномочен объяснить причины, по которым редакция вынуждена расстаться с Иногородним подписчиком: «Беззащитный и шутливый тон *Иногороднего подписчика* возбудил, говорят, большие толки в литературе, раздражил многих очень почтенных литераторов < . . . >. Некоторые из этих господ вздумали даже смешивать *Иногороднего подписчика* с редакцией „Современника“. Но это было уже совершенно несправедливо. Мне знакома редакция „Современника“, и я не боюсь обнаружить ее тайны, объяснив здесь отношения, существовавшие между этою редакцией и *Иногородним подписчиком*. Редакция „Современника“ уступила ему место в своем журнале и не без любопытства следила за его письмами, потому что ей хотелось слышать толки о нашей литературе, о нашей журналистике от человека постороннего, не записного, присяжного литератора, а просто от своего иногороднего подписчика. Она предоставила ему полную свободу в своем журнале, как вежливый хозяин предоставляет в своем доме свободу гостю, и считала неуместным прерывать его своими примечаниями и оговорками. Иногородний подписчик, нападая на редакцию журналов, не исключал из этого и редакцию „Современника“, и потому она никак не могла ожидать, чтобы его невинные письма могли оскорбить ее журнальных собратьев, в уме, добросовестности и учености которых она — мне это очень хорошо известно — никогда не сомневалась. Конечно, если бы редакция „Современника“, надев на себя маску *Иногороднего подписчика*, вздумала бы с его бесцеремонностью и фамильярностью говорить о предметах, заслуживающих серьезного и дельного изучения, это было бы не совсем ловко и она могла бы навлечь на себя справедливое негодование людей, уважающих науку и искусство. Но у ней, я уверен в этом, достало бы настолько такта, чтобы не позволить себе такого маскарада. . .» (47—48).

Далее, не боясь быть «узнанными», Некрасов и Панаев почти дословно повторяют свое мнение о журнальных обозрениях и специфике русской журнальной литературы, высказанное в приведенном выше редакционном примечании к фельетону Иногороднего подписчика: «„Библиотека для чтения“, ссылаясь на пример иностранных *обозрений*, говорит, что вообще разбирать журнальные срочные статьи в журналах — „жалкое ремесло“, что это нигде „не слыхано, нигде не водится“ и проч. Это было бы, может быть, и справедливо, если бы русская литература не была в сию минуту в исключительном положении и не поглощалась журналами. Журнал должен быть живым отражением литературы в данную минуту, а так как литература наша почти вся находится в журналах, то как же журналам не говорить о журналах, не указывать на замечательные статьи, появляю-

цией журнала, он не мог забыть долгое время, назвав редакционное примечание, о котором говорилось выше, в дневниковой записи от 24 сентября 1853 г. «памятным предательством» (см.: *Краснов Г. В.* К расколу редакции «Современника» в 50-е годы XIX в. (по новым материалам) // Проблемы истории общественной мысли и историографии. М., 1976. С. 116.

³⁵ Современник. 1851. № 5. Отд. VI. С. 45—66. Далее при цитировании «Заметок Нового поэта о русской журналистике. Апрель 1851» страницы журнала указываются в тексте статьи.

³⁶ Редакционный характер «Заметок Нового поэта о русской журналистике. Апрель 1851» подтверждается и помещенным в конце фельетона сообщением о том, что «„Современник“ готовится статью в „Очерки истории русской журналистики“ о Сумарокове как о журналисте» (65).

щиеся в них, не делать иногда замечаний и не подавать друг другу добрых и искренних советов» (51).

Оба цитированных рассуждения восходят к общему источнику — более краткому варианту, который обнаруживается в Некрасовской части «Обозрения русской литературы за 1850 год» (Современник. 1851. № 4; Н I, 12, 261).³⁷

Отметим, кроме того, что в «Заметках Нового поэта о русской журналистике» мы впервые встречаем излюбленные юмористические мотивы Некрасова — критика и фельетониста, — мотивы весны и пробуждения «стаи» поэтов-эпигонов, в том числе «щебечущего» Щербины:³⁸

«Кстати о стихах. Приближение весны подействовало на поэтов благоприятно: они встрепенулись как птички и защебетали. Последние книжки журналов наполнены их щебетанием.

В „Библиотеке для чтения“ щебечет г. Щербина. < . . . »

В „Пантеоне“ занимаются стихотворством гг. Корсак, Суслов, И. Ч-ь, Сушков, Зименко, Греков, Шереметьевский.

Некоторые из этих поэтов могут занять почетное место между гг. Позняковым и Бригером. . . » (55).

* * *

Следующая редакционная заметка, включенная в анонимный фельетон «Петербургские новости», имя составителя основной части которого пока не установлено, по-видимому, также может быть атрибутирована Некрасову и Панаеву. Она фиксирует любопытный историко-литературный факт периода Крымской войны. Приведем ее полный текст:

«Редкий номер русских газет выходит теперь без стихотворений, внутренних современными событиями. В рижских немецких ведомостях был напечатан перевод стихотворения „Вот в воинственном азарте“ с именем И. С. Тургенева. Это ошибка. Стихотворение, как нам достоверно известно, написано не им. Оно принадлежит молодому морскому офицеру, которого имя мы не уполномочены объявить».³⁹

Это стихотворение, принадлежавшее В. П. Алферьеву, впервые было напечатано по желанию Николая I в болгаринской «Северной пчеле» (без подписи);⁴⁰ через месяц после выхода «Современника» с приведенной заметкой то же стихотворение было перепечатано в оригинале в «С.-Петербургских ведомостях» с прибавлением: «Мы слышали наверно, что имя автора Александр Петрович Опочинин».⁴¹

* * *

Прочитанное в начале нашей статьи свидетельство А. Н. Пыпина о принадлежности Некрасову редакционных статей — полемика с «Отечественными записками», ряд открытых ранее и рассмотренных в настоящей статье материалов такого характера дают основание атрибутировать Некрасову и отдел «Смесь» в восьмой тетради «Литературного ералаша» —

³⁷ В основе этого действительно ставшего общим местом наблюдения — высказывание Н. В. Гоголя в его статье «О движении журнальной литературы в 1834 и 1835 году» (1836): «Она (журнальная литература. — Б. М.) — быстрый, своевольный размен всеобщих мнений, живой разговор всего теснимого типографскими станками; ее голос есть верный представитель мнений целой эпохи и века. < . . . » Она вольно и невольно захватывает и увлекает в свою область девять десятых всего, что делается принадлежностью литературы» (Гоголь Н. В. Полн. собр. соч. [Л.], 1952. Т. 8. С. 156).

³⁸ Ср. известное «фельетонное» стихотворение Некрасова 1855 г. «Послание к поэту-старожилу» (Н I, 9, 251).

³⁹ Современник. 1854. № 6. Отд. V. С. 146. Судя по перечню тем, помещенному под заглавием всего фельетона, название цитируемого текста — «Заметка».

⁴⁰ Сев. пчела. 1854. 15 февр. № 37. С. 145.

⁴¹ С.-Петербургские вед. 1854. 6 июля. № 146. С. 730.

сатирического приложения к ноябрьской книжке «Современника» 1854 г. Этот выпуск, таким образом, весь некрасовский: он открывается известным стихотворением Некрасова «Труженик», а затем следуют составляющие отдел «Смесь» два сатирических фельетона, наполненных традиционной (в период подписки) полемикой с «Отечественными записками» («Нечто о бесполезности повторений в объявлениях. — Три образца русских фельетонов — и замечание о последовательности „Отечественных записок“ и „Санкт-Петербургских ведомостей“»).⁴²

* * *

До сих пор не привлекала внимания исследователей редакционная заметка, написанная, по всей вероятности, Некрасовым (возможно, в соавторстве с А. Н. Пыпиным) и существенно дополняющая наши представления о последней схватке «Современника» с Катковым и его «Московскими ведомостями». Ей предшествовало письмо в редакцию неизвестной газеты, фрагмент которого (по автографу А. Н. Пыпина и Некрасова) опубликовал в 1953 г. В. Е. Евгеньев-Максимов.⁴³ В нем разоблачался клеветнический выпад Каткова против «Современника» и его руководителей.

Выступление Каткова было ответом на сатиру Некрасова «Чернильница» и статью Ю. Г. Жуковского «Вопрос молодого поколения» (Современник. 1866. № 3), выступивших против реакционной газеты «Московские ведомости». В № 65 этой газеты от 25 марта на с. 3 Катков поместил статью, обвинявшую «Современник» в том, что он якобы получал правительственные субсидии и был, таким образом, продажным органом печати.

В. Е. Евгеньев-Максимов считал, что «письмо в редакцию» написано «в канун 4 апреля 1866 г.», перед выстрелом Каракозова, и осталось неопубликованным в связи с осложнившейся после покушения общественно-политической обстановкой в России: «Ведь участь всей периодической печати, не говоря уже об участи отдельных писателей, всецело находилась в руках как раз в эти дни призванного для борьбы с „крамолой“ и облеченного диктаторскими полномочиями графа М. Н. Муравьева-Вилenskого, в просторечии — Муравьева-вешателя. А между тем всем и каждому было известно, что Катков и Муравьев — единомышленники, что первый пользуется в глазах второго непререкаемым авторитетом. Удар по Каткову был бы воспринят Муравьевым как явное и наглядное проявление крамолы, тем более предосудительное, что оно последовало непосредственно вслед за покушением Каракозова».⁴⁴

Редакционная заметка, о которой идет речь, была печатным протестом против катковских «клевет». Ею завершался фельетон Л. И. Розанова «Действительность» в апрельской книжке «Современника» за 1866 г. Приводим ее текст:

«Еще одно последнее сказанье, и летопись окончена моя! Одна газета объявляет, что „Современник“ в 1862 г., находясь под цензурою, „получал пособие от того правительственного ведомства, которому было тогда подчинено Цензурное управление“. Другая газета это повторяет с замечанием, что это знаменательное известие появилось весной, а не осенью (т. е. не тогда, что ли, когда бывает подписка на журналы и газеты?!), как это однажды беспощадно сделано было с нами, что потому это „не могло не навести нас на некоторые поучительные размышления“ и что пусть-ка теперь „Современник“ попробует отразить нападение. Наконец, третья газета, принимая „Современник“ под свое покровительство, гово-

⁴² Современник. 1854. № 11. «Литературный ералаш». С. 110—114.

⁴³ См.: *Евгеньев-Максимов В. Е.* Из деловых бумаг Н. А. Некрасова // Лит. архив: Материалы по истории лит. и обществ. мысли. М.; Л., 1953. Вып. 4. С. 87—96.

⁴⁴ Там же. С. 89—90.

рит, что „после этого заявления (о субсидии) не успела еще выйти ни одна книжка „Современника“ и что до разъяснения самим „Современником“ этого обстоятельства *бестактно* толковать о нем“. Книжка „Современника“ теперь уже готова, а все-таки не вижу еще со стороны его никакого объяснения, оправдания или отражения! Подождемте, господа, следующей книжки!».⁴⁵

Апрельский номер «Современника» (ценз. разр. — 26 апр. 1866 г.) вышел в свет 2 мая 1866 г. Это была, как известно, последняя книжка некрасовского журнала, дошедшая до подписчиков. Без сомнения, действия властей против «Современника», завершившиеся его запрещением, были в какой-то мере вызваны и публикацией «Загадки».

* * *

Особую группу коллективных редакционных материалов, в которых, с нашей точки зрения, безусловно участвовал Некрасов, составляют *редакционные* некрологические статьи и заметки о сотрудниках журнала, напечатанные в «Современнике». ⁴⁶ Один из таких неподписанных некрологов («В. А. Милютин»), помещенный в сентябрьской книжке журнала за 1855 г., уже атрибутирован Некрасову.⁴⁷

Перечислим еще несколько таких заметок: «О смерти В. Г. Белинского» (Современник. 1848. № 6. Отд. IV. С. 173); «Смерть Н. Г. Фролова, издателя „Магазина земледелия“» (Современник. 1855. № 5. Отд. V. С. 146); «О смерти А. И. Кроненберга» (Современник. 1855. № 6. Отд. V. С. 277); «Панихида по графе С. С. Уварове в Петербурге. — Участие покойного графа в „Современнике“» (Современник. 1855. № 10. Отд. V. С. 186).

Причастность Некрасова к составлению и публикации этих редакционных материалов не требует, на наш взгляд, особых доказательств. Однако на последнем из названных некрологов следует все же остановиться. Заметка об Уварове открывает фельетон «Петербургские известия», большая часть которого (на основании сохранившегося фрагмента автографа) давно атрибутирована Некрасову. В комментарии к «Петербургским известиям» в двенадцатитомном «Полном собрании сочинений и писем» говорится: «Начало статьи («Панихида по графе С. С. Уварове в Петербурге. — Участие покойного графа в „Современнике“». — Открытие факультета восточных языков в Санкт-Петербургском университете. — Спуск корабля „Ретвизан“ из нового Адмиралтейства») не перепечатывается, так как ни содержание, ни документальные данные не дают оснований приписывать его Некрасову» (Н I, 9, 795).

Во второй части фельетона рассказывается об участии Уварова в «Современнике»: «. . в „Современнике“ под его руководством переведены следующие его сочинения: „Исследования об элевсинских таинствах“ (в 1847 г., т. I); „Подвигается ли вперед историческая достоверность?“ (в 1851 г., т. XXV) — и, кроме того, помещена небольшая статейка его об Арзамасском обществе под названием „Литературные воспоминания“ под буквами „А. В.“ (в 1851 г., т. XXVII), написанная им самим по-русски для „Современника“». ⁴⁸

⁴⁵ Современник. 1866. № 4. Отд. II. С. 312. Судя по перечню тем, помещенному под заглавием всего фельетона, название цитируемого текста — «Загадка».

⁴⁶ Поиски материалов такого рода, разумеется, не должны ограничиваться некрасовскими журналами. Укажем, например, на краткое извещение о смерти Н. А. Добролюбова, времени и месте похорон, подписанное Н. Некрасовым, И. Панаевым, Н. Обручевым и Н. Чернышевским и опубликованное в «Северной пчеле» (1861. 18 нояб. № 259). Этот текст без подписей напечатан в тот же день в «С.-Петербургских ведомостях» (№ 257).

⁴⁷ См.: Макашин С. Салтыков-Щедрин: Биография. М., 1951. С. 531. Ср.: Боград. С. 279, 590.

⁴⁸ Современник. 1855. № 10. Отд. V. С. 186.

Состоящую из двух частей заметку об Уварове могли составить только Некрасов или Панаев, осведомленные о его сотрудничестве в «Современнике». Что же касается явно завышенной оценки деятельности бывшего министра николаевской эпохи, то у руководителей «Современника» были для этого свои причины. Они, конечно, вспомнили ту «цензурную бурю», которая разыгралась после публикации в мартовской книжке «Современника» 1849 г. статьи директора Педагогического института И. И. Давыдова «О назначении русских университетов и участии их в общественном образовании», направленной против замысла Николая I и его Бутурлинского комитета закрыть университеты в России. Публикация вызвала гнев самого императора, и «Современник» был бы запрещен, если бы С. С. Уваров не принял на себя всю ответственность за нее. Вскоре после этого министр был вынужден уйти в отставку.⁴⁹

2

Из коллективных статей в «Современнике», органически включающих стихи Некрасова (и не атрибутированных ему), большую часть составляют фельетоны Нового поэта. Обратимся к одной из первых публикаций Нового поэта в «Современнике» — статье «Еще несколько стихотворений Нового поэта»,⁵⁰ содержащей стихотворение, уже атрибутированное Некрасову.⁵¹ В атрибутивном примечании В. Э. Бограда к этой статье читаем: «Стихотворение „В один трактир они оба ходили прилежно“ (с. 159) написано Некрасовым < . . . >. Остальные стихотворения написаны Панаевым».⁵²

Принадлежность Некрасову одного из семи стихотворений, помещенных здесь, установлена на основании автографа «В один трактир они оба ходили прилежно» с дарственной надписью «Огареву. Н. Некрасов».⁵³ Комментарий к этому стихотворению в академическом издании Некрасова предельно краток и кроме традиционных необходимых данных сообщает только, что оно «представляет собой „перевод“ лермонтовского „Они любили друг друга так долго и нежно“» (Н II, 1, 593).

Между тем стоит лишь ознакомиться со статьей Нового поэта в целом, чтобы убедиться, что вырванное из ее контекста стихотворение блекнет, обедняется, остается непонятым. Приводим прозаический абзац, предпосланный «переводу»: «Есть у меня и еще стихотворение, но это я не могу посвятить ей, потому что оно ее недостойно. . . Предмет прозаический! Как-то я долго читал Гейне и вдруг написал престранную, пренепонятную для меня самую вещь. . . Вот она. . .». Далее следовало стихотворение и последняя фраза статьи: «Как вы находите? . . .» (159).

Имя Г. Гейне упомянуто, конечно, не случайно. Ведь и лермонтовское «Они любили друг друга так долго и нежно» — вольный перевод стихотворения Гейне «Sie liebten sich beide». Оно было впервые напечатано в декабрьской книжке «Отечественных записок» за 1843 г. с двумя первыми строками из стихотворения Гейне в качестве эпиграфа. Но подарок Не-

⁴⁹ Подробно см.: *Евгеньев-Максимов В.* «Современник» в 40—50-е гг. С. 255—256.

⁵⁰ Современник. 1847. № 4. Отд. IV. С. 154—159. Далее при цитировании публикации «Еще несколько стихотворений Нового поэта» страницы журнала указываются в тексте статьи.

⁵¹ Новый поэт начинает статью цитацией письма некоей поклонницы его гения и приводит якобы присланное ею стихотворение «Напрасно говорят, что я гонюсь за славою» (пародия на Ростопчину). В ответ же на ее просьбу он помещает цикл своих стихотворений: «Густолиственных кленов аллеи», «Перед балом», «Египтянке» («И развратна, и прекрасна»), «Болото и степь, и окрест ни кусточка», «К матери», «В один трактир они оба ходили прилежно».

⁵² Боград. С. 480.

⁵³ На обороте автографа неизвестной (весьма неумелой) рукой сделаны карандашные наброски: профиль старика и юношеский абрис (ЦГАЛИ, ф. 338, оп. 1, № 6).

красова Огареву тоже не был случаен. Еще ранее лермонтовского в «Отечественных записках» был напечатан вольный перевод того же стихотворения Гейне с подписью «Н. Огарев»:

ВСТРЕЧА

Друзья они смолоду были,
Но рано расстались они
И встретились после случайно
Через долгие годы и дни.

И как же они удивились!
Уж лица наморщились их,
И головы были седые,
И сгорблены спины у них.

Старик старику подал руку
И молча смотрел — и никто
Из них не сказал, сколько было
Им внутренних бурь прожито.⁵⁴

Некрасовский «перепев», конечно, ближе к Лермонтову (ритмика рифма), но это одновременно и «перепев» огаревского стихотворения и вообще «перепев» русских многочисленных стихов «под Гейне».

Приведенные данные, думается, достаточно убедительно показывают, что сопровождающий стихотворение прозаический текст также несомненно принадлежит Некрасову.

Серьезного внимания некрасововедов требует к себе и другое стихотворение, включенное в фельетон, — «Болото и степь, и окрест ни кусточка». Однако мы не будем более останавливаться на этом фельетоне. Думается, что и тот краткий анализ, который нами дан, позволяет сделать вывод: статья «Еще несколько стихотворений Нового поэта» — коллективное произведение Некрасова и Панаева.

* * *

Нами уже высказывалось предположение о принадлежности Некрасову стихотворения Нового поэта «Франт», включенного в анонимную заметку «Моды» в июньской книжке «Современника» за 1849 г.⁵⁵ Это предположение основывается как на перекличке образов «франта» и героя рассказа Некрасова «Новоизобретенная привилегированная краска братьев Дирлинг и К^о»,⁵⁶ так и на указании весьма осведомленного журналиста Л. В. Бранта. Учитывая необычный сатирический характер заметки и органичность входящего в нее стихотворения, а также упоминание в ней об отъезде Нового поэта «в деревню», решаемся высказать предположение о принадлежности Некрасову всей заметки. Это предположение не должно казаться слишком смелым: как известно, Некрасову порой приходилось замещать обычных составителей заметок о модах — А. Я. и И. И. Панаевых.⁵⁷

* * *

Следующий фельетон с атрибутированными Некрасову стихами Нового поэта — «Заметки Нового поэта о русской журналистике. Июль 1851» в августовской книжке «Современника» за 1851 г. В атрибутивном примечании к этому фельетону В. Э. Боград указывает: «Некрасову при-

⁵⁴ Отеч. зап. 1842. № 3. Отд. I. С. 269.

⁵⁵ См. анонимную заметку о модах: Современник. 1849. № 6. Отд. VI. С. 3—4.

⁵⁶ См. наш комментарий к этому рассказу (Н II, 7, 605—606).

⁵⁷ См.: Боград. С. 71, 483.

надлежит „Беседа журналиста с подписчиком“ <. . .>. Остальной текст — Панаева).⁵⁸

«Беседа. . .» помещена в конце фельетона и вместе со вступительным прозаическим абзацем отделена от первой части «Заметок Нового поэта. . .» чертой. Как известно, это сатирическое стихотворение в той же редакции вошло с астрономом *** в изданный Некрасовым вып. 9 сборника «Для легкого чтения» (СПб., 1859). В последнем прижизненном издании своих стихотворений Некрасов сам признал принадлежность ему «Беседы. . .», включив ее в юмористическое приложение, хотя и в сильно сокращенном виде и под другим названием («Деловой разговор»).⁵⁹ В редакции 1874 г. это произведение перепечатывалось во всех изданиях после смерти поэта, вплоть до академического. В комментариях к «Деловому разговору» в академическом издании приводится текст прозаического абзаца, предвещающего сатирическое стихотворение, без какой-либо атрибутивной его характеристики («В „Современнике“ тексту предшествовали слова. . .»), и далее, в частности, указывается: «Под именем „Журналиста“ выведен Андрей Александрович Краевский (1810—1889), издатель-редактор „Отечественных записок“. В стихотворении разоблачаются недостойные приемы, к которым он прибегал в полемике с другими журналами, в частности с „Современником“. При перепечатке в „Стихотворениях“ 1874 г. Некрасов исключил те выпады против Краевского, которые утратили актуальность в 1870-х гг., в результате чего стихотворение стало значительно короче» (Н II, 1, 603). В отделе «Другие редакции и варианты» приведены все выпущенные из редакции 1874 г. фрагменты (86 стихотворных строк — примерно пятая часть редакции 1851 г.) (там же, 482—486).

Думается, что в данном случае проблема основного текста решена неверно. Механически следуя принципу печатать произведение «по последней авторской редакции», составитель «канонизировал» явно ущербный, выхолощенный вариант значительного сатирического произведения Некрасова. Ведь автор переработал «Беседу. . .» не потому, что редакция 1851 г. уже «утратила актуальность». Причина переработки совсем иная: если в 1850-е гг. Краевский был одним из основных противников Некрасова — поэта и публициста и основным конкурентом Некрасова-редактора, то в 1874 г. Некрасов, утративший «Современник», был арендатором «Отечественных записок» Краевского, сотрудничал с ним в Комитете по изданию сборника «Складчина» (СПб., 1874), жил в доме, ему принадлежавшем. Разумеется, идейные позиции, нравственные установки Некрасова и Краевского не стали ближе, но указанные обстоятельства требовали воздерживаться от новых нападков на Краевского, да и «ворошить старое» было не время. Максимально смягчая свою сатиру, Некрасов действовал совсем не по творческим соображениям.⁶⁰

С нашей точки зрения, Некрасову принадлежит и какая-то часть первой половины фельетона Нового поэта со стихотворной пародией «Вечер тих, недвижны воды» (а может быть, и весь фельетон в целом). Это предположение основывается на том, что в начале фельетона Новый поэт с «гордостью» упоминает «Мое разочарование», принадлежащее, как известно, Некрасову: «Я дорожу каждою своею строчкою, как драгоценностью; я полагаю, что каждое мое произведение имеет великое значение;

⁵⁸ Там же. С. 508.

⁵⁹ См.: Некрасов Н. Стихотворения. СПб., 1874. Т. 3. С. 235—251.

⁶⁰ Иную судьбу имело сатирическое стихотворение Некрасова «Признания труженика», напечатанное впервые в «Литературном ералаше» (Современник. 1854. № 11) под заглавием «Труженик. Признания новейшего Фальстафа» и направленное против П. В. Анненкова. Переработка этого стихотворения носила творческий характер. Устраив в 1874 г. оскорбительные для Анненкова намеки на его личность, Некрасов одновременно усилил мотив тунеядства как общественного явления. Первоначальный текст «Признаний труженика» см.: Н II, 1, 501—512, 618—619.

я твердо убежден, что имя мое будет бессмертно на страницах истории русской литературы. Я считаю великими не только мои последние произведения „Мое разочарование“ и мои „Расстегай“, — нет! все, что я ни писал лет десять или пятнадцать назад тому. . .»⁶¹

Здесь же встречается и язвительное замечание по поводу печатавшегося в «Отечественных записках» романа В. Р. Зотова «Старый дом», замысел которого возник у автора, вероятно, под влиянием некрасовских «Трех стран света»:

«Скажите, — обращается к Новому поэту сосед по даче, — правда ли, что журналисты имеют в виду преимущественно нас провинциалов, печатающие такие романы, как „Старый дом“?»

— Говорят.

— Да неужели же эти господа воображают, что мы лишены всякого вкуса в искусстве, что нас можно угощать чем ни попало и что нам могут нравиться, нас могут занимать нескончаемые вялые и бесталанные подражания Казанове, Ал. Дюма и „Трем странам света“?» (7).⁶²

Как нам кажется, это замечание может принадлежать только автору «Трех стран света».

* * *

Богат стихотворными текстами Некрасова фельетон «Заметки Нового поэта о русской журналистике. Октябрь 1851».⁶³ В атрибутивной справке

⁶¹ Современник. 1851. № 8. Отд. VI. С. 2. Далее при цитировании «Заметок Нового поэта о русской журналистике. Июль 1851» страницы журнала указываются в тексте статьи. Пародия Некрасова (на стихи К. Павловой) «Мое разочарование» входит в состав его рецензии на сборник «Раут» (Современник. 1851. № 5. Отд. V). «Драматический этюд» «Расстегай» — пародия Нового поэта на «драматический и психологический этюд» А. Н. Островского «Неожиданный случай», напечатанный в альманахе «Комета» (М., 1851) и провозглашенный в «Москвитянине» образцом «художественности и искренности» в искусстве, помещен в «Заметках Нового поэта о русской журналистике. Май 1851» (Современник. 1851. № 6. Отд. VI. С. 142—151). Последней пародии предшествовала большая анонимная рецензия, посвященная разбору «Кометы» и, в частности, «драматического этюда» Островского (Современник. 1851. № 5. Отд. III. С. 1—32). Творчество Островского после «Свои люди — сочтемся!» подвергалось в этой рецензии резкой критике, драматург обвинялся в подражании Гоголю, а его «этюды» — в пустоте, бессодержательности.

М. Я. Блинчевской и С. Г. Лазутиным установлено, что анализ повести А. В. Станкевича «Идеалист» в рецензии на «Комету» принадлежит Некрасову (см.: *Блинчевская М.* «Это, увы, современный герой»: Неизв. статья Некрасова. — Лит. газ. 1971. 26 мая. № 22. С. 7; *Лазутич С. Г.* К истории создания романа «Тонкий человек» и поэмы «Саша» // Вопросы литературы и фольклора. Воронеж. 1972. С. 19—31). Независимо от названных исследователей на основе анализа содержания, стиля рецензии, некоторых историко-литературных и биографических данных Н. Б. Алдонина пришла к выводу (на наш взгляд убедительному) о принадлежности Некрасову всей рецензии на «Комету» (см.: *Алдонина Н. Б.* «Современник» в борьбе за передовую драматургию: (Об анонимной рецензии на альманах «Комета») // Жанровое своеобразие русской поэзии и драматургии: Межвуз. сб. науч. тр. Куйбышев. 1981. С. 90—111 (Учен. зап. / Куйбышев. пед. ин-т; Т. 256)).

В «Заметках Нового поэта о русской журналистике. Июнь 1851» (Современник. 1851. № 7. Отд. VI. С. 35—49) фельетонист вновь возвращался к своим «Расстегаям», о которых он якобы беседовал с автором рецензии на «Комету» в «Современнике», и к «этуду» Островского. В названной выше рецензии Некрасова на «Раут», помещенной в одном номере с рецензией на «Комету», есть отсылка к ней по поводу «этюд» Островского (Н I, 9, 225).

Указанные обстоятельства дают основание высказать предположение, нуждающееся, разумеется, в дополнительных аргументах, об участии Некрасова в работе над фельетонами Нового поэта в июньской и июльской книжках «Современника».

⁶² Ср. также более раннее замечание Нового поэта о печатании романа Зотова, «отличающегося лестным для „Современника“ подражанием „Трем странам света“» (Современник. 1851. № 5. Отд. VI. С. 66). Еще ранее на это подражание Некрасов и Панаев указывали в ноябрьской книжке «Современника» за 1850 г. в статье «От редакции „Современника“» (Н I, 12, 147).

⁶³ Современник, 1851. № 11. Отд. VI. С. 78—89. Далее при цитировании «Заметок Нового поэта о русской журналистике. Октябрь 1851» страницы журнала указываются в тексте статьи.

В. Э. Богграда о нем сказано: «Напечатанные на с. 85—88 стихотворения „Родился я в губернии. . .“, „К ней“ («В суровой бедности, невежественно дикой. . .») и „Великий человек“ («Огни зажигались вечерние. . .») принадлежат Некрасову < . . . > ему же, возможно, принадлежат прозаический отрывок, следующий за стихотворением „Родился я в губернии. . .“. Автором басни „Незабудки и запятки“ (с. 90) был Ал-др Жемчужников; басни „Кондуктор и Тарантул“ и „Цапля и беговые дрожки“ (с. 90—91) написаны Ал-ем и Ал-дром Жемчужниковыми. < . . . > Автором остального текста является Панаев».⁶⁴

В академическом издании А. М. Гаркави, вслед за К. И. Чуковским и В. Э. Богградом, приписал характеристику нищего поэта, данную после стихотворения «Отрывок» («Родился я в губернии. . .»), Некрасову. Оценка стихотворения «К ней», содержащаяся в этом фельетоне, имеет, по мнению автора комментария в академическом издании, характер автопризнания и, «надо полагать < . . . > принадлежит Некрасову». Остальной прозаический текст фельетона атрибутируется здесь Панаеву (Н II, 1, 686—687, 591).

Все три названных стихотворения из фельетона Нового поэта были впоследствии переработаны (в разной степени) и включены автором в его собрание стихотворений. Первое из них Некрасов датировал 1841 г., а второе и третье — 1846 г. Известно также, что в личном экземпляре «Стихотворений» 1874 г. под стихотворением «В неведомой глуши, в деревне полудикой. . .» (которое в фельетоне имеет заглавие «К ней»), написанным, по признанию Некрасова, под влиянием Лермонтова, Некрасовым сделаны пометы: «Не желаю, чтобы эту подделку ранних лет считали как черту моей личности»; «Был влюблен и козырнул» (там же, 591).

Необходимо отметить также, что все три указанных стихотворения не являются пародиями и поданы Новым поэтом как произведения талантливого поэта, гибнущего от постоянной нужды и разлагающего влияния городского дна.

Внимательное знакомство с текстом всего фельетона приводит к убеждению, что доля участия Некрасова не ограничивалась стихами и прозаическими фрагментами при двух из них. Функция некрасовских стихотворений в фельетоне, как бы тщательно и глубоко ни анализировались они *в отдельности* (как обычно делается), останется непонятной, если согласиться с мнением о незначительной роли Некрасова в работе над «Заметками Нового поэта. . .». Более того, анализ содержания этих стихотворений в отрыве от контекста статьи дезориентирует исследователя.

Центральная часть фельетона (81—86), включающая стихотворения Некрасова, представляет собою серьезный разговор о двух направлениях современной поэзии: поэзии «чистой», не связанной с проблемами действительности, и реалистической поэзии.

Основной объект критики Нового поэта в анализируемом фельетоне — «антологическая» поэзия Н. Ф. Щербины, провозглашенного «Библиотекой для чтения» и «Отечественными записками» восходящим светилом на темном небосклоне русской поэзии. «Как бы взрослые под ясным небом Греции, — писали «Отечественные записки», — убаюканные шумными всплесками зеленоводного Эгейского моря, внимавшие и олимпийскому грому, и сладкому жужжанию пчел Гимета, эти стихи блеснули ярким лучом в нашей литературе будто для того, чтоб еще более показать нам всю вялость и пустоту наших обыденных стихотворцев».⁶⁵ Под «обыденными стихотворцами» критик «Отечественных записок» несомненно разумел прежде всего самого Некрасова.

Отношение Некрасова к «антологическому» направлению Щербины⁶⁶

⁶⁴ Боград. С. 508.

⁶⁵ Отеч. зап. 1850. № 7. Отд. VI. С. 19.

⁶⁶ Отзыв Некрасова о раннем творчестве Щербины — резко отрицательный — содержится в его рецензии на «Молодик» 1843 г. (Н I, 9, 120).

известно нам по его более поздней рецензии на «Дамский альбом» (СПб., 1854): «. . . хотя г. Щербина и далеко не оправдал надежд, которые возбуждал при своем появлении, в нем все-таки нельзя отрицать некоторого поэтического таланта, и к тому, что он дал нам, и теперь еще прибавляет он иногда произведения, не лишенные достоинств» (Н I, 9, 244).

Анализируемая часть фельетона начинается сходным замечанием: «Г-н Щербина при появлении своем возбуждал надежды, встречен был самыми лестными отзывами журналов, отличавшимися редким единодушием» (81). «Я хочу сказать, — замечает далее Новый поэт, — что самый род, в котором выступил г. Щербина, уже заключает в себе неизбежные причины ослабления таланта, если постоянный труд и изучение, в соединении с строгостью к самому себе, не раздвинут границ творчества для поэта, который пожелал бы остановиться исключительно на одном этом роде. И, желая душевно успеха г. Щербине, я беру смелость посоветовать ему трудиться и не спешить, быть как можно строже к себе, а главное, — не печатать слабых попыток, недостойных его первых произведений, — иначе его литературная известность, уже и теперь потухающая, подвергается большой опасности вовсе потухнуть, что было бы для меня очень прискорбно» (83).

Размышления Нового поэта о современной поэзии, о месте поэтического таланта Щербины в ряду других талантов очень близки идеям, высказанным автором статьи «Русские второстепенные поэты», и порою углубляют и конкретизируют то, о чем в статье говорится мимоходом.

«У поэтов не первоклассных, не гениев, — замечает автор фельетона, — которым, как говорит пословица, закон (эстетический) не писан, — у второстепенных поэтов содержание всегда будет играть главную роль, — и богатое и дельное содержание не всегда дело одной фантазии, — оно приобретает также трудом, размышлением, опытом собственной жизни. Я еще мог бы посоветовать г. Щербине, оставив древний мир, попробовать свой талант в сфере живой действительности. . . но вопрос: имеет ли призвание г. Щербина к такому роду? Если не имеет, то никакие великолепные картины древнего мира не упрочат так скоро его известности, как поэтическое прикосновение к современной действительности. Таков уже человек: он прежде всего интересуется самим собою, а потом что поближе к нему. Впрочем, может быть, не все так думают; что же касается до меня, то поэтическое воспроизведение интересов, горя и радостей, среди которых живем мы, даже в самой ограниченной раме, действуют несравненно живее самого роскошного изображения отжившего мира. . .» (83—84).⁶⁷

⁶⁷ Та же мысль в слегка утрированной форме звучит в одном из монологов Нового поэта, включенном в фельетон Некрасова «Теория бильярдной игры и Новый поэт» (1847): «Возвышенные чувства! Великие личности! < . . . > Недаром я ходил в старину в школу: я знаю, что на свете было много разнородных героев, знаю даже, как зовут некоторых из них и что они сделали. . . да только я-то живу в мире купеческих сынков, губернских и разных секретарей, бильярдных игроков, самолюбивых сочинителей и актеров, промышленников и спекуляторов, зубных врачей и мазуриков — я сам и сочинитель и спекулятор < . . . >. Какое же мне дело до великих личностей, до героев? Сказать ли правду, я даже перестал верить, чтоб они существовали когда-нибудь. . . Чужды мне их нравы, взгляды и убеждения. Глух я на голос того чувства, которое велит нам на опасность и явную смерть. . . Дико и недоверчиво отзываются в ушах моих слова негодования, лившиеся из уст их при виде нечестивого, впрочем, обещающего прибыль. Дела, и вчуже протягивается рука моя к подкупающему золотому мешку, от которого с презрением отворачиваются они, нерасчетливые герои. . . Вчуже мурашки пробегают у меня по коже, когда говорят они правду, за которую может достаться, вместо лжи, которою можно выиграть. . . Какую пользу извлеку я из их примеров? Для чего стану передавать их деяния, никому не нужные? . . . Я простился с ними и никогда к ним не возвращусь:

Затем, что мне в трактире бьющий стекла
Купеческий сынок в пятнадцать лет
В сто тысяч раз важнее Фемистокла
И всех его торжественных побед! . . .»

(Современник. 1847. № 11. Отд. IV. С. 113)

В качестве примера, подтверждающего эту мысль, фельетонист рассказывает о встрече с неким поэтом («и поэтом, как „не шута“ замечает автор, замечательным», «которого фамилия здесь не назову» — 84) и демонстрирует названные выше стихотворения, якобы принадлежащие этому поэту. Не вполне «отделанные» стихи неизвестного юноши подкупают автора фельетона прежде всего тем, что «предмет его слишком близок сердцу самого поэта». Стихотворение «Великий человек», впоследствии печатавшееся Некрасовым в полной редакции под заглавием «Секрет», неизвестный поэт читает ему при встрече у одной из бильярдных.

Противопоставляя поэзию реальной грубой действительности блестящим «греческим» фантазиям Щербины и стихам некой «дамы-поэта», стихотворение которой «Поэт» («В пределах дальней высоты. . .») ⁶⁸ также демонстрируется, Новый поэт говорит, в частности, об «Отрывке»: «Я не признаю этого стихотворения безусловно хорошим. В нем краски довольно грубы, сфера их содержания довольно однообразна, неизменна и ограничена; картины мрачны; но ведь каждый из нас пишет хорошо только то, что сам пережил, перечувствовал, видел своими глазами. И у меня недостает духу обвинить поэта за то, что предметы своих песнопений почерпает он в низменных сферах, где протекает его собственная жизнь» (86).

Исследователи уже отмечали, что рассказ об ищущем литературного покровителя нищенствующем поэте, его автобиографических стихах, его мытарствах и образе жизни прямо соотносится с историей героя автобиографического романа Некрасова. Сам эпизод встречи поэта и фельетониста, описанный в «Заметках Нового поэта. . .», мог бы стать одной из глав романа о Тростникове (ср.: II, 1, 629).

Итак, фельетон в основном принадлежит Некрасову. Панаевым, знавшим иностранные языки, написано краткое отступление по поводу приписывавшихся Рафаэлю «лухмановских картонов» и споров о них в европейской печати. Панаев же, по-видимому, является автором и упомянутой выше пародии «Поэт». Мысль о ведущей роли Некрасова в составлении этого фельетона подтверждается кроме всего сказанного анализом следующего рассматриваемого нами фельетона.

* * *

Мы обращаемся теперь к фельетону «Литературный маскарад накануне нового (1852) года. Заметки Нового поэта», ⁶⁹ помещенному в № 1 «Современника» за 1852 г. Авторы его Некрасов и Панаев предприняли остроумную попытку сломать традицию печатать в конце года обзор литературы за прошедший год. Дело в том, что в конце 1840—начале 1850-х гг. редакция «Современника» испытывала острый недостаток в сотрудниках, которым можно было бы поручить критико-библиографический отдел журнала.

В начале фельетона Новый поэт рассказывает, как было решено обойтись без обычного литературно-критического обзора:

«Недавно, лежа в своем кабинете на самом удобном и покойном диване и куря превосходную сигару, я перелистывал какую-то статейку < . . . ». В эту самую минуту послышался мне звонок, и вслед за тем вошел мой человек доложить о приезде одного из издателей „Современника“. Я велел просить его.

Ср. также размышления Некрасова о двух типах поэтических дарований в письме к В. П. Боткину от 16 сентября 1855 г. (Н I, 10, 247).

⁶⁸ Эта пародия вошла в «Собрание стихотворений Нового поэта» (СПб., 1855. С. 3—4).

⁶⁹ Современник. 1852. № 1. Отд. VI. С. 153—173. Далее при цитировании публикации «Литературный маскарад накануне нового (1852) года. Заметки Нового поэта» страницы журнала указываются в тексте статьи.

Когда он вошел, я предложил ему сигару и посадил его против себя.

— Ну, что нового? — спросил я.

— Да ничего особенного. Я в ужасных хлопотах, — отвечал издатель. — Перед Новым годом у нас столько дела, что вы не поверите. . . < . . > мы должны составить „Обозрение русской литературы“ за этот 1851 г. Каково это?

— Должны? — отвечал я. — Это мне нравится, — да кто же вас к тому обязывает.

— Так принято.

— Напрасно. Для чего же вы будете повторять публике то, что вы твердили ей в продолжение целого года. . .».

Далее выясняется, что Новый поэт как раз занят подготовкой обозрения, но в особом роде: «Один мой друг, петербургский Монте-Кристо, дает у себя накануне Нового года костюмированный бал со сценами. На этом бале будут олицетворены замечательные произведения русской литературы 1851 года, и я взял на себя страшную обузу устроить все это» (153—155).

Все дальнейшее содержание фельетона составляет описание литературного маскарада, устроенного «петербургским Монте-Кристо» по сценарию Нового поэта. Красочное описание роскошно и остроумно декорированного зала в доме устроителя маскарада заканчивается пассажем, содержащим выпад против главного противника «Современника» — «Отечественных записок»: «К довершению очарования сквозь стеклянный потолок исполинской залы виднелось голубое небо, усеянное бесчисленными звездами. На противоположном от входа конце залы при лунном блеске светилось „Мертвое озеро“ с своею печальною и дикою местностью, и на самом берегу его стояла неуклюжая и огромная руина, представлявшая „Старый дом“» (158).

Далее изображаются другие литературные декорации и персонажи, символизирующие объекты критических нападок «Современника» 1851 г., — сборник «Комета» в виде гостиницы с тем же названием, герои драматических этюдов А. Н. Островского, Е. В. Тур, А. В. Станкевича, М. В. Авдеева, соловей, символизирующий Щербину:

Тихо в воздухе, в сон погруженном,
Месяц по небу тихо плывет,
А на ветке в лесу омраченном
Соловей как Щ-на поет. . . (162)

Эта эпиграмма на Щербину несомненно некрасовская. Кроме достаточно определенного отношения Некрасова к поэзии Щербины, о котором уже упоминалось, согласующегося с этой сатирической характеристикой, укажем на прямое повторение образа Щербины-соловья в знаменитом некрасовском «Послании к поэту-старожилу» из июньского номера «Современника» за 1855 г. (курсив мой. — *В. М.*):

Нам Музу новую свою
Представил автор «Арлекина»,
И тот, кто равен соловью,
Природу нам воспел, — Щербина!⁷⁰

(Н I, 9, 251)

⁷⁰ Когда в № 19 «Москвитянина» за 1852 г. была напечатана «Ифигения в Тавриде» Щербины, Тургенев писал Некрасову: «Боже мой! Боже мой! Посмотри, какую исполненную претензий мерзость тиснул Щербина в „Москвитянин“е. И это он смел сделать после гетевской „Ифигении“! . . . < . . . > что за поганые вирши! Неужели Новый поэт оставит это без внимания? < . . . > Новый поэт! обращаюсь к тебе — рекомендую тебе его» (Т, Письма, 2, 80). «О Щербине я с тобой совершенно согласен», — отвечал Некрасов Тургеневу в середине ноября 1852 г. (Н I, 10, 184). А в «Заметках и размышлениях Нового поэта по поводу русской журналистики», напечатанных в ноябрьской книжке «Современника», появился отзыв об «Ифигении в Тавриде» Щербины, в кото-

В обозрение вошли и другие сатирические стихи. Завершается оно стихотворением «На Новый год» («Что новый год, то новых дум. . .»), которое исполняет невидимый хор.

Потом был ужин, на котором издатель «обнимался и целовался с неприимым врагом своим — другим издателем» (173).

Это фельетонное обозрение имело немалый читательский успех.⁷¹

Включив стихотворение «На Новый год» («Новый год») в свой сборник «Стихотворений» 1856 г., Некрасов засвидетельствовал авторское участие в фельетоне «Литературный маскарад. . .». В справочнике В. Э. Богграда весь фельетон, за исключением некрасовского стихотворения, отнесён к И. И. Панаеву.⁷² Однако содержание рассмотренного фельетона позволяет утверждать, что он является *коллективным* произведением Некрасова и Панаева.

* * *

Участие Некрасова в фельетоне «Заметки и размышления Нового поэта по поводу русской журналистики», помещенном в № 1 «Современника» за 1855 г., установлено К. И. Чуковским. В 1922 г. исследователь опубликовал⁷³ черновой вариант некрасовского стихотворения «Пробил час! . . Не скажу, чтоб с охотой. . .» по найденному им автографу. Это стихотворение находится в составе названного фельетона и озаглавлено (судя по перечню тем фельетона) «Песнь Нового года». Начиная с издания 1931 г.⁷⁴ оно перепечатывалось (без заглавия) во всех полных собраниях стихотворений поэта. В 1960 г. А. М. Гаркави убедительно доказал принадлежность Некрасову также и стихотворного отрывка («Взирает он на жизнь сурово, строго. . .»), помещенного в этом фельетоне, и высказал предположение, что он относится к черновым вариантам «Чиновника» (1844).⁷⁵ Это стихотворение вошло в отделы «Dubia» в издании «Библиотеки поэта»⁷⁶ и в академическом издании (Н II, 1, 457).

Рассматриваемый фельетон имеет следующее оглавление: «Полемика в жизни и полемика в литературе. — Литература и наши мелочные самолюбия. — Новый девиз: „la littérature oblige“ — обязанности добросовестного рецензента. — Бююз и Бальзак. — Пушкин и его рецензенты. — Тост в Новый год. — Песнь Нового года. Минутное возвращение к старому. — „Библиотека для чтения“: Роман г. Михайлова, повесть „Катенька“ и пр. — „Москвитянин“ (№ 20, 21 и 22): Повесть „Старый друг лучше новых двух“. — „Воспоминания учителя“. — Г-н Аксаков и его ответ старому театралу».⁷⁷

Вся вступительная часть фельетона — семь главок («Полемика в жизни и полемика в литературе. < . . > Песнь Нового года»), предшествующих журнальному обозрению и включающих оба стихотворения Некрасова, —

ром, в частности, говорилось: «. . . в лирическом стихотворении г. Щербины виден большой труд, а поэзии в нем мало» (Современник. 1852. № 11. Отд. VI. С. 129). Ср. также позднейшее стихотворение Некрасова, отражающее его ироническое отношение к Щербине, — надпись на портрете, подаренном П. А. Ефремову (1874):

Скажи: изрядный был поэт,
Не хуже Фета и Щербины. . .

(Н II, 3, 131)

⁷¹ См.: Отеч. зап. 1853. № 1. Отд. IV. С. 27 и след.

⁷² См.: Богград. С. 511; ср.: Н II, 1, 604.

⁷³ См.: Чуковский К. Неизвестное стихотворение Некрасова // Красная нива. 1928. № 1. С. 6.

⁷⁴ Некрасов Н. А. Полн. собр. стихотворений. М.; Л., 1931. С. 620.

⁷⁵ См.: Некрасовский сб. М.; Л., 1960. Вып. 3. С. 266.

⁷⁶ Некрасов Н. А. Полн. собр. стихотворений: В 3-х т. 2-е изд. Л., 1967. Т. 1. С. 537 (Б-ка поэта. Большая сер.).

⁷⁷ Современник. 1855. № 1. Отд. V. С. 63. Далее при цитировании «Заметок и размышлений Нового поэта по поводу русской журналистики» страницы журнала указываются в тексте статьи.

написана, по всей вероятности, одним Некрасовым. Внешне это добродушная фельетонная болтовня по случаю Нового года без определенной цели и плана. Вначале — о странностях человеческой природы, всегда недовольной собственным положением.

«Вот, например, — указывает фельетонист, — перед вами господин, который окружен всеми условиями для счастья. . . У него прелестнейшая подруга жизни с брильянтовым фермуаром на шее, с драгоценным браслетом и кольцом, которая обожает его и подаренные им фермуары, браслеты и кольца; милые малютки окружают его и кричат ему: „Папа! папа!“ . У него несколько тысяч в ломбарде, он участвует в откупках, в золотых промыслах, у него акции всевозможных обществ, он пользуется значительною известностью, ему все крепко пожимают руки, ему все приятно улыбаются. . . С большим талантом. . . приобретателя, с прекрасной и многозначительной физиономией. . .» (63).

Далее следует стихотворный портрет этого господина «Взирает он на жизнь сурово, строго», который в академическом издании Некрасова откомментирован следующим образом: «В публикуемом отрывке, как явствует из фельетона, выведен некий господин, „окруженный всеми условиями для счастья“ (очевидно, крупный чиновник)» (Н II, 1, 704).

Однако речь идет не о чиновнике. Это делец, страдаемый страшной завистью к «бедному ученому, сидящему на чердаке», который сам порою завидует «господину с паями». «Все мы более или менее завидуем друг другу, — меланхолически сетует Новый поэт, — и заводим нередко друг с другом ожесточенную и смешную полемику» (69), вредную как в жизни, так и в литературе.

Новый поэт обещает читателям своим не ввязываться в новом году в полемики и не поддерживать нападки даже на своих противников, «если только эти противники — литераторы. . . Честь литературы должна быть дороже всего для литератора. Только Бюлозы,⁷⁸ журнальные антрепренеры, топчут литературу и пятнают ее грязью во имя личных своих интересов. . .» (64).

Призывая фельетонистов и рецензентов к доброжелательному, бережному отношению к собратьям по литературе, Новый поэт вновь и вновь возвращается к образу завистливого литературного дельца: «Только Бюлозы с их наемщиками могут равнодушно пятнать честь и доброе имя писателя, потому что Бюлозы антрепренеры, спекуляторы, а не литераторы. Они не могут принять к сердцу литературу и дорожить ее именем. Для них литература — дойная корова, по выражению Шиллера» (65).

Нет сомнения, что в данном случае имеется в виду А. А. Краевский, так же как и в упоминавшемся выше стихотворении 1851 г. «Беседа журналиста с подписчиком». И возвращение Некрасова к сатире на редактора враждебных «Современнику» «Отечественных записок» отнюдь не случайно. Этим фельетоном редактор «Современника» завершал традиционную для периода подписной кампании полемику с конкурирующим журналом и его издателем — литературным дельцом, лишенным писательского дара. Poleмика была начата редакцией Краевского в его объявлении о подписке на «Отечественные записки» 1855 г.⁷⁹

Некрасову, по всей вероятности, принадлежит и главка фельетона, посвященная обзору декабрьской книжки «Отечественных записок» 1854 г. (71—72). Здесь анализируются роман М. Л. Михайлова «Перелетные птицы», стихотворение Огарева, переводы из Байрона Н. П. Грекова, стихи А. Н. Яхонтова, историографические работы.

Некрасовской «приметой» служит в особенности фрагмент, посвященный Огареву: «В декабрьской книжке „Отечественных записок“ множество стихотворений. Лучшее из них принадлежит г. Огареву. Это стихотворе-

⁷⁸ Речь идет о Франсуа Бюло (1803—1877), издававшем в Париже либеральный журнал «Revue des Deux Mondes».

⁷⁹ См.: С.-Петербургские вед. 1854. 30 дек. № 289.

ние, названное „Отрывком из письма“ и точно не заключающее в себе ничего целого, носит характер той задумчивости, которою отличались прежние произведения этого поэта. . . В доказательство мы приведем из него следующую картину (курсив мой. — Б. М.):

И право, жаль, что никогда
Не доведется мне *лениво*
Сидеть на берегу пруда
Под старою плакучей ивой. . .» (71—72).

Об этом же стихотворении Огарева Некрасов упоминает в «Послании к поэту-старожилу» (курсив мой. — Б. М.):

Ленивый даже Огарев —
И тот пустил в печать отрывок.
(Н I, 9, 251)

* * *

Напомним, что «Послание к поэту-старожилу» помещено в рецензии на три поэтических сборника, в которой Некрасов выражает ироническое восхищение стихотворным «богатством» журналов и книжной продукцией начала 1855 г. «Все это очень хорошо, — замечает Некрасов. — Стихотворному движению последнего года обязаны мы некоторыми прекрасными явлениями, которые при прежнем охлаждении к поэзии, может быть, пролежали бы в портфелях своих авторов; но пишущий эти строки осмеливается напомнить, что крайность во всяком деле вещь опасная. Не хорошо было безотчетное гонение на стихи, но и безотчетное покровительство им едва ли может привести к чему-нибудь хорошему. Конечно, хорошее стихотворение, напечатанное рядом с дурным, выитрывает по крайней мере вдвое; но зачем печатать дурное стихотворение?» (Н I, 9, 251—252).

Эту же мысль встречаем в последней главке фельетона «Заметки и размышления Нового поэта по поводу русской журналистики. Март 1855» из апрельского номера «Современника» за 1855 г., озаглавленной «Новейшие стихотворцы». Выразив недоумение по поводу помещения в «Отечественных записках» нескольких чрезвычайно слабых стихотворений Солоницына, Новый поэт замечает: «Журналисты наши, кажется, опять находятся в моменте стихотворного увлечения. В каждой книжке журналов с некоторого времени непременно появляются стихи. „Стихов, как-ких бы то ни было, но только стихов!“ — восклицают издатели журналов. Почему это? разве этого требует публика? . Или это признак весны, и поэты пробуждаются (курсив мой. — Б. М.) и начинают чиликать вместе с птичками? В таком случае стишки г. Солоницына о птичках:

Умолкнувших птичек
Веселая стая
Поднимется к небу,
Поля оглашая, —

можно переделать так:

Умолкших поэтов
Печальная стая
Поднялась вдруг снова,
Журнал оглашая. . .»⁸⁰

И этот юмористический «перепев», и посвященный поэзии 1855 г. фрагмент

⁸⁰ Современник. 1855. № 4. Отд. V. С. 280. Далее при цитировании «Заметок и размышлений Нового поэта по поводу русской журналистики. Март 1855» страницы журнала указываются в тексте статьи. Ср. мотив «пробуждения» эпигонской поэзии в «Заметках Нового поэта. . .» из майского номера «Современника» за 1854 г. — коллективном фельетоне обоих редакторов журнала. Этот же мотив отмечен нами (см.: Рус. лит. 1986. № 3. С. 159—161) уже в первой коллективной публикации Некрасова и Панаева под маской Нового поэта (Отеч. зап. 1843. № 1. Отд. VIII. С. 54).

фельетона Нового поэта, который включает «Послание к поэту-старожилу», принадлежат, по-видимому, автору этого стихотворения, где мотив пробуждения «задремавшей» было поэзии занимает столь значительное место (курсив мой. — Б. М):

В крылах отяжелевший грач,
 Когда-то на Парнас летавший! . .
 Давно ли нам прислал ты «Плач»
 О русской музе задремавшей?
 И что же? Не прошло двух лет,
 Как всё вверх дном перевернулось:
 И поднял голову поэт,
 И вновь поэзия проснулась!
 < >
 Поэтов новых всех родов
 Фаланга целая готова,
 И даже старых голосов
 Два-три услышали мы снова.

Что ж? в добрый час! смелее, марш! . .
 Проснулись Солоницын, Греков. . .

(Н I, 9, 251)

Кроме цитированной главки «Новейшие стихотворцы» в апрельских «Заметках и размышлениях Нового поэта по поводу русской журналистики» Некрасову могут принадлежать и центральные главки этого фельетона (260—280), посвященные обзору последних номеров «Библиотеки для чтения» и «Отечественных записок». Высказанные здесь мысли о крестьянской теме, «деревенских повестях», являющихся подражаниями «Запискам охотника», о творчестве С. В. Максимова, М. В. Авдеева, А. В. Дружинина, Г. П. Данилевского вполне соответствуют общественно-литературной позиции Некрасова этой поры.

Не исключено, что И. И. Панаев вообще не участвовал в составлении этого фельетона. Вводная «теоретическая» его часть — размышления о литературе пушкинской эпохи и современной, о своеобразии русской литературы в системе европейских литератур, о задачах современного искусства и его возрастающем общественном значении — глубоко созвучна идеям молодого Чернышевского.

Чернышевскому же может принадлежать главка «Замечание на статью „Отечественных записок“ „Несколько слов о мнениях «Современника»» — ответ на выпад «Отечественных записок» против рецензии Чернышевского «Архив историко-юридических сведений. . .», напечатанной в сентябрьском номере «Современника» за 1854 г.

* * *

Учитывая, что Некрасов участвовал в составлении фельетонов Нового поэта не только как автор стихотворных фрагментов, мы должны более внимательно отнестись к случаям его сотрудничества с другими авторами публицистических статей, включающих стихи Некрасова. Обратим внимание прежде всего на «Современные заметки» из № 1 «Современника» за 1847 г., в которые вошел стихотворный фрагмент «Уныло мы проходим жизни путь. . .» из «Новостей» Некрасова (1845), не напечатанный ранее по цензурным обстоятельствам.

В письме к И. С. Тургеневу от 1 (13) марта 1847 г. В. Г. Белинский писал: «Теперь фельетон поверен человеку порядочному, но это все — не Вы, мой бесценный Иван Сергеевич: уж такого фельетона, какой был в 1 № „Современника“, не дожидаться нам раньше Вашего возврата в Питер» (Б, 12, 344—345). В атрибутивной справке В. Э. Богграда об этом фельетоне читаем: «Напечатанные на с. 78 стихи „Уныло мы проходим жизни путь“ — часть запрещенного цензурой стихотворного фельетона Некрасова „Новости“. < . . . > К петербургской части „Современных заметок“, написанной

Тургеневым, механически присоединена хроника литературной и театральной жизни Парижа, а также ироническая информация о выходе в свет сборника „Скалозуб и пересмешник“. Кто был автором этого текста, установить не удалось.⁸¹

(Отрывок «Современных заметок», включающий некрасовские стихи, посвящен петербургским циркам, о которых Некрасов так часто писал в своих фельетонах 1844—1845 гг. Он начинается следующими словами: «Упомянув об Лежаре и Гверре, нельзя не войти в некоторые подробности, — предмет слишком интересующий в настоящее время петербургскую публику. Мы, однако же, нисколько не намерены смотреть на него свысока и тяжеломерно подтрунивать над публикою, называя ее увлечение „лошадино-циркоманиею“ или каким-нибудь еще более неуклюжим словом. Мы не видим ничего худого в том, что публике нравятся цирки. Подумаешь, читая иной фельетон, презрительно издевающийся над цирками, что мы и бог знает как богаты и потребностью художественных наслаждений, и возможностью наполнять ими жизнь нашу. . . Ничуть не бывало! Какой-то поэт, не печатающий своих стихов и, вероятно, „озлобленный на новый век и нравы“, сказал об нас:

Уныло мы проходим жизни путь. . .»⁸²

Упоминание о цирках Лежара и Гверры (без названия этих имен), на которое ссылается фельетонист, — в самом начале заметок. Возвращение к этой теме может показаться нелогичным. Более того, цитированный нами пассаж о цирках находится в некотором противоречии с началом фельетона: «Мы ленивы и нелюбопытны, справедливо сказал об нас Пушкин. Мы весьма мало заботимся о том, что происходит около нас. Но мы похожи на скупцов, которые, если решаются наконец угостить кого-нибудь, бросают деньги за окно и летом топят комнаты; если чему-нибудь удалось занять наше любопытство, мы только об этом и толкуем, делимся на партии, спорим с жаром, спорим с убеждением и через несколько времени погружаемся опять в обычное наше равнодушие. Теперь нас преимущественно занимают и волнуют цирки. . .» (71).

Обратим также внимание и на способ включения стихов в текст фельетона — прием, который можно назвать анонимной автоцитацией и которым Некрасов многократно пользовался в своей журнальной практике. Так, в фельетоне «Петербургские дачи и окрестности» (1844), рассказывая о скачках группы Сулье, Некрасов следующим образом приводит цитату из своего «Говоруна»: «Вот как описывает прошлогоднее „чрезвычайное“ представление один петербургский старожил:

Как все, страстей игралище. . .»

(Н I, 5, 449)

Тот же прием отметим в фельетоне «Черты для характеристики петербургского народонаселения» (1844 — Н I, 5, 479).

Учитывая, что степень участия И. С. Тургенева в фельетоне устанавливается весьма произвольно,⁸³ ибо письмо Белинского, будучи единственным основанием для атрибуции, не определяет границы тургеневской части статьи, и исходя из ряда рассмотренных выше аналогичных случаев, мы можем высказать предположение: не только стихи, но и весь заключительный сюжет «петербургской» части «Современных заметок» о цирках (77—82) принадлежит Некрасову.

⁸¹ Боград. С. 478—479.

⁸² Современник. 1847. № 1. Отд. IV. С. 77—78 (далее при цитировании «Современных заметок» страницы журнала указываются в тексте статьи); ср.: Тургенев И. С. Полн. собр. соч. и писем: В 30 т. Соч.: В 15 т. М., 1978. Т. 1. С. 289.

⁸³ См.: Тургенев И. С. Собр. соч. и писем: В 30 т. Соч.: В 15 т. Т 1. С. 281—290, 516—517.

* * *

Таким же образом обстоит дело с «Письмами в глушь» П. М. Ковалевского, четвертое «письмо» которого включает сатиру Некрасова на М. П. Каткова «Предмет любопытный для взора. . .».⁸⁴ На авторство Некрасова указал сам Ковалевский, вспоминая о своем сотрудничестве в «Современнике»: «. . . один раз только редактор, и то с моего согласия, вставил свои собственные стихи по случаю подношения Каткову чернильницы с тем, чтобы тот „макал в разум“».⁸⁵

В академическом издании Некрасова в комментарии к стихотворению «Чернильница» указание Ковалевского традиционно трактуется буквально и фразу, вводящая стихотворение в текст, цитируется как принадлежащая автору всего фельетона (Н II, 2, 413).⁸⁶ Приведем текст, следующий за этим стихотворением:

«Не знаю, показывается ли чернильница теперь, но еще 28 декабря, как уверяет газета „Весть“ № 32, 1865 г. (откуда я взял описание, переложив его в стихи, так как прозою о подобных вещах говорить не приходится), в магазине Сазикова можно было видеть как чернильницу, так и перо, золотое (по уверению той же «Вести», с надписью: «Макающему в разум перо»).

Вот как ценятся истинные заслуги, мой друг. Мы живем в хорошее время. Если, с одной стороны, порок наказывается, то — с другой, добродетель, видимо, торжествует. Что же нужно еще?» (185—186).

Как видим, стихи и прозаический текст связаны столь органично, что точность указания Ковалевского не может не вызвать сомнения. Некрасов, вероятнее всего, написал всю сатирическую заметку о Каткове сам. Даже если она уже была составлена Ковалевским, Некрасов прошелся редакторской рукой по тексту, «пригоняя» к нему стихотворение. Во всяком случае, мы считаем необходимым найти место в томе публицистики Некрасова для этой *коллективной* заметки.

* * *

Укажем еще на один содержащий стихотворный текст Некрасова фельетон («Петербургская жизнь. Заметки Нового поэта») в мартовской книжке «Современника» за 1859 г., который необходимо учесть при составлении корпуса публицистики. Он завершается заметкой, которая, судя по перечню тем фельетона, имеет название «Обед, данный петербургскими литераторами в честь Мартынова».⁸⁷ В заметке описывается этот обед, состоявшийся 10 марта 1859 г. в ресторане Дюссо; в описании включены известное стихотворение Некрасова «Со славою прошел ты полдороги. . .», прочитанное поэтом на обеде (Н II, 2, 51, 355), коллективный адрес, составленный по поручению литераторов и прочитанный А. В. Дружининым, и речь А. Н. Островского.

Сам факт участия Некрасова в обеде, полный текст его стихов, которые «при громких рукоплесканиях были повторены по желанию Мартынова и по общему востребованию» (208), адрес, под которым была подпись и Некрасова, делают участие Некрасова в составлении (совместно с Панаевым) этой заметки более чем вероятным.

⁸⁴ Современник. 1865. № 11—12. Отд. II. С. 183—186. Далее при цитировании четвертого письма из «Писем в глушь» П. М. Ковалевского страницы журнала указываются в тексте статьи.

⁸⁵ Ковалевский П. М. Стихи и воспоминания. СПб., 1912. С. 294.

⁸⁶ Ср.: Боград. С. 586.

⁸⁷ Современник. 1859. № 3. Отд. III. С. 204—208. Далее при цитировании публикации «Петербургская жизнь. Заметки Нового поэта» страницы журнала указываются в тексте статьи.

* * *

Отметим еще один фельетон Нового поэта, содержащий текст Некрасова. Речь идет о «Заметках Нового поэта» в майской книжке «Современника» за 1860 г., точнее об одной из заметок, имеющей название «Открытие Английского клуба в новом помещении и обед 30 апреля». Содержание ее составляет краткая ироническая информация об обеде на 300 персон, данном 30 апреля директорами клуба, и ответном обеде 5 мая благодарных членов клуба своим директорам (по подписке, простиравшейся до 25 руб. сер.) более чем на 200 персон. Описание второго обеда перепечатано из «Северной пчелы», репортаж которой включает и текст адреса директорам клуба, написанного Некрасовым и подписанного 213 членами клуба (его прочел М. А. Вакер).

Есть основания думать, что Некрасову принадлежит не только входящий в состав заметки адрес. Его сатирическое перо угадывается в «авторской» части фельетона Нового поэта, отрывок из которой мы приводим:

« — Вообразите себе, — говорил один старичок другому за table d'hôte'ом у Шотана, — самый изящнейший, тончайший обед на 300 человек. . . Ведь это почти баснословно! Ну, разочтите вы, что может стоить такой обед! И что удивительнее всего, как все это устроено. Прислуга действовала примерно. Все гости были так удовлетворены и довольны, как будто за обедом было не 300, а 6 человек! Ну, признаюсь, честь и слава господам директорам!

— На триста человек такой обед, как вы говорите, — это замысловато, — повторял другой старичок, качая глубокомысленно головой.

— И какую прекрасную речь от имени дипломатического корпуса сказал французский посланник за жженкой! .

— Французской речь-то говорил! — возразил другой старичок. — Уж эти французы мастера говорить, нечего сказать. . . У нас только разве один Николай Иванович Греч может назваться оратором.

— Еще бы! Очень жаль, что Николай Иванович не возобновил в нынешнем году своего билета в клубе, очень, очень жаль! . В таких торжественных случаях без него как-то неловко». ⁸⁸

В этой маленькой сценке нам видится проба пера Некрасова-сатирика, обращаящегося к теме Английского клуба. Престарелые члены Английского клуба — «гастрономы» и почитатели публицистики Н. И. Греча, изображенные в фельетоне, сродни героям «Газетной» или «Современников» Некрасова.

3

Рассмотрим небольшую группу фельетонов Нового поэта, защищающих произведения Некрасова от нападок других журналов. Первый из них связан с публикацией в мартовском номере «Современника» за 1852 г. стихотворения Некрасова «Блажен незлобивый поэт. . .», посвященного, как известно, памяти Н. В. Гоголя. Критик «Москвитянина» писал в связи с этим: «Особенно неприятно читать стихотворение г. Некрасова „Блажен незлобивый поэт“, не потому, впрочем, что стих из рук вон плох (это куда бы уж ни шло), а потому, что оно написано на известную тему и по известному поводу». ⁸⁹

«Я не могу не повторить здесь снова стихотворение г. Некрасова, — отвечал Новый поэт в очередных «Заметках и размышлениях Нового поэта по поводу русской журналистики. Май 1852», — „из рук вон плохое“, по мнению сочинителей критик в „Москвитянин“, и не привести рядом с этим стихотворением стихов, помещенных в этом же 8 № „Москви-

⁸⁸ Современник. 1860. № 5. Отд. II. С. 109—110.

⁸⁹ Москвитянин. 1852. № 8. Отд. V. С. 140.

тянина“ на ту же „известную“ тему по тому же „известному“ поводу, — да судят читатели, каким эстетическим вкусом и нелюбезностью отличаются эти сочинители критик». ⁹⁰

Далее рядом помещались стихотворение Некрасова и стихотворение Н. В. Берга «Ударил час, и нет у нас его!».

«В котором из двух этих стихотворений, — продолжал Новый поэт, — больше поэзии, силы и глубины чувства — в первом, „из рук вон плохом“ г. Некрасова или в последнем, принадлежащем поэту „Москвитянина“? — это не наше дело, — пусть решают читатели.

Но отчего это неприятно читать стихотворение г. Некрасова особенно потому, что оно „написано на известную тему“ и „по известному поводу“?

Если бы стихи г. Некрасова и точно были „из рук вон плохи“, то должно бы было хоть из приличия, именно потому, что они написаны „на известную тему“ и по „известному“ поводу, деликатно умолчать об этом. Я не нахожу хорошими стихи г. Берга, но я не могу не уважить чувства, хоть и слабо выраженного, внушившего их, и уже никак не позволю себе назвать их „из рук вон плохими“!» (327—328).

Затем Новый поэт остроумно высмеивает неуклюжие, грубые попытки критика «Библиотеки для чтения» (по-видимому, А. В. Старчевского) подражать О. И. Сенковскому (Барону Брамбеусу) в разборе «Мертвого озера». Критик «Библиотеки для чтения» называет роман Некрасова и Панаевой «лужено» «мутной, грязной и стоячей воды», поросшей «разными гадкими травами», которую авторы «с помощью натурально-аналитической кисти» «размалевали» в озеро. ⁹¹

Ряд выписок из этого «анализа», перемежающийся меткими замечаниями Нового поэта, завершается следующим выводом: «После всего этого, ничего не считая нужным прибавлять от себя, мы должны сознаться, что „Библиотека для чтения“ как нельзя лучше оправдала слова свои, приведенные мною выше, что „журнальные критики роняют достоинство журналов, ибо поручаются людям ничего не смыслящим, которые. . .“ и проч.» (332).

К аргументации, изложенной выше, добавим, что в пользу авторства Некрасова в данном случае говорит и энергичная, холодно-остроумная манера вести полемику, присущая Некрасову и не свойственная Панаеву.

* * *

Укажем в заключение (наша аргументация в пользу участия Некрасова в составлении фельетона остается прежней) на второй фельетон, защищающий от нападков тех же журналов произведения Некрасова (те же) и Панаева, — «Заметки и размышления Нового поэта по поводу русской журналистики. Июль 1852». ⁹²

4

В результате нашего изучения участия Некрасова в публицистическом отделе «Современника» выявлено 22 текста (фельетонов, статей, заметок), автором или одним из авторов которых он был. Приведем список этих материалов в хронологическом порядке:

1. «Современные заметки» (Современник. 1847. № 1. Отд. IV. С. 77—82);

⁹⁰ Современник. 1852. № 6. Отд. VI. С. 326. Далее при цитировании «Заметок и размышлений Нового поэта по поводу русской журналистики. Май 1852» страницы журнала указываются в тексте статьи.

⁹¹ Б-ка для чтения. 1852. № 4. Отд. V. С. 25, 33.

⁹² Современник. 1852. № 8. Отд. VI. С. 307—316.

2. «Еще несколько стихотворений Нового поэта» (Современник. 1847. № 4. Отд. IV. С. 159);
 3. «Современные заметки» (Современник. 1847. № 12. Отд. IV. С. 187—201, 204—207);
 4. «О смерти В. Г. Белинского» (Современник. 1848. № 6. Отд. IV. С. 173);
 5. «Моды» (Современник, 1849, № 6. Отд. VI. С. 3—4);
 6. «Заметки Нового поэта о русской журналистике. Апрель 1851» (Современник. 1851. № 5. Отд. VI. С. 45—66);
 7. «Заметки Нового поэта о русской журналистике. Июль 1851» (Современник. 1851. № 8. Отд. VI. С. 1—21);
 8. «Заметки Нового поэта о русской журналистике. Октябрь 1851» (Современник. 1851. № 11. Отд. VI. С. 78—89);
 9. «Литературный маскарад накануне нового (1852) года. Заметки Нового поэта» (Современник. 1852. № 1. Отд. VI. С. 153—173);
 10. «Заметки и размышления Нового поэта по поводу русской журналистики. Май 1852» (Современник. 1852. № 6. Отд. VI. С. 324—334);
 11. «Заметки и размышления Нового поэта по поводу русской журналистики. Июль 1852» (Современник. 1852. № 8. Отд. VI. С. 307—316);
 12. ««Заметка»» (Современник. 1854. № 6. Отд. V. С. 146);
 13. «Нечто о бесполезности повторений в объявлениях. — Три образца русских фельетонов — и замечание о последовательности „Отечественных записок“ и „Санкт-Петербургских ведомостей“» (Современник. 1854. № 11. «Литературный ералаш». С. 110—114);
 14. «Заметки и размышления Нового поэта по поводу русской журналистики» (Современник. 1855. № 1. Отд. V. С. 63—72);
 15. Главка «Новейшие стихотворцы» из «Заметок и размышлений Нового поэта по поводу русской журналистики. Март 1855». (Современник. 1855. № 4. Отд. V. С. 280);
 16. ««Смерть Н. Г. Фролова, издателя «Магазина земледелия»» (Современник. 1855. № 5. Отд. V. С. 146);
 17. ««О смерти А. И. Кронеберга»» (Современник. 1855. № 6. Отд. V. С. 277);
 18. «Панихида по графе С. С. Уварове в Петербурге. — Участие покойного графа в „Современнике“» (Современник. 1855, № 10. Отд. V. С. 186);
 19. «Петербургская жизнь. Заметки Нового поэта» (Современник. 1859. № 3. Отд. III. С. 204—208);
 20. «Открытие Английского клуба в новом помещении и обед 30 апреля» (Современник. 1860. № 5. Отд. III. С. 109—110);
 21. Письмо четвертое из «Писем в глушь» П. М. Ковалевского (Современник. 1865. № 11—12. Отд. II. С. 183—186);
 22. ««Загадка»» (Современник. 1866. № 4. Отд. II. С. 312).
- Разумеется, работа по выявлению некрасовских публицистических текстов в «Современнике» еще далека от завершения. Одна из главных целей этой статьи состоит именно в том, чтобы привлечь внимание некрасоведов к этой проблеме и активизировать их деятельность в этом, на наш взгляд, актуальном и перспективном направлении.

Н. Н. Мостовская

ПАРОДИЯ В ПРОЗЕ НЕКРАСОВА

(САТИРИЧЕСКОЕ МАСТЕРСТВО; ПОЛЕМИКА)

Давно установлено, что Некрасов-художник в совершенстве владел самыми разнообразными литературными стилями, стиховыми и жанровыми формами своих предшественников и современников. Говоря языком Пушкина, он, как «хороший пародист, обладал всеми слогами».¹ И хотя (в отличие от авторов Козьмы Пруткова, Н. А. Добролюбова, поэтов-«искровцев», М. Е. Салтыкова-Щедрина и др.) пародия не стала самодовлеющей в его творчестве, Некрасов успешно осваивал этот сложный жанр не только в поэзии 1840-х гг., но и в прозе, драматургии, критике.

Исследователей чаще всего привлекали стихотворные пародии, перепевы, автопародии поэта и их источники (перепевы из Пушкина, Лермонтова, пародийное обращение к сентиментально-мистическим мотивам поэзии В. А. Жуковского; пародии на стихотворения В. Г. Бенедиктова, на поэтов-романтиков, на поэтов-эпигонов; пародии на В. К. Тредиаковского, выполнявшего функции пародийной личности, и многие другие).² К его прозаическим произведениям под этим углом зрения обращались значительно реже, что, по-видимому, связано с неразработанностью методов исследования прозаической пародии как жанра.³ Между тем склонность Некрасова к пародированию раскрылась в его прозе особенно ярко и многогранно.

В критических статьях, в ранних прозаических опытах, в незавершенных романах, во фрагментах, работа над которыми велась в 1840-е гг. («Жизнь и похождения Тихона Тростникова») и в 1850-е гг. («Тонкий человек, его приключения и наблюдения», «В тот же день часов в одиннадцать утра. . .»), можно обнаружить отдаленно напоминающие пародию литературную импровизацию и стилизацию, яркие пародийные приемы и исполненные иронии (или комизма) характеристики; приемы стилистического «перелицовывания» и тонко завуалированные, но по сути полемические пародии.

¹ Пушкин А. С. Собр. соч. М., 1976. Т. 6. С. 55.

² См.: Тынянов Ю. Н. Стиховые формы Некрасова // Тынянов Ю. Н. Поэтика. История литературы. Кино. М., 1977. С. 18—27; Эйхенбаум Б. М. Некрасов // Эйхенбаум Б. М. О поэзии. Л., 1969. С. 35—74; Бухштаб Б. Я. Некрасов в борьбе со славянофильством // Докл. и сообщ. Филол. ин-та Ленингр. ун-та. 1951. Вып. 3. С. 55—69; Гаркави А. М. Некрасов-пародист // О Некрасове: Ст. и материалы. Ярославль, 1968. Вып. 2. С. 65—87; Портнова Н. П. Пародии Некрасова // Науч. тр./Барнаул. пед. ин-т. 1972. Т. 20. С. 39—56; Егоров В. А. Две заметки о пародиях Н. А. Некрасова // Некрасов и его время. Калининград, 1981. Вып. 6. С. 79—83; Н II, 1, 79—83 (комментарии В. Э. Вацура к сборнику «Мечты и звуки»).

³ Работы Ю. Н. Тынянова («Достоевский и Гоголь: (К теории пародии)» (1921) и «О пародии» (1929)) до сих пор остаются единственными значительными, при всей их дискуссионности, исследованиями, в которых впервые поставлен вопрос об изучении пародии в прозе (см.: Тынянов Ю. Н. Поэтика. История литературы. Кино. С. 198—226, 284—310). История и теория этого жанра на материале стихотворной пародии основательно освещены в статьях А. Морозова (Пародия как литературный жанр: (К теории пародии) // Рус. лит. 1960. № 1. С. 48—77) и В. И. Новикова (Жанровая сущность литературной пародии // Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз. 1978. № 1. С. 20—30).

В пародийном искусстве Некрасова проявились как особенности его сатиры, богатство художественного мастерства, так и своеобразные методы работы с жизненными и литературными источниками, принципы их отбора, оценок, интерпретации.

При этом поражает разнообразие и обилие источников, к которым он обращался. Его проза насыщена реалиями литературно-общественной жизни эпохи, литературными цитатами, ассоциациями, реминисценциями.

Иногда это аллюзии; иногда реминисценции из литературного прошлого, погруженные в другое время и художественно переосмысленные. Таковы пародия на классицистическую трагедию в рассказе «Без вести пропавший пиита» (1840) или на традиционный романтический роман с его шаблонной коллизией (сюжетная линия Матильда — Тростников в романе о Тихоне Тростникове). Пародийная атмосфера создается здесь смешением чувствительно-патетических, авантюрно-приключенческих и сниженно-бытовых сцен. Название части II романа — «Похождения русского Жилблаза» — также нарочито пародийно: в ней речь идет о перипетиях литературно-журнальной жизни 1840-х гг. и вовсе отсутствуют традиционные приключения, характерные для плутовского романа.

Порой Некрасов прибегал к шутливому «передразниванию» своих современников — их манеры поведения, литературной деятельности, стиля. Примером может служить фигура «издателя газеты, знаменитой замысловатостью эпиграфа» (рассказ «Необыкновенный завтрак» (1843), роман о Тихоне Тростникове, «Очерки литературной жизни» (1845)), в которой безошибочно угадывался редактор «Литературной газеты» и «Пантеона» Ф. А. Кони с его куплетами и остротами.⁴ В этой связи примечательна конспективная запись в рукописи незавершенного романа (по поводу разбора пьесы «Русское национальное лекарство»). В ней по существу раскрывались цель и механизм пародийного приема: «(Рассказ à la Кони с каламбурами, дикими суждениями, высокопарным вздором и частыми указаниями на свои собственные труды)» (Н II, 8, 189). Далее оставлено свободное место. По-видимому, Некрасов предполагал развить эту мысль, сделав заявку на художественную полемику с автором «Петербургских квартир», и конспективно наметил способ решения этой задачи — ироническую импровизацию в манере Ф. А. Кони. Впрочем, дружеское пародирование (точнее «передразнивание») редактора «Литературной газеты», вызванное стремлением преодолеть известные литературные штампы,⁵ ни в коей мере не мешало автору «Тростникова» и водевиля «Утро в редакции» (1841) опираться на опыт Кони — драматурга и прозаика.

Исследователями отмечалось, что пародия — это особого рода искусство.⁶ Необходимыми условиями ее создания являются умение проникнуть в смысловую и художественную ткань пародируемого произведения (или литературного направления) и погруженность в общественно-литературную жизнь эпохи. Ее действенность и литературно-эстетическая значимость находятся в прямой зависимости от множества факторов, и прежде всего от цели, преследуемой пародистом, от того, насколько ему удалось реализовать эту цель, и, конечно, от того, что избрано предметом пародирования.

⁴ О прототипах романа см.: Чуковский К. И. Тростников — Некрасов: (Черты автобиографии в найденных произведениях Некрасова) // Некрасов Н. А. Жизнь и похождения Тихона Тростникова. М.; Л., 1931. С. 36; Н II, 8, 720, 737 (комментарий Н. Н. Мостовской); см., кроме того: Н II, 7, 576—577, 594—595 (комментарий Н. Н. Мостовской).

⁵ В фельетоне «Современные заметки» (1847) Некрасов также произировал по поводу пристрастия к «самородным русским каламбурам» на русской сцене (см.: Н I, 9, 552—553).

⁶ См.: Новиков В. Л. Зачем и кому нужна пародия // Вопр. лит. 1976. № 5. С. 192.

В тех случаях, когда острие сатиры Некрасова было направлено на литературных противников, представителей чуждого ему лагеря или на события общественно-литературной жизни, заслуживающие, с его точки зрения, дискредитации (речь идет о деятельности М. П. Погодина и С. П. Шевырева, Ф. В. Булгарина и Н. И. Греча, Л. В. Бранта, В. С. Межевича и др.), пародийные приемы становились средством создания сатирических образов, а пародии выходили за узколитературные рамки, затрагивали широкие идеологические, общественные явления, перерастали в памфлет. Соответственно изменялись и художественные средства: писатель прибегал к методу доведения до абсурда мотивов, подлежащих осмеянию, нередко к гротеску, обращался к сатире «на лица», используя отдельные элементы самого пародируемого стиля (см. главу V («Почтеннейший») в части II романа о Тростникове — Н II, 8, 174—179).

В ранних критических статьях эффект достигался пародийным или ироничным цитированием источников, их подчеркнуто насмешливым беглым анализом, включением в текст стихотворных пародий.⁷ Так, в частности, написаны рецензии «Русский патриот», «Пять стихотворений Н. Ступина» (1842), «„Очерки русских нравов, или Лицевая сторона и изнанка человеческого рода“ Фаддея Булгарина» (1843).

Этот же метод использовался и в прозе.

Таким образом, например, излагается в «Тихоне Тростникове» содержание ошканной пьесы «Бобровая шапка»: «Кстати и некстати было примешано несколько сцен сумасшествия, любви бедного к дочери богатого, тюрьма, военный марш, чувствительный танец, военная музыка, обмороки, восклицания, обнимания, поклоны в ноги (их было до сорока) и несколько громких тирад о силе русской души и русского кулака» (там же, 181).

Пародийные элементы в процитированном отрывке едва уловимы, скорее это ироническое переосмысление распространенных шаблонных мотивов псевдоромантических пьес Н. А. Полевого, П. Г. Ободовского, А. Чернова — «Боярское слово» (1841), «Русская боярыня XVII столетия» (1843), «Бескорыстие, или Добрые дела не остаются без награды» (1842) и др. Стилистически оно осуществлено в том же пародийном ключе, в каком остроумно обыграны Некрасовым названия пьес Н. А. Полевого и скрытые цитаты из них (о «русском кулаке», «русском человеке, который добро помнит») в рецензии «Драматические сочинения и переводы Н. А. Полевого» (1842).

В рецензии читаем: одна его пьеса «трактует о том, что *русский человек добро помнит*, другая о том, что *русская рука охулки на себя не положит*, третья о том, что *русский кулак уберет десять заморских богатых*, четвертая о том, что *русский нос чижнет, так и довольно, чтоб напузгать сотню самых храбрых китайцев* и так далее» (Н I, 9, 64).

Критикуя содержание сборника Полевого, Некрасов, кстати, «перелицовывает» и его название. По его мнению, сборник приличнее всего именовать не «Драматическими сочинениями», а «Патриотическими чувствованиями Н. А. Полевого. Оригинальными и переводными, изложенными в приличных разговорах» (там же, 65). Так, подвергая осмеянию стандартные сюжеты псевдопатриотических пьес, Некрасов ставил под сомнение и «патриотические чувствования» их автора. Прием ироничного, пародийного «переименования» названий широко распространен в литературе. Им не раз пользовался В. Г. Белинский. В его рецензии на роман Д. Н. Бегичева «Ольга» (1840) крайне консервативный журнал «Маяк современного просвещения и образованности» назван «Плошкой всемирного просвещения, вежливости и учтивства» (Б, 3, 433). Некрасовым этот

⁷ О распространенности этого приема в критике начала XIX в. см.: Поляков М. Русский театр в кривом зеркале пародии // Русская театральная пародия XIX—начала XX века. М., 1976. С. 12.

журнал пародийно именован «Прожигателем мозгов и сердец» (в фельтоне «Образчики китайского красноречия»). Особенно широко этот метод пародирования применялся позднее в «Свистке», в творчестве Салтыкова-Щедрина (в частности, в его «Дневнике провинциала»).

По наблюдению А. М. Гаркави, стихотворные пародии Некрасова, цель которых заключалась в дискредитации отдельных лиц («Привет русскому патриоту», 1842; «Послание к другу (из-за границы)», 1845; «Стихотворение, заимствованное из Шиллера и Гете», 1846 и др.), близки к эпиграммам.⁸ Этот самый распространенный в литературе всех времен тип пародии, в основе которого лежит сатирический портрет пародируемого лица, по своей структуре легко узнаваем.

Многие пародии в прозе и критических статьях Некрасова созданы по такому же принципу.

Его рецензия «„Очерки русских нравов, или Лицевая сторона и изнанка человеческого рода“ Фаддея Булгарина» примечательна не только резко критической оценкой «сочинения» этого автора. Посредством остроумного комментирования иллюстраций художника В. Ф. Тимма к «Очеркам» и отрывков из «вялого» «аляповатого» (по словам Некрасова) текста, сопровождающего их, в ней смонтирован сатирический портрет Булгарина: «отталкивающая физиономия господина подозрительной наружности, в бекеше, в картузе, обуреваемого страстью «переносить и подслушивать за ширмами» (Н I, 9, 80, 94). Безусловно, этот портрет соотносился с пародийно-памфлетным изображением редактора «Северной пчелы» в «Тихоне Тростникове» (глава «Почтеннейший»), по-видимому предвосхищая его, так как роман Некрасов писал позднее, и с известной эпиграммой «Он у нас осьмое чудо. . .» (1845). Таким образом, работая над главой «Почтеннейший» и опираясь на все известные факты литературной и житейской биографии Булгарина, отзывы о нем в критике, в частности принадлежащий Белинскому, Некрасов использовал прием заостренно сатирического портрета.

Это не единственный в романе о Тростникове пример ориентации писателя на литературную традицию. Об этом в особенности свидетельствуют содержание и стиль части II романа. Так, характеризуя С. П. Шевырева и М. П. Погодина, Некрасов опирался не только на жизненные наблюдения, хорошее знание общественно-литературной ситуации своего времени, но и на памфлет Белинского «Педант», «Путевые записки г. Вёдрина» А. И. Герцена, пародийные оценки «Дорожного дневника» Погодина «Год в чужих краях», высказанные Белинским в статье «Париж в 1838 и 1839 годах, соч. В. Строева». При этом классические пародии служили импульсом для самостоятельных творческих поисков.

Тот же прием можно обнаружить в «Очерках литературной жизни», где в «рассказе туриста, недавно вернувшегося из-за границы», почти все характерные мотивы и темы «Дорожного дневника» Погодина спародированы не менее ярко, чем в «Путевых записках г. Вёдрина»: посещение автором «расчетно-приходной книги» (так назвал Герцен дневник Погодина) лекций в Сорбонне, Коллеж де Франс, Академии естественных наук, поездка в дом, где жил Вольтер. В частности, фраза из «Очерков. . .»: «. . . примеривал на свою голову колпак „остроумного сумасброда“ Вольтера» (Н II, 7, 367) — содержит явный пародийно-иронический намек на следующую дневниковую запись Погодина: «Наняли коляску побывать в гостях у <. . .> Вольтера».⁹

Стилистическая тонкость, присущая мастерскому памфлету Герцена,¹⁰ у Некрасова отсутствует; тем не менее насмешливая имитация

⁸ См.: Гаркави А. М. Некрасов-пародист. С. 78.

⁹ Погодин М. П. Год в чужих краях. 1839. М., 1844. Ч. 4. С. 161—163.

¹⁰ В «Путевых записках г. Вёдрина» пародировался погодинский стиль, мельчайшие особенности его письменной речи, даже пунктуация (см. об этом: Тынянов Ю. Н. О пародии. С. 298—299). В ч. 4 «Былого и дум» Герцен вспоминал о своей пародии: «Его

этого и других эпизодов «Года в чужих краях» с целью осмеяния его автора создает пародийный эффект и характеризует сатирическое искусство молодого Некрасова. Впрочем, писатель не оставил без внимания и по-годинский стиль. В рецензии «„Молодик“ на 1843 год» он не без иронии писал о нем: «множество лоскутков без связи», «для нас это чересчур по-английски» (Н I, 9, 112—113).

В большинстве своем пародийные элементы в ранней прозе Некрасова выполняли функции художественной критики. Порой они являлись отдельными, но значительными вкраплениями в текст, цементирующими повествование. Органически входя в художественную ткань произведения, пародийные приемы усиливали его сатирическое звучание.

В процессе овладения пародийным мастерством, связанным с освоением многообразных литературных источников, литературных традиций, формировался индивидуальный творческий стиль молодого писателя. По-видимому, на этом основании, говоря о стихотворных пародиях, А. М. Гаркави ограничил внимание Некрасова к этому жанру 1840-ми гг.¹¹

Между тем и в зрелом поэтическом творчестве («Песни о свободном слове» (1865), «Суд» (1867), «Недавнее время» (1871) и другие произведения) Некрасов широко обращался к пародийным приемам, ставшим с ростом поэтического мастерства стилистически тоньше, завуалированнее. Возрастал их полемический накал, усложнялась поэтика. Ту же закономерность можно обнаружить и в прозе.

Особого внимания в этой связи заслуживает пародийно-полемический подтекст незавершенного романа «Тонкий человек, его приключения и наблюдения», над которым писатель работал в 1853—1855 г. Первые четыре главы этого прозаического произведения, зрелого и по проблематике, и по художественной форме, опубликованы в январском номере «Современника» за 1855 г.

Известно, что Некрасов отзывался о своей прозе сурово, делая исключения для «Петербургских углов» и «Тонкого человека» («начало романа в „Современнике“» — Н I, 12, 24). Но в статье «Русские второстепенные поэты» он отмечал, что прозаический жанр по сравнению со стихотворным открывает большую свободу в выборе формы, большой простор для авторского ума и наблюдательности (Н I, 9, 191). Не случайно его собственные прозаические опыты этого времени представляют собой своеобразную экспериментальную лабораторию.

Важно и другое. Творческая история незавершенного романа связана с периодом интенсивно возрастающей литературной известности Некрасова-поэта, редактора «Современника», организатора литературного кружка, объединявшегося вокруг журнала. Виднейших его участников, И. С. Тургенева, В. П. Боткина, П. В. Анненкова, А. В. Дружинина, Д. В. Григоровича и других, при многих разногласиях в вопросах идеологических и эстетических, сближало главное — заинтересованность в литературном труде (профессиональные контакты, постоянное творческое взаимодействие в спорах, обсуждениях, диалогах).

Кроме того, середина 1850-х гг. — время наиболее тесного дружеского и творческого общения Некрасова с Тургеневым, занимавшим в кружке «Современника» положение лидера. Некрасов искренне заинтересован в сотрудничестве автора «Записок охотника» в «Современнике»; Тургенев стремится быть полезным журналу. Оба с пристальным вниманием следят за литературными успехами друг друга, делятся творческими

шероховатый, неметеный слог, грубая манера бросать корноухие, обгрызанные отметки и нежеванные мысли вдохновили меня как-то в старые годы, и я написал в подражание ему небольшой отрывок из „Путевых записок Вёдрина“. Строганов (попечитель), читая их, сказал: „А ведь Погодин, верно, думает, что он это в самом деле написал!“ (Г, 5, 165).

¹¹ См.: Гаркави А. М. Некрасов-пародист. С. 86.

замыслами. Тургенев становится для Некрасова одним из самых близких людей и непререкаемым литературным авторитетом.¹²

Из многочисленных емких эпистолярных высказываний (переписка Некрасова с Тургеневым) воссоздается некрасовская концепция творчества Тургенева, которую отличало верное понимание его влияния «на идущее сменить нас поколение» (Н I, 10, 305). По поводу романа «Два поколения», над которым писатель работал в 1853 г., Некрасов замечал: «. . . я решительно утверждаю, что первые его четыре главы превосходны и носят на себе характер той благородной деятельности, от которой, к прискорбию, так далеко отошла русская литература» (там же, 232). Некрасов не только верил в огромный талант своего друга («Он в своем роде стоит Гоголя» — там же, 287), но и ценил в нем «свой род», который, по мнению поэта, состоял в его способности «дать нам идеалы, насколько они возможны в русской жизни» (там же, 259).

В 1857 г. под впечатлением повестей Тургенева «Фауст», «Яков Пасынков», «Три встречи» Некрасов намеревался написать об их авторе обстоятельную статью. «Может быть, скажу что-нибудь, что тебе раскроет самого себя как писателя», — сообщал он Тургеневу 26 марта (7 апреля) 1857 г. (там же, 328). Предполагал он написать и статью о «Рудине». Ее замысел отчасти реализован в «Заметках о журналах за февраль 1856 года», где Тургенев назван первым писателем после Гоголя.

Раздумья над художественными открытиями Тургенева — центральной фигуры в литературном процессе — нашли отражение и в романе «Тонкий человек, его приключения и наблюдения».¹³

Роман густо насыщен идеологическими и литературно-профессиональными проблемами, темами, мотивами, в интерпретации которых Некрасов в какой-то мере соприкасался с Тургеневым, а иногда и отталкивался от его концепций, по-своему художественно переосмысляя их. Характерно, что автор «Тонкого человека. . .» много размышляет над проблемой литературной преемственности, над вопросом о соотношении гениев и талантов, больших талантов и обыкновенных беллетристов (тема, занимавшая и Белинского), рассуждает о «тяжких поисках» своей оригинальной формы выражения мысли, о «подражании», которое «потому полезно <. . .>, что никому не вредно» (Н II, 8, 328). Последнее замечание становится понятным, если учесть пародийно-полюемический подтекст романа, его ироничность.

Ирония выполняет в нем много функций. Прежде всего она предоставляет автору свободу выбора формы повествования, отбора жизненного и литературного материала, возможность своеобразной «игры» с ним. Вот почему в поле его зрения и Гоголь, и Тургенев, и Диккенс, и Теккерей, и Э. Сю.

¹² В современном литературоведении наметилась плодотворная тенденция: исследовать взаимоотношения Некрасова и Тургенева (одну из сложных драматических страниц в биографии этих писателей и в истории общественно-литературной борьбы в России) с точки зрения не только их идеологических разногласий, но и творческих «соприкосновений» (см.: *Скатов Н. Н.* Н. А. Некрасов и И. С. Тургенев: (К истории создания стихотворения Некрасова «Тургеневу») // *Страницы истории русской литературы.* М., 1971. С. 376—383; *Гаркави А. М.* Тургеневу или Герцену? // *О Некрасове.* Ярославль, 1975. Вып. 4. С. 132—145; *Ефимова Е. М.* Об идейно-творческих связях И. С. Тургенева и Н. А. Некрасова в 40—50-е годы: (Из спецкурса «И. С. Тургенев и революционные демократы») // *Четвертый межвуз. тургеневский сб.* Орел, 1975. С. 183—212; *Громов В. А.* Некрасов и «Записки охотника» И. С. Тургенева (1846—1852) // *Некрасовский сб.* Л., 1978. Вып. 6. С. 23—34 и др.).

¹³ В этом аспекте проза Некрасова почти не исследовалась. Высказывались лишь отдельные (отнюдь не бесспорные) наблюдения по поводу жанровой близости «Тонкого человека. . .» и «Записок охотника» Тургенева (см.: *Евгеньев-Максимов В. Е.* Жизнь и деятельность Н. А. Некрасова. М.; Л., 1950. Т. 2. С. 194, а также: *Зимина А.* Некрасов-беллетрист // *Творчество Некрасова.* М., 1939. С. 198). Противоположная точка зрения выражена в статье: *Карамышова О. В.* О жанре романа Н. А. Некрасова «Тонкий человек, его приключения и наблюдения» // Некрасов и его время. Калининград, 1980. Вып. 5. С. 46.

Не касаясь всей проблематики романа (темы народа, социальной крестьянской утопии освещены в научной литературе), обратимся к вопросу (не привлекавшему внимания исследователей), в осмыслении которого отчетливо ощущается опора на опыт Тургенева.

В «Тонком человеке» Некрасов затронул новую для его прозы тему судеб русской дворянской интеллигенции, воспитывавшейся в кружках, жизнь которых при большой духовной напряженности носила умозрительный характер, была оторвана от практики. В продолжении романа (не ставшем известным читателям) тема эта трансформируется и перерастает в злободневную для литературы середины 1850-х гг. и характерную для творчества поэта проблему либерализма и связанную с ней проблему народа. В начальных же главах предпринята попытка создать образ нового литературного героя времени. (Заметим, роман писался в напряженный период русской истории, когда речь шла о борьбе за новый тип личности не только в литературе, но и в самой жизни).

Своеобычность авторских поисков усложнялась тем, что эта задача решалась в пародийно-ироническом стилевом ключе. В этом тоне выдержаны многие компоненты романа — заглавие «Тонкий человек, его приключения и наблюдения»¹⁴ часто повторяющиеся иронические выражения «тонкость», «перетонил», многочисленные диалоги и авторские отступления.

В одном из подобных отступлений повествователь рассуждает о том, что «всякий предмет уясняется только тогда, когда перестает быть достоянием ограниченного числа специалистов, как бы получивших на него привилегию» (там же, 328).

Приоритет в создании «российских Гамлетов» принадлежал, как известно, Тургеневу. По своей смысловой наполненности (фразерство, болезненное самолюбие, склонность к эффектам) понятие «тонкий человек» у Некрасова созвучно тургеневской формуле «лишний человек». Но если Тургенева более интересовали психологическая природа «лишнего человека», философские корни его мировосприятия, то Некрасов, с одной стороны, делал акцент на социально-политическом факторе, способствовавшем появлению «тонких людей», с другой — создавал иронически развенчивающую интерпретацию тургеневского героя.

Опора на тургеневский тип с целью его переосмысления и заведомого снижения прослеживается в тематических и текстуальных совпадениях ряда эпизодов, мотивов в «Тонком человеке. . .» и «Гамлете Щигровского уезда» (1849). Известно, что Некрасов причислял этот рассказ к «удачнейшим в „Записках охотника“» (Н I, 10, 115), он же одним из первых заметил, что созданный Тургеневым тип прочно вошел в литературное сознание эпохи.¹⁵

Оба героя: Василий Васильевич («Гамлет Щигровского уезда») и Грачов («Тонкий человек. . .») — представители дворянской интеллигенции, духовно воспитанной в кружках передовой дворянской молодежи 1830—1840 х гг. У Тургенева читаем о кружке как о «безобразной замене общества < . . . > жизни», потому что он «приучает к бесплодной болтовне» «о немецкой философии, любви, вечном солнце духа и прочих отдаленных предметах»; «в кружке поклоняются пустому краснобаю, *самолюбивому умнику*» (курсив наш. — Н. М.); «в кружке процветает хитростное красно-

¹⁴ В черновом автографе подзаголовок был пространнее: «Его путевые, охотничьи и сердечные приключения [в 1853 году]» (Н II, 8, 583). Ироничность названия романа отмечалась в названных выше работах В. Е. Евгеньева-Максимова, О. В. Карамысловой.

¹⁵ В письме к Тургеневу от 18 августа 1855 г. Некрасов писал по поводу рассказа Л. Толстого «Рубка леса»: «Форма в этих очерках совершенно твоя, даже есть выражения, сравнения, напоминающие «Записки охотника», а один офицер так просто Гамлет Щигровского уезда в армейском мундире» (Н I, 10, 236).

речие».¹⁶ Некрасов характеризует кружок как «кружок *умников*» («энциклопедистов»), имеющий «свойство быстро развивать *самолюбие* каждого, кто прикоснется к нему», «где любят-таки поговорить о существенных вопросах науки, жизни, современности и проч.»; обыкновенные люди гибнут в нем «жертвою неумеренно *развитого самолюбия*» (Н II, 8, 302—303; курсив наш. — Н. М.).

Это совпадение по мысли, а иногда и текстуальное объясняется в известной мере тем, что в критике замкнутой кружковой жизни оба автора отталкивались от Белинского, возглавившего в 1840-е гг. борьбу против кружкового идеализма и романтизма.

Были у Некрасова и свои критические наблюдения по этому поводу. По свидетельству С. Н. Кривенко, на поэта производило тяжелое впечатление «преобладание фразы», общих мест, риторики в кружках, участником которых он бывал в молодости.¹⁷ О губительных «рутинке лицемерия» и «рутинке иронии», «фразы», иногда безотчетно присутствовавших и в литературной среде «Современника», он писал позднее в одном из писем к Л. Н. Толстому (от 31 марта (10 апреля) 1857 г. — Н I, 10, 329—332).

Но если в центре внимания Тургенева («Гамлет Щигровского уезда») психология русского гамлетизма — в это понятие он вкладывает свой конкретный смысл, различая в «лишнем человеке» два начала: обостренное сознание собственной личности («Ты будь хоть глуп, да по-своему! Запах свой имей, свой собственный запах. . .» — Т, Соч., 4, 281) и стремление к самопожертвованию, — то Некрасов нарочито снижает философское содержание проблемы, достигая этого пародийно-иронической трактовкой тургеневских мотивов.

Некрасовского героя (так же как и «Гамлета Щигровского уезда») «самолюбие гложет» и мучает «постоянное напряжение придумать что-нибудь оригинальное» (Н II, 8, 303). Но он без труда обретает свою «самостийность». История его «духовного прозрения» излагается повествователем в пародийно-ироническом тоне: «Он скоро примирился с своим положением, перестал пыхтеть и надуваться и поднял голову»; «В умном кружке он жаловался на пустоту < . . . > светского общества, а в светском — на педантство и ученую скуку умного кружка, сношения с которым облакал он должною таинственностью. < . . . > Он брал у кружка умников их суждения, их взгляды, их *мудреные слова и фразы* (всего чаще *слова и фразы*)¹⁸ (курсив наш. — Н. М.) и приносил их в светский круг < . . . >, а умникам платил светскими сплетнями, до которых так падки литературные затворники» (там же, 303). Окончательное удовлетворение своему самолюбию нашел он в том, что провозгласил себя «человеком необыкновенно тонким» (там же, 303).

Пародийный смысл этих строк становится очевидным при сопоставлении их с заключительным эпизодом тургеневского рассказа. Его «заеденный рефлексией» герой тоже «смирился», но он остался «неизвестным существом, пришибленным судьбою Василием Васильевичем», «человеком неоригинальным и не заслуживающим особенного имени», разве клички «Гамлета Щигровского уезда». «Таких Гамлетов во всяком уезде много» (Т, Соч., 4, 296).

¹⁶ Тургенев И. С. Полн. собр. соч. и писем: В 28 т. Соч.: В 15 т. М.; Л., 1963. Т. 4. С. 284, 285 (далее в наст. статье и статье Н. П. Генераловой — с. 131—135) ссылки на серию «Сочинений» издания сочинений и писем Тургенева (М.: Л., 1960—1968. Т. 1—15) даются в тексте сокращенно: Т, Соч., том и страница (арабскими цифрами).

¹⁷ Лит. наследство. М., 1949. Т. 49—50, кн. 1. С. 209.

¹⁸ Повторенные Некрасовым дважды «слова и фразы» — многозначны. Губительность «фразы» («фраза» как этическая особенность личности, как черта поведения) широко обсуждалась в кружке «Современника», что нашло отражение в переписке этого времени Тургенева, Л. Толстого и самого Некрасова.

Выразительно обыгрывается Некрасовым тургеневская идея самосознания личности, заявленная в «Гамлете Щигровского уезда» в цитированной выше фразе: «Ты будь хоть глуп, да по-своему!».

В «Тонком человеке. . .» читаем: «. . .если один отличается ученостью, другой написал умную книгу, третий мастер говорить, то и я также имею свое — я человек необыкновенно тонкий, — думает наш друг Грачов» (Н II, 8, 303).

Так, соприкасаясь с тургеневским открытием, Некрасов пародирует созданный Тургеневым тип, используя при этом прием иронического его переосмысления, нарочитого снижения, дискредитации. Скрытая пародийность достигается несоответствием между ироничностью стиля и сложностью проблемы, обыгрыванием тургеневских слов («кружок умников», «смирился»), но, главное, «перелицовыванием» содержания: «лишний человек» — «тонкий человек». Думается, что эта прикровенная пародийность — форма проявления внутренней полемики с Тургеневым о лишних людях, об исторической и общественной роли дворянской интеллигенции, развернутая Некрасовым и в поэме «Саша».¹⁹ Заметим, что в этой полемике Некрасов опередил Чернышевского и Добролюбова, продолживших затем линию развенчивания «лишнего человека».

В другом месте романа (в «Повести о Суркове», не напечатанной при жизни поэта) Некрасов уже не завуалированно, а прямо упоминает Тургенева, пародируя иное — поэтичность ситуации, стиль рассказа «Свидание».²⁰

Речь идет об увиденной охотником сценке: молодой купчик ест паюсную икру и поливает ее своими слезами, оплакивая затонувшую расшиву с мукой и крупой, так как это обстоятельство может помешать его свадьбе. При этом он жалобно восклицает: «Прощай, Марфа Алексеевна!». Автор-рассказчик пишет: «. . .вдруг прежнее восклицание с прибавлением всхлипывания снова поразило мой слух, и гораздо явственнее. Я пошел осторожно на голос, и в воображении моем уже рисовалась картина *деревенского свидания перед разлукой во вкусе господина Тургенева*» (там же, 409; курсив наш. — Н. М.).

Далее следует нарочито будничное описание этого комического эпизода, завершающееся авторским отступлением в ироническом тоне: «Никакой Марфы Алексеевны подле него не было. Он резал икру, ел ее и плакал, горько плакал, иногда повторяя: „Прощай, Марфа Алексеевна!“».

Поверишь ли, читатель, что я не только не смеялся, но был даже тронут. . . и почему же не так?» (там же, 410).

Даже если бы имя автора «Записок охотника» не было названо, его интонация и стиль явственно ощутимы. Чем же достигался эффект узнавания?

Прежде всего возникает аналогия со стихотворными пародиями Некрасова. Поэтическая ситуация тургеневского рассказа разворачивается в «Тонком человеке. . .» в совершенно ином контексте, что придает повествованию пародийное звучание.

Иронически переделывая известный эпизод рассказа «Свидание»,

¹⁹ В этой связи напомним известные в передаче Н. А. Островской в ее «Воспоминаниях» следующие слова Тургенева, сказанные им позднее: «Когда я написал Рудина, я еще г-на Некрасова не узнал, и мы были с ним приятелями. Говорит он мне однажды: „Послушай, ты не будешь в претензии? Мне хочется твоего Рудина заковать в стихи, чтобы он более врезывался в память!“ Я отвечаю: „Ты знаешь, что я до твоих стихов не охотник, но в претензии не буду: пиши что хочешь“. Он написал „Сашу“ и, по своему обыкновению, обмелил тип» (Тургеневский сб. / Под ред. Н. К. Пиксанова. Пг., 1915. С. 96). Заключительное замечание весьма выразительно и соотносимо с пародийными элементами в «Тонком человеке. . .».

²⁰ Эпизод отмечен также в статье: Самочатова О. Я. Несколько штрихов из отношений Некрасова и Тургенева в 50-е годы // Некрасов и его время: Межвуз. сб. Калининград, 1975. Вып. 1. С. 93—94.

Некрасов акцентировал внимание и на отдельных клише тургеневского стиля.

В описании пейзажа и самой сцены свидания у Тургенева несколько раз повторяется слово «вдруг», усиливающее напряженное ожидание: «. . . вдруг местами расчищалось на мгновение. . .» (о небе), «. . . вдруг в ней всё улыбнулось. . .» (о роще), «. . . листья вдруг пестрели и загорались червонным золотом. . .», «. . . вдруг опять всё кругом слегка синело», «. . . вдруг глаза мои остановились на неподвижном человеческом образе», «Она взгляделась, вспыхнула вдруг. . .» и т. д. (Т, Соч., 4, 260, 262, 263).

В «Тонком человеке. . .» эта, казалось бы, незначительная деталь подчеркнута. Естественно, что стиль «Свидания» (и других произведений Тургенева) был на памяти у Некрасова. Он готовил рукопись к публикации в «Современнике» в конце 1850 г. (вносил в нее цензурные исправления) и мог быть одним из авторов «Обозрения русской литературы за 1850 год», напечатанного в «Современнике» (1851, № 2), и именно той его части, где речь шла о «картинности» тургеневского рассказа.²¹

Почему же предметом пародии был избран поэтичнейший рассказ Тургенева? По-видимому, ответ на этот вопрос не может быть однозначным.

Косвенное объяснение находим в одном из насмешливых авторских отступлений в «Тонком человеке. . .»: «Или форма-то меня и сбивает, и в чужой форме мне и самая мысль моя кажется чужою?» (Н II, 8, 306).

Высказанное по другому поводу, оно, с одной стороны, в известной мере отражает интерес Некрасова к художественной системе пародируемого произведения (в данном случае к некоторым характерным приметам, присущим манере Тургенева), стремление пародийными средствами дать представление о творческой индивидуальности автора; с другой — содержит в себе и полемическую направленность.

Так, обращаясь к тургеневским шедеврам, Некрасов акцентировал в них то, что соответствовало его собственным внутренним размышлениям. В то же время пародийное переосмысление тургеневского типа («Гамлет Щигровского уезда»), ситуации, избираемой Тургеневым, и его стиля («Свидание») ни в коей мере не противоречило неизменно высокой некрасовской оценке творчества Тургенева. «Я бескорыстно люблю твой талант, твою литературную известность», — писал он автору «Записок охотника» в 1855 г. (Н I, 10, 226—227).

Творческим импульсом к созданию пародий на тургеневские темы, точнее на их художественное решение, явилось как признание художественных открытий своего современника, так и исторически неизбежное стремление переосмыслить их, полемизировать с ними.

Примечательно, что некрасовские прозаические опыты, о которых речь шла выше, явились едва ли не единственными пародиями на рассказы из «Записок охотника». По-видимому, они остались неизвестными современникам и не вошли в литературную жизнь 1850-х гг. Отклики на прозу Некрасова (в том числе и на начало «Тонкого человека. . .», опубликованное в «Современнике») были немногочисленными. Не сохранилось никаких сведений и о знакомстве Тургенева с этим произведением. Однако, судя по приведенному ранее высказыванию («Он написал „Сашу“ и, по своему обыкновению, обмелил тип»), Тургенев не был полностью солидарен с некрасовской концепцией «лишнего человека».

Почти одновременно с работой над романом «Тонкий человек. . .» обдумывался замысел загадочной в творчестве Некрасова повести, не

²¹ Авторы этой статьи окончательно не установлены. Возможно, кроме Некрасова, в составлении статьи участвовал В. П. Гаевский. О принадлежности Некрасову отдельных ее частей см.: Н I, 12, 452—453. В. Э. Боград высказал сомнения по поводу авторства Некрасова (см.: Боград. С. 505—507).

завершенной, не опубликованной и известной в литературе под условными названиями «Каменное сердце» и «Как я велик!».²² Содержание и стиль сохранившихся черновых фрагментов свидетельствуют о том, что повесть²³ задумывалась в пародийном ключе.

В научной литературе еще бытует представление о ней как о памфлете, направленном против Ф. М. Достоевского, на том основании, что в ней пародийно изображено отношение Белинского и его кружка к «Бедным людям».²⁴ По-видимому, поводом для такого истолкования послужило название «Как я велик!». Между тем известно, что Некрасову оно не принадлежало. Дискуссионность вопроса о датировке «В тот же день часов в одиннадцать утра. . .» также связана с представлением об этом замысле как о пародии на Достоевского. В современном некрасововедении предприняты попытки пересмотреть эту концепцию.²⁵ Но во фрагментах повести еще много непроясненного.

Вероятнее всего, работа над этим произведением относилась к 1855—1856 гг. — времени, когда появилась возможность писать о Белинском, не называя его имени. Содержание сохранившейся рукописи не ограничивается историей литературного дебюта Достоевского; оно значительно шире.

В ней речь идет не только о Глазиевском — Достоевском, но и о Мерцалове — Белинском, о его личности, деятельности, литературных вкусах. Характеристика Белинского, выдержанная в прозе и в серьезном, и в добродушно-шутливом тонах, текстуально близка к воплощенной в стихотворении «Памяти приятеля» (1855). Генетически замысел повести связан и с поэмами «В. Г. Белинский», «Несчастные», над которыми Некрасов работал в это же время. Отметим, что фрагменты повести переполнены реминисценциями и прямыми цитатами из статей критика («Петербургский сборник», «Новый критикан», «Взгляд на русскую литературу 1846 года»), содержащих восторженные отзывы о «Бедных людях». В основе повести лежит документальный материал — точные факты творческой биографии Белинского, Достоевского, художественно переосмысленные. Если сопоставить с эпизодами повести реальные события истории знакомства Белинского с «Бедными людьми», то обнаруживается, что никаких искажений Некрасов не допустил.²⁶ И вместе с тем впечатление сатирической пародийности сохраняется.

На кого же направлена сатира Некрасова?

М. М. Гин замечает по этому поводу: главный объект осмеяния «здесь отнюдь не Глазиевский (Достоевский), а те либеральные господа, которых автор называет „литературными сочувствителями“. Конечно, он (Некрасов) иронически относится и к личным слабостям Глазиевского, его чрезмерному тщеславию, болезненному самолюбию, но в то же время Глазиевский рисуется как жертва ажиотажа, поднятого вокруг него поверхностными людьми, отчасти даже околосатирическими».²⁷

В целом это утверждение справедливо. Действительно, Некрасов не стремился дать развенчивающую характеристику личности Достоевского,

²² В академическом издании Некрасова названа по начальным строкам текста рукописи «В тот же день часов в одиннадцать утра. . .» (см.: II, 8, 766—780).

²³ В черновых набросках Некрасов называет свое произведение то «записками», то «рассказом»; в некрасововедческой литературе оно условно именуется повестью.

²⁴ См.: *Достоевский Ф. М.* Полн. собр. соч.: В 30 т. Л., 1972. Т. 1. С. 466 (комментарий Г. М. Фридляндера). Далее (в наст. статье и статье В. Н. Сажина — с. 108—109) ссылки на это издание (Л., 1972—издание продолжается) даются в тексте сокращенно: Д, том и страница (арабскими цифрами).

²⁵ См.: *Гин М. М.* Некрасов и Достоевский: Два мировосприятия // Север. 1971. № 11; также: Достоевский и Некрасов: Два мировосприятия. Петрозаводск, 1985. С. 28—43.

²⁶ Многие ее подробности совпадают с позднейшим рассказом Достоевского об этом в январском выпуске «Дневника писателя» за 1877 г. (см.: Д, 25, 28—31) и мемуарными свидетельствами Д. В. Григоровича, П. В. Анненкова, И. И. Панаева, Тургенева и др.

²⁷ *Гин М. М.* Достоевский и Некрасов: Два мировосприятия. С. 39.

не изменил он и своей высокой оценки «Бедных людей». Но, во-первых, судя по фрагментам повести, сюжетная линия «литературных сочувствователей» вполне самостоятельна в произведении. Во-вторых, сложный сплав комического, сатирического, пародийного, направленный все-таки и по адресу Глажиевского (Достоевского), в ней безусловно ощутим.

Возникает вопрос, с чем это связано и какими художественными средствами осуществлено?

Наблюдения над стилем повести позволяют утверждать, что впечатление пародийности в ней достигается с помощью комических сюжетных и стилистических аналогий с другой повестью Достоевского — «Двойник» (1846).²⁸ Метод пародирования «Двойника» как отражение некоторых негативных суждений пародий Некрасова о творчестве Достоевского не привлекал внимания исследователей.

Остановимся на некоторых эпизодах и мотивах «Двойника», пародийно использованных во фрагментах.

Так, настроение Глажиевского перед посещением Мерцалова описано у Некрасова в полном соответствии с рассказом Достоевского о состоянии Голядкина накануне его визита к доктору Крестьяну Ивановичу: «Так ли, впрочем, будет всё это, — продолжал наш герой, выходя из кареты <...> — Так ли будет всё это? Прилично ли будет? Кстати ли будет? Впрочем, ведь что же, — продолжал он, подымаясь на лестницу, переводя дух и сдерживая биение сердца, имевшего у него привычку биться на всех чужих лестницах, — что же? ведь я про свое и предосудительного здесь ничего не имеется. . . Скрываться было бы глупо». Далее следует авторское повествование: «Приготовившись дернуть за снурок колокольчика, он немедленно и довольно кстати рассудил, что не лучше ли завтра и теперь покамест надобности большой не имеется. Но так как господин Голядкин услышал вдруг на лестнице чьи-то шаги, то немедленно переменил новое решение свое и уже так, заодно, впрочем с самым решительным видом, позвонил у дверей Крестьяна Ивановича» (Д, 1, 113—114). Внутренний монолог героя «Двойника» переделывается при этом в прямую речь, но тональность стиля Достоевского сохраняется. Сходство Голядкина и Глажиевского обыгрывается Некрасовым многократно. Приведем несколько выдержек: «Не лучше ли будет не идти? — произнес он менее решительно, потушив глаза в пол <...> потом с решительностью прибавил: — Нет, — лучше не идти! <...> Вот он вчера расхвалил. . . а теперь, может быть, поохладел и уж совсем иначе думает. . . <...> Нет. . . разве в другой раз когда. . . после. . . будет еще время. . . <...> Я подумал, — сказал <...> Глажиевский», — ловко ли будет: он, может быть, ждет. . . все равно, ведь беды большой нет, если и сходить, ведь нет? — спрашивал он, как будто еще сомневаясь, действительно ли нет беды». И наконец: «. . . когда они вошли на лестницу и Тростников взялся за звонок, — „Погодите!“ — произнес Глаж<иевский> таким судорожным, резким голосом, что Тр<остников> испугался и невольно принял руку со звонка <...> Нет, ей-богу. . . нет. . . я решительно сообразил, что мне не должно идти. Я не пойду!» — и далее: «Не успел Тростников договорить последнего слова, как Глаж<иевский> стоял уже рядом с ним и искал рукою звонок; ручка его была с другой стороны двери, чего он не видал, хотя смотрел во все глаза» (Н II, 8, 417—420).

В другом эпизоде некрасовской повести — Глажиевский у Мерцалова — характеристика Глажиевского также ассоциируется (почти текстуально) с поэтическими приемами «Двойника» (описание поведения Голядкина). Некрасов сознательно вводит такую яркую примету стиля Достоевского, как впервые употребленное им в повести «Двойник»

²⁸ Ироническое отношение к «Двойнику» отражено в коллективном «Послании Белинского к Достоевскому» («Удели не „Двойника“»), написанном Некрасовым и Тургеневым (1846) (Н II, 1, 423—424).

слово «стусеваться». Глажиевский «оробел», произносит «отрывочные слова»; его «взгляды и беспрестанные движения губ» выражают «подозрительность и опасение. . .». Это состояние «могло быть только охарактеризовано им же самим изобретенным словом „стусеваться“» (там же, 420).²⁹

Приведем еще один пример, в котором ощущается прикровенная пародийность. Некрасов несколько раз повторяет описание лица Глажиевского, которое чаще всего «в обыкновенном, спокойном состоянии < . . . > уподоблялось сероватой и мгlistой осенней туче, готовой ежеминутно разрешиться дождем, пополам со снегом и слякотью» (там же, 416). В другом месте о лице Глажиевского во взволнованном состоянии сказано: «Эти глаза и вообще вся физиономия Глажиевского походила на тучу, уже разрешившуюся всем тем, о чем было сказано выше; серый осенний день был в полном разгуле; вглядываясь в нее, можно было даже слышать визгливое и жалобное завывание ветра, сопровождающее осенние непогоды. . .» (там же, 420).

Это сравнение заимствовано у Достоевского из его картины петербургской «ужасной» ноябрьской ночи, «мокрой, туманной, дождливой, снежливой, чреватой флюсами, насморками», на фоне которой происходит бегство Голядкина: «Ветер выл в опустелых улицах < . . . > Тощие фонари < . . . > вторили его завываниям тоненьким, пронзительным скрипом. < . . . > Шел дождь и снег разом» (Д, 1, 138).

Пейзаж, усиливающий трагическое состояние героя Достоевского, используется Некрасовым для комического, нелепого, казалось бы, сравнения.

Все эти пародийные аналогии возникли не случайно. По-видимому, творческим стимулом к их созданию явился прежде всего художественный интерес к поэтической системе Достоевского, стремление уяснить, зафиксировать в ней характерное, индивидуальное. Вместе с тем Некрасов стремился выразить свое критическое отношение к некоторым тенденциям в творчестве автора «Двойника», неприемлемым для него, так же как и для Белинского.³⁰ Скрытая пародийность стала своеобразной формой полемики Некрасова с Достоевским, показательной для понимания сложных взаимоотношений этих художников. Элементы пародии во фрагментах «В тот же день часов в одиннадцать утра. . .» тем более любопытны, что прямых отзывов Некрасова о произведениях Достоевского, написанных в 1840-е гг. после «Бедных людей», не сохранилось. Лишь в статье «Журналистика» (1849) Некрасов писал (по поводу повести «Скупой» неизвестного автора, напечатанной в № 8 «Отечественных записок»): «. . . повесть „Скупой“, вроде так называемых психологических повестей г-на Ф. Достоевского, до которых мы, признаемся, небольшие охотники» (Н I, 12, 260).

Кроме темы «Белинский — Достоевский» повесть содержит скрытые намеки на литературно-общественную жизнь как 1840-х, так и 1850-х гг. Ее героями, при всей их условности, являются реальные лица, фигурирующие под пародийными масками.³¹ Благородная личность (она же Спут-

²⁹ В записных тетрадах 1872—1875 г. Достоевский писал: «Я изобрел или, лучше сказать, ввел одно только слово в русский язык, и оно прижилось, все употребляют: глагол „стусевался“ (в «Голядкине». У Белинского, в восторге слишком известные литераторы — мой главнейший подпольный тип. . .)» (Д, 21, 264). Об истории слова «стусеваться» Достоевский рассказал в «Дневнике писателя» за 1877 г. (ноябрьский выпуск) (см.: Д, 26, 65—67; см. также: Рейсер С. А. «Стусеваться» // Современная русская лексикография. 1977. Л., 1979. С. 147—150).

³⁰ В статье Белинского «Взгляд на русскую литературу 1846 года» (в редакторской правке ее принимал участие Некрасов) содержалось критическое замечание по поводу «фантастического колорита повести Достоевского «Двойник» и «неумения автора определить разумную меру и границы художественному развитию задуманной им идеи» (Б, 8, 213).

³¹ Прототипы установлены в статье: Чуковский К. И. Плеяда Белинского и Достоевский: (Вступ. очерк к «Каменному сердцу»)/Некрасов Н. «Тонкий человек» и другие неизданные произведения. М., 1928. С. 189—230.

ник), Мальчишка, Поэт в душе, Элемент светскости и другие — это соответственно П. В. Анненков, Тургенев, В. П. Боткин, А. В. Дружинин и иные представители кружка Белинского, затем «Современника».

Спутнику — Анненкову Некрасов уделил особое внимание. Среди черновиков находится набросок, имеющий к нему прямое отношение: «Он был так же неизбежен при каждом возникающем светиле, как крендель при вывеске булочной» (Н II, 8, 689). В тексте фрагментов содержится ироническая фраза, свидетельствующая о том, что Некрасов предполагал посвятить «описанию подвигов Благородной личности» «несколько отдельных глав, а может быть и целый том» (там же, 424).

На последних страницах в сопровождении Спутника появляется еще один гениальный человек, он же Решетиллов, который пишет новый роман («... я слышал две главы: пресоходно!») — произносит Спутник — там же, 438). Это уже не Достоевский; с Анненковым он никогда не был дружен. Возможно, Некрасов использовал штрихи литературной биографии Тургенева, работавшего в 1850-е гг. над романом «Два поколения» и особенно близкого в ту пору с Анненковым — одним из первых читателей начальных глав романа.³²

Не меньшее место во фрагментах отведено ироническому изображению литературной и нелитературной кружковой жизни «прежде» (когда «литературные чтения процветали») и «теперь» (когда «литераторы разъединены и редко сходятся») (там же, 435). Судя по обилию исправлений и черновых помет (см.: там же, 680), писатель, очевидно, предполагал развить эту тему, глубоко его волновавшую.

Повесть соотносилась как с собственным творчеством Некрасова (в том числе с эпиграммами на Анненкова («За то, что ходит он в фуражке. . .») и Достоевского («Витязь горестной фигуры. . .»)), так и с литературной традицией. Ближайшими литературными предшественниками или современниками Некрасова в подобном жанре явились Д. В. Григорович («Школа гостеприимства», 1855) и «Новый поэт» (И. И. Панаев), автор известного фельетона «Заметки Нового поэта о петербургской жизни», опубликованного в «Современнике» (1855, № 12), в котором содержался грубый выпад против Достоевского, выведенного в пародийно-карикатурном облике «только что народившегося маленького гения», «кумирчика».

В фельетоне Панаева намечены и другие темы: «Люди с заблуждениями и никогда не заблуждавшиеся. — Светские литературные дилетанты, новички и известные литераторы во время чтения своих произведений», аналогичные имеющимся у Некрасова. Заметим, что Панаев создал пародийный портрет не одного Достоевского, но и других литераторов, в том числе В. А. Соллогуба и Тургенева. Но акценты и ударения в некрасовской и панаевской пародиях расставлены неодинаково. Естественно, что при всей сложности отношений с Достоевским для Некрасова в 1850-е гг. был немислим публичный выпад против ссыльного петрашевца (эпиграмма «Витязь горестной фигуры. . .» хронологически падает на другую эпоху).³³

Существенно, что в период работы над повестью Некрасова занимала проблема соотношения реальной действительности и карикатуры в художественном произведении, границы и возможности пародии, а также вопрос о том, «в какой степени можно вносить свои антипатии в литературные произведения» (Н I, 9, 308). Об этом он писал в «Заметках о журналах

³² См.: Рус. обозрение. 1894. № 10. С. 489—490 (письмо Анненкова к Тургеневу от 12 (24) июня 1853 г.). Фамилия Решетиллов — тургеньевская (см. рассказ «Однодворец Овсянников» из «Записок охотника»). Встречается она и в раннем стихотворении Некрасова «Самодовольных болтунов. . .».

³³ О личных и творческих взаимоотношениях Некрасова и Достоевского см.: *Туниманов В. А.* Достоевский и Некрасов // Достоевский и его время. Л., 1971. С. 33—66; *Лебедев Ю. В.* Некрасов и Достоевский в 60-е годы: (Эпизод из творческих взаимосвязей) // Некрасов и его время. Калининград, 1975. Вып. 1. С. 95—98, а также названные выше статью и монографию М. М. Гива.

за сентябрь 1855 года» в связи с разбором «Школы гостеприимства» Григоровича.

Полемизируя с А. Ф. Писемским в «Заметках о журналах за октябрь 1855 года» по поводу его оценки творчества Гоголя, Некрасов высказал свое критическое отношение к «пасквилю, памфлету в самом лучшем их значении» как к «сатире односторонней, носящей на себе горячешный след страстей и увлечений времени, ее породившего» (там же, 344—345).

Возможно, обилие пародийных и полемических намеков на живых современников, «решительных приговоров о лицах еще действующих» помешало завершению повести, хотя эта причина едва ли была единственной. Однако ее яркие пародийно-заостренные образы, широкий круг событий литературно-общественной жизни, охваченных сатирическим изображением, пародийные приемы соотношения элементов прошлого с приметам современности предвосхитили многие сатирические циклы в поэтическом творчестве Некрасова, нашли дальнейшее развитие и преломление в его деятельности в «Свистке».

А. З. Дун

ПОЭЗИЯ НЕКРАСОВА В БОЛЬШЕВИСТСКИХ ЛИСТОВКАХ

В годы подъема революционного движения наиболее доступным и широко распространенным видом партийной печати были листовки. В. И. Ленин писал в 1905 г.: «Руководить партией при теперешнем гигантском, невероятном росте движения можно только печатью. И надо создать живые, подвижные, быстрые, краткие листки-бюллетени, дающие основные лозунги и итоги основных событий».¹

Нашими историками, работниками архивов проделана очень большая работа по систематизации и публикации многих листовок, связанных с революцией 1905—1907 гг., с подготовкой и проведением Великой Октябрьской социалистической революции.²

Однако до сих пор листовки, эти блестящие образцы революционной публицистики, к сожалению, еще не стали предметом специального изучения со стороны литературоведов. А они должны заинтересовать ученых хотя бы потому, что здесь часто цитировались и использовались в качестве эпиграфов лучшие образцы гражданской лирики известных и малоизвестных поэтов; иногда тексты революционных стихотворений и песен выпускались в виде отдельных листовок. Среди авторов, цитируемых в большевистских листовках, мы встречаем Пушкина, Рылеева, Одоевского, Лермонтова, Огарева, Некрасова, Пальмина, Радина, Коца, Кржижановского, Горького, Скитальца, Шевченко, Лесю Украинку, Байрона, Мицкевича, Гейне, Гервега, Коношницкую и других. Уже один этот перечень говорит о том, насколько широко революционная поэзия была представлена в листовках.

Неизученность вопроса о литературных цитатах и проблемы художественного образа в революционной публицистике отмечала М. В. Нечкина в работе 1932 г. «О художественных образах в работах К. Маркса»: «Проблема литературного оформления научного труда почти не изучена. Ею не интересуется ни одна научная дисциплина, ни одна отрасль какой-либо смежной дисциплины. Между тем изучать ее необходимо. Должна возникнуть особая дисциплина, изучающая научное творчество. В этой дисциплине выделится особый небольшой сектор, изучающий литературное оформление научной работы. Не приходится доказывать важность такой проблемы».³

Сама М. В. Нечкина стала одним из первых исследователей проблемы использования В. И. Лениным литературных образов.⁴ Можно назвать и работы других авторов, посвященные этой теме.⁵

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 47. С. 100.

² Обстоятельный обзор этих изданий см.: Петропавловский Е. С. Листовки как источник при изучении истории КПСС: (Большевистские листовки в дооктябрьский период). М., 1966.

³ Нечкина М. В. Функция художественного образа в историческом процессе: Сб. работ. М., 1982. С. 206.

⁴ См. в указ. книге ее работу «Обзоры русской литературы в произведениях В. И. Ленина» (с. 252—311).

⁵ См.: Уханов И. П. Образы художественной литературы в трудах В. И. Ленина. М., 1965; Чуковский К. Ленин о Некрасове // Собр. соч.: В 6 т. М., 1967. Т. 5. С. 467—506; Цейтлин А. Г. Стиль Ленина-публициста. М., 1969.

Вывод М. В. Нечкиной («...тема эта заслуживает внимания и представляет интерес не только для литературоведа и историка, но и для всех, кто задумывается над функцией художественного образа в революционно-историческом процессе»⁶) дает основание поставить вопрос о ленинской школе использования художественных образов в революционной публицистике, т. е. о дальнейшей разработке темы.

Наше обращение к проблеме художественного образа в революционных листовках⁷ убеждает, что наиболее часто цитируемым автором является в них Некрасов. Его гражданская поэзия органически вошла в тексты многих листовок, способствовала их более эмоциональному восприятию и в то же время сама как бы наполнилась новым содержанием, приблизилась к русской действительности 1900-х гг.

Принцип использования цитат из Некрасова в большевистских листовках во многом близок к тому принципу, на котором основано использование некрасовских образов, цитат и выражений у В. И. Ленина, обновившего, по словам К. И. Чуковского, «не только их», но и «образ их создателя».⁸

За редкими исключениями, имя Некрасова в листовках при цитировании не указывается. Некрасовские цитаты часто приводятся без кавычек. И объясняется это только одним: некрасовские строки стали к началу 1900-х гг. общеизвестными, воспринимались зачастую как крылатые выражения, прочно вошедшие в революционную публицистику. И если они часто приводятся в тексте листовок не совсем точно, то это означает лишь, что авторы не обращались к печатным текстам, а цитировали Некрасова по памяти, как поэта, постоянно живущего в сознании русского революционера, русского интеллигента, русского народа в целом.

Нами обнаружены в революционных листовках цитаты из следующих произведений Некрасова: «Элегия», «Рыцарь на час», «Размышления у парадного подъезда», «Железная дорога», «Родина», «Песня Еремашке», «Свобода», «Смолкли честные, доблестно павшие...», «Сеятелям», «Орина, мать солдатская», «В полном разгаре страда деревенская...», «Русские женщины», «Кому на Руси жить хорошо».

Очень часто обращение к некрасовской музе «мести и печали» мы отмечаем в ряде листовок, вышедших в связи с годовщинами крестьянской реформы 1861 г. Так, например, в листовке Одесского комитета РСДРП (19 февраля 1903 г.) по поводу 42-й годовщины отмены крепостного права использована для характеристики сути реформы цитата из «Свободы» Некрасова: «Оказалось, что царь хоть и освободил крестьян, но и ограбил их. Недаром крестьяне прозвали свою волю „волчьей волей“ и во многих местах тотчас по освобождении возобновлялись крестьянские бунты.

Прошло немного лет, и

„Вместо цепей крепостных
Люди придумали много иных“.

Эти новые цепи — цепи капитализма. На другой день после освобождения более пяти миллионов крестьян-дворовых, не получивших земли, оказались по воле доброго царя выброшенными на мостовую. Кроме того, тысячи крестьян, получивших свои жалкие клочки, обнищали и стали убежать из голодной деревни».⁹

⁶ Нечкина М. В. Функция художественного образа... С. 311.

⁷ См.: Дун А. З. 1) Революционная поэзия в большевистских прокламациях // Сборник статей по некоторым вопросам истории КПСС. Ленинабад, 1966. С. 3—20; 2) Слово, зовущее к борьбе: К 150-летию со дня рождения Н. А. Некрасова // Ленинабадская правда. 1971. 10 дек.

⁸ Чуковский К. Собр. соч.: В 6 т. Т. 5. С. 469.

⁹ Листовки революционных социал-демократических организаций Украины. 1896—1904. Киев. 1963. С. 327.

Несколько ранее, в 1902 г., эти же некрасовские строки в виде скрытой цитаты вошли в текст листовки Николаевского комитета РСДРП, призывавшей рабочих бастовать 19 февраля в знак протеста против незаконий и насилия самодержавия: «...мы избираем день 19 февраля как день наибольшего проявления наглости и гнусности царского правительства: в этот день оно избивало нагайками наших товарищей рабочих на улицах Москвы, Петербурга, Харькова, в этот день оно освободило крестьян от цепей крепостных, чтобы лучше самому наложить свои цепи».¹⁰

Обращение к Некрасову мы видим и в посвященной годовщине крестьянской реформы 1861 г. листовке Киевского комитета РСДРП (19 февраля 1904 г.), где в качестве эпиграфа приводятся строки из «Элегии»:

Народ освобожден, но счастлив ли народ?..¹¹

Некрасовская оценка реформы 1861 г. в поэме «Кому на Руси жить хорошо» воспроизведена в прокламации Самарского комитета РСДРП «Царское правительство и крестьяне (19 февраля 1861 г.—19 февраля 1906 г.)», содержащей призыв к рабочим и крестьянам бойкотировать выборы в Первую Государственную думу, продолжать решительную борьбу с самодержавием. Эпиграфом к этой прокламации послужили некрасовские строки:

Порвалась цепь великая,
Порвалась и ударила
Одним концом по барину,
Другим — по мужику... —

вслед за которыми идет текст, развивающий мысли поэта в применении к жизни русского крестьянства 1900-х гг.:

«Нет, не одним, обоими концами, порвавшись, ударила по многострадальному русскому пахарю цепь великая, связывавшая до шестьдесят первого года барина-рабовладельца и крестьянина-раба.

45 лет тому назад, 19 февраля 1861 г., барин-рабовладелец, лишившись крепостных, ухитрился ничего не потерять. Потерял только раб, будто бы освобожденный.

Воля, к которой так настойчиво стремился крепостной-крестьянин, и теперь, как когда-то, только издали манит его к себе, но он ее еще не знал, и теперь, как когда-то, ему приходится брать ее с бою».¹²

Автор листовки Харьковского комитета РСДРП, выпущенной в феврале 1902 г., характеризуя пореформенные настроения, вновь обращается к Некрасову:

«Интеллигенция с пылким воодушевлением стремилась в деревню, чтобы все свои силы юные отдать народному делу. „В сердце народа таятся могучие силы, их надо развить, надо рассеять тьму невежества, указать пути к самосознанию, и тогда светлое царство всеобщего счастья водворится на Руси“, — говорили идеалисты.

„Знаем, на место цепей крепостных
Люди придумают много иных;
Так, но распутать их легче народу.
Муза, с надеждой приветствуй свободу!“ —

пел поэт».¹³

Авторы листовок о крестьянстве обращаются к Некрасову не только тогда, когда пишут о реформе 1861 г. С не меньшей силой звучат в начале

¹⁰ ЦГИА УССР, кол. листовок, № 24446.

¹¹ Филиал ЦГИА УССР (Львов), ф. 309, оп. 1, № 2479, л. 156.

¹² Листовки и прокламации Самарского комитета РСДРП(б). 1902—1917. Куйбышев. 1959. С. 370.

¹³ Листовки революционных социал-демократических организаций Украины. 1896—1904. С. 192.

1900-х гг. некрасовские строки о тяжелом положении русского крестьянства.

Это, например, строки из некрасовской «Родины» в той же листовке Харьковского комитета РСДРП:

«Как снежок катится по снегу и все растет и растет, так с каждым годом растет и разливается по всей России наша борьба с самодержавием. Как при степном пожаре во все стороны бегут по сухой траве языки и загораются новые скирды, новые строения, новые деревни, так и после каждой демонстрации, стачки и пр. высланные рабочие разносят по всей России недовольство правительством. И близится день, когда пожар восстания охватит всю Россию; и в этом пожаре рухнет разбойничье гнездо — царский трон, и исчезнет дикий произвол и грабеж среди бела дня в нашей родине, в которой уже столько веков

„... Вторил звону чаш и гласу ликований
Глухой протяжный стон подавленных страданий,
И только тот один, кто всех собой душил,
Свободно и дышал, и действовал, и жил“.¹⁴

В марте 1904 г. Петербургский комитет РСДРП выпустил листовку о крестьянских волнениях в имени князя Гагарина и о жестоком приговоре Московской судебной палаты по этому делу. Строки Некрасова из поэмы «Кому на Руси жить хорошо» замечательно вписывались в текст листовки, напоминая в яркой и образной форме еще раз о невыносимом тяжелом положении русского крестьянства: «Товарищи! Велика и неизмерима неурядица русской жизни, велико и бездонно серое мужицкое горе, тяжела и ужасна жизнь крестьянина. И прежде, при крепостном праве, горе мужицкое текло бездонной реченькой, да и теперь не высыхает она, эта река. „Цепями руки кручены, железом ноги кованы, спина. . . леса дремучие прошли по ней, сломались“ — такой является крепостная деревня. Теперь, когда цепи рабства пали и мужик свободен, много иных цепей давит и мучит крестьянина. Податься некуда, чем жить — вот вопль русской деревни. Сосет кровь из деревни все, кто посильнее мужика: государство „выколачивает“ подати, семь шкур дерет кулак деревенский, невмоготу деревне от помещиков, захвативших всю землю, к земле клонит и земский, и становой, а поп утешает загробною жизнью и тоже сосет, сколько сил хватает».¹⁵

В виде непосредственной цитаты здесь приведено лишь одно четверостишие из «Кому на Руси жить хорошо» («Цепями руки кручены. . .»), в целом же этот небольшой отрывок вместил несколько необычайно емких некрасовских выражений, аккумулирующих сущность крестьянской темы в его творчестве: это и «горя реченька бездонная» из стихотворения «Орина, мать солдатская», и «. . . на место цепей крепостных Люди придумали много иных» из «Свободы». Характерная деталь: слова из «Кому на Руси жить хорошо» — «Бог, царь и господин», как известно, впервые опубликованы К. И. Чуковским в советское время, но строки прокламации о тех, кто «сосет кровь из деревни», фактически развивают некрасовские стихи о «трех дольщиках».

Нередко в одной и той же листовке рядом с цитируемыми строками из Некрасова можно обнаружить и отрывки из других произведений русских и зарубежных поэтов; некрасовские произведения, таким образом, вписывались в общий контекст русской и зарубежной революционной поэзии. Так, в уже упоминавшейся листовке Харьковского комитета РСДРП рядом с некрасовскими строками цитируются и строки Пушкина: «Над развалинами рухнувшего крепостнического строя возродилась

¹⁴ Там же. С. 194—195.

¹⁵ Листовки петербургских большевиков. 1902—1917. Л., 1939. Т. 1. С. 127 (Ленинградский институт истории ВКП(б)).

новая кипучая жизнь. От царских палат до глухой и убогой лачуги гремело, перекатываясь, неведомое дотоле слово „Воля“, всюду внося бодрость, будя самые смелые надежды. Кануло в вечность „барство дикое без страха, без закона“, и радостно творит крестное знамение мужик рукой, на которой еще не зажили раны от вековых цепей». ¹⁶

В конце листовки Харьковского комитета РСДРП по поводу суда над участниками крестьянских волнений в Харьковской и Полтавской губерниях в октябре 1902 г., где автор обращается к истории «освобождения» крестьян и оправдывает их революционные выступления, мы наблюдаем интересное сочетание цитат из «Песни Еремушке» и «Рыцаря на час» Некрасова и «Манифеста Коммунистической партии» К. Маркса и Ф. Энгельса: «Так решил наш суд, суд науки, суд любви, суд жизни; и пред этим судом должен умолкнуть суд преступного правительства над невинными крестьянами. А для того чтобы приговор нашего суда праведного и милостивого „над неправдою лукавою грянул божьею грозой“, идите к нам в ряды нашей Партии, в ряды „погибающих за великое дело любви“, все те, „кому нечего терять, кроме цепей, а приобрести есть надежда весь мир“. Идите к нам, сплывайтесь, просвещайтесь светом истины, согревайтесь огнем самоотверженной любви!

Помните: наш меч — наука; наш щит — наше право; наше знамя — любовь к человеку; наша победа — счастье униженных и обиженных труженников, идите к нам!». ¹⁷

Последние строки — скрытая цитата из песни Гриши («Кому на Руси жить хорошо»):

Иди к униженным,
Иди к обиженным, —
Там нужен ты.

В «Киевском социал-демократическом листке», вышедшем в 1902 г. под названием «Памяти декабристов», некрасовские строки «Нет, в этот вырубленный лес...» (слова княгини Трубецкой из поэмы «Русские женщины») своеобразно соседствуют с пушкинскими строками «Взойдет она, звезда пленительного счастья...» и стихами Одоевского («Наш скорбный труд не пропадет...»). ¹⁸ Показательна в описываемом отношении и листовка Ташкентской группы РСДРП, разоблачающая воззвание Синода, который выступил в октябре 1905 г. на защиту царизма. Как эпиграф в ней использованы строки из «Варшавянки» («Но мы подыдем гордо и смело...»); в заключительной ее части цитируется «Интернационал»; кроме того, в тексте прокламации мы встречаем цитату из стихотворения Некрасова «Орина, мать солдатская»: «Как громадной вотчиной, правит нашей родиной монарх всероссийский. Стоном стонет народ от гнета.

Мало слов, а горя реченька!
Горя реченька бездонная! . .

Народу не надо „милостей“, народу не надо „даров“: он с бою берет свои права, потоками крови платят народ и, прежде всего, рабочий класс, за каждый шаг вперед. И все же... победу за победой одерживаем мы, товарищи, над двуглавым хищником:

Никто не даст нам избавленья,
Ни бог, ни царь и ни герой.
Добьемся мы освобожденья
Своею собственной рукой.

¹⁶ Листовки революционных социал-демократических организаций Украины. 1896—1904. С. 192.

¹⁷ Там же. С. 265.

¹⁸ ЦГИА УССР, ф. 230, оп. 1, № 198, л. 1.

Пролетариат „воспримет“ ту „кущую“ свободу, которой ему удалось добиться, но не для того, чтобы успокоиться на долгое время. Он воспользуется ею для того, чтобы развязать руки и приготовиться к новому удару по врагу. Нам не нужны ни молитвы, ни радости, ни благодеяния:

Чтоб сбросить гнет рукой умелой,
Отвоевать свое добро, —
Вздувайте горы, куйте смело,
Пока железо горячо!.¹⁹

Примером сочетания в одном тексте цитат из Некрасова и «Интернационала» может быть также листовка Полесского комитета РСДРП «К крестьянам» (1905), повествующая об эксплуатации крестьян, которой отнюдь не положила конец реформа 1861 г. Вот начало этой листовки:

«Укажи мне такую обитель,
Я такого угла не видал,
Где бы сеятель твой и хранитель,
Где бы русский мужик не стонал.

5 марта 1861 г. чуть ли не вся Россия была объявлена на военном положении. Во все большие села, деревни, города были посланы войска с подробными приказами о том, чтобы силой усмирять крестьян, если они начнут бунтовать. Царь со своими ближними сидел в Зимнем дворце и с лихорадочной тревогой ожидал каждого донесения, которые чуть ли не ежеминутно привозили ему курьеры. В чем же было дело, что произошло в этот день?».²⁰ Далее в прокламации разъясняется, что так прошел день объявления «манifestа».

Завершающая часть листовки переносит нас в Россию 1905 г.:

«Встань же, русский мужик, просыпайся скорей! Пусть твой грозный удар завершит наше дело святое. За рабочими вслед ты иди на последнюю битву.

Ослабел уже твой враг, уже недолго измываться ему над нашей отчиной, и припомни, мужик, чем скорее начнешь ты борьбу, тем скорее наступит конец той войне, что у нас наших лучших сынов отняла, что миру так многих пустила, что разлила широкой волной по Руси слезы вдов и сирот горемычных.

Вставай, проклятьем заклейменный,
Весь мир голодных и рабов!
Кипит наш разум возмущенный
И в смертный бой идти готов...».²¹

К «Размышлениям у парадного подъезда» безусловно восходит и начало листовки Минской группы РСДРП «Ко всем крестьянам» (июнь 1906 г.):

«Трудно живется русскому крестьянству. Нет такого угла, где бы не плакал и не стонал русский мужик. Стонет он под бременем непосильных налогов, которые из него выжимает правительство, стонет под ярмом всевозможного начальства, которым то же правительство окружило его со всех сторон, стонет он от непосильной работы, стонет он с голодухи, стонет он под казачьей нагайкой... Казалось, что и конца никогда не будет мужицкому страданию, что он уже навеки останется рабом, что он всю свою горемычную жизнь должен будет работать на начальство и панов... Но проснулось русское крестьянство, проснулось и заговорило: „Не хочу больше стонать от голода, требую землю, всей земли; она наша:

¹⁹ Революция 1905—1907 гг. в России: Документы и материалы. М., 1956. Ч. 3, кн. 3. С. 966.

²⁰ Революционное движение в Белоруссии 1905—1907 гг.: Документы и материалы. Минск, 1955. С. 72.

²¹ Там же. С. 76.

мы ее в течение веков обливали своим потом и кровью. Не хочу, чтобы мною каждый помыкал, не хочу быть рабом, хочу быть свободным человеком — требую земли и воли!²² Земля и воля! Этот клич, как весенний гром, раздается по всей России и будит всех угнетенных и придавленных бороться за лучшее будущее».²²

Вариацию на тему «Размышлений у парадного подъезда» встречаем и в листовке Самарского комитета РСДРП (май 1905 г.):

«Что ему (царскому правительству. — А. Д.) разорение народное, что ему голод и нищета, болезни и вымирание тысяч рабочих и крестьян? Еще не все народное добро разграблено, еще осталось немного золота в казне — его всегда можно успеть перевезти за границу и уехать туда самим, чтобы мирно доживать там свой век на награбленные народные денежки и оттуда спокойно созерцать судороги задавленного, вконец разоренного народа».²³

«Горя реченька бездонная», «стон бесконечный» — эти цитаты из Некрасова встречаются во многих других большевистских листовках. Таково, например, начало листовки Сормовской организации РСДРП (21 августа 1906 г.), призывавшей крестьян подняться на вооруженную борьбу с царским правительством: «Много и других хороших слов говорили крестьяне своим выбранным (в Государственную думу. — А. Д.) людям, и во всех тех словах крестьянских слышались безысходная нужда и „горя реченька бездонная“».²⁴

Столь же злободневно звучат некрасовские строки в листовке «Новый обман царского правительства», выпущенной в январе 1906 г. Уфимским комитетом РСДРП: «Итак, страстотерпец, русский разоренный крестьянин, достигнет ли твой стон бесконечный до ушей твоих угнетателей?.. Услышит ли он твоё грозное требование: „земли и воли?“».

Нет, в Думе, избранной таким путем, твоих голосов не будет слышно, твои нужды останутся без обсуждения».²⁵

С этой же реминисценцией из Некрасова мы встречаемся в листовке исполнительного бюро Владимирского окружного комитета РСДРП, написанной по поводу обсуждения в Государственной думе вопроса о голоде в деревне (май 1907 г.):

«Стонет крестьянин: свой хлеб давно вышел, купить не на что, ест — да и то не досыта — такой хлеб, что не всякий скот захочет: и с желудками, и с лебедой, а то и совсем голодает...».²⁶

В листовку включена и прямая цитата из «Размышлений у парадного подъезда»: «Народ не осудит своих представителей за то, что они не соглашались дать опять деньги, из которых почти ничего не попадает голодным, опять благословить правительство на грабеж! Но ваши представители, товарищи, оказались в меньшинстве, и опять Государственная дума дала правительству 17 с половиной миллионов рублей. Оно живо сумеет рассовать опять также эти деньги... Не страшат их громы небесные, а земные они держат в руках... Но гром грянет...».²⁷

Характерно, что некрасовские слова в листовке владимирских большевиков переадресовываются — они обращены к царскому правительству, появляется и их продолжение, отражающее подъем революционного движения в стране: «Но гром грянет...».

Как эпитафия в листовке Екатеринославского комитета РСДРП (март 1902 г.), призывавшей население города к демонстрации протеста против издевательств над политическими заключенными, использованы первые

²² Там же. С. 554—555.

²³ Листовки и прокламации Самарского комитета РСДРП(б). 1902—1917. С. 408.

²⁴ Листовки большевистских организаций в первой русской революции 1905—1907 гг. М., 1956. Ч. 3. С. 353.

²⁵ Там же. С. 460.

²⁶ Там же. С. 301.

²⁷ Там же. С. 302.

строки из некрасовского стихотворения «Смолкли честные, доблестно-павшие...». Зверства самодержавия охарактеризованы также с помощью цитаты из этого стихотворения:

Вихрь злобы и бешенства носится
Над тобою, страна безответная. . .

«Наступили мрачные времена инквизиции. По всей России тысячи жертв жандармского произвола томятся по тюрьмам в условиях, при одном представлении которых сердце человеческое готово разорваться на части. Сам всероссийский деспот „милостиво“ ссылает юношей и девушек в тундры Якутской области, „милостиво“ готов умерить всех борцов за свободу. А общество и народ молчат, молчат, когда сами камни готовы вопиять об отщепенности. Ничья рука не подымается, ничей голос не возвысится, чтобы остановить разгулявшийся кнут, остановить пытки и мучения политических заключенных...».²⁸

Созвучность этих некрасовских строк современной эпохе подтверждает и прокламация «О военных судах», выпущенная Киевским комитетом РСДРП 26 августа 1903 г.:

«Когда-то поэт 70-х годов (Некрасов) при виде зверств правительства в отчаянии воскликнул:

Вихрь злобы и бешенства носится
Над тобою, страна безответная.

Вихрь злобы и бешенства носится и теперь, но страна перестала быть безответной. Приближается время расплаты, время, когда народный суд потребует к ответу правительство убийц и палачей».²⁹

Еще один некрасовский образ — царя-голода из «Железной дороги» — находим в листовке Выборгской районной организации РСДРП, написанной в ответ на речь Николая II к «депутации» рабочих в конце января 1905 г. и направленной против намерения царя обвинить самих рабочих в событиях «кровавого воскресенья». «На эту речь царя, — читаем в листовке, — мы — рабочие — должны ответить следующее:

«Царь! Не изменники заставили петербургских рабочих устроить стачку и идти против тебя. Нет. . . Кроме тебя, на свете есть еще царь, такой же беспощадный, как и ты, — голод прозванье ему. Он-то собрал эти массы народные.

Голод, нужда и бесправие заставили рабочих в страшные морозы бросить работу и идти к твоему дворцу».³⁰

Эти же слова из «Железной дороги» приводятся и в других прокламациях. Так, например, в листовке Одесского комитета РСДРП к портовым рабочим с призывом продолжать забастовку (1903 г.) в самом начале встречаем некрасовские строки: «Товарищи! „В мире есть царь. Этот царь беспощаден — голод названье ему!“ . Часть обездоленных грузчиков из вчерашних борцов опять превратилась в рабов — все это сделал голод, проклятый. Опять согнулись едва разогнувшиеся спины. Опять началась каторжная работа. Работа без конца, без отдыха, без света».³¹

Автор листовки Костромского комитета РСДРП «Ко всем костромским рабочим» (июнь 1903 г.), обращаясь к бастующим рабочим, пишет: «Кем или чем на самом деле прервано мирное течение вашей трудовой жизни?

В мире есть царь, этот царь беспощаден.
Голод названье ему.

²⁸ Листовки революционных социал-демократических организаций Украины. 1896—1904. С. 204.

²⁹ Там же. С. 528.

³⁰ Листовки петербургских большевиков. 1902—1917. Т. 1. С. 187.

³¹ Листовки революционных социал-демократических организаций Украины. 1896—1904. С. 450.

Вот этот-то царь-голод заставляет нас, товарищи, продавать капиталисту свою рабочую силу, и дни, и ночи, не разгибая спины, стоять над станком. Голод, боязнь остаться без заработка заставляет соглашаться работать за самую низкую плату и работать столько часов в сутки, что едва остается время для того, чтобы поспать и поесть».³²

Темы «Железной дороги» и «Размышлений у парадного подъезда» варьируются в листовке Самарского комитета РСДРП «К безработным» (август 1906 г.):

«Обездоленные безработные и голодные товарищи!

На пристанях, базарах, улицах, по всему городу с утра до ночи бродите вы с одной мучительной мыслью: где бы достать кусок хлеба и угол для ночлега.

Голод — ваш злой погонщик, ваш беспощадный царь, который бичует вас всюду, куда бы вы ни пошли.

Голод выгнал вас тысячами из деревень и оторвал от родных семей. Там, в деревне, нищенские, сиротские наделы, земельная теснота и помещичья кабала. Там тощие нивы, политые слезами и кровью, пустые гумна и покосившиеся избы. . .».³³

Назовем в этом ряду и листовку исполнительного бюро Владимирского окружного комитета РСДРП (май 1907 г.): «Царь-голод покоряет своей властной рукой все большие владения. Он неумолим, беспощаден. . .».³⁴

В декабре 1901 г. появилась обращенная к рабочим листовка Южной революционной группы социал-демократов. В ней ясно звучат две темы — сочувствие тяжелому положению трудящихся и призыв сбросить ярмо эксплуатации: «Наши волы, что пасутся, покончивши труд, птицы небесные, звери счастливее нас, — пишет неизвестный автор прокламации. — Живем мы в холодных, сырых каменоломнях под землей, — проводим там ночи, работаем мы с двух часов ночи до десяти вечера; значит, двадцать часов в сутки, ведь каторжники и те столько не работают, двузильный человек и тот такой работы не выдержит».³⁵

Заканчивается листовка призывами: «Помните же, товарищи, что сила рабочих — в их союзе, а счастье рабочих — в их собственных руках.

Итак, товарищи, долой самодержавие! Да здравствует политическая свобода! Да здравствует свободная борьба за социалистический строй!».³⁶

Обе эти темы — непомерного страдания, нечеловеческих мучений и нарастания могучего протеста — автор удачно объединяет в эпиграфе, взятом из поэмы Некрасова «Кому на Руси жить хорошо», с единственной, но характерной заменой в последних строках некрасовского текста («Сила рабочих — Несокрушимая» вместо «Сила в ней скажется Несокрушимая»):

Русь не шелохнется,
Русь, как убитая.
А загорелась в ней
Искра сокрытая.
Рать подымается
Неисчислимая —
Сила рабочих —
Несокрушимая.³⁷

³² Революционное движение в 1905—1907 гг. в Костромской губернии: (К 50-летию первой русской революции): Сб. документов. Кострома, 1955. С. 30.

³³ Листовки и прокламации Самарского комитета РСДРП(б). 1902—1917. С. 493.

³⁴ Листовки большевистских организаций в первой русской революции 1905—1907 гг. Ч. 3. С. 300.

³⁵ Листовки революционных социал-демократических организаций Украины. 1896—1904. С. 167.

³⁶ Там же. С. 168.

³⁷ Там же. С. 167.

Замена эта вызвана стремлением теснее слить стихи Некрасова с текстом листовки.

С обращением к поэме «Кому на Руси жить хорошо» мы встречаемся и в листовке Тюменского комитета РСДРП, призывавшей рабочих спичечной фабрики к борьбе за лучшие условия труда: «И когда же, наконец, кончится ваше поистине ослиное терпение. Горе вам, горе, пропавшие головы. Были оборваны — будете голы вы. Били вас палками, розгами, кнутами, будете биты железными прутьями».³⁸

Интересно использование строк из «Рыцаря на час» в листовке Харьковского комитета РСДРП (ноябрь 1902 г.), гневно осуждавшей расправу царских войск над участниками стачки-демонстрации в Ростове-на-Дону. Листовка начинается обращением: «Товарищи! 20 ноября наше правительство известило всю Россию о своей новой победе», а после изложения подробностей расправы над демонстрантами звучат гневные слова осуждения по адресу царских опричников, искреннее преклонение перед павшими в борьбе: «Но. . . вместо радости, вместо криков „ура“ наше гневное проклятие гремит по всей стране по адресу „обгающих руки в крови“, по адресу защитников самодержавия и капитализма и негодование степным пожаром охватывает сердца всех, кто в правду верует. . . А на чело своих честных и смелых борцов, сложивших свои головы за всех нас, мы все кладем лавровый венец. . . Они не умерли. . . Они будут жить всегда в наших сердцах. . . Они пали на площади среди своих товарищей!».³⁹

О Некрасове, печальнике женской доли, напоминает листовка Киевского комитета РСДРП «Ко всем киевским модисткам» (29 сентября 1901 г.): «Да, к нам-то уж вполне подходят слова:

Долюшка русская, долюшка женская,
Вряд ли труднее найти!».⁴⁰

Ставшие крылатыми слова из некрасовских «Сеятелей» прекрасно вписывались в оптимистически звучащую концовку листовки Екатеринославского комитета РСДРП (28 ноября 1903 г.), призывавшей народных учителей вести революционную пропаганду среди крестьянства:

«Итак, учителя и учительницы, примыкайте к нам, окажитесь народными учителями в полном смысле этого слова, идите в народ с азбукой политической свободы, с евангелием социализма, и эта просветительная революционная свобода принесет лучшую жатву, чем, с позволения сказать, „культурная работа“ под фёрулой русского самодержавия. Так:

Сейте разумное, доброе, вечное.
Сейте! Спасибо вам скажет сердечное
Русский народ. . .

Долой самодержавие!
Да здравствует политическая свобода!
Да здравствует социализм!».⁴¹

Популярные строки из «Сеятелей» в тексте листовки находились рядом с четко выраженными революционными призывами, и это снимало нередко встречавшееся их либеральное, узко просветительское толкование.

Широчайшее распространение листовок среди трудящихся несомненно способствовало еще большей популярности некрасовского слова.

³⁸ Революционное движение в Тобольской губернии (1905—1914): Сб. документальных материалов. Тюмень, 1961. С. 221.

³⁹ Листовки революционных социал-демократических организаций Украины. 1896—1904. С. 282, 283.

⁴⁰ Филиал ЦГИА УССР (Львов), ф. 309, оп. 1, № 2477, л. 16.

⁴¹ Листовки революционных социал-демократических организаций Украины. 1896—1904. С. 605.

О значении листовок, об условиях их бытования в 1900-е гг. очень хорошо писал в своих неопубликованных воспоминаниях известный поэт-революционер А. А. Богданов:

«При воспоминании прошлого невольно мысли останавливаются на том колоссальном значении, какое в те дни имела нелегальная печать, маленькие листовки, тиснутые доморощенным способом на гектографах или мимеографах. Понятно, что действие прокламаций, листовок, где просто, правдиво и горячо, без всяких маскировок и сокрытий рассказывалось о самом главном и нужном в жизни, об эксплуатации, насилиях, борьбе, — можно сравнить только с действием разрывного патрона, заложенного в твердую горную породу.

Об этом мною было сказано в следующем стихотворении позднейшего периода:

Сколько гневных, огневых, разящих слов,
Сколько дум таит убористый петит!
Мы зальем завод потоками листов. . .
В каждой букве, в каждой строчке динамит».⁴²

Большое количество цитат из Некрасова, обращение авторов листовок к разным произведениям поэта, география этого цитирования: Петербург, Киев, Одесса, Харьков, Выборг, Тюмень, Владимир, Ташкент, Уфа, Сорново, Екатеринослав и другие города, — все это убедительно свидетельствует о том, что перед нами не единичные случаи включения некрасовских строк в тексты листовок, а систематическое использование наследия поэта в революционной пропаганде 1900-х гг.

⁴² Богданов А. Революционная кустарщина: (Штрихи) (цит. по: Дун А. З. Революционная поэзия в большевистских прокламациях // Сб. статей по некоторым вопросам истории КПСС. С. 4).

Л. С. Волкова

НЕМЕРКНУЩИЕ ТРАДИЦИИ

(НЕКРАСОВ И Е. ИСАЕВ)

С некрасовской традицией обычно связывают гражданственность русской поэзии. Однако эта традиция гораздо шире и глубже. На разных исторических этапах русская советская поэзия усваивала все новые черты творческого наследия певца народной России. В работах послевоенных лет, в частности, установлено весьма существенное влияние Некрасова на философскую лирику (А. Твардовский, Н. Заболоцкий) и лирическую поэму (традиции «Рыцаря на час», «Тишины» и других лирических поэм Некрасова в творчестве Б. Ручьева, Я. Смелякова, Вас. Федорова, В. Сорокина и других поэтов).

Для исследователя некрасовских традиций в советской поэзии значительный интерес представляет поэма Е. Исаева «Суд памяти». Это поэма политическая, в которой на ином историческом материале, чем в поэмах Некрасова, ставится проблема личности и истории, частной человеческой судьбы и судеб народных. Как тема верности гуманистическому идеалу решается в поэме Исаева и не менее важная тема исторической народной памяти.

Другая поэма Исаева — «Даль памяти» — ведет читателя от памяти о событиях Великой Отечественной войны к более давним временам, к широким историческим просторам: поэт обращается «к истории России, которая, по выражению В. И. Ленина, выстрадав марксизм, пришла к Великой Октябрьской революции и первой вступила на путь коммунистического обновления мира».¹

Эпическая по содержанию, «панорамная» по своей структуре, поэма Исаева «Даль памяти» насквозь лирична. Правда, мнения о жанровой природе поэмы в критике противоречивы: ее относят то к «многоплановым сюжетным произведениям»,² то определяют как повесть и даже роман в стихах.³ Новаторство ее усматривают «в соединении эпоса с условностью», замечая при этом, что автор «отказался от привычного в подобных случаях сюжета и традиционной драматургии сюжетной поэмы».⁴

Думается, что мысль о нетрадиционности эпоса «на лирической основе» неточна, ибо советская поэзия давно создала свою традицию подобного эпоса, идущую от некрасовских поэм к поэме «о времени и о себе» Маяковского, чье воздействие на все последующее развитие русской и мировой поэзии особенно значительно, и затем к «За далью — даль» Твардовского. Сюжета в традиционном смысле, связанного с судьбами одного или нескольких героев (в том его понимании, какое мы находим в «Мцыри» Лермонтова или в «Медном всаднике» Пушкина), нет и в поэме Некрасова

¹ Лит. газ. 1974. 20 марта.

² От издательства // *Исаев Е. Даль памяти*. М., 1977. С. 2. Далее ссылки на это издание даются в тексте статьи.

³ См.: *Сорокин В. У памяти на посту* // Лит. Россия. 1976. 30 апр. С. 7.

⁴ *Михайлов А. Судьба народная — крупным планом* // Лит. Россия. 1977. 9 дек. С. 7.

«Кому на Руси жить хорошо», и у Маяковского («Хорошо!»), и в «За далью — даль» Твардовского.

Сюжетом стала в этих поэмах сама история борьбы народа: от стихийных выступлений крестьян, начинающих осознавать необходимость решительных действий (Некрасов), к активной и сознательной борьбе масс за революционное преобразование мира (Маяковский) и к героизму созидательного труда людей, победивших в октябре 1917 г. и ставших хозяевами своей Родины (Твардовский). При этом судьба лирического героя неотъемлема от судьбы народной (вспомним у Маяковского: «Это было с бойцами или страной, или в сердце было в моем. . .»). В поэме «Даль памяти» содержание, сюжет и жанр также определяются судьбами народными, раскрываемыми на новом этапе истории народа, его борьбы за свои социальные и политические права.

* * *

Поэма «Даль памяти» начинается с воспоминаний автора о первых детских, еще смутных ощущениях («Но мне приходит облако»), о первых шагах малыша, о первой его дороге, которая была «и лентой повивальной, и первой стежкой» (3). Уже в начале поэмы возникает образ Родины, ее далее в буквальном и философском смысле слова. Перед ребенком раскрывается мир «и поземельный, и надземельный» со множеством чудес — «с лохматым псом, с бадейкой журавлиной и журавлиной музыкой с небес» (4). И первые шаги человека в этот большой мир направляет мать:

Испокон веков
Так было с каждым. Да.
И будет с каждым
Во все мои дальнейшие века.

Так поэт вводит нас в судьбу своего лирического героя, осмысляя ее в общечеловеческом плане (характерны слова «мои < . . . > века»).

Поэт находит удивительно точные поэтические краски, показывая, как постепенно раздвигаются детские впечатления от микромира до макромира. Солнце (источник жизни) и сердце, природа и внутренний мир человека неразделимы. Материнский голос и открывающиеся взору ребенка поля, луга и «степная деревенька» — все это и есть первое чувство Родины.

Таков лирико-философский зачин поэмы Исаева, обозначенный лирической главой «Домой, домой. . .».

Но подлинное формирование личности и чувства большой Родины начнется в юности, с приобщения лирического героя к народному труду. Об этом речь идет в главе «Посвященье в мужики», чрезвычайно важной в дальнейшем развитии характера героя. В ней поэт выводит его из мира детских впечатлений в мир народной жизни, крестьянского труда. Невольно вспоминается автобиографическая поэма Некрасова «На Волге», раскрывающая истоки нравственного облика лирического героя, которые уходят в мир родной природы и народной жизни (важное место занимает здесь сцена встречи героя с бурлаками). Исаев воспекает богатейство русского мужика, следуя великой традиции русской литературы с ее проникновением в поэзию крестьянского труда:

И грянет праздник!
Радостную душу
Ты не жалея, а телом пропотеи!

Здесь, однако, уместно сказать, что Исаев в изображении народного труда наследует, как справедливо отмечала критика, опыт не только Некрасова, но и Кольцова, и Тургенева, и Л. Толстого. И тем не менее

влияние Некрасова ощущается в поэме наиболее явно, в частности в изображении поэзии и прозы крестьянского труда, в показе самого процесса труда, в раскрытии народных характеров через труд. В сцене сенокоса мы впервые знакомимся с героями поэмы — Степаном Рудяком, Семеном Угориным и Назаром Шабровым.

Оригинальна манера повествования и используемая поэтом форма обращения, относящаяся то к сверстникам, участникам сельской страды, то к читателю, то к самому себе, вспоминающему прошлое («Радостную душу Ты не жалея. . .») или: «Их было, помнишь? — тридцать девять дюжих, В рубахах белых ладных лебедей. . .»). Самобытно обращение поэта к фольклорным образам, к традиционным сравнениям: в народной песне обычно сравнение с лебедушкой относилось к женщине с целью воспевания ее красоты, грациозности. У Исаева этот народнопоэтический образ применен к мужчине. Его герои — дюжие парни в белых рубахах, напоминающие «ладных лебедей». Эпическое обобщение достигнуто здесь с помощью средств лирической, песенной изобразительности. Из этой целостной группы народных богатырей выделены особенные, неповторимые типы, чья манера работать поражает. Например, Рудяк, «известный в округе силач», не просто косил, но «просторно шел». В поэтическом контексте выражение это приобретает значение гиперболы. Отметим лаконизм поэтических средств у Исаева, сравнимый с кольцовско-некрасовским образным лаконизмом («Раззудись, плечо! Размахнись, рука!» — у Кольцова; «Я видывал, как она косит, Что взмах, то готова копна» — у Некрасова). Впечатление усиливается еще и благодаря тому, что прямая авторская речь выражает восхищение, которое, пронизывая эпическое повествование, придает ему лирически взволнованный характер:

Откинешь чуб и ахнешь:
Мать честная,
Прошел покос, как ворот
распахнул!

Или:

За ним Шабров.
Ну дьявол, да и только!
Косил как пел!

У Исаева, следовательно, получает развитие такая «некрасовская» особенность, как авторское восхищение своими героями. Героическое и обыденное в обрисовке характеров у Исаева, как и у Некрасова, переходят друг в друга. Сцены вроде рассказа о Назаре Шаброве, виртуозе-гармонисте, исполненные теплого, светлого юмора, заставляют вспомнить «Сельскую ярмонку» из поэмы «Кому на Руси жить хорошо» Некрасова, где драматическое и комическое столь удачно соседствуют друг с другом.

Раскрывая образы героев своей поэмы, Исаев, следуя Некрасову, как бы рассредоточил черты народного характера в разных типах. Напомним, что в Якиме Нагом Некрасов воплотил трудолюбие, в Ермиле Гирине — совестливость, в Савелии — богатырскую мощь, в Матрене Тимофеевне — непокорность. Исаев пополняет замечательную галерею народных типов, созданных русской и советской классикой, стремясь к реалистической полноте образа.

При всем различии индивидуальных черт герои Исаева объединены одним общим качеством, присущим русским людям, — трудолюбием, умением работать красиво, вдохновенно. В этом они близки некрасовским героям. Поэт создает целостный образ трудового народа. Таков поэтический образ широкого смысла — «реки труда», вбирающей в себя и труд крестьянина, и труд рабочего — шахтера, горняка, заводского труженика, плавящего сталь. По существу и тот и другой труд — пахаря и рабочего, связан с землей. Образ «реки труда» как бы подводит читателя к центральному образу всей поэмы — образу Родины, Земли, который приобре-

тает не только конкретное значение («земля, что под и над. . .»), но и расширительно космический масштаб.

Вспомним обращенные к Родине известные слова Некрасова: «Родная земля! Назови мне такую обитель. . .», ставшие символом не только деревенской, но и городской трудовой России. Всеохватывающий образ родной Земли у Исаева получает иное социальное, историческое и философское звучание: земля пахаря и рабочего — вечная субстанция, неотделимая от новой исторической личности творца и труженика. В центре внимания поэта — формирование этой личности, рожденной из самых недр народных в здоровой трудовой среде. Человек рождается, чтобы преумножить красоту земли. Вот почему и прямо, и подспудно в поэме все время звучит мотив красоты земной, с «тоской полей, тоской ночных проселков», с пеньем птиц, сверканьем «ясных звезд» и «яркой той Полярной, Что кажет путь блуждающей душе» (14). Поэт утверждает, что ощущение красоты земли, в высшей степени присущее герою поэмы, составляет ту часть его духовной сути, которая содействовала, «выстрадаваясь в парня», пробуждению в нем самого прекрасного чувства — любви.

Внутренняя логика развития личности подчеркнута в названиях глав. «Посвящение в мужики» — рассказ о возмужании героя, который постигает радость труда, побеждая трудности, преодолевая мучительную боль «в руках и пояснице», когда «казалось — все: ни шага, ни полшага — Ложись, милоч, и закрывай глаза» (17). И вот радость победы:

— Муж-ж-жик!
— Муж-ж-жик! . . .
Раздольно возгласил
Хвалу тебе и звончатой косе. (20)

От изображения физического возмужания поэт переходит к раскрытию духовного становления героя в следующей главе, получившей вызывающе оптимистическое название «Даешь простор!». Нравственное созревание героя, подготовленное поэтическим рассказом о деревенских тружениках-богатырях, лирических картинах природы и зарождающемся чувстве юношеской любви, происходит постепенно. Характер героя поэмы, несущий во многом автобиографические черты, сформирован тремя факторами — Родина, мать, народ. У Некрасова также лирический герой поэм «Тишина», «На Волге», «Рыцарь на час» дан в его отношении к Родине, народу и матери. Интимную тему героя Исаев разворачивает сдержанно. Способность его «страдать навзрыд от нежности великой» и умение владеть собой, не показывать на людях своего чувства, свидетельствуют о его духовной силе. Исаев со скрытой улыбкой восхищения пишет о взрыве чувств, выплеснувшихся в бесшабашном поступке юноши, который дал волю своей энергии в сцене с буланым.

Начиная со следующей главы «Про тягловую реку» намечается новый поворот сюжета: речь идет уже не столько об отдельной личности, сколько о судьбе Родины, народа в целом. В этой главе определяется важнейшая тема поэмы — тема единства трудового крестьянства и рабочего класса, тема Земли, «где родники роднятся с рудниками». Поэт рисует в конце главы картину будущего торжества «реки труда», завершая ее патетическим возгласом: «Да будет серп и молот на века!».

Эпическая по содержанию и приподнято-героическая по строю мыслей, пафосу, символике глава «Про тягловую реку» подготавливает центральную главу поэмы — «Кремень-слеза». В ней поэт обращается к отдаленному прошлому своей Родины, к народной памяти, чтобы объяснить, откуда «дорога началась» — магистральная дорога к коммунизму. Здесь для Исаева еще раз оказывается значимым опыт Некрасова как автора народной эпопеи «Кому на Руси жить хорошо» — образца свободного повествования, пронизанного принципом историзма в изображении народа, ко-

торый стал затем определяющим и для лирического эпоса Маяковского и Твардовского. Сжатое лирическое повествование приводит у Исаева к созданию масштабного по охвату исторических событий произведения.

В зачине главы «Кремень-слеза» определена тема народных страданий: мы встречаемся здесь с образами дороги, слезы, вещи птицы, традиционными для русской народной поэзии и поэтически обогащенными Некрасовым. Исаев по-своему трактует и использует эти образы-символы, несущие в его поэме важнейшую идейно-композиционную нагрузку. Образ дороги вполне конкретен: это русские пыльные проселочные дороги, по которым «кто с чем» идет — «кто с песенкой-потехой, кто со слезой-обидой, кто с бедой своей ли, чьей» (38). Вместе с тем это и символ народных страданий, перекликающийся с некрасовским образом дороги, на которой пыль прибита «к земле слезами рекрутских жен и матерей» (поэма «Тишина»).

Поэма «Кому на Руси жить хорошо» начинается со встречи семи мужиков-странников «на столбовой дороженьке». Сюжетной канвой является путешествие крестьян-правдоискателей, ищущих на Руси счастливого. В поэме Исаева сам поэт отправляется в дорогу, «обозревая» исторический путь Родины, и встречает кремень-слезу. Поэт конкретизирует образ застывшей народной слезы: «С какой щеки, с какой такой печали Скати-лась и куда ее, слезу?». Различные рассказы собравшихся вокруг кремень-слезы людей, представителей разных социальных слоев (крестьянин, рабочий, интеллигент), о перенесенных народом бедах создают широкую эпическую картину народной жизни.

В первом рассказе, принадлежащем старой крестьянке, говорится о народных, особенно женских, слезах и страданиях, о деспотизме господ, что, «лютуя, вышибали ту слезу», о непомерном труде, голоде и войнах. В рассказах остальных героев «Кремень-слезы» повествуется о том, как из народной слезы, народного гнева высекалась искра революционного протеста, а из искры возгоралось пламя революционной борьбы.

Сюжетно глава «Кремень-слеза», подобно «Пиру на весь мир», представляет собою своеобразное народное собрание, многоголосый митинг, на котором речь отдельных представителей народной массы, монологи героев перебиваются речью автора, придающего этому многоголосию необходимую целостность. Мы слышим его голос, обращенный к читателю: «И веришь, нет, пропали б мужики», «И — на тебе», «Уж это факт» и т. д. Эта традиция доверительной беседы автора с читателем, идущая от Пушкина и Некрасова, в советской поэме наиболее ярко проявилась у Твардовского.

У Исаева своя, естественная и непринужденная форма повествования. В авторское повествование легко и просто вписывается речь персонажей, причем каждый из говорящих неповторим в своей манере говорить, в своих интонациях. Вволнованная речь женщины сменяется степенной и важной речью деда «уклонных лет», затем речью рассудительного сельского учителя, землемера, мастерового и др. Автор же все время присутствует как бы за кадром, комментирует, анализирует сказанное, размышляет:

Уж не на той ли на крутой дороге
Нашли окаменевшую слезу?

Опираясь на опыт Некрасова в широком использовании народных сказочно-аллегорических образов, Исаев создает лирико-философскую поэму с большим социальным и историческим охватом действительности. Этой цели служит и творчески использованный прием поэтического обобщения через песню. Подчеркнем, что у Некрасова песня играет важную роль и в обрисовке образов, и в раскрытии идейного содержания поэмы (песни Гриши Добросклонова). Исаев, передавая впечатление от исполнения песни «Вы жертвою пали», замечает, что гармонист «нес ее перед

лицом народа, как негасимый жертвенный огонь, На горизонт семнадцатого года, на смертный бой». С этой величественной и трагической песней связаны и история революционной борьбы масс, и «каторжные дали», и героический подвиг народа, пришедшего к Великой Октябрьской социалистической революции.

Начиная с шестой главы, посвященной борьбе народа, который отстаивает завоевания Октября, меняется интонация речи героев, участников событий, рассказывающих о том, как «за землю шли, за волю, За нашу власть у верного руля. . .». Эпическая тема исторической деятельности масс приобретает героический характер. Стих звучит приподнято, радостно:

И вот она — земля!
В закон легла:
Живи, народ, и здравствуй
В своем дому,
Паши, народ, и сей,
И единись в своем же государстве. . . (52)

Так говорит один из героев, участник революции, выражая чувство хозяина земли, чувство советского патриотизма. Так говорит его устами весь народ. Образ малой Родины — «земли-сторонки» — сливается с образом большой Родины — «земли-страны» с ее просторами «и в сторону Сибири, И в сторону кронштадтских маяков».

Но народ, «испокон веков» пахавший эту землю, помнит и о прошлом:

А у народа, окромя погоста, —
Подумать больно! — не было земли.

«Народное красноречие» в поэме Исаева перекликается с речами Якимя Нагого, Савелия-богатыря и других некрасовских героев из народной среды. Но у Некрасова патриотические речи, призывы к революционной борьбе произносили или сам поэт, или персонажи, идейно близкие ему (Крот, Гриша Добросклонов). В лирическом эпосе Маяковского и Твардовского, где народ предстает как патриот и активный борец за родную землю и власть, высокое патриотическое самосознание также выражает прежде всего автор (даже в поэме Твардовского «Василий Теркин»). Исаев в главе «Кремень-слеза» отводит роль повествователя народу, осмысливающему пройденный Россией революционный путь.

Содержание монологов, вложенных в уста персонажей поэмы, составляют размышления о земле, о судьбе страны и народа, ставшего ее хозяином; они исполнены высокого пафоса и в то же время это живая речь самого народа, с его точным, веско звучащим словом:

«Владеть землей» —
Ведь это значит — всей.
Всей, всей владеть
И помнить всю на память —
Шахтер ли ты иль пахарь на селе —
И славить всю,
И ладить с ней, —
Она ведь
Земля везде: и сверху, на земле,
И под землей,
И над землей — она же;
Как день и ночь,
Как берег и волна,
Как хлеб и соль. (52)

В этой речи все — и содержание мысли, и форма высказывания, и лексика, и интонация — характерно для героя из народа — крестьянского оратора. О возросшем уровне политического сознания масс свидетель-

ствуют не только принадлежащие этому герою и процитированные выше слова, но и речи всех собравшихся у кремень-слезы:

— А в том и соль! —
 < >
 Ведь как мы жили — сердце камешело,
 А ей-то как — слезе — не камешеть!
 — Об том и речь!
 — Да мы на ней, крестьяне,
 Поклонные, но только до поры,
 Еще тогда,
 При Разпие Степане,
 При Пугаче
 точили
 топоры. (53)

Известный некрасовский афоризм (слова Савелия: «Наши топоры лежали до поры») еще раз подчеркивает мысль о росте политической зрелости народа. Некрасовские строки, трансформируясь в этом контексте, звучат по-исаевски энергично, напористо, убежденно, с живой, эмоциональной, разговорной интонацией.

Глава «Кремень-слеза» отражает сложный процесс расслоения крестьянства и формирования рабочего класса, ставшего новой мощной исторической силой. Исаев продолжил и развил тему появления на исторической арене рабочего класса, начало разработке которой положил Некрасов.

По словам А. Суркова, Некрасов был первым в русской литературе поэтом рабочей темы. В «Железной дороге» он изобразил рабочую массу, подвергаемую невиданному гнету, но пока еще покорную, терпеливую. Позже, работая над поэмой «Кому на Руси жить хорошо», поэт гениально предвосхитил новый тип исторического героя — фабричного рабочего Бурмакина, который (в первом варианте поэмы) нарисован как агитатор, осознавший положение народа. Однако в окончательном варианте поэт не случайно заменил его крестьянским оратором Якимом Нагим, что, по всей вероятности, можно объяснить не только тем, что Некрасов, по верному замечанию Ф. Я. Приймы, «испытывал сомнения и трудности, какие приходилось ему преодолевать в его раздумьях над будущими судьбами экономического и политического развития России»,⁵ но и тем, что поэту важно было показать рост самосознания даже в самой забитой патриархальной массе. Некрасов понимал, однако, что тип рабочего оратора в общем еще не сформировался, что более обычен в этой роли представитель разночинной интеллигенции. Оратор-рабочий появится лишь на рубеже XX в.

Прочерчивая в поэме исторический путь русского крестьянства к Октябрю, Исаев показал, как в рабочем рождалось чувство пролетарской солидарности с крестьянством в борьбе против самодержавия:

— А кто же, как не мы,
 Под землю шли —
 В шахтеры,
 В рудокопы, —
 И землю доставали с глубины,
 Чтоб сталь варить,
 Чтоб город греть
 и чтобы
 Еще разок с рабочей стороны
 Качнуть царя! (54)

Мысль о единстве трудовых масс рабочих и крестьян в деле борьбы и строительстве нового мира — одна из главных в поэме Исаева, — поэт как бы продолжил, дописал историю поисков правды и счастья некрасовскими крестьянами. Им, рабочим и крестьянам, на новом рубеже

⁵ Рус. лит. 1971. № 4. С. 12.

истории досталась «Одна < . . . > тюрьма» и «Одни же перекрестки Петли и шеи, Розги и спины». Поэтому и слеза «не просто, а вся Руси кремень-слеза». Так в конце главы через образ кремень-слезы подчеркивается мысль об общности судеб рабочих и крестьян. Именно из этой общей слезы «искру высекал великий тот», говорит автор устами учителя, имея в виду Ленина, чье учение опиралось на опыт классовой борьбы трудящихся масс.

Спор героев поэмы о том, куда же девать кремень-слезу — на переплавку, в монетный двор, в музей, на Уральскую магнитку, не закончен. Это не главное, важно то, что память о подвиге предков жива в народе. Этому и посвящена «Кремень-слеза».

Образ Земли, народа и его исторического пути в будущее продолжает развиваться в дальнейших главах поэмы. Но на пути в это будущее поэт видит трудности, о которых конкретно и одновременно символически говорит в главе «Три гака», следующей за «Кремень-слезой».

Если «Кремень-слеза» во многом «история в лицах», по выражению самого автора,⁶ то «Три гака» — глава философская по преимуществу. Традиционный в русской литературе образ дороги, столь широко и многоаспектно разработанный в поэме Твардовского «За далью — даль», получает новое освещение в поэме Исаева не только как символ просторов Родины, ее далей, но и как символ исторических трудностей. Образ дороги многозначен: это «дорога жизни», дорога человеческих судеб. Наследуя традиции Некрасова и Твардовского, Исаев открывает главу, объединенную образом дороги в широком философском смысле, емким определением — «По ней вся жизнь. . .».

* * *

Емкость художественно-публицистического повествования унаследована Исаевым от русской гражданской лирики. Прямая публицистическая речь его образна и конкретна. О трудностях индустриализации, например, поэт говорит, используя контрастные картины: с одной стороны, «А там — и Харьков < . . . > а там — ЗИСы — трехтонки бортовые», а с другой — бредущие по дороге волю, и, «как встарь, угрюмо, выя к вые, — Ах, чтоб тебе! — Все то же поб-побе» (72).

Но преобладающей в поэме является лирическая интонация, с которой Исаев открывает нам красоту песенной души народа:

Назар играл, —
Светил, душа простая,
На все лады!
И вот ведь фокус в чем:
Светил, не просто бракосочетая,
А согласуя
Плечико с плечом,
Ладонь с ладошкой,
Ладно так и сродно
Высвечивал
С певучих подмостей. (75)

Интонация эта в поэме приобретает сказовую форму. словно исподволь, естественно появляются разговорные обращения автора к читателю. Они создают впечатление естественности народной речи, что так характерно было для эпически-сказовой манеры Некрасова («В каком году, рассчитывай. . .»).

Исаев развивает некрасовскую традицию, обогащая собственную поэтическую манеру повествования сказовой разговорной речью, фразеологизмами, часто грубовато-натуралистичными («дал винта», «нажварит», «ки ноздри в табаке», «шкуры не щадя. . .»). К месту и кстати употребля-

⁶ Молодая гвардия. 1977. № 2. С. 255.

емые и в авторской речи, и в речи героев, они придают повествованию впечатление естественности и непринужденности.

Исаев создал лироэпическую поэму о нашем современнике. Образ повествователя в ней несет большую идейно-художественную нагрузку. Это во многом определило жанрово-композиционное новаторство поэмы, отличающейся гармонической соразмерностью, внутренней связью ее лирических и эпических глав.

Поэма построена по принципу постепенного расширения масштаба повествования от единичной судьбы к истории Родины и народа. В поэме Некрасова «Кому на Руси жить хорошо» народная масса и отдельные ее представители даны в единстве; композиция подчинена идее роста коллективного народного самосознания. У Исаева в центре поэмы — формирование личности лирического героя. И образ лирического героя, и образы отдельных представителей народа исследуются прежде всего в нравственном аспекте. Этим определяется и композиция поэмы.

Всего в поэме десять глав. Первые три, по преимуществу лирические, объединены образом лирического героя, эволюция которого связана с важнейшим в поэме образом Родины, родной земли («Домой, домой. . .», «Посвященье в мужики», «Даешь простор!»), центральные три главы («Про тягловую реку», «Кремень-слеза», «Три гака») рисуют историю народа, его героический путь борьбы за свое счастье; они эпичны и публицистичны; последние главы характеризуются усилением лиризма («Вот она, граница. . .», «А как же без ежа?», «И жить бы, жить», «А я всю жизнь из дому»), углублением в психологию и внутренний мир лирического героя и представителей народа, носителей наиболее типических черт обогащенного историей русского национального характера. Внутреннюю завершенность поэме придает лирическое обрамление — мотив воспоминаний о детстве. «Ко мне приходит облако» — этими словами начинается первая глава поэмы «Домой, домой. . .», ими же начинается и последняя ее глава «А я всю жизнь из дому». Как рефрен звучит голос матери: «Домой, домой. . .». Но тональность последней главы тревожная, детские воспоминания омрачает печаль: «Какое там домой, когда война». Мы видим лирического героя в момент атаки «в грязи, в поту соленом». Настало время решительных испытаний, когда враг грозил: «Сотру всю Русь!». И вот наконец многозначительные слова эпилога:

Постой!
Да это ж солнце
Встает в окне, лицом к пережитому,
И радио поет про Сулико. . .
Ах, как относит память далеко!
— Домой!. . . Домой!. . . —
А я всю жизнь из дому.

Замечательны здесь и образ солнца, и мирная песня, и философская наполненность последней фразы, воплощающей мысль о пути человека к людям — от первых его шагов по земле до участия в общенародной борьбе. За этими строками — путь целого поколения советских людей, отстаивавших завоевания Октября в борьбе с самым лютым врагом человечества — фашизмом.

Произведение Исаева, написанное в традиции лирической монологической поэмы-воспоминания, явилось одновременно произведением большого эпического размаха, особой разновидностью лирического эпоса, в котором впервые в развитии сюжета как равнозначная сила рядом с лирическим героем-повествователем встал сам народ. Такой разветвленной нравственно-психологической эволюции лирического героя, неотделимой от истории и судеб своего народа, в русской поэзии до Исаева не было. Жанровое новаторство поэта — в органическом соединении лирического эпоса и народной поэмы. В поэме Исаева получили развитие традиции некрасовской народной поэмы и традиции лирического эпоса Маяковского.

II. СООБЩЕНИЯ, ЗАМЕТКИ, МАТЕРИАЛЫ, ВОСПОМИНАНИЯ

Т. С. Царькова

О СТИХОТВОРЕНИИ «МЕЛОДИЯ»

В автобиографических заметках 1877 г. «О моих стихах» Некрасов писал: «Первые опыты — сумбур, вторые — подражательность бездумная» (Н I, 12, 23), а о стихах гимназического периода: «. . . что ни прочту, тому и подражаю» (там же, 24). Но как бы ни были несамостоятельны ранние стихи поэта, они интересны для современного исследователя и читателя тем, что дают возможность наглядно представить себе процесс становления мастерства Некрасова. Литературоведами В. Э. Вацуро, А. М. Гаркави, В. А. Егоровым, Ю. М. Прозоровым много сделано по выявлению источников и аналогов ранних стихотворений Некрасова. Установлено, что многие мотивы, образы, интонации первой книги «Мечты и звуки» автор порой бессознательно заимствовал из романтической поэзии 1830-х гг. Но и после выхода этого сборника и появления отрицательных рецензий на него поэт не сразу смог отказаться от романтической манеры письма. В 1839—1840 гг. появляются его элегические стихотворения «Дума», ««В альбом Марии Фермор»» («На скользком море жизни бурной. . .»), «В альбом», «Мелодия», «Офелия», «Слеза разлуки», «День рожденья», «Скорбь и слезы», также отмеченные печатью подражания образцам поэзии романтизма.

В комментарии к стихотворению Некрасова «Дни благословенные» (1840) В. Э. Вацуро указал на «довольно близкое подражание стихотворению В. Г. Бенедиктова „Незабвенная“» (1835), которое, по словам комментатора, «могло быть воспринято Некрасовым даже не непосредственно, а через многочисленные подражания» (Н II, 1, 659). Однако среди стихотворений, написанных в 1839—1840 гг., есть еще одно, несомненно восходящее к «Незабвенной» Бенедиктова, это — «Мелодия». Дважды к этому произведению обращались исследователи с целью раскрыть посвящение, обозначенное инициалами «К. А. Д.» (Клавдий Андреевич Данненберг).¹ Обратим внимание на другое. «Мелодия», как и «Дни благословенные», точно совпадая с первоисточником по оригинальному метрико-ритмическому рисунку (чередование двояного и простого трехстопного хоря с дактилической клаузулой), ближе стоит к нему по стиховому объему («Незабвенная» — 52 стиха, «Мелодия» — 56 стихов, «Дни благословенные» — 20 стихов) и тематико-композиционному принципу. Так же как и «Незабвенная», «Мелодия» двучастна. Сначала в приподнято-романтических тонах описывается предмет воспоминаний и восхищения: у Бенедиктова это «вечно безмятежная», «чуждая — дева светлоокая», у Некрасова — столь же условная страна, «сердцу драгоценная». Затем жизненные обстоятельства и настроение героев обоих лирических стихотворений резко меняются.

¹ См.: Гаркави А. М. Поэзия Некрасова и литературная школа Белинского // Ленингр. ун-т / Учен. зап. 1954. № 171. Сер. филол. наук. Вып. 19. С. 126; Ломан О. В. Кому посвящено стихотворение Н. А. Некрасова «Мелодия»? // Н. А. Некрасов и русская литература: Второй межвуз. сб. Ярославль. 1975. Вып. 40. С. 193—196.

У Бенедиктова:

Время перемчалось; — скрылся ангел сладостный!
Всё исчезло с младостью. . .²

У Некрасова:

Дни летели соколом. . . вдруг всё изменилось. . .
Увлечен желаньями,
Я простился с родной. . .

(И II, 1, 276)

Кончаются оба стихотворения мотивом светлой поэтической грусти о потере.

У Бенедиктова:

Перед девою новою сердца беспокойного
Тлею чувство новое;
Но уж было чувство то — после лета знойного
Солнце сентябренное.
< >
Всюду в жизни суетной — в бурях испытания
Бедность обнаружена,
Но, друзья, не беден я: в терниях страдания
Светится жемчужина —
И по граням памяти ходит перекатная,
Блещет многоценная, —
Это перл души моей — дева невозвратная,
Дева незабвенная!³

У Некрасова:

Отлетел надежд моих призраков обольстительный,
Счастье изменило мне,
И теперь гнетет меня думой сокрушительной
Горе по родной стране.
Шлю привет то вздохом ей, то мечтой суровою;
В мыслях каждый час она.
Сердцу не забыть ее пред природой новою:
С ней жизнь сердца связана. . .

(И II, 1, 276)

Очевидный подражательный характер «Мелодии» сказался и в том, что в позднейшем своем творчестве Некрасов уже не возвращался ни к такому прощренному ритмо-мелодическому рисунку, ни к романтически-отвлеченному образу родины. Постепенно этот образ приобретает у поэта конкретные и в то же время масштабно-эпические черты.

К ТВОРЧЕСКОЙ ИСТОРИИ «ОСЕННЕЙ СКУКИ»

В документах военной цензуры заключения о газете «Русский инвалид», как правило, фиксировались лишь суммарно: за год просмотрено столько-то номеров, «одобрено». Чаще всего этим просмотром занимался сам председатель Комитета военной цензуры (до 1848 г. этот пост занимал А. И. Михайловский-Данилевский). Как свидетельствует запись в «Журнале исходящих бумаг» Цензурного комитета, 1 декабря 1844 г. цензору полковнику Ф. И. Горемыкину была «препровождена на рассмотрение статья „Деревенская скука“,¹ поступившая в военную цензуру от издателя «Русского инвалида» тайного советника П. П. Пезаровиуса. Статья эта была необычна для официальной военной газеты и для военной цензуры. При записи в «Реестр» регистратор даже затруднился указать «род сочинения»,

² Бенедиктов В. Г. Стихотворения. Л., 1983. С. 56. (Б-ка поэта. Большая сер.).

³ Там же.

¹ ЦГВИА. ф. 494, № 2, л. 46 об.—47.

графа осталась незаполненной.² Необычен был и отзыв цензора. 4 декабря П. П. Пезаровиус получил статью обратно с пометой: «Не одобрено». Как видно по записям в «Реестре», это был исключительный случай «неодобрения» в практике военной цензуры начала 1840-х гг., времени цензурных послаблений для печати, и единственный случай запрещения статьи для «Русского инвалида». Что же это за статья? Имя автора не обозначено; как и в большинстве случаев, статью представлял издатель периодического органа. Но заглавие останавливает внимание. Ведь именно так, «Деревенская скука», названа глава из романа Н. А. Некрасова и А. Я. Панаевой (Н. Станицкого) «Три страны света», опубликованного в «Современнике» в 1848 г. Некрасоведы отмечали, что глава эта совершенно автономна по отношению к основной сюжетной линии романа, написана в манере «физиологического очерка» и представляет собой вставную законченную сатирическую сцену с ярко выраженной антикрепостнической идеей. Закономерно поэтому, что именно главу «Деревенская скука» Некрасов переработал в одноактную пьесу «Осенняя скука», имеющую подзаголовок «Деревенская сцена». Написанная в том же 1848 г. пьеса была опубликована только в 1856 г., а поставлена на сцене лишь в 1902 г.

Однако некрасовская разработка этой темы оставила след и на газетных полосах. В «Русском инвалиде» (1844. 17 сент. № 208) за несколько месяцев до предполагавшейся публикации «Деревенской скуки» был помещен фельетон, в котором намечена тема осенней деревенской скуки. Фельетон этот убедительно атрибутирован Некрасову А. М. Гаркави (см.: Н I, 12, 442—443). Позднее, в апреле 1845 г., на страницах «Литературной газеты» появилась рецензия Некрасова на «Тарантас» В. А. Соллогуба, где подробно описаны распутица (уже в соответствии с календарем — весенняя) и развлечения помещиков в эту пору. Можно предположить, что в этой рецензии Некрасов использовал материалы статьи, незадолго до того запрещенной военной цензурой.

Заметим, что воплощение замысла в разных жанрах: от газетного фельетона к прозаическому этюду, а затем к драматической инсценировке — весьма характерно для творчества Некрасова 1840—1850-х гг. По наблюдению некрасоведов, такую же эволюцию претерпел сюжет неудачного сватовства купца. Впервые разработанный Некрасовым в фельетоне «Письмо от купца к купцу» (1845), он нашел свое развитие в главе неоконченного романа «Тонкий человек. . .», а затем в «маленькой комедии» («За стеной»)³.

До сих пор мы располагали лишь одним документальным свидетельством сотрудничества Некрасова в «Русском инвалиде». В автобиографических заметках (1877) он назвал эту газету среди периодических изданий, для которых «. . . в несколько лет исполнил до двухсот печатных листов журнальной работы» (Н I, 12, 23). Значительная часть этих материалов до сих пор остается неатрибутированной, предпринятые попытки атрибуции имели характер стилистического анализа и основывались на частичных совпадениях, аналогиях с произведениями, заведомо принадлежащими Некрасову.⁴ Приведенная нами запись из «Реестра» Комитета военной цензуры является еще одним косвенным подтверждением участия Некрасова в газете «Русский инвалид».

² ЦГВИА, ф. 494, № 6, л. 18 об.—19.

³ См. об этом в кн.: *Евгеньев-Максимов В. Е., Гин М. М. Н. А. Некрасов. Ш.*, 1949. С. 65—71 (Сер. «Русские драматургии»).

⁴ См.: *Гин М., Успенский В. С. Некрасов — драматург и театральный критик.* Л.: М., 1958. С. 129—133; *Бухштаб Б. Я. Библиографические разыскания по русской литературе XIX века.* М., 1966. С. 54—77; *Царькова Т. С. Фельетоны и рецензии Некрасова в газетах 1844 года: (Новые атрибуции) // Н. А. Некрасов и его время: Межвуз. сб. Калининград, 1976. Вып. 2. С. 58—66.*

«КАРП ПАНТЕЛЕИЧ И СТЕПАНИДА КОНДРАТЬЕВНА»

В самых авторитетных изданиях произведений Некрасова стихотворная пародия на поэму В. А. Жуковского «Наль и Дамянти» — «Карп Пантелеич и Степанида Кондратьевна. Поэма в индийском вкусе» (1845) — напечатана в разделе «Dubia».¹ Некрасову эта пародия приписывается на том основании, что она впервые была опубликована в «Литературной газете», в отделе «Дагерротип», который, по свидетельству самого поэта, заполнялся его произведениями в стихах и прозе.² Приведем еще одно наблюдение в пользу авторства Некрасова. В рассказе «Опытная женщина» (1841), также опубликованном в «Литературной газете», но за подписью «Н. Некрасов», действие разворачивается в имении Вахрушова, владелец которого обеспокоен устройством судьбы своей дочери. Сходная ситуация описана в пародии: Степанида Кондратьевна, девица на выданье, к которой засылают сваху, проживает со своими родителями в имении Вахрушова. Совпадение названий поместий, упомянутых в обоих произведениях, может служить дополнительным аргументом для атрибуции пародии Некрасову.³

Попутно отметим, что описанная в гротескных тонах встреча Степаниды Кондратьевны с ее будущим женихом, отдыхающим после охоты соседом-помещиком, ситуативно и во многих деталях совпадает с описанием сцены встречи героини поэмы И. С. Тургенева «Параша» с ее будущим мужем (строфы XVIII—XXI). Не исключено, что пародия Некрасова имела двойную цель.

¹ См.: Некрасов Н. А. Полн. собр. стихотворений: В 3 т. Л., 1967. С. 527, 671 (Б-ка поэта. Большая сер.); Н II, 1, 440, 696.

² Н I, 12, 13; Лит. наследство. М., 1949. Т. 53—54. С. 48.

³ Заметим, что название это не выдуманное. Во времена Некрасова существовала деревня Вахрушова в Ярославской губернии.

Ю. М. Прозоров

ИЗ КОММЕНТАРИЯ К КНИГЕ «МЕЧТЫ И ЗВУКИ»

Книга ранних стихотворений Некрасова «Мечты и звуки» (1840), за которой издавна закрепились репутация эпигонски-ученического опыта поэта, только начинающего свой творческий путь, дает в то же время возможность судить о его юношеском литературном кругозоре, о его поэтическом генезисе, об историко-литературных истоках его творчества. Исследователи первого некрасовского поэтического сборника обнаружили в нем множество цитат, парафраз, жанрово-тематических и образно-стилистических реминисценций и другого рода заимствований, восходящих как к классической русской поэзии первой половины XIX в. (Жуковский, Пушкин, Лермонтов) так и, в особенности, к массовой романтической лирике 1830-х гг.¹

Среди литературных источников ранних стихотворений Некрасова, до сих пор не обращавших на себя внимание исследователей книги «Мечты и звуки», отметим еще два.

Зачин некрасовской баллады «Ворон» развернут, на наш взгляд, на ритмико-синтаксической основе стихотворения И. И. Козлова «На погребение английского генерала сира Джона Мура» (1825), представляющего собой перевод стихотворения ирландского поэта Чарльза Вольфа (1791—1823), с характерным чередованием строк четырех- и трехстопного амфибрахия и распространенным отрицательным сравнением.

Козлов:

Не бил барабан перед смутным полком,
Когда мы вождя хоронили,
И труп не с ружейным прощальным огнем
Мы в недра земли опустили.
И бедная почесть к ночи отдана;
Штыками могилу копали;
Нам тускло светила в тумане луна,
И факелы дымно сверкали.²

Некрасов:

Не шум домовых на полночном пиру,
Не рати воинственной топот —
То слышен глухой в непробудном бору
Голодного ворона ропот.

(Н I, 1, 233)

Заметим также, что в стихотворении Некрасова «Разговор» помимо уже зафиксированных комментаторами пушкинских реминисценций есть еще одна:

Есть упоенье в сне мятежном,
В похвальных отзывгах толпы,
В труде, в недуге неизбежном,
В грозе и милости судьбы. . .

(Н I, 1, 269)

И тематические мотивы данного фрагмента, и его фразеология и ритмика — прямое отражение строфы 4 песни Вальсингама («Есть упоение в бою. . .») из трагедии Пушкина «Пир во время чумы» (1830; опубл. 1832).

¹ См., например: Н II, 1, 640—666 (комментарий В. Э. Вакуро).

² Козлов И. Собр. стихотворений. СПб., 1833. Ч. 2. С. 81.

В. А. Кессених, Т. Л. Пилецкая

ПЕТЕРБУРГСКИЙ ТАНЦКЛАСС
В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ НЕКРАСОВА
1840—1850-х гг.

В романе «Жизнь и похождения Тихона Тростникова», посвященном в значительной мере автобиографический характер, Некрасов устами главного героя замечает: «Петербургские танцклассы — предмет, достойный изучения и наблюдения» (Н II, 8, 217).

Танцкласс — место, где обучали танцам и где танцевали, одновременно школа танцев и танцевальный зал. Возникновение первых танцклассов в России восходит к петровским временам. При Екатерине II и Александре I балльные танцы получили особенно широкое распространение. В учителях — эмигрантах-роялистах, бежавших из революционной Франции, немцах и других иностранцах, занесенных в Россию вихрем наполеоновских войн, не было недостатка. Наибольшую популярность танцклассы приобрели к середине 1840-х гг. Это объяснялось условиями внутрисполитической жизни России того времени. Исследователь быта старого Петербурга П. Н. Столпянский писал: «В серенькой атмосфере петербургской жизни, при отсутствии каких-либо общественных начинаний, при строжайшем воспрещении всяких политических разговоров — танцы, в былое время, в николаевскую эпоху, играли громадную роль».¹ Увлечение ими в 1840-х гг. принимало чрезмерные, иногда уродливые формы.

Тема «танцы, танцкласс» неоднократно возникает в творчестве Некрасова. Назовем, например, заметку «Полька в Париже и в Петербурге» (Лит. газ. 1845. 8 февр. № 6), стихотворный фельетон «Новости» (Лит. газ. 1845. 8 марта. № 9), романы «Жизнь и похождения Тихона Тростникова» (1843—1848) и «Три страны света» (1848—1849) и, наконец, стихотворение «Прекрасная партия» (1852).

«Полька в Париже и в Петербурге» — это, на первый взгляд, невинная реклама книги Ж. Перро и А. Робера, перевод которой с французского по заказу Некрасова был выполнен Д. В. Григоровичем. Вместе с тем в заметке содержится сатирическое изображение нравов петербургской публики и обещание описать эти нравы в литературе. Некрасов с горькой иронией замечал: «Наша общественная жизнь бедна (курсив наш. — В. К.) разнообразием, поэтому каждое явление, сколько-нибудь выходящее из ряда обыкновенных, составляет в ней эпоху. То, что, например, в Париже, который послал нам и Тальйони, и итальянскую оперу, и, наконец, польку, не более как прибавление к другим интересам жизни, у нас по весьма понятной причине является чем-то необыкновенно важным. . . И не только толкуют о польке и танцуют польку, но уже начинают причисляться à la Polka, одеваться à la Polka, ходить à la Polka; пожалуй, даже стали бы есть и пить à la Polka, если бы не были совершенно довольны старым способом. При таком положении дела нельзя было сомневаться, что направление вкуса публики отразится и в литературе. . .» (Н I, 9, 632).

¹ Столпянский П. Н. Старый Петербург: Музыка и музицирование в старом Петербурге. Л., 1926. С. 78.

Фельетон в стихах «Новости» представляет собой мозаику отдельных сюжетов — карточный проигрыш, неравный брак, смерть от обжорства, литературный вечер и т. д., объединенных мотивом «Уныло мы проходим жизни путь. . .». Последний, наиболее обширный раздел фельетона посвящен танцам.

«Новости» были напечатаны в отделе «Дагерротип», что, вероятно, соответствовало современной рубрике «Фотография, моментальный снимок с места события». Однако Некрасов использует в «Новостях» скорее приемы репортажа. Взгляд художника как бы панорамирует столицу:

От Невского до Козьего болота,
От Козьего болота до Песков,
От пестрой и роскошной Миллпонной
До Выборгской унылой стороны —
Чем занят ум мужей неугомно?
Чем души жен и дев потрясены??

(Н II, 1, 29);

«Сей шум, волнение умов» вызваны все той же пресловутой полькой:

Предчувствие явления ея
В атмосфере носилось заране.
Она теперь у всех на первом плане
И в жизни нашей главная статья. . .

(Н II, 1, 30)

Перед читателем возникает то «мир чиновниц полудикий», то каморка горничной, то салон великосветской красавицы, «ручной, но недоступной львицы». Здесь же упоминается одна из реалий Петербурга 1840-х гг. — танцкласс Луизы Графемус-Кессених:

Когда б вы не были, читатель мой,
Аристократ и побывать в танцклассе
У Кессених решились со мной,
Оттуда вы вернулись бы в экстазе,
С утешенной и бодрою душой.

(Н II, 1, 30)

В танцклассе, по мнению Некрасова, «юношество» бессмысленно растрачивает свои душевные и физические силы:

И, гордое могуществом своим,
Довольно ты своею скромной долей:
Твоим порывам смелым и живым
Такое нужно поприще — не боле,
И тратишь ты среди таких тревог
Души всю силу и всю силу ног. . .

(Н II, 1, 30)

В «Литературной газете» в тексте «Новостей» вместо «танцкласс Кессених» напечатано «танцкласс Инокия» (Н II, 1, 468). Имя Инокия более в произведениях Некрасова не упоминается. Этот современник Некрасова пока не расшифрован. А вот имя Л. Кессених вторично встречается в стихотворении «Прекрасная партия»:

Он буйно молодость убил,
Взяв образец в Ловласе,
И рано сердце остудил
У Кессених в танцклассе.

(Н II, 1, 110)

Автор первого комментария к «Новостям» К. И. Чуковский писал: «Содержательница танцкласса Луиза Кессених была одной из петербург-

ских знаменитостей: в молодости она служила в прусском уланском полку, участвовала во многих сражениях и, дослужившись до чина вахмистра, открыла в Петербурге танцкласс.² А. М. Гаркави уточнил комментарий К. И. Чуковского, сославшись на заметку о Л. Кессених, опубликованную в «Северной пчеле» (1844. 19 янв. № 14) (см.: Н II, 1, 577).

Указанная заметка была помещена в разделе «Городские, литературные и музыкальные известия»: «Редакция „Северной пчелы“ получила письмо с просьбою пригласить охотников до танцев и до благотворения на вечер, который дан будет, с позволения начальства, 25-го января, в квартире Танцевального общества, на Фонтанке, у Измайловского моста, в доме Тарасова. Сбор за вход, по полтора рубля серебром с кавалера, с правом вести безденежно двух дам, назначен в пользу бедных здешних иностранцев.

Письмо подписала Луиза Графемус-Кессених, бывшая вахмистром королевской прусской службы.

Разумеется, что Редакция удивилась этой подписи и из любопытства навела справку. Оказалось, что г-жа Графемус-Кессених точно служила в прусских уланах, в 1812—1815 годах, была во всех сражениях с полком, имеет медаль и военный орден, с чином вахмистра, и теперь, на старости, содержит в Петербурге так называемый танцкласс. Храбрая амазонка скрывала пол свой на службе, но теперь знаки военного отличия украшают женский корсаж! Замечательно, что г-жа Графемус-Кессених препоясала меч и взяла в руки уланскую пику единственно из энтузиазма, одушевлявшего тогда Германию на борьбу с Наполеоном. Чудные были времена!». Весьма вероятно, что автором заметки был Ф. В. Булгарин, сам в прошлом польский улан.

Любопытно отметить, что обобщенное описание танцкласса в романе «Жизнь и похождения Тихона Тростникова» («Постоянные посетители танцклассов — чиновники губернских присутственных мест (удивительные чиновники, о которых не могут дать понятия ни провинциальные чиновники тех же присутственных мест, ни столичные высшего полета); чиновники статские и частью департаментские; молодые офицеры путей сообщения; артиллеристы и даже гвардейцы, только что вышедшие в отставку для поступления в статскую службу; записные бильярдные и отъявленные карточные (средней руки) игроки < . . . > господа, от сюртуков которых пахнет кожей; господа, одежда которых издает запах только что выглаженного платья, смешанный с табачным запахом; приказчики магазинов, гимназисты, студенты; наконец, тут же вы можете встретить в визави собственного вашего лакея, на котором узнаете свой собственный шарф, а иногда даже и сюртук или фрак. . .» — Н II, 8, 217—218) включает одну деталь, имеющую некоторое сходство с объявлением о входе в танцкласс из «Северной пчелы»: «При входе в танцкласс с мужчин берется за вход от двух рублей до пяти; дети мужского пола платят половину (старинный обычай); с дам ничего не берут; очень хороший расчет: потому что если бы не было в танцклассе дам, то не было бы и мужчин» (Н II, 8, 218).

Описание танцкласса в «Трех странах света» богаче конкретными деталями. Явное его сходство с заведением Л. Кессених отмечено Б. Л. Бессоновым (Н II, 9₁, 351). Герои романа, «соскучась в театре», очевидно в Александринском, «вышли в половине третьего действия» и направились в танцкласс: «Они долго ехали по Фонтанке и наконец, оставив за собой несколько мостов, повернули влево и въехали в узкий и бесконечно длинный переулоч, огражденный с одной стороны темным забором; огромные старые березы и липы с шумом наклонялись над ним и бросали гигантские тени на высокую сплошную стену, возвышавшуюся по другой стороне переулоча» (Н II, 9₁, 155; курсив наш. — В. К.). Попытаемся представить себе маршрут Кирпичова и его приятелей. Скорее всего их экипажи от Александринского театра направились к Чернышеву мосту (ныне мост

² Некрасов Н. А. Полн. собр. стихотворений. М.; Л., 1929. С. 529.

Ломоносова), пересекли Фонтанку, выехали на набережную и покатали вдоль нее. За Чернышевым следовал Семеновский мост, возле которого в доме Устинова помещался известный танцкласс Казимира Марцинкевича.³

Обратим внимание на выделенные курсивом слова: «долго ехали», «несколько мостов», «повернули влево». Если бы Кирпичов с компанией направлялись к Марцинкевичу, они оставили бы за собой только один мост и не могли бы ехать долго. Следовательно, их путь лежал дальше. А дальше был Обуховский мост и за ним — Измайловский. На Фонтанке, у Измайловского моста, в доме Тарасова (ср. приведенную выше заметку из «Северной пчелы») и находился танцкласс Л. Кессених.⁴

В «Адрес-календаре Санкт-Петербургских жителей» К. Нистрема (1844) указан адрес дома Тарасова: 1-я рота Измайловского полка, д. № 4. Это 1-й квартал Нарвской части. Границы квартала: Царскосельский проспект (ныне Московский) — Измайловский проспект, набережная Фонтанки — 1-я рота. Дом Тарасова находился в центре квартала, на северной стороне улицы (современный адрес: 1-я Красноармейская улица, д. № 9). В Ленинградском государственном историческом архиве (ЛГИА) хранятся архитектурные планы дома Тарасова.⁵ Знакомство с этими планами приводит к выводу, что «дом Тарасова» — это не одно описанное выше строение, а целый комплекс их, размещенный на участке длиной 200 саженей и шириной 50 саженей, который протянулся от набережной Фонтанки до 1-й роты.

На плане 1843 г. вдоль 1-й роты нет ни одного здания — на 80 саженей вглубь участка размещен огород. Со стороны набережной — на такой же примерно площади — сад. В центре участка фасадом к набережной стоит одноэтажное деревянное здание (ныне не сохранившееся), именуемое «клубом». Наиболее вероятно, что здесь и размещался танцкласс. За клубом — сарай, ледник, навесы для лошадей, жилое двухэтажное каменное здание.

В 1848 г. Николай Тарасов умер и домовладелицей стала его жена Татьяна Тарасова. Из «Плана двора жены почетного гражданина Николая Тарасова» (1859), составленного по случаю прокладки трубы «из реки Фонтанки до вновь выстроенного каменного дома под номером Б для снабжения одного дома чистою водою», видно, что весь участок двора вдоль 1-й роты уже застроен трехэтажными каменными домами. Вместо сада перед клубом разбит парк. К центральному входу одноэтажного здания клуба с набережной ведет прямая аллея. В начале аллеи — фонтан. У здания клуба справа, вдоль аллеи, небольшая цветочная теплица. Очертания боковых аллей напоминают лабиринт и предназначены для создания максимального количества укромных уголков.

Ближайшими соседями Тарасовой были римско-католическая Духовная коллегия, занимавшая здание, которое в начале века принадлежало Г. Р. Державину (слева) и Константиновский кадетский корпус (справа). В самом начале Измайловского проспекта располагались казармы лейб-гвардии Измайловского полка.

В 1860-х гг. дом Тарасова получил печальную известность: здесь помещалась долговая тюрьма. В июне 1864 г. сюда был заключен Ап. Григорьев, в 1865 г. угроза попасть в тюрьму нависла над Ф. М. Достоевским.⁶

³ См.: Милневич В. О. Петербург весь на ладони. СПб., 1874. С. 233.

⁴ Упоминания о нем находим в произведениях М. Е. Салтыкова-Щедрина (см.: Салтыков-Щедрин М. Е. Собр. соч.: В 20 т. М., 1971. Т. 11. С. 203; М., 1972. Т. 13. С. 410; М., 1973. Т. 15, кн. 1. С. 51, 63). Ср. также воспоминания А. Е. Ризенкампа, приятеля Ф. М. Достоевского в юношеские годы: «... для так называемой *jeunesse dorée* «золотой молодежи — франц.» существовали еще танцклассы с шпидбалами Марцынкевича, Буре, мадам Кессениг (очевидно, искаженное Кессених. — В. К.), Рейхардта и пр. . .» (Лит. наследство. М., 1973. Т. 86. С. 329).

⁵ См.: ЛГИА, ф. 513, оп. 102, № 5760.

⁶ См.: Бурмистров А. Петербург в романе «Преступление и наказание. // Прометей. М., 1977. № 11. С. 79—81.

Таким образом, танцкласс Л. Кессених был ближайшим к Измайловскому мосту, и, чтобы попасть в него, действительно надо было миновать несколько мостов, свернуть налево и проехать длинным переулком, по одну сторону которого находилась глухая стена, — очевидно, здания Духовной коллегии, по другую — густые деревья.

В «Трех странах света» судя по всему описывается одноэтажное здание танцкласса: «Взяв билеты, они вошли в залу и остановились у двери напротив самого оркестра, помещенного за перегородкою на небольшом возвышении во всю длину комнаты. Несмотря на то что зала была довольно велика, в ней уже некуда было бросить яблоко» (Н II, 9, 155), что полностью соответствует архитектурному плану строений Тарасова. В распоряжении бала, «женщине лет шестидесяти» (там же, 157), угадываются черты Л. Кессених. Возраст персонажа и «прототипа» совпадают. Луизе в пору написания некрасовского романа было 62 года.⁷

Известно несколько изображений Л. Кессених. Упоминание об одном из них находим в воспоминаниях генерал-лейтенанта И. И. Ореуса (1830—1909), бывшего воспитанника Школы гвардейских подпрапорщиков и кавалерийских юнкеров: «Выступали мы в лагерь обыкновенно уже под вечер, так как переход в Петергоф совершался с ночлегом. Первый привал делался у известного „Красного кабачка“, тогда уже увядшего, но все-таки хранившего некоторые следы былой славы.⁸ Содержательницей его в то время состояла некая г-жа Кессених, гнусной наружности старуха, в юных летах служившая, как говорили, в прусских войсках, вроде нашей девицы Дуровой; с тою разницей, что последняя была гусаром, а Кессених — пехотинцем; так по крайней мере свидетельствовал висевший в „Красном кабачке“ портрет ее, снятый в молодых летах, на котором она изображалась в мундире прусского фузилера, с тесаком через плечо. Бранные подвиги сей героини, кажется, не записаны на скрижалях истории, знаю я лишь, что на старости лет она, покинув меч, возлюбила занятие увеселительными заведениями: в самом Петербурге содержала танцкласс, а на петергофской дороге царил в „Красном кабачке“».⁹

Автор воспоминаний, которого никак не заподозришь в излишних симпатиях к Л. Кессених, приводит слышанное им расхожее мнение о том, что эта немка — «вроде нашей девицы Дуровой». Надо отдать должное отличному знанию им воинской формы. По мнению специалистов, форма прусских ландверных улан действительно напоминала форму фузилеров. Портрет, некогда украшавший «Красный кабачок», до 1941 г. хранился в семье Т. Л. Пилецкой и был утрачен во время блокады Ленинграда. Он был писан маслом и изображал молодую, очень некрасивую, коротко стриженную женщину в зеленом мундире с красным стоячим воротником и с тесаком через плечо на перевязи бежевого цвета.

Автором последнего прижизненного портрета Л. Кессених был живописец, рисовальщик и литограф И. С. Щедровский (1815—1870). На гравюре изображена пожилая женщина в кружевной платке и темной накидке, свободно спадающей с правого плеча. Левая рука с маленькой натружен-

⁷ Она скончалась 30 октября 1852 г. на 66 году жизни и похоронена на Волковом лютеранском кладбище (см. хранящееся в личном архиве Т. Л. Пилецкой траурное извещение о смерти Н. Кессениха, на обороте которого находится принадлежащая мужу Л. Кессених запись о дате ее смерти). Удалось установить местонахождение могилы Л. Кессених (см.: ЛГИА, ф. 373, оп. 1, № 40).

⁸ Ср.: «Красный кабачок, небольшой загородный трактир, на 10-й версте (бывшей 7-й) Петергофской дороги, у поворота ее, существующий со времен Петра I и славящийся издавна вафлями. Зимой там устраиваются горы и туда съезжаются охотники до загородных поездок < . . . > Некоторое время Красный кабачок приходил в упадок, но теперь строение его опять восстановлено и там по-прежнему приезжающие находят старинную славу — вафли, музыку и т. под.» (*Греч. А. Н.* Весь Петербург в кармане. СПб., 1851. С. 313—314).

⁹ «Ореус И. И.» Школа гвардейских подпрапорщиков и юнкеров в 1845—1849 гг. // Рус. старина. 1884. Т. 41, № 2. С. 448.

ной кистью покоится на резном подлокотнике кресла. С некоторой нарочитостью выставлены украшающие ее кольца. Портрет глубоко психологичен. Продолговатое лицо с крупными чертами некрасиво. Над верхней губой заметны старческие усы. Редкие седые волосы разделены прямым пробором. Взгляд живых темных глаз печален и углублен в себя. Но это взгляд человека твердого, волевого, энергичного, привыкшего стойко переносить жизненные невзгоды. Грудь пожилой женщины украшают воинские орден и медаль. Кисть правой руки отсутствует, именно поэтому художнику понадобилась спадающая кружевными складками накидка. Перед нами портрет увечного воина. Гравюра снабжена надписью на немецком языке: «Луиза Графемус-Кессених, которая добровольцем-уланом участвовала в войне 1812—1815 годов в чине вахмистра королевской прусской службы и особо отмечена Фридрихом». И выше — мелкими буквами: «Рисовано с натуры Щедровским в июле 1852. Литографировано А. Мюнстером в С.-Петербурге».

Известно также, что изображением Л. Кессених, чрезвычайно популярной в Пруссии, украшали чашки. Черепки такой чашки, мундир и шпага Л. Кессених хранились в семье ее потомков и были потеряны во время эвакуации в 1941 г.

В работе историка из ГДР Г. Хольц «Женщины в национальной освободительной борьбе» в одном ряду с героинями войны с Наполеоном Эленорой Прохазка, Анной Унгер, Линой Петерсон названа некая Эстер Мануэль, «участница сражений 1813 года»: «Сперва она отправилась в мужском платье в Силезию вслед за сбежавшим мужем, который тем временем вступил в русскую военную службу и бесследно исчез. Она вступила в восточнопрусский ландверный уланский полк и сражалась в нем с величайшим бесстрашием, за что была отмечена наградами. Дважды была ранена». Под Парижем ей удалось встретить своего мужа, но вскоре пути их снова разошлись. «Позднее она вышла замуж за вахмистра по имени Графемус».¹⁰ Весьма вероятно, что Мануэль-Графемус-Кессених имела двойное имя Луиза Эстер.

В Центральном государственном военно-историческом архиве (ЦГВИА) хранится «Дело по прошению на высочайшее имя, поданному от вдовы Луизы Гравемус о всемилостивейшем воззрении на бедное с детьми ее положение» (с пометой на обложке: «Начато 19 апреля 1817 г., решено 3 ноября 1817 г.»).¹¹ В дело подшита газета «Русский инвалид» от 13 января 1815 г. (№ 4). В статье «Луиза Мануе, или Женщина-улан» говорится: «Женщина сия имеет двух детей, доселе еще живущих в Берлине, и за несколько лет уже оставлена мужем, который уехал в С.-Петербург, вступил там в российскую службу и продолжал оную 5 лет. Лишь только Луиза Мануе услышала о вступлении российских войск в Германию, как уже решилась отыскать отца детей своих. Так как нежность чувств препятствовала ей вместе с солдатами идти в Силезию, то решилась она скрыть пол своей и сама вступить в военную службу. <...> Она сражалась потом во всех битвах достопамятного 1813 года; при Бауцене ранена была в шею, при Ганау в ногу и при Метце получила рану, которая заставила ее провести два месяца в сарбрюкском госпитале. После чего отправилась она, однако ж, к своему полку и с союзными войсками взойшла в Париж. Найденный ею муж убит под Парижем. Природным умом своим, присутствием духа и храбростию оказала она важные услуги, обратившие на нее внимание высоких союзников». Так рассказывает о боевом пути Луизы Мануе-Графемус-Кессених основатель и многолетний редактор «Русского инвалида» П. П. Пезаровиус (1776—1847). Пезаровиус был неутомимым хода-

¹⁰ Holz G. Die Frauen im nationalen Befreiungskampf // Leipzig: 1813. Leipzig, 1953. S. 149. По семейному преданию, Л. Кессених отправилась на войну разыскивать своего жениха. Она нашла его умирающим на поле боя и, надев его мундир, решила остаться в войсках.

¹¹ ЦГВИА, ф. 395, оп. 844, № 6/312.

таем по делу Луизы, автором многочисленных прошений и справок. Дежурный генерал Главного штаба А. А. Закревский докладывал начальнику Главного штаба князю П. М. Волконскому: «Статский советник Пезаровиус во исполнение высочайшего повеления доносит, что вдова Луиза Графемус точно та самая, о коей упомянуто было в „Русском инвалиде“ и которая, по свидетельствам ее начальников, служила уланом в корпусе генерала графа Бюлова-Денневицкого. Отличилась в разных сражениях, с союзными войсками вступила в Париж в 1814-м году, получила „Железный крест“ и прусскую воинскую медаль, а в 1815-м году паки определена в службу и при Белль-Аллиансе ранена в правую грудь и в левую ногу. Имеет чин уланского вахмистра и получает инвалидный пансион по два талера прусской монеты в месяц. Из скромности носит обыкновенное женское платье, но имеет с собою и уланский мундир. В Санкт-Петербург возвратилась она для того, что намерена выйти замуж за весьма искусного молодого переплетчика, уроженца кельнского».¹²хлопоты Пезаровиуса успеха не принесли. Главный штаб после проведенных поисков вынес заключение, что муж Луизы в русской службе не состоял. В денежном пособии, по указу Александра I от 14 декабря 1816 г. полагававшемуся вдовам и детям убитых на войне, Луизе было отказано. Вскоре Луиза вышла замуж за переплетчика Иоганна Адама Корнелиуса Кессениха (1786—1868).¹³

Такова история этой удивительной женщины, которая прославилась воинской доблестью в Германии и обрела вторую Родину в России, ставшую навсегда единственной для ее детей, внуков и правнуков. Здесь она удостоилась самой главной своей награды — быть упомянутой в произведениях великого русского писателя. По-видимому, на впечатлениях от танцевального заведения Л. Кессених и основано главным образом описание петербургского танцкласса у Некрасова.

¹² Там же, л. 28.

¹³ См.: Саитов В. И. Петербургский некрополь. СПб., 1912. С. 314.

В. А. Егоров

О ПОЛЕМИЧЕСКОМ ПОДТЕКСТЕ СТИХОТВОРЕНИЙ «РОДИНА» И «В ДОРОГЕ»

Вопрос о полемичности некрасовской лирики уже ставился в литературоведении.¹ Большой интерес в этом смысле представляют стихотворения 1840-х гг., многие из которых отдельными строками, а порой и всем своим строем направлены против конкретных высказываний, принадлежавших представителям чуждого Некрасову лагеря. Отдельные ситуации, словесные формулы его лирики напоминают ситуации и формулы, уже встречавшиеся в литературе. Но социальное их осмысление иное. В этом отношении интересны тексты стихотворений Некрасова «Родина» и «В дороге».

По мнению А. Л. Гришунина, «Родина» — произведение «своеобразного пародийного типа», подобное «Тройке» и «Колыбельной песне». В его работе приведено немало сопоставлений со стихотворениями, от которых отталкивался Некрасов при создании «Родины».² Одно из наблюдений исследователя нуждается, на наш взгляд, в уточнении.

«В вариантах стихотворения Некрасова „Родина“ содержится выпад против Пушкина («о нянях на Руси. . .» и т. д.). Признаки критического отношения Некрасова к Пушкину в этот период отмечаются в других частях его наследия, о чем существует обширная литература, — отмечает исследователь. — В экивоке о „нянях“, кроме Пушкина, может быть усмотрен также Н. М. Языков, автор стихотворений „К няне А. С. Пушкина“ (1827) и „На смерть няни А. С. Пушкина“ (1830). < . . . > В середине 40-х годов, когда создавалась „Родина“, имя Языкова приобрело злободневность в связи с его грубыми выпадами против Белинского, Герцена, Грановского и др. Некрасов вступил в полемику с ним».³

В данном случае А. Л. Гришунин комментирует вариант, а не признанный канонический текст, в котором снят выпадающий по тону иронический намек на многочисленную литературу, воспевавшую нянь. Зато есть строки (курсив мой. — В. Е.):

. . . Ах, няня! сколько раз
Я слезы лил о ней в тяжелый сердцу час;
При имени ее впадая в умиление,
Давно ли чувствовал я к ней благоговенье?

*Ее бессмысленной и вредной доброты
На память мне пришли немногие черты,
И грудь моя полна враждой и злостью новой. . .*

(Н I, 1, 29)

Отношения к няне, подобного тому, какое высказано в «Родине», русская литература еще не знала. Был ли Языков единственным адресатом явно полемических некрасовских строк?

¹ См.: Гин А. От факта к образу и сюжету. М., 1971. С. 161; Вацуро В. Один из источников «Огородника» // Некрасовский сб. Л., 1980. Вып. 7. С. 106—111.

² См.: Гришунин А. «Родина» Н. А. Некрасова в ряду прочих произведений о «возвращении на родину» // Н. А. Некрасов и его время: Межвуз. сб. Калининград, 1975. Вып. 1. С. 91; см. также с. 89—91.

³ Там же. С. 90.

В вып. 5 альманаха «Наши, списанные с натуры русскими» за 1841 г. был помещен физиологический очерк М. Жуковой «Няня», заслуживший похвалу В. Г. Белинского (см.: Б, 6, 235). Няня в очерке Жуковой выведена существом безгранично преданным своим хозяевам. Барин дает няню вольную. Она наотрез отказывается от нее. «Вольная? — прерывает няня испуганным голосом. — Ахти, мои батюшки! Да что же я сделала перед вашей милостью, чтобы вы меня из дома выгоняли?». Барин возражает ей: «Помилуй, няня, как тебе не стыдно так думать». На это няня раздражается причитаниями: «. . . без вас я с тоски умру, сгину, пропаду. Нет, барыня, нет! Бог с нею, с вольной! . . . Ничего не хочу, только, ради Христа, не стоняйте меня. . .». В конце очерка М. Жукова пишет: «Если теперь мы захотим найти источник этого вполне развитого и сильно утвержденного чувства любви и самоотверженности, то, кажется, не ошибемся, когда скажем, что он находится в крепостном состоянии. Няни знают, что не имеют права покинуть тех, кому принадлежат, чтобы искать другого места, и потому, применяясь к образу мыслей и нраву своих господ, все свои способности они обращают на то, чтобы стараться им угодить, сродниться с ними привязанностью и благодарностью, которые с годами упрочиваются так родственно, что эти люди, так сказать, прививаются к семейству как необходимые их члены».⁴

Идеализация крепостного права в очерке «Няня» не могла не вызвать возражения Некрасова, сблизившегося с Белинским. Возможно, отголоском несогласия, проявлением полемики и явилась фраза в стихотворении «Родина» о «бессмысленной и вредной доброте» — качествах, рожденных крепостным правом.

И еще один пример. Стихотворение «В дороге» сюжетно и тематически перекликается с повестью В. Нарезного «Мария».⁵ Заметим, что к сочинениям Нарезного Некрасов уже обращался в период переделки драматизированной повести «Невеста под замком» в водевиль «Шила в мешке не утаишь — девушки под замком не удержишь» (1841) (Н II, 6, 687—694).

«Мария» — повесть в письмах, которые пишет приятель автора. В первом письме рассказывается об одном из ночлегов по пути в Полтаву, куда направляется повествователь. Гостя встречает старый управитель Хрисанф и, обещая распорядиться об ужине, рекомендует развлечься чтением. «По выходе его, — пишет повествователь, — я взял свечку, подошел к шкафу, открыл и — остолебенел от удивления: я полагал, что найду там похождения Ваньки Каина, Картуша и тому подобное, но вместо того — увидел весь театр Корнеля, Расина и Вольтера, басни Лафонтеновы, полное издание Жан-Жака Руссо и лучших русских стихотворцев и прозаиков. В самом низу лежала гитара на куче нотных тетрадей» (4). Управитель Хрисанф объясняет, что все это принадлежит его дочери, и рассказывает ее историю. За добросовестную службу граф С. освободил Хрисанфа и его детей от крепостной повинности. Дочь его, Маша, получила возможность воспитываться с детьми графа — Аскалоном и Евгенией. Их учит аббат

⁴ Жукова М. Няня // Наши, списанные с натуры русскими. СПб., 1841. Вып. 5. С. 111, 116—117.

⁵ Нарезный В. Романы и повести. СПб., 1836. Ч. 9 (далее ссылки на это издание даются в тексте статьи с указанием страницы). Этим литературным источником может быть пополнен перечень произведений, к которым возводили сюжет некрасовского стихотворения. В этот перечень входят повесть В. Измайлова «Ростовское озеро» (см.: Чтец <Энгельгардт Н.> Измайлов и Некрасов // Иллюстрир. прил. к газ. «Новое время». 1901. 10 марта. С. 6—7) и роман Г. Квитки-Основьяненко «Жизнь и похождения Петра Степанова сына Столбикова» (см.: Максимов В. Литературные дебюты Н. А. Некрасова. СПб., 1908. С. 166). Особыми источниками творчества Некрасова были факты биографии самого поэта (см.: Тарасов А. Новые архивные материалы о семье Некрасовых // Рус. лит. 1967. № 3. С. 145) и фольклорная традиция (см.: Скотов Н. Некрасов: Современники и продолжатели. Л., 1973. С. 17—20; ср. также: Гаркави А. Становление реалистических жанров в поэзии Некрасова (1840-е годы) // Калинингр. ун-т / Учен. зап. 1970. Вып. 5. С. 39—41).

Бертольд, по убеждениям республиканец, внушивший графу С. необходимость такого воспитания. Аскалон влюбляется в Машу, графиня застаёт их во время свидания и настаивает на разрыве. Аскалон пытается противиться воле матери, но его отправляют в Швейцарию, а семью Хрисанфа — в отдаленное поселение на тяжелые крестьянские работы. Бертольд пытается доказать разумность брака между Аскалоном и Машей, но графиня ему возражает: «Слова г-на Бертольда доказывают <...> что в его родословной нет ни князей, ни графов, оставим судить о правах природы до другого времени, а теперь надобно обезопасить права породы, и я непременно хочу <...> чтобы эта ненавистная Марья сегодня же была обвенчана с камердинером моим...» (24).

Мария сходит с ума и через три года умирает. В день ее похорон приезжает Аскалон с разрешением на женитьбу. У гроба возлюбленной он дает обет посвятить ей остаток жизни, не снимать траура, строит в деревне церковь, а в саду часовню, где установлены два гроба: один с прахом Марии, другой Аскалон приготовил для себя.

Повесть Нарезного характерна для 1830-х гг. и своим смешением романтических и реалистических тенденций в раскрытии характеров, разворачивании сюжета. Не лишенная определенных социальных оценок, трагедия Марии раскрывалась в традициях романтизма. Олицетворенным злым началом являлась графиня, ставшая главным препятствием на пути Аскалона и Марии к счастью. На первом плане в повести — любовная интрига. Смерть Марии — следствие несчастной любви.

У Некрасова с Нарезным много перекличек. Прежде всего сама ситуация дорожного рассказа: печальную историю жизни Груши попутчику рассказывает ямщик (у Нарезного — управитель Хрисанф). Много общего в жизни Маши и Груши: учение и воспитание в дворянском кругу, ввезающая немилость и тяжелый крестьянский труд. Отметим текстуальные совпадения в рассказах Хрисанфа и ямщика:

«МАРИЯ»

«В ДОРОГЕ»

— Вы не ошиблись, милостивый государь, что состояние моей дочери очень бедственно; она с каждой минутой приближается к гробу... (8)

Она-то может служить примером, как воспитание, давное детям выше их состояния, бывает губительно. О Маша! Если бы ты оставалась в быту крестьянском, то, наверное, была бы <...> благополучна... (8—9)

Чай, свалим через месяц в могилу... (Н I, 1, 14)

Погубили ее господя,
А была бы бабенка лхая!
(Н I, 1, 13)

Из сопоставлений ясно, насколько более четкой является социальная позиция Некрасова. Трагедия Груши вытекает не из несчастной любви, она естественна и закономерна в крепостном мире. Поэтому-то автор и не акцентирует внимания на непосредственной причине удаления Груши из барского дома:

Знать, она согрubiла ему (барину. — В. Е.)
В чем-нибудь, али напросто тесно
Вместе жить показалось в дому,
Понимаешь-ста, нам неизвестно... (Н I, 1, 14)

Зато названа главная причина:

Воротил он ее на село —
Знай-де место свое ты, мужичка!
(Н I, 1, 13)

Трагизм повседневной крестьянской жизни — главная тема стихотворения «В дороге». Произведение противостояло традиционным воззрениям на народ и выражало некрасовский взгляд на его нужды и чаяния. Не случайна высокая оценка, данная Белинским этому стихотворению.

Г. А. Тишкин

К ВОПРОСУ О ДАТИРОВКЕ СТИХОТВОРЕНИЯ «ВЧЕРАШНИЙ ДЕНЬ, ЧАСУ В ШЕСТОМ. . .»

Несколько лет назад М. Д. Эльзоном было высказано сомнение в том, что стихотворение Некрасова «Вчерашний день, часу в шестом». . . написано в 1848 г.¹

Это сомнение основано преимущественно на том, что «. . . в 1848 г. Н. А. Некрасов уже не мог наблюдать то, что описывается им как увиденное накануне: Уложением о наказаниях 1845 г. „торговая казнь“, существовавшая в России с XVI в. < . . . > была отменена».² При этом М. Д. Эльзон ссылается на монографию о телесных наказаниях доцента Петербургского университета А. Г. Тимофеева,³ в которой якобы на с. 131 речь идет об отмене телесных наказаний для женщин. Однако на этой странице указанных слов нет. В другом месте своей книги Тимофеев пишет, что был отменен лишь кнут как орудие наказания, а не сама казнь: «. . . со вступлением в силу Уложения 1845 г., отменявшего кнут, плети сделались высшим по тяжести телесным наказанием, они определялись в числе 30—100 ударов при каторжных работах с наложением клейм и в размере 10—30 ударов без наложения клейм при ссылке на поселение».⁴ Тимофеев оставил и описание этого орудия казни: «Плеть — это кнут с толстой деревянной рукояткой, к которой прикреплен туго свитый ремень длиной $\frac{1}{2}$ аршина, а толщиной приблизительно в три пальца. Этот ремень оканчивается тремя ремнями в палец толщиной». В отличие от плети кнут имеет не три, а один жесткий кожаный конец, который крепился к плетеной части железным кольцом и после нескольких ударов, по мере того как размягчался от крови казнимого, заменялся палачом на один из запасных.⁵ Как плеть, так и кнут были жестокими орудиями казни, приводившими в ужас не только наказуемых, но и зрителей. Особых различий между ними, как видим, нет, но считалось, что наказание плетью — более «мягкое» наказание. Требовать же, чтобы поэт при создании рассматриваемого стихотворения был более точен в обозначении кнута или плети, было бы несправедливо: «лишь бич свистал, играя. . .» — пишет он.

Не видели особых различий между кнутом и плетью и современники Некрасова. Замену в 1845 г. одних орудий казни другими они посчитали за маскарад и продолжали горячо выступать против телесных наказаний. Общеизвестно, что в своей политической программе — письме к Н. В. Гоголю 1847 г. — В. Г. Белинский, выступая против телесных наказаний, с горькой иронией писал, что царизм лишь заменил «однохвостый кнут трехвостой плетью» (Б, 10, 213).

¹ См.: Эльзон М. Д. О датировке стихотворения «Вчерашний день, часу в шестом. . .» // Некрасовский сб. Л., 1980. Вып. 7.

² Там же. С. 125.

³ См.: Тимофеев А. Г. История телесных наказаний в русском праве. 2-е изд. СПб., 1904.

⁴ Там же. С. 273.

⁵ Там же. С. 263.

М. Д. Эльзон приводит и другой довод против даты «1848 г.» в пользу даты «1873 г.»: «Однако заключительные строки „Вчерашнего дня. . .“ выводят стихотворение далеко за рамки описания конкретного происшествия. Вторая героиня стихотворения — „кнутом иссеченная муза“, его другая тема — поэт и цензура. Между тем в конце 30-х—середине 40-х годов, т. е. в то время, когда Некрасов мог видеть „торговую казнь“, — М. Д. Эльзон пишет об этом как о факте, уже принятом читателями: — „цензура не проявляла по отношению к поэту той особенной настороженности, с которой она впоследствии подходила к каждому его произведению“,⁶ и, следовательно, вряд ли образ истязуемой крестьянки мог ассоциироваться у поэта с образом его забитой насмерть музыки».⁷

Таким образом, автор рассматриваемой статьи строит свой второй аргумент на недоказанном первом и при этом принижает творческую самостоятельность Некрасова. Получается, что темы и образы поэта рождаются в зависимости от настроения цензуры. Возникает вопрос: что же, освободительные мотивы в произведениях Некрасова не прозвучали бы, если бы цензура вела себя спокойнее по отношению к нему? Аргументы М. Д. Эльзона Е. В. Душечкина оценивает как «убедительные и остроумные».⁸

В России накануне отмены крепостного права телесные наказания (несмотря на ограничения 1845, 1855 и 1856 гг.) продолжали быть обычным делом. Причем если плети назначались судом, то розги широко применяла полиция в качестве меры массовых экзекуций крестьянства. Широкое применение в армии и во флоте, среди учащихся гражданских, военных и духовных учебных заведений имели батоги, линьки, кошки, шелепы, прутья, шпидреты, а в Прибалтийских губерниях — парруты. Телесные наказания были позором России. Особенно позорны и нетерпимы были публичные наказания полуобнаженных женщин. С постоянными, настойчивыми требованиями отмены телесных наказаний выступали лучшие люди России — Н. Г. Чернышевский и Н. А. Добролюбов, Ф. М. Достоевский и И. С. Тургенев, Л. Н. Толстой и М. Е. Салтыков-Щедрин, а на страницах вольной русской печати — А. И. Герцен и Н. П. Огарев. «Как и в 1855 году, — говорилось в статье, открывавшей первый лист «Колокола» от 1 июля 1857 г., — мы считаем первым, необходимым, неминуемым, неотлагательным шагом: освобождение слова от цензуры, освобождение крестьян от помещиков, освобождение податного состояния от побоев. . .» (Г, 13, 8).

Период первой революционной ситуации в России явился тем временем, когда под давлением мощного антифеодального движения крестьянства самодержавие вынуждено было провести как отмену крепостного права, так и некоторые другие преобразования в буржуазном духе.⁹ В 1858 г. Министерство внутренних дел обратилось во II Отделение собственной его императорского величества канцелярии с предложением запретить для женщин «публичные наказания через палачей»: «. . .лучше бы заменить оное наложением клейм, которое < . . > менее позорно, чем публичное наказание полунагих женщин».¹⁰ В конце 1859 г. дано было разъяснение относительно освобождения беременных и кормящих грудью женщин от телесных наказаний.¹¹ В декабре 1860 г. в Петербурге был создан

⁶ Гаркави А. М. Н. А. Некрасов в борьбе с царской цензурой. Калининград, 1966. С. 90.

⁷ Эльзон М. Д. Указ. соч. С. 125.

⁸ Душечкина Е. В. Стихотворение Н. А. Некрасова «Вчерашний день, часу в шестом. . .» // Преподавание литературного чтения в эстонской школе. Таллин, 1983. С. 31. Далее на этой же странице Е. В. Душечкина признает, что концепция М. Д. Эльзона «в некоторых местах вызывает сомнения и в истории некрасовского стихотворения остается много неясного».

⁹ См.: Революционная ситуация в России в середине XIX века / Под ред. акад. М. В. Нечкиной. М., 1978. С. 196—197.

¹⁰ ЦГИА, ф. 1261, оп. 2, 1860 г., № 154-А, л. 85.

¹¹ ЦГИА, ф. 1261, оп. 2, 1859 г., № 137, л. 4.

Комитет для пересмотра военного устава о наказаниях, который с 11 февраля 1861 г., несмотря на свое «военное» название, приступил к изучению вопроса об «изъятии лиц женского пола от наказаний телесных». Споры в Комитете по вопросу об отмене телесных наказаний для женщин вообще или об уменьшении для них числа ударов наполовину по сравнению с мужчинами были предметом обсуждения в столичном обществе. Подцензурная печать России не могла высказать свое мнение по этому поводу и критиковала лишь конкретные проявления жестокости (например, в учебных заведениях, в армии и флоте). Вольное же слово «Колокола» призывало русское общество к осуждению *системы* телесных наказаний и наиболее упорных ее защитников. Деятельность этого комитета была особенно активной в продолжение всего 1861 г. и в первой половине 1862 г.

Наиболее стойкими защитниками плети, активными сторонниками телесных наказаний женщин были московский митрополит Филарет, министр государственных имуществ М. Н. Муравьев, государственный контролер Н. Н. Анненков, министр юстиции В. Н. Панин. Основной причиной их упорства был страх, что, освободив женщину-крестьянку от угрозы плети, они не смогут противостоять тому высокому нравственному влиянию, которое оказывала на мужиков во время антифеодалных выступлений «многострадавшая мать все выносящего русского племени». Прямо об этом говорилось в представленной в Комитет записке из Главного комитета для устройства сельского населения: «... предосторожности должны быть соблюдены и в отношении освобождения от телесных наказаний женщин, принадлежащих к сельским сословиям <...> не было бы в руках полиции достаточных средств для удержания женщин от проступков и неповиновения, особенно в некоторых местностях, где женщины имеют значительное влияние на своих мужей и родственников».¹²

Дольше всех сопротивлялся В. Н. Панин. Отставку в 1862 г. министра юстиции А. И. Герцен связывал с его «кнутофильством». Уход Панина был отмечен в «Колоколе» следующим сообщением: «Читатели, вероятно, примут участие в потере одного из самых неутомимых сотрудников наших: граф Виктор Никитич Панин, доставлявший нам столько материалов, наконец пал, мужественно защищая плети и розги» (Г, 16, 266).

Обсуждение вопроса об изменении системы телесных наказаний и об освобождении женщин от плети растянулось на два года. К концу лета 1862 г. подготовленный Комитетом о пересмотре военного устава о наказаниях проект законодательного акта прошел через Государственный совет и был представлен на утверждение императору. Понимая важное политическое значение принимаемой меры и стремясь отмену телесных наказаний связать со своим именем с целью повышения личной популярности и авторитета, Александр II подписал этот указ в 1863 г. в день своего рождения — 17 апреля. В этот день в Петербурге был подготовлен спектакль, иллюминирован Невский; в Москве, как пишет А. В. Никитенко, правда сам не бывший свидетелем события, восторженная толпа стояла на коленях перед окнами комнат, где родился Александр II.¹³

Все сказанное не позволяет согласиться с М. Д. Эльзоном в том, что проблема телесных наказаний утратила свою остроту уже во второй половине 1840-х гг.

Конец 1850—начало 1860-х гг. — это время, когда женщины еще не были освобождены от телесных наказаний, когда в творчестве поэта

¹² ЦГИА, ф. 1261, оп. 2, 1860 г., № 154—Б, л. 255 об.

¹³ См.: Никитенко А. В. Дневник: В 3 т. М., 1955. Т. 2. С. 326. Однако по поводу «восторженной толпы» в Москве есть саркастическая реплика у Г. Джаншиева: «Любопытно, что этот факт пройден совершенным молчанием „Московских ведомостей“, только что перешедших к Каткову и Леонтьеву. Положим, в то время газета была поглощена польскими делами, но находила же она время и место для „кохинкиных кур“ и тому подобной важной материи» (Джаншиев Г. Эпоха великих реформ. М., 1893. С. 195).;

звучала антицензурная тема (начиная со стихотворения 1855 г. «Безвестен я. Я вами не стяжал. . .», где о музе сказано: «И под кнутом без звука умерла»), когда рядом с Некрасовым в «Современнике» работали Н. Г. Чернышевский, Н. А. Добролюбов, Т. Г. Шевченко, Н. А. Серно-Соловьевич, М. Л. Михайлов, Н. В. Шелгунов. Известно, что в своих сочинениях они обращали пристальное внимание на положение женщины и призывали бороться за ее освобождение. Духовный обмен, взаимное влияние и взаимное творческое обогащение в данном случае несомненны: стоит сопоставить хотя бы шевченковское «На панцині пшеницю жала. . .» (1859) и некрасовское «В полном разгаре страда деревенская. . .» (1862). Не случайно в эти годы тема женской судьбы заняла в творчестве Некрасова особенно важное место.

Существенно соображение о том, что телесные наказания женщин в период между 1845 и 1863 гг. могли бы применяться по закону, но на практике их не было, и поэтому никакие сведения о них не могли дойти до поэта. Однако А. Г. Тимофеев, просмотревший арестантские дела за 1860—1863 гг. из фондов Сената, обнаружил имена нескольких крестьянок, подвергавшихся телесным наказаниям: Шебалина (1860), Вальнице и Ускова (1862).¹⁴

М. Д. Эльзон высказывает предположение, что, написав стихотворение в 1873 г., поэт указал на 1848 г. с целью мистификации. Однако непонятны причины и цель мистификации. Не настаивая на установлении какой-либо определенной даты стихотворения «Вчерашний день, часу в шестом. . .», мы обращаем внимание на то, что для его создания в 1861—1862 гг. у Некрасова было не меньше поводов, чем в 1848 г. или в 1873 г.

Анализ стихотворения Некрасова, документов, отражающих деятельность Комитета о пересмотре военного устава о наказаниях, не позволяют согласиться с предложенной М. Д. Эльзоном датировкой этого произведения. Представляется, что авторы комментариев в т. I последнего издания Полного собрания сочинений Некрасова поступили совершенно правильно, оставив стихотворение «Вчерашний день, часу в шестом. . .» под датой «1848 г.».

¹⁴ Тимофеев А. Г. Указ. соч. С. 276.

В. Н. Сажин

ОБ ОДНОМ ОБЩЕМ МОТИВЕ
У ДОСТОЕВСКОГО И НЕКРАСОВА

(СТИХОТВОРЕНИЕ «ЗАСТЕНЧИВОСТЬ»)

Новейший комментарий к «Застенчивости» (1852) Некрасова (Н II, 1, 610) отсылает к трактовке этого стихотворения Б. О. Корманом, суть которой состоит в том, что его герой — типичный для 1850-х гг. труженик-разночинец и что говорится в стихотворении «... не просто и не только о застенчивости. Перед нами один из замечательнейших образцов *любовной* лирики Некрасова: застенчивость раскрывается в стихотворении как форма тяжелой мучительной страсти».¹ В качестве подтверждения своей гипотезы о типичности психологического облика героя некрасовского стихотворения Б. О. Корман привел факты из биографий Белинского, Чернышевского. Думается, такая трактовка может быть несколько откорректирована, если обратиться к тому, как использовал цитату из «Застенчивости» Ф. М. Достоевский.

В «Записной книжке» за 1860—1862 гг. Достоевского содержатся наброски к переработке «Двойника», которую писатель намеревался предпринять в эти годы. Разрабатывая сцену появления главного героя повести Голядкина в доме Клары Олсуфьевны, Достоевский отводит двойнику роль наставника героя и пишет: «Он начинает учить его, как победить Клару Олсуфьевну, подучивает, как быть развязным, теория о том, как *странно руки торчат бесполезные*».² В комментариях к первой публикации этих набросков Достоевского указано, что источником выделенной цитаты является стихотворение Некрасова «Застенчивость»:

На ногах словно гири железные,
Как свинцом налита голова,
Странно руки торчат бесполезные,
На губах замирают слова.³

(Н II, 1, 113)

Основная коллизия повести «Двойник» состоит в попытке рядового чиновника Голядкина сыграть несвойственную ему роль: на равных правах войти в более высокий по сословному признаку круг, заявив себя в качестве жениха дочери начальника департамента Клары Олсуфьевны. Затем эта оборачивается провалом — героя с позором изгоняют из дома, и с этих пор мания преследования овладевает его сознанием. Голядкина преследует двойник, и в финале повести героя увозят в сумасшедший дом.

Соотнесенность героя «Двойника» Достоевского с героем некрасовского стихотворения, устанавливаемая цитатой из «Застенчивости» в «За-

¹ См.: Корман Б. О. Лирика Н. А. Некрасова. Воронеж, 1964. С. 136.

² Достоевский Ф. М. I. Записная книжка (1860—1862 гг.) // Лит. наследство. М., 1971. Т. 83. С. 138; Д, 1, 434.

³ Лит. наследство. Т. 83. С. 164. Эта расшифровка цитаты из Некрасова не учтена в комментариях к академическому изданию сочинений Достоевского.

писной книжке» 1860—1862 гг., побуждает к несколько иному осмыслению стихотворения Некрасова, чем это делалось до сих пор. Простая констатация того, что герой этого стихотворения наделен чертами, типичными для труженика-разночинца середины прошлого века, не вполне проясняет смысл стихотворения. Более важно, на наш взгляд, то несоответствие устремлений героя и его социального положения, о котором говорится уже в первой строфе стихотворения:

Осмеет нас красавица модная,
Вкруг нее увиваются львы. . .

(Н II, 1, 113)

Герой сразу констатирует инородность той среды, в которую пытается войти. Он, как и герой «Двойника» Голядкин, обречен на вытеснение из ее пределов. В «Застенчивости» Некрасова, как и в «Двойнике» Достоевского, обнаруживается несостоятельность попытки героя сыграть чужую роль вопреки оформившейся расстановке социальных сил. Здесь не столько трагедия любви, сколько трагедия сознания героя, неадекватно оценивающего окружающий мир и свое в нем место. Это роднит героя некрасовского стихотворения с героем «Двойника». И, быть может, не случайно возникает у Некрасова фраза: «Полно роль-то играть сумасшедшего», приводящая на память плачевный финал Голядкина. Таким образом, «Застенчивость» Некрасова выглядит едва ли не парафразой «Двойника» Достоевского, напечатанного за девять лет до некрасовского стихотворения.

ПОМЕТЫ НЕКРАСОВА НА ПЕРЕВОДЕ Д. Е. МИНА «ПЕСНИ О КОЛОКОЛЕ» Ф. ШИЛЛЕРА

Д. Е. Мин впервые выступил в «Современнике» в 1854 г., опубликовав в № 9 журнала за этот год перевод шиллеровской «Погребальной песни индейцев».¹ В письме от 18 июня 1854 г. к Н. В. Гербелю, через которого переводчик сносился с «Современником», Мин предлагал журналу и «Песнь о колоколе»: «. . . извините меня, что я по сие время не выслал обещанного мною перевода „Колокола“ и других стихотворений из Шиллера: причиною тому были хлопоты по изданию Данта, которое теперь, слава богу, окончено, но отдельные выпуски выйдут не ранее сентября, и тогда я немедленно пришлю Вам экземпляр на память. Посылаю Вам два своих перевода: „Погребальная песнь индейцев“ и „Группа из Тартара“; первую из них я несколько исправил, и если она нравится Некрасову, то прошу Вас напечатать ее в „Современнике“. „Песнь о колоколе“ я теперь совершенно переделал и на следующей неделе вышлю к Вам вместе с переводом стихотворения Шиллера „Punschlied“. Вы сделаете мне большое одолжение, если возьмете на себя хлопоты для напечатания „Колокола“ в „Современнике“, на что я совершенно согласен, при одном только условии, чтобы редакция сделала для меня несколько (до 50) отдельных оттисков для раздачи многим друзьям и знакомым. С величайшим удовольствием готов посвятить мой перевод Вам, согласно с Вашим желанием».²

2 июля 1854 г. Мин извещал Гербеля об отправке ему перевода «Песни о колоколе», повторяя просьбу о напечатании его в «Современнике».

В архиве Гербеля сохранился автограф перевода «Песни о колоколе», сделанного Мином. На л. 2 оранжевым карандашом помечено: «150 экзмп-»

¹ См.: Современник. 1854. № 9. Отд. I. С. 10—11.

² ГПБ, ф. 179, № 77, л. 1—1 об.; в меньшем объеме и с неточностями опубликовано: Заборова Р. В. Из архивных разысканий о Н. А. Некрасове // Рус. лит. 1973. № 4. С. 127.

ляров» отдельно с заглавными листками. Не«красов», здесь же чернилами: «Корректуру прислать ко мне. Не«красов»». ³ Как видим, «Песнь о колоколе» была принята к печати. Но публикация ее в «Современнике» не состоялась. Каких-либо цензурных дел по поводу этой публикации не обнаружено. Между тем в коллекции И. В. Помяловского в Отделе рукописей Государственной Публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина (ГПБ) выявлена корректура с набранной для печати «Песнью о колоколе» в переводе Мина. ⁴ На л. 1 характерным некрасовским почерком записано: «Отослать для прочтения к г-ну Михайлову». ⁵ На л. 2 другим почерком помечено: «2 корр<ектура>. Июля 15». Вспомнив, что Мин сообщал об отправке перевода из Москвы в письме от 2 июля, отметим стремительность, с какой шла в печать «Песнь о колоколе». Судьбу этой публикации разъясняет сделанная неустановленным лицом приписка на л. 3, последнем, корректуры: «Это стихотворение было набрано для августовской книжки „Современника“ 1854 года; Бекетов затруднился пропустить его и представил в Цензурный комитет, который и запретил его окончательно».

В 1856 г. тот же цензор В. Н. Бекетов разрешил включить «Песнь о колоколе» в переводе Мина в том сочинений Ф. Шиллера, изданный Гербелем, ⁶ и Гербель во исполнение просьбы Мина отпечатал для него отдельные оттиски перевода. ⁷

³ Опубликовано с неточностями там же.

⁴ ГПБ, ф. 608, № 4429, л. 1—3.

⁵ На л. 6 автографа перевода «Песни о колоколе» в левом верхнем углу листа подпись: «Мих.» (ГПБ, ф. 179, № 4).

⁶ См.: Лирические стихотворения Шиллера в переводе русских поэтов / Под ред. Н. В. Гербея. СПб., 1857 (ценз. разр. — 24 авг. 1856 г.).

⁷ См.: Песнь о колоколе, стихотворение Шиллера / Перев. Дмитрий Мин. СПб., 1856 (ценз. разр. — 24 окт. 1856 г.).

М. Д. Эльзон

ОБ ИСТОЧНИКЕ СТИХОТВОРЕНИЯ
«МНЕ ЖАЛЬ, ЧТО НЕТ ТЕПЕРЬ ПОЭТОВ. . .»

В январском номере «Современника» за 1854 г. была опубликована анонимная рецензия на «Дамский альбом» (1853), которую современные исследователи считают некрасовской.¹ Рецензия эта не совсем обычна: она открывается «письмом в редакцию» «поэта-старожила», сетующего на оскудение русской поэзии и сопоставляющего переживаемую эпоху с пушкинскими временами: «Вспомните: двадцать, тридцать лет тому назад великий русский поэт был окружен целыми десятками маленьких поэтов, а ныне. . . где они? . . . увы! нет ни больших, ни малых». Далее следует «Плач». Привожу его (это достоверное некрасовское стихотворение) целиком:

*Мне жаль, что нет теперь поэтов,
Какие были в оны дни, —
Нет Тимофеевых, Бернетов
(Ах, отчего молчат они!).
С семьей забвенных старожил
Скорблю на склоне дней моих,
Что лирой пренебрег Стромил
Что Печенегов приутих,
Что умер бедный Якубович,
Что дремлет Константин Петрович,
Что о других пропал и след.
Что нету госпожи Падерной,
У коей был талант примерной,
И Розена барона нет,
Что нет Туманских и Трилунных,
Не шипет больше Бороздна,
И нам от лир их сладкострунных
Осталась память лишь одна. . .²*

В основе этого стихотворения — фрагмент из неоконченной поэмы Пушкина «Езерский»:

*Мне жаль, что нет князей Пожарских,
Что о других пропал и слух,
Что их поносит шут Фиглярин,
Что русский ветреный боярин
Теряет грамоты царей,
Как старый сбор календарей.
Что исторические звуки
Нам стали чужды. . .³*

Нетрудно заметить, что Некрасов отталкивался от двух пушкинских строк, сохранив в то же время ораторское повторение предлога «что».

¹ Современник. 1854. № 1. Отд. IV. С. 11—12; Н I, 9, 238—239.

² Современник. 1854. № 1. Отд. IV. С. 11—12 (здесь и далее в цитатах курсив мой. — М. Э.).

³ Пушкин А. С. Полн. собр. соч. М., 1957. Т. 4. С. 344. Строго говоря, Некрасову была известна «Родословная моего героя» (см.: Пушкин А. Соч. СПб., 1838. Т. 4. С. 320—325).

«Особенно примечательно почти дословное совпадение стихов «Что о других пропал и слух» и «Что о других пропал и след».

«. . . Не было, кажется, таких пушкинских текстов, которых он (Некрасов. — М. Э.) не мог бы в любое мгновение извлечь из своей любящей памяти», — писал в большой работе «Пушкин и Некрасов» К. И. Чуковский.⁴ Сказанное выше — еще одно тому подтверждение.

⁴ Чуковский К. И. Собр. соч. М., 1966. Т. 4. С. 14.

М. Я. Блинчевская

К ИСТОРИИ ИЗДАНИЯ «СТИХОТВОРЕНИЙ» 1856 г.

(ДОГОВОР НЕКРАСОВА С К. Т. СОЛДАТЕНКОВЫМ)

Одним из обстоятельств, побудивших Некрасова к заключению летом 1855 г. договора с Солдатенковым,¹ было тяжелое финансовое положение «Современника». Однако условия этого договора долго оставались неизвестными. Как мы помним, Некрасов, по причинам творческим, не представил в нарушение условий публикуемого ниже договора ни «прибавления» «до тысячи строк <...> стихов», ни новой рукописи. С его стороны не последовало также распоряжения отдать в цензуру рукопись, пересланную Солдатенкову 7 июня 1855 г.² На это время падает начало пережитого поэтом величайшего творческого подъема. Как справедливо заметил К. И. Чуковский, Солдатенковская тетрадь уже через несколько месяцев и по составу, и по композиции, и в отношении самих текстов «совершенно потеряла значение итогового сборника поэтической работы Некрасова».³ В это время еще не были написаны «Саша», «На родине», «В больнице», «Забытая деревня», «Внимая ужасам войны. . .», «Поэт и гражданин» и другие произведения, вошедшие в «Стихотворения» 1856 г.; вместе с тем в Солдатенковской тетради были стихотворения Некрасова 1840—1844 гг., не включенные в книгу 1856 г.⁴

Дело дошло до конфликта: 20 марта 1856 г., сообщая Некрасову о решении приступить к печатанию книги «в этом же месяце», Солдатенков просил разрешения включить в нее взамен прибавлений стихотворения, печатавшиеся после июня 1855 г. в «Современнике». В. П. Боткин же (летом 1855 г. Некрасов стал и его должником — Н I, 10, 230, 235—236, 258), побывавший в январе—феврале 1856 г. в Петербурге, 24 марта писал из Москвы поэту: «Ты опять спрашиваешь моего совета? <...> Ведь между нами было говорено и решено, как поступить. Напиши <...> Солдатенкову и предлагай ему деньги».⁵ В ответном письме к Боткину от 26 марта 1856 г. Некрасов высказался вполне определенно: «Я к Солдатенкову написал, что стихов теперь печатать *не могу и не хочу*, что деньги возвращу тотчас, как он даст мне ответ, и пр.» (Н I, 10, 266—267; ср. слова Некрасова из его неизвестного письма к Солдатенкову, процитированные последним в его письме к поэту от 8 апреля 1856 г.: «Что бы ни было и как бы ни было, книги моей видеть в печати теперь я не могу и не хочу».)⁶ По-видимому, уже после того, как Некрасов написал Солдатенкову и Боткину, он получил письмо Боткина от 25 марта, в котором тот говорил о «наглой грубости, ожесточении, ненависти» Кетчера (он был посредником при заклю-

¹ См.: Толстяков А. П. Издатель К. Т. Солдатенков и русские писатели // Книга: Исслед. и материалы. М., 1972. Вып. 25. С. 80—83.

² См. письмо Солдатенкова Некрасову от 8 апреля 1856 г. (Лит. наследство. М., 1949. Т. 51—52. С. 509—510).

³ Чуковский К. Драгоценная находка // Огонек. 1946. № 48—49. С. 20.

⁴ См. об этом: Гаркави А. М. История создания Некрасовым первого собрания «Стихотворений» (1856) // Некрасовский сб. М.; Л., 1951. Вып. 1. С. 150—168.

⁵ Голос минувшего. 1916. № 9. С. 185.

⁶ Лит. наследство. Т. 51—52. С. 510.

чении договора и редактором первых изданий Солдатенкова), Забелина и их друзей, «подбивавших» издателя требовать исполнения контракта.⁷ 27 марта Некрасов написал, но, возможно, не отправил письмо Солдатенкову, в котором выразил нежелание «подавать дальнейшего повода» к толкам о «нарушении контракта». «Поэтому, — говорил он, — печатайте мои стихи и присоединяйте к ним все, что найдете в „Современнике“» (Н I, 10, 268—269). В письме Некрасову от 8 апреля 1856 г. Солдатенков, подчеркивая свою «юридическую...» и нравственную правоту», обещал вслед за «скорейшей высылкой заплаченных <...> денег» вернуть «условие», имея в виду публикуемый договор или его копию.⁸

В конце концов конфликт был улажен. Однако Некрасов, по-видимому, не мог забыть этого эпизода до конца жизни: в одном из набросков плана автобиографии (1877) первым пунктом значится: «Письмо к Солдатенкову» (т. е. письмо от 26 марта 1856 г.) (Н I, 12, 25, 365).

Приводим текст договора:

«1855 года, июня 11 дня, мы, нижеподписавшиеся, почетный гражданин и временно московский 1 гильдии купец Козьма Терентьев Солдатенков и дворянин Николай Алексеев Некрасов, заключили между собою следующее условие.

1) Я, Некрасов, предоставляю Солдатенкову право напечатать в числе двух тысяч четырехсот экземпляров стихотворения мои, с моим, Некрасова, именем, по рукописи, данной мною ему при заключении сего условия, к каковой рукописи обязуюсь еще сделать прибавление, до тысячи строк моих же стихов, к сентябрю месяцу сего года. 2) Заботы о возможно скором дозволении сей рукописи к печати лежат на мне, Некрасове, а все хлопоты и расходы по изданию принимаю на себя я, Солдатенков. 3) По выпуске в свет книги Солдатенков волен продавать ее в свою пользу по какой ему угодно цене, не обязываясь никакой отчетностью Некрасову. 4) Некрасов в течение двух лет со дня выхода в свет книги не имеет права печатать ее вторым изданием или предоставлять кому-либо такое право. 5) Буде по истечении сих двух лет он же, Солдатенков, пожелает сделать второе издание книги, то Некрасов или его наследники обязаны сделать ему предпочтение пред другими издателями, если Солдатенков даст ту же цену, какую будут предлагать другие с возобновлением условия. 6) Последним сроком доставления г-ну Солдатенкову от Некрасова ценсурованной рукописи назначается первое октября сего года; если же к сему времени рукопись с ценсурным дозволением доставлена г-ну Солдатенкову не будет, то он имеет право представить в цензуру стихотворения Некрасова сам, по рукописи, данной ему Некрасовым при заключении сего условия, и печатать их в том виде, в каком дозволит цензура. 7) С своей стороны, я, Солдатенков, обязуюсь: а) за право издания в свет стихотворений на вышеописанных условиях заплатить Некрасову тысячу пятьсот рублей серебром, каковые выдаю при заключении сего акта; б) стихотворения издать опрятно и выпустить в свет не позднее как чрез четыре месяца по получении из ценсуры дозволенной рукописи. Условие сие хранить с обеих сторон свято и ненарушимо. Солдатенкову иметь подлинное, Некрасову копию.

К сему условию почетный гражданин и временно московский 1-й гильдии купец Козьма Терентьев сын Солдатенков руку приложил. К сему условию Николай Алексеев сын Некрасов руку приложил. 1855 года июня одиннадцатого дня, в Москве, в нотариальной конторе условие сие явлено и в книгу подлинником под номером сорок пятым записано. В городской доход полупроцентные деньги приняты семь рублей пятьдесят копеек серебром и в приход того же числа записаны. В чем свидетельствую

⁷ Голос минувшего. 1916. № 9. С. 187.

⁸ Лит. наследство. Т. 51—52. С. 510.

с приложением казенной печати за нотариуса Варгина маклер Свешников».⁹

Публикуемый документ не все проясняет в истории издания. В разных источниках и работах назывались разные суммы, полученные Некрасовым за издание «Стихотворений» 1856 г. Например, Грановский писал Станкевичам 5 сентября 1855 г.: «Современники <...> летом <...> взяли у Солдатенкова на поддержание журнала три тысячи рублей, да с Василия Петровича, снова пылающего любовью к литературе, сорвали 2000. . .».¹⁰ Во вступительной заметке к публикации писем К. Т. Солдатенкова говорится: «Если судить по письмам Т. Н. Грановского и самих участников соглашения, Некрасов получил от Солдатенкова в два платежа 4500 р. аванса».¹¹ Сам Некрасов писал 9 сентября 1855 г. В. П. Боткину: «Подождав до 7-го сентября (так как Козьма Тер<сентьевич> обещал вручить тебе деньги 5-го), я послал к Базунову, так сказать, официальный документ <...> предъявить К<озьме> Т<ерентьевичу> для получения от него 1500 р. и пересылки нам» (Н I, 10, 243). В «условии» же читаем: «За право издания в свет стихотворений <...> заплатить Некрасову тысячу пятсот рублей серебром, каковы выдаю при заключении сего акта» (т. е. 11 июня). Можно думать, что Солдатенков, как пишет А. М. Гаркави, «не торопился с высылкой Некрасову гонорара, очевидно проверяя, какое впечатление произведут стихотворения Некрасова в кружке московских литераторов. . .».¹² Дополняя комментарий к т. 8, заметим, что в письме Некрасова к Боткину от 9 сентября, может быть, идет речь и не о публикуемом «условии» (расписка Некрасова здесь не имеет даты), а о более позднем дополнении к нему, в котором расчет за издание учитывал деньги, данные «на поддержание журнала» (если в письмах Некрасова, Боткина, Грановского речь идет о счете в ассигнациях). В упоминавшемся уже письме от 25 марта 1856 г. Боткин писал, что Кетчер и его друзья «о возврате денег <...> слышать не хотят: „Нет, мы теперь за 3 тысячи не отдадим!“ — воскликнул Кетчер».¹³ 29 июля 1856 г. В. П. Боткин писал Некрасову: «Слышал я, что ты сошелся с Солдатенковым и что будто бы он прибавил тебе 500 р. и вообще между вами все пришло в прежнее положение. В сущности я этому рад. . .».¹⁴

Тираж сборника разошелся так быстро, что в конце 1856 г. Солдатенков собирался приступить ко второму изданию, но оно было запрещено.¹⁵

⁹ См.: Музей истории и реконструкции г. Москвы, № 15079, л. 1—2 (текст договора — л. 1—1 об., расписка Некрасова: «Деньги полторы тысячи рублей сер. сполна получил двор<янинн> Ник<олай> Алек<еев> Некрасов» — л. 2). Автограф приобретен музеем вместе с некоторыми другими документами из архива Солдатенкова в 1963 г. (см.: Аруин М. Арбатские находки // Москва. 1963. № 12) и учтен мною (в изд.: Некрасов Н. А. Собр. соч., М., 1967. Т. 8. С. 161, комментарий) и А. П. Толстяковым в упомянутой выше статье.

¹⁰ Т. Н. Грановский и его переписка. М., 1897. Т. 2. С. 306.

¹¹ Лит. наследство. Т. 51—52. С. 507.

¹² Голос минувшего. 1916. № 9. С. 186.

¹³ Некрасовский сб. М.; Л., 1951. Вып. 1. С. 162.

¹⁴ Голос минувшего. 1916. № 10. С. 95.

¹⁵ ГБЛ, ф. 258, карт. 1, № 9, л. 26; ср.: Кнппга: Исслед. и материалы. Вып. 25. С. 82.

О НЕСКОЛЬКИХ СТРОКАХ ПОЭМЫ «КОМУ НА РУСИ ЖИТЬ ХОРОШО»

К ТЕМЕ «НЕКРАСОВ И ДОБРОЛЮБОВ»

В первом, пробном, номере «Свистка» центральное место заняло добролюбовское «Письмо из провинции», направленное против мелко-либерального обличительства. История его публикации достаточно полно освещена в литературе. Еще в 1913 г. в печати стала известна и первая редакция «Письма. . .» — предназначавшаяся для «Современника» (1858, № 12) статья «Нечто о литературном протесте». Однако в комментариях к «Кому на Руси жить хорошо» во всех изданиях сочинений Некрасова, в литературе о нем, как и в отдельном издании «Свистка»,¹ не учитывалось, что в первой редакции «Письма. . .» есть отрывок, прямо перекликающийся со ставшими хрестоматийными строками главы 5 части первой («Помещик») поэмы «Кому на Руси жить хорошо»: «Один из наших знакомых, практический человек, утверждал, что бывают трех родов удары: *искросыпительные, зубодробительные и скуловоротные*, но что на практике различить их ужасно трудно. . .» (Свисток, 442).² Между тем эта переключка — еще одно, пусть частное, свидетельство того, что замысел «Кому на Руси жить хорошо» восходит к началу 1860-х гг. и связан с публицистикой и Добролюбова, и самого Некрасова.

Известно, что «Литературный протест» против антисемитской выходки «Иллюстрации», напечатанный в 1858 г. в «Русском вестнике» и «С.-Петербургских ведомостях», подписали многие и малоизвестные, и известные литераторы, в том числе Тургенев и Чернышевский. Подписей Добролюбова и Некрасова под «Литературным протестом» нет. Дальнейшая полемика в периодической печати того времени по этому вопросу показала, что правы были Добролюбов и Некрасов. Понял это и Тургенев, который писал Некрасову, возвращая добролюбовскую «статью о протесте» и возражая против ее публикации: «Доказать необдуманность, пожалуй, вред протеста можно и даже должно — но без этих стихков „зубодробильных“ и других ударов. < . . . > Докажите людям, в добрых намерениях которых вы не сомневаетесь, что они ошиблись, — но сделайте это спокойно, серьезно» (Т, Письма, 3, 258).

Интересно, что отрывок о «зубодробительных» ударах, отсутствующий в печатном тексте «Письма. . .», не вызвал возражений цензора: он был не только набран с небольшими разночтениями в тексте «Письма. . .» (Свисток, 442), но остался невычеркнутым и в корректуре, подписанной 18 января 1859 г. цензором.⁴ Таким образом, пожелание Тургенева было учтено, но статья (в несколько ином виде) была все же напечатана. Однако строки из снятого отрывка статьи Добролюбова 1858 г. обрели новую жизнь в бессмертных стихах «Кому на Руси жить хорошо».

¹ См.: Свисток. Собрание литературных, журнальных и других заметок: Сатир. прил. к журн. «Современник». 1859—1863 // Изд. подгот. А. А. Жук и А. А. Демченко. М., 1981. Далее (в наст. статье, а также в статье Н. П. Генераловой — с. 131—135) ссылки на это издание даются в тексте сокращенно: Свисток, страница (арабской цифрой).

² Ср. в моей работе «Об одном письме Тургенева к Некрасову: (К истории разрыва Тургенева с «Современником»)», напечатанной в кн.: Тургеневский сб. Л., 1967. Вып. 3. С. 235.

³ См. также: Добролюбов Н. А. Полн. собр. соч. СПб., 1913. Т. 9. С. 505.

⁴ См.: Добролюбов Н. А. Собр. соч.: В 9 т. М.; Л., 1964. Т. 9. С. 689.

М. М. Гин

СТАТЬЯ Н. В. БЕРГА «ДЕСЯТЬ ДНЕЙ В СЕВАСТОПОЛЕ»
И «ЗАМЕТКИ О ЖУРНАЛАХ ЗА ИЮЛЬ МЕСЯЦ 1855 ГОДА»
НЕКРАСОВА

Известно, что во время Крымской войны Некрасов пристально следил за всем, что делается на фронте, жадно ловил любую информацию о ходе военных действий. Естественно, что опубликованная летом 1855 г. статья Н. В. Берга «Десять дней в Севастополе»,¹ как свидетельствуют «Заметки о журналах за июль месяц 1855 года» (Современник. 1855, № 8. Отд. V. С. 258—276; Н I, 9, 286—307), привлекла его внимание прежде всего как достоверный рассказ очевидца: «Она отличается простотою изложения, избытком интересных фактов, добросовестно собранных, и представляет в настоящее время интереснейшее чтение».

И далее в «Заметках о журналах. . .» идет, как можно судить по тексту, подробное изложение «замечательной статьи». Знакомство с рукописью, однако, убеждает, что это не столько изложение, сколько монтаж цитат. В рукописи, собственно говоря, цитат нет, вместо них — указания на борщикам: «Набирай с печатного, стр. 86, 87, 88»; «Набирай с печатного», № 9, стр. 103 и 104». ² Сопоставление с оригиналом убеждает, что цитаты отличаются самой минимальной правкой, типа перевода из первого лица в третье (вместо «Я подошел» — «Автор подошел», вместо «Я видел» — «Автор видел»), и приводятся почти без сокращений. Правка, очевидно, производилась Некрасовым непосредственно в тексте «Москвитянина».

Собственно некрасовский текст сливается с потоком цитат. Однако о некрасовской точке зрения можно составить представление по характеру организации материала (выбор цитат, их компоновка, комментарий к ним). Проследим, как характеризуется в «Заметках о журналах. . .» Н. И. Пирогов. Некрасов выписал из статьи Берга восторженный отзыв одного из севастопольских врачей о деятельности великого хирурга: «Вы сходите на перевязочный пункт, в город! <. . .> там Пирогов; когда он делает операцию, надо стать на колени», чтобы присоединить к нему свое «удивление благородной, самоотверженной и столь благодетельной деятельности г. Пирогова, — деятельности, которая составит одну из прекраснейших страниц в истории настоящих событий. Одно из самых отрадных убеждений, — продолжает Некрасов, — что всякая личность, отмеченная печатью гения, в то же время соединяет в себе высочайшее развитие лучших свойств человеческой природы, — эта истина как нельзя лучше оправдана г. Пироговым <. . .>. Это подвиг не только медика, но и человека».

Некрасов убежден, что благоговение, которым окружено это имя, вполне оправдано: «Если есть в настоящее время личности, которым сердце отдает охотно и безраздельно лучшие свои симпатии, то, конечно, к таким личностям принадлежит г. Пирогов. Припоминая и соображая его прекрасную и неутомимую деятельность, приходишь к убеждению, что слова: *бескорыстное служение Добру и Науке*, — столь часто и легко-

¹ См.: Москвитянин. 1855. № 9. Отд. I. С. 69—128.

² ЦГАЛИ, ф. 338, оп. 1, № 38, л. 1, 12 об. и 13 об.

мысленно повторяемые, — не всегда же одна пошлая фраза <...> иногда заключают они в себе великий и благородный смысл!» (Н I, 9, 304).

В глазах Некрасова самоотверженная деятельность Пирогова, подвиг великого хирурга во время войны — высший образец благородного служения Родине, реальное воплощение подлинного патриотизма. Этот великолепный образец патриотизма особенно дорог тем, что всем существом своим противостоял псевдопатриотической фальши, казенно-монархической трескотне, получившей такое широкое распространение во время войны.

В этой связи приобретает несомненный интерес еще одно замечание Некрасова по поводу той же статьи Берга, на сей раз полемическое. Восхищаясь героизмом русского солдата, Берг не раз отмечает, что в фатальной уверенности («от своей пули не спрячешься») русский солдат нередко доводит свою смелость до неосторожности в отличие, скажем, от французов, которые ведут себя на линии огня очень осмотрительно. У Некрасова эти суждения вызывают такой комментарий: «Мы думаем, что, не нуждаясь в уроках храбрости, русскому солдату не худо бы занять у французов этой благоразумной осторожности, и г. Б. напрасно приходит в восхищение от убеждения своего проводника: „Э! ваше благородие! которая пуля наша, от ней нигде не схоронишься!“». В этой логике более героизма, чем здравого смысла, и нам она именно потому не нравится, что из-за нее может погибнуть напрасно не один храбрый» (там же, 307).

Перефразируя слова Некрасова, можно сказать, что в уроках патриотизма он не нуждался, но в отличие от таких литераторов-славянофилов, как Берг, никогда не порывал с трезвостью и реализмом: ни при каких обстоятельствах Некрасов не склонен восхищаться безрассудством, которое может стоить жизни русскому солдату. Здесь еще одна грань некрасовского патриотизма — нагляден и ощутим водораздел между его убеждениями и славянофильскими взглядами.

ОТЗЫВ НЕКРАСОВА О СТИХОТВОРЕНИИ И. С. НИКИТИНА

Некрасов — читатель и критик поэтов — тема в высшей степени увлекательная и далеко еще не вполне освещенная. Наиболее значительные факты, относящиеся к этой стороне его деятельности, — характеристика Тютчева (статья «Русские второстепенные поэты»), отзывы о Пушкине. Но они обычно обращают на себя внимание прежде всего, так сказать, общим восприятием данного поэта. Поражают зоркость поэтического глаза Некрасова, точность, достоверность и убедительность его критических оценок, ощущение поэтического и поэтичности, — идет ли речь о творчестве поэта, его произведении в целом или об отдельном образе, о звучании какого-либо слова.

Вспомним хотя бы его замечания о значении тона в поэзии по поводу стихов Бенедиктова о Петре Первом: «*Захолустье, болотный уголок* — разве эти слова сколько-нибудь дают понятие о пустынной, грандиозной и дикой природе, среди которой гениальная мысль великого угадала необходимость русского города?». И далее: «Мы не думаем требовать, чтоб г. Бенедиктов дал нам нечто равняющееся достоинству Пушкину, мы только обращаем внимание его и наших читателей на тон, которым говорит Пушкин сравнительно с тоном г. Бенедиктова. Не правда ли, тон не последнее дело в литературном произведении, не говоря уже о других требованиях!» (Современник. 1855. № 10. Отд. V. С. 167; Н I, 9, 309—310). Некрасов демонстрирует здесь тонкое ощущение и общей тональности стихотворения, и каждого слова в нем. О том же в сущности говорил Некрасов, утверждая, что величие обороны Севастополя — тема, которой

приличествует лишь стих «Илиады» (рецензия «Осада Севастополя, или Таковы русские» — Современник. 1855. № 8. Отд. IV. С. 33—41; Н I, 9, 263—270).

Среди многих отзывов Некрасова о стихах обратим внимание на два его отзыва о стихотворениях «Бурлак» и «Неудачная присуха» И. С. Никитина. Оба появились в 1855 г. почти одновременно — в «Заметках о журналах за июль месяц 1855 года» (Современник. 1855. № 8. Отд. V. С. 258—276; Н I, 9, 268—307) и в «Заметках о журналах за октябрь 1855 года» (Современник. 1855. № 11. Отд. V. С. 71—87; Н I, 9, 332—352). Первый хорошо известен. Некрасов упрекает Никитина за нетипичное, недостаточно глубокое изображение и осмысление действительности: у Никитина крестьянина заставляет идти в бурлаки цепь несчастий — смерть жены, единственного сына, неурожай, падеж скота. «Как будто на Руси бурлаки идут на эту должность только вследствие подобных причин, в романтической надежде, что „разгуляют их тоску Волги-матушки синие волны“? Если бы так! Тогда бы и стихотворение г. Никитина имело смысл. От г. Никитина как от поэта, рожденного и живущего в народной среде, мы вправе были ожидать чего-нибудь более характерного о лице, избранном им в заглавие стихотворения» (Н I, 9, 294).

Отзыв Некрасова о стихотворении Никитина «Неудачная присуха» не раз перепечатывался в собраниях сочинений Некрасова, но оценить его в полной мере невозможно — прежде всего потому, что современному читателю неизвестен тот текст стихотворения Никитина, который рассматривался Некрасовым. Некрасов имел в виду текст (первая редакция стихотворения), опубликованный в «Библиотеке для чтения» (1855. № 10. Отд. I. С. 161—163).

«Неудачная присуха» автору «Заметок о журналах...» совсем не понравилась: «Мы искренно желали бы сказать что-нибудь хорошее о стихотворении г. Никитина „Неудачная присуха“, но хорошего ничего сказать не можем. Г. Никитин не без дарования, но он лишен чувства меры, не богат вкусом и не выдерживает тона своих стихотворений — недостатки, портящие почти каждую его пьесу». И затем, выделив в качестве удачных четыре строфы — описание деревенского парня, — добавляет: «Все остальное в стихотворении <...> слабо, бесцветно и очень растянуто» (там же, 351) — и далее еще резче: «...пустые стихи» (там же, 358).

Подготавливая в 1859 г. сборник своих стихотворений, Никитин сократил «Неудачную присуху» почти на четверть объема. Есть веские основания полагать, что переработка стихотворения была осуществлена с учетом замечаний Некрасова: в этом убеждает сопоставление двух редакций.¹

Нехитрый сюжет стихотворения (плут, прикинувшийся кудесником, обещает молодому деревенскому парню «присушить» любимую; когда мошенничество выясняется, обманутый порывается все бросить, покинуть дом, но в конце концов остается, чтобы кормить и поддерживать старушку-мать) в первоначальной редакции (той самой, о которой писал Некрасов) осложнялся слишком детальными и нередко не идущими к делу описаниями. Так, например, развернуто излагался наговор мошенника колдуна:

И тихо он начал
Шептать наговор:
 «На море—на окiane
 Белый камень алатырь;
 На нем баня огнем пышет
 С раскаленную доской.

¹ Ниже первоначальная редакция приводится по журнальной публикации, с указанием страниц непосредственно после цитаты; вторую редакцию, воспроизводимую во всех современных изданиях, цитируем по кн.: Никитин И. С. Собр. стихотворений. Л., 1947. С. 104—110 (Б-ка поэта. Большая сер.).

Тридцать три тоски оттуда
 Всюду мечутся: на Юг,
 На пути и перепутья,
 Запад, Север и Восток.
 Киньтесь вы, тоски, девице
 В разум, в сердце, в очи, в лик,
 В жилы, кости и составы,
 В тело белое и кровь! .
 Чтоб о нем она крушилась,
 Тосковала день и ночь,
 Чтоб для ней он был утехой,
 Милей солнышка и сна,
 Света белого дороже,
 Лучше матери, отца! .
 Будет слово мое крепко!
 И не снимется тоска
 Тем, кто в море выпьет воду,
 Траву выщиплет в полях! .» (162—163)

Поскольку речь идет о заведомом мошенничестве, едва ли этот текст был столь уж необходим в стихотворении. Во второй редакции он снят, о содержании наговора «кудесника» здесь ничего не говорится.

Не менее детально описывались переживания героя после «неудачной присухи»:

— «Эх, тошно, родная!
 И днем и во сне
 Сторонка чужая
 Все грезится мне.
 Нужде не учтись,
 Косить не боюсь,
 Пойду потрудиться:
 С казной ворочусь!»
 Как мел побелела
 От слов его мать,
 На лавку присела
 И что-то сказать
 Хотела, как видно:
 Раскрыла уж рот,
 И очи недвижно
 Смотрели вперед
 Без мысли и цели,
 И, словно свинец,
 Уста посинели, —
 Ну, просто — мертвец!
 — «Эх-ма! я старуху
 Никак испугал,
 Не слышно и духу. . .» —
 Сынок рассуждал:
 «Вот горе, ей-богу!
 Жаль — пол-ат мочить, —
 Водой бы немного
 Ее окатить. . .»
 Меж тем встрепенулась
 Старушка; от сна
 Как будто проснулась
 В тревоге она.
 Вдохнула, привстала,
 Припомнила все
 И вдруг зарыдала:
 — «Дитя ты мое!» (167—168)

В окончательном тексте эти стихи были заменены таким образом:

— «Да что тут мне биться
 Как рыбе об лед!
 Пойду потрудиться,
 Чем бог ни пошлет.
 И тут жил трудами,

Талана, вишь, нет...»
Старушка руками
Всплеснула в ответ... (109)

Сняты и некоторые другие детали. Например:

Во сне ему снилось,
Что он уж женат,
Что, бог дал, родилось
Уж двое ребят. (163)

Или:

Лучина горела
В светце на полу,
Старушка сидела
За прялкой в углу... (164)

Коренным образом переработаны начало и конец стихотворной новеллы, коснулась переработка и некоторых других мест, причем шла она не только в направлении сокращения, одновременно выравнивался стиль, устранялась вызвавшая упрек Некрасова разностильность — несоответствие между разговорной крестьянской речью и вклинивающимися в нее словами литературно-поэтического языка. См., например, один из приведенных (исключенных) текстов:

— «Эх, тошно, родная!
И днем и во сне
Сторонка чужая
Все грезится мне.

Далее в этом же тексте в народную речь оказывались включенными и такие слова, как «очи», «уста». Перерабатывая стихотворение, Никитин старался избавиться от подобных стилевых несоответствий. В результате была создана новая редакция стихотворения, резко отличающаяся от первоначальной.

Замечания Некрасова о произведениях разных авторов и разных жанров не раз оказывались настолько точными и убедительными, что невозможно было не прислушаться к ним. Так, в свое время должен был прислушаться Тургенев к замечаниям Некрасова относительно комедии «Холостяк», Достоевский — о романе «Подросток», Чернышевский — о статье «В изъявление признательности». Переработка Никитиным стихотворения «Неудачная присуха» после отзыва Некрасова и в соответствии с ним — еще один факт, демонстрирующий литературное чутье и эстетический вкус Некрасова.²

² Далеко не все оценили так первоначальную редакцию. Ближайший литературный консультант и наставник Никитина Н. И. Второв был в восторге от «прекрасной пьески» и особо выделил тот самый (приведенный выше) заговор, который автор счел за благо снять (см. его отзыв: *Никитин И. С.* Собр. стихотворений. С. 450).

Ю. В. Лебедев

О «ЛОЖНОМ МЕЛОДРАМАТИЗМЕ»
В ПОЭМЕ «НЕСЧАСТНЫЕ»

Еще П. Ф. Якубович считал, что в поэме Некрасова «Несчастные» допущено отступление от реалистического описания каторги. Он отмечал, что каторжан в России никогда не держали и не держат в подземельях, что фигуры ссыльных у Некрасова неправдоподобны, что в поэме вообще слишком много мелодраматизма, «немыслимого в живой действительности».¹ И если подходить к поэме с критериями правдоподобия, можно с успехом привести еще немало примеров таких несообразностей. Однако к бытовому правдоподобию Некрасов в этой поэме и не стремился. У него существовала на этот счет совершенно иная установка. В описании сибирской каторги поэт использовал устные народные легенды. Народный угол зрения заявлен не только в заглавии поэмы — «Несчастные», но и во всех деталях описания жизни и быта заключенных.

Глубокий знаток крестьянской культуры, С. В. Максимов так характеризует народные представления о судьбе «несчастных» в «рудниках Сибири льдистой»: «Там, — думает народ, — там, где-то далеко, за Сибирью, взрыты крутые, поднебесные горы. В горах этих вырыты ямы глубиной в самые глубокие речные и озерные омуты. Посадят в эти ямы весь этот повинный народ, посадят на всю жизнь, один раз, и никогда уж потом не вынут и не выпустят. И будут сидеть они там, божьих дней не распознавая, господних праздников не ведая; будут сидеть в темноте и духоте подле печей, жарко натопленных, среди груд каменных, на таких работах, у которых нет ни конца, ни сроку, ни платы, ни отдыху. И изгинет весь этот народ в скорбях и печалях затем, что уж им всякий выход заказан, и родина отрезана, и милые сердцу отняты, да и яма на каторге глубока-глубока да и запечатана. <...> Вот вам, несчастные гореторьские заключенники, моя слеза сиротская, да воздыханье тяжелое, да грош трудовой, кровный: авось и он вам пригодится. Пригодится хлеба прикупить, богу свечку за свои мирские грехи поставить: он вам и путь управит, и в каторжной темной и глубокой яме свету подаст, силы пошлет и дух вознесет».²

Очевидно, легендарные представления народа о каторге формировались под влиянием иконописных и настенных, фресковых изображений преисподней в виде провала в земной тверди, где во мраке черной ямы претерпевают страшные муки несчастные грешники. В максимовских описаниях чувствуются также отзвуки иконописного сюжета сошествия во ад Христа Спасителя. В согласии с народными легендами, каторжники у Некрасова тоже живут в «подземелье», в «черной норе», в «роковой яме», куда лишь украдкой заглядывает луч солнца. Но только поэт придает христианскому сюжету революционно-просветительскую ориентацию. В глубокую и темную каторжную яму приносит свет несчастным заклю-

¹ Мельшин Л. <Якубович П. Ф.>. Н. А. Некрасов, его жизнь и литературная деятельность. СПб., 1907. С. 68.

² Максимов С. В. Сибирь и каторга. Т. 1. «Несчастные». СПб., 1871. С. 35.

ченникам не Христос, а «народный заступник», ссыльный революционер Крот, образ которого рисуется в аскетическом ореоле подвижника, «божьего человека». Именно он помогает несчастным вновь ощутить утраченную связь с Родиной, с близкими и понять, что адский каторжный труд наполнен высоким смыслом. С его пришествием «темная нора», напоминающая преисподнюю с беснующимися грешниками, превращается в «монашескую келью».

То, что казалось иным исследователям странной аффектацией и ложным мелодраматизмом, является в действительности реалистическим отражением характерных сторон народного сознания, свидетельством глубокого демократизма Некрасова-поэта.

КОММЕНТАРИЙ К ПОЭМЕ «КОРОБЕЙНИКИ»

(дополнения)

О беллетристических отголосках в некрасовских «Коробейниках» существует обширная литература, но еще далеко не все источники поэмы учтены. О жизни и быте странствующих торговцев подробно и с глубоким проникновением в психологию офеней писал, например, тот же С. В. Максимов. Специальный очерк писателя «В дороге. Из путевых записок» (1860) — живой, образный рассказ о коробейниках, торговцах книгами, иконами, мелким товаром: «Приладили мы из досок прилавок, вколотили четыре кола, навес от дождя и солнышка сделали. Разложили на прилавке вздор всякий: для баб да для девок — пуговицы, петельки, ленточки ярких цветов, а на пущий соблазн — зеркала раскрыли с портретами Рюрика с молотком, Святослава с мечом; для большаков — кожаные кошельки с изображением взятия Варшавы с одной стороны и Паскевича с другой; для попадьи и поповен — стеклянные ящички, нитки бумажные, шелк, коробочки с бисером, наперстки, колечки, и серебряные, и волосяные с бисером цыганского дела, курительные свечки московского дела и проч., и проч. Принес мой хозяин всего товару на 62 рубля серебром, а продал на 129, умел и обмануть вовремя, и надуть подчас».¹

Указывает С. В. Максимов и на черты торгашеской психологии в среде деревенских офеней: мужик, с которым странствовал писатель, «был бережлив и, что называется, скопи-домок».² Не оставил беллетрист без внимания «и тот мелкий класс офеней, представители которого выпевают на петербургских дворах козлиным голосом: „щетки, гребенки“. Правда, что эти офени оказались в большей части случаев < . . . > крестьянами костромских уездов, Буевецкого и Галицкого. . .».³ Показал Максимов и глубокое социальное расслоение в среде деревенских торгашей, выделение приказчиков и крупных хозяев, в кабальной зависимости от которых находилась меньшая братия.

Работая над «Коробейниками», Некрасов держал в уме как эти, так и многие другие очерки Максимова. Не обошел он вниманием прибаутки офеней и петербургских раешников, целые россыпи которых собраны в максимовских произведениях (например: «А это вот город Париж, не доедешь — угоришь. . .», «А это вот Легний сад — там девушки гуляют в шубках-в юбках, в тряпках-шляпках, зеленых подкладках, Юбки на ватках, пукли фальшивы, а девицы плешивы»)⁴ Ср. у Некрасова:

Ой! ты, барыня спесивая,
Ты стыдись глядеть на свет!
У тебя коса фальшивая,
Ни зубов, ни груди нет,

¹ Отеч. зап. 1860. № 8. Отд. I. С. 236.

² Там же. С. 234.

³ Там же. С. 248.

⁴ Максимов С. В. Собр. соч. СПб., 1909. Т. 1. С. 155.

Всё подклеено, подвязано!
 Город есть такой: Париж!
 Про него недаром сказано:
 Как заедешь — угоришь.
 По всему по свету славится,
 Мастер по миру пустить;
 Если нос тебе не нравится,
 Могут новый наклеить!

(Н II, 4, 65)

Было бы неверным, конечно, сводить источники поэмы Некрасова лишь к журнальным публикациям. Многие открывала поэту сама народная жизнь и, в частности, старообрядческая семья Гаврилы Яковлевича Захарова, крестьянина деревни Шоды Костромской губернии. Вспомним угрозы старого Тихоныча:

Ой! ты, зелье кабацкое,
 Да китайские чаи,
 Да курение табачное!
 Бродим сами не свои.
 С этим пьянством да курением
 Сломить голову как раз.
 Перед светопреставлением
 Знать война-то началась.

(Н II, 4, 62)

Старообрядцы Костромского, Буйского, Судиславского и Кинешемского уездов Костромской губернии, по свидетельству этнографов, «не употребляли ничего хмельного, ни вина, ни пива, не пили чаю и почему-то не ели картофелю».⁵ Курение табака они считали «за тяжкий и непростительный грех, так как эта трава выросла из трупа какой-то блудницы. Поэтому более набожные из них, если случится кому курить табак в их избе, целых трое суток после того беспрестанно курят ладаном, а если где упало несколько крошек его, то те же трое суток скоблят и моют то место, чтобы не только табак, то и самый „дух“ табачный выгнать из дому».⁶ «Табашников на том свете, говорят, заставят бревно катить. Вот они катят-катят, прокатят уже половину — им закричат: „Табашники, к рогу!“ (т. е. табак курить — прежде табак держали в рогах, как теперь держат порох в некоторых местах). Опустят они бревно, а потом опять приходится начинать работу».⁷

Оппозиционно настроенные по отношению к официальным властям, костромские старообрядцы резко отрицательно оценивали события Крымской войны:

Подошла война проклятая,
 Да и больно уж лиха,
 Где бы свадьбка богатая —
 Цоп в солдаты жениха!
 Царь дурит — народу горюшко!
 Точит русскую казну,
 Красит кровью Черно морюшко,
 Корабли валит ко дну.
 Перевод свинцу да олову,
 Да удалым молодцам.
 Весь народ повесил голову,
 Стоя стоят по деревням.
 Ой! бабье неугомонное,
 Полно взапуски реветь!
 Причитанье похоронное
 Над живым-то рано петь!

(Н II, 4, 61—62)

⁵ См.: Костром. епарх. вед. 1885. № 19. Отд. II, «Часть неофиц.». С. 594.

⁶ Иванов И. Ф. Суеверный крестьянин // Там же. № 21. С. 649.

⁷ Тр. Костром. науч. о-ва по изучению местного края. 1920. Вып. 15. С. 47.

Как «взапуски ревели» «бабье неугомонное», Некрасов знал не понаслышке. Рекрутские плачи в наиболее резких по отношению к официальным властям старообрядческих вариантах, конечно, не попадали тогда на страницы фольклорных публикаций. Но об их содержании мы можем судить по записям, сделанным позднее, после падения самодержавия. Вот один из образцов наиболее характерного старообрядческого плача по призванному на военную службу, записанный в Костромской губернии:

Из-за кого ты воевать пошел,
Ладо мплое?
Уж власти все безбожные,
Уж постам-то они не постилися,
Не почитали ни среды, ни пятницы!
За то наказала всех владычица.
Они приняли табаки-те, дымы горькие,
Да самовары-те светлые,
Да чай-то сахарные.
< >
Мне бы сизы крылышки:
Я взвилась бы высокохонько,
Уж взяла бы я в праву рученьку
Саблю вострую
И срубила бы я буйну голову
Начальникам. . . ⁸

КОММЕНТАРИЙ К ПОЭМЕ «КОМУ НА РУСИ ЖИТЬ ХОРОШО»

(ДОПОЛНЕНИЯ)

Образ Гриши Добросклонова сформировался в творческом сознании Некрасова не без влияния очерковой литературы конца 1860—начала 1870-х гг. Такова, например, очерковая зарисовка «Беседы на завалинке», опубликованная в «Мирском вестнике», ежемесячном народном журнале за подписью «А. З—в»:

«Давно ли, кажется, снаряжал наш священник, отец Михаил, своего сына Гришу в школу обучаться грамоте! Ведь был тогда Гриша еще мальчуган, а теперь, поглядите-ка, станет говорить, так и старики даже не прочь послушать его речей! Вот какую пользу приносит школа-то!»

Соберутся иной раз крестьяне в праздник или летним вечером у ворот на завалинках посидеть, косточки поразмять после трудной работы; выйдет побеседовать и Гриша, и начнутся тут разговоры о том, о другом. А Гриша все знает, про все может рассказать, да и расскажет-то он все толково, научит иной раз многому полезному.¹

Вспомним некрасовское:

Всех пристальней, всех радостней
Прослушал Гришу Пров:
Осклабился, товарищам
Сказал победным голосом:
«Мотайте-ка на у!»

(Н II, 5, 215)

* * *

Начиная в 1863 г. работу над «Прологом», Некрасов с любовью и доверием обращается к русской народной сказке в условиях, когда демократы «Русского слова» начали поход против сказочного жанра вообще и русской народной сказки в особенности. В. А. Зайцев писал, что в русских сказках наш народ «далеко не достиг не только господства мысли в своей

⁸ Там же. С. 3.

¹ Мирской вестн. 1867. Кн. 4. С. 60.

жизни и ее продуктах, но даже не достиг той эпохи, когда преобладают первые зачатки мысли — воображение»,² а в характере Иванушки-дурачка «отражается симпатия народа к глупости и твердая вера в то, что дураку на свете жить лучше, чем умному».³ Пришла пора предать «вечному забвению» сказочные жанры, «оставив для образца немногие, чтобы знали будущие поколения, чем нас кормили в детстве, и извинили бы нам поэтому наше неумение сделать свое существование сносным».⁴ Народ «довольствуется сказками потому, что ничего другого не может выдумать», а посему давно пора русским писателям оставить в покое народную сказку и «прямо, помимо жар-птицы», «рассказывать народу дело».⁵

Создавая народную книгу, Некрасов щедро использует в ней сказочные образы. Неприятию сказочного жанра народный поэт противопоставляет бережное отношение к национальной культуре, к духовным ценностям прошлого. Устами Якима Нагого он дает отповедь и другим «шальным вестям», которые разносила про мужика нигилистически настроенная интеллигенция в эпоху спада революционного движения. В. А. Зайцев прямо заявлял: «. . . народные книжки решительно не читаются народом. Он даже не видит их и не слышит о них, отводя свою душу единственным из эстетических наслаждений — подешевевшей сивухой».⁶ Эпизод с картиночками, которые спасает Яким во время пожара, — прямое опровержение этих слов.

* * *

А. Ф. Тарасов убедительно показал особое звучание в поэме, казалось бы, «проходной» детали — описания в главе «Губернаторша» памятника Ивану Сусанину. «На памятнике в Костроме, — заметил исследователь, — Иван Сусанин был поставлен на колени перед царем. Чрезвычайно показательно, что, описывая памятник, Некрасов выпрямил Сусанина — „стоит из меди кованный < . . . > мужик на площади“, а бюст Михаила Романова не поминается в поэме совсем. Никому из читателей, не видевших памятника, и в голову не придут ни та неудобная поза, в которую поставил своего героя автор памятника Демут-Малиновский, ни зависимость Сусанина от бюста Михаила Романова. Перед нами со страниц некрасовской поэмы „мужик“, „из меди кованный“, встает во весь рост величественным и независимым».⁷

В рассуждениях А. Ф. Тарасова есть лишь одна неточность: Иван Сусанин находится в «неудобной позе» не только перед царем, но и перед тем, кто, по народной пословице, действительно стоит «высоко». Вот интерпретация основной идеи памятника, данная в год его открытия современником Некрасова: «У колонны на коленях, в молитвенном положении, с очами, устремленными на небо, с любовью к царю во взоре и с твердым упованием на бога, с мужественною готовностью умереть, изображен тот, в честь подвига которого благодарное потомство воздвигает этот памятник. Изображение Сусанина сделано из бронзы; он представлен молящимся; руки его сложены у него на груди, может быть, как бы в минуту смерти; Сусанин представлен обхватившим руками висящий у него на шее тельник».⁸

* * *

Третья часть поэмы «Крестьянка» была впервые опубликована в январском номере «Отечественных записок» за 1874 г.; в том же году здесь печаталась книга С. В. Максимова «Бродячая Русь». Беллетрист обращал

² Рус. слово. 1863. № 9. «Библиогр. листок». С. 63.

³ Там же. С. 65.

⁴ Там же. С. 68.

⁵ Там же. С. 66.

⁶ Рус. слово. 1863. № 10. «Библиогр. листок». С. 45.

⁷ Тарасов А. Ф. Некрасов в Карабихе. 2-е изд., доп. Ярославль, 1982. С. 150—151.

⁸ Моск. вед. 1850. № 103. С. 1098—1099.

внимание на те же факты народной жизни, которые нашли отражение и в стихах Некрасова: «Голосистых дьяконов, не найдя в своей, ищут по другим епархиям; красноречивых священников переманивают предложениями добавочного содержания; биографии священников знают до подвотной и скажут не только кому кто племянник или дядя, но и кто кому доводится свояком или сватом».⁹

В «Крестьянке» у Некрасова встречается такой колоритный эпизод, характеризующий эстетические вкусы народа:

Вдруг с вышины откуда-то
Как грянет песня! голову
Задрали мужики:
Вкруг башни по балкончику
Прокаживал в подряснике
Какой-то человек
И пел. . . В вечернем воздухе,
Как колокол серебряный,
Гудел громовый бас. . .

(Н II, 5, 124—125)

На вопрос странников: «Какой мужчина там?» — местная крестьянка подробно рассказывает о дьяконе Ново-Архангельском:

— Не то еще услышите,
Как до утра пробудете:
Отсюда версты три
Есть дьякон. . . тоже с голосом. . .
Так вот они затеяли
По-своему здороваться
На утренней заре.
На башню как подымется
Да рявкнет наш: «Здо-ро-во ли
Жи-вешь, о-тец И-пат?»
Так стекла затрещат!
А тот ему, оттуда-то:
— Здо-ро-во, наш со-ло-вуш-ко!
Жду вод-ку пить! — «И-ду!». . . —
«Иду-то» это в воздухе
Час целый откликается. . .
Такие жеребцы! . .

(Н II, 5, 125—126)

Займствовал Некрасов у Максимова и проникновенные характеристики русских странников и богомольцев, «беззаветно добрых и преисполненных самоотвержения до последней крайности. < . . > Это самые симпатичные люди в среде нашего простонародья. Беспольные во всю жизнь свою, они являются подлинными избранниками по призванию, когда придет час их служения, и творят чудеса искренности и энергии, когда откроется благоприятный случай».¹⁰ В книге Максимова встречается множество народных героев, которые предвосхищают «смирненного» богомола Ионушку, рассказывающего легенду о двух великих грешниках, или старообрядца Кропильникова. «На Сибири кончились их странствия; в глухих ссыльных местах умолкал их голос».¹¹

Не обходит вниманием писатель и темных сторон в жизни раскольничьих сект. «Велики грехи у скрытничьих старцев, и самый большой из всех — баба. Ради нее многие старцы уходят в пустыню». Отрицая брак, скрытники обучают деревенских девок и баб пению стихов. «Со стихов, собственно, и начинается подыгрывание и смущение новичков, намеченных в секту скрытных».¹²

⁹ Отеч. зап. 1874. № 9. С. 75.

¹⁰ Там же. С. 79.

¹¹ Там же. С. 100.

¹² Максимов С. В. Собр. соч. СПб., 1908. Т. 6. С. 274.

И у Некрасова:

Был старец, чудным пенем
Пленял сердца народные;
С согласия матерей,
В селе Крутые Заводи
Божественному пению
Стал девок обучать. . .

(И II, 5, 202)

Мне уже приходилось писать о том, что проблема влияния Максимова на творчество русских писателей-демократов нуждается в серьезном изучении.¹³ Приведенные заметки еще раз подтверждают правомерность такого исследования.

¹³ См.: Рус. лит. 1982. № 2. С. 134—140.

Е. Б. Белодубровский

НЕИЗВЕСТНЫЙ СПИСОК
«РАЗМЫШЛЕНИЙ У ПАРАДНОГО ПОДЪЕЗДА»

Творческая история стихотворения «Размышления у парадного подъезда», которое Г. В. Плеханов называл «одним из самых значительных произведений Некрасова»,¹ еще окончательно не исследована. Автограф этого стихотворения пока не найден. И поэтому существенный интерес для исследователей представляет каждый вновь обнаруженный список, имеющий лексические или хотя бы пунктуационные отличия от канонического текста. Датированный же временем ранее января 1860 г. (публикация в «Колоколе» — 15 янв. 1860. Л. 61) и являющийся, таким образом, допечатной редакцией, такой список приобретает значение источника текста стихотворения.

В Рукописном отделе Института русской литературы АН СССР (Пушкинский дом) (ИРЛИ) в фонде М. Ф. Де-Пуле среди писем к нему молодого поэта Ф. Н. Берга нами обнаружен начисто, без единой пометки переписанный рукою Берга текст названного стихотворения Некрасова, отправленный Бергом с письмом из Москвы в Воронеж 3 мая 1859 г.

Список был сопровожден кратким, наспех составленным примечанием Берга: «Конечно, Вы будете лишь благодарны за эту превосходную вещь».² Внимательно просмотренная нами переписка Берга 1858—1859 гг. со своим «духовным наставником» Де-Пуле подтверждает неслучайность знакомства Берга с некрасовским стихотворением, ходившим в это время в списках. В Москве Берг постоянно общался с А. Н. Афанасьевым и неоднократно получал от него «на ночь» материалы, предназначенные для публикации в «Колоколе», а также новые номера «Колокола» и «Полярной звезды», доставляемые Афанасьеву непосредственно из Лондона.³

В списке Берга содержится более десятка разночтений (включая название «У парадного подъезда»; ср. в «Колоколе» — «У парадного крыльца») как с первопечатным, так и с включенным в так называемую Панаевскую тетрадь⁴ авторизованным текстом.

Так, строка 6 списка Берга открывается словом «регируются»; в «Колоколе» — «разъезжаются». Строка 10 берговского списка начинается словом «Посещают»; в «Колоколе» оно заменено словом «Осаждают. . .», сохраненным в тетради Панаевой и в окончательном тексте. Стих 74 (в «Колоколе», а также у А. Я. Панаевой и в окончательной редакции — «Чтоб почтить похоронною тризною. . .») в списке Берга более эмоционален: «Чтоб почтить благовонною тризною. . .». Начало строки 82 списка: «Благо терпят. . .» — близко к редакции «Колокола» (здесь: «Сами тер-

¹ Плеханов Г. Литература и эстетика. М., 1958. Т. 2. С. 188—189.

² ИРЛИ, ф. 569, № 142, л. 37 об.—38.

³ Афанасьев, как известно, был тайным корреспондентом изданий Герцена и Огарева (см.: Эйдельман Н. Я. Тайные корреспонденты «Полярной звезды». М., 1966. С. 164).

⁴ ИРЛИ, Р. 1, оп. 20, № 3, л. 117—124.

пим. . .»). Последняя строка списка «И духовно навек опочил» полностью совпадает с текстом Панаевской тетради.

Особенно на наш взгляд интересна в обнаруженном списке Берга предпоследняя строка «Создал песню, подобную *дикому* стону. . .», где ритмический перебой, создаваемый словом «дикий», столь характерным для поэтического словаря Некрасова и отсутствующим во всех последующих публикациях и редакциях, придает концовке произведения более трагическое звучание и вместе с тем иной музыкальный оттенок.

Н. П. Генералова

ОБ ОДНОЙ ПУБЛИКАЦИИ ДОБРОЛЮБОВА И НЕКРАСОВА
В «СВИСТКЕ»

Опубликованная в пятом номере «Свистка» (приложение к майскому выпуску журнала «Современник» за 1860 г.) заметка Н. А. Добролюбова «Отъезжающим за границу», в которую включено сатирическое стихотворение Некрасова «Первый шаг в Европу. Письмо первое», до настоящего времени фактически не была прокомментирована. В комментариях к изданию «Свистка» (1981) лишь устанавливается, что прозаическая часть этой публикации принадлежит Добролюбову, а стихотворная — Некрасову. Основное внимание комментаторов привлекло упоминание имен Данте и Пушкина в этой заметке (Свисток, 483). Между тем трудно предположить, что публикация не имела конкретного повода и адресата, полемической направленности, которая являлась главной целью этого сатирического издания.

«„Свисток“, — пишут современные исследователи, — возникший на фоне „обличительной беллетристики“ 1850-х годов и в борьбе с нею, отразил факт идейного размежевания демократических и либеральных тенденций в русской общественной жизни и в литературе, и выход его способствовал углублению этого процесса» (Свисток, 412). На фоне этого процесса произошел разрыв с «Современником» его давнего сотрудника И. С. Тургенева. Поводом к этому разрыву послужила опубликованная в «Современнике» (№ 3) статья Добролюбова «Новая повесть г. Тургенева» (первоначальное название — «Когда же придет настоящий день?»). Посвященная, как известно, критическому разбору романа Тургенева «Накануне» статья вызвала резкие возражения Тургенева, который познакомился с ее содержанием до публикации, и была напечатана Некрасовым вопреки убедительной просьбе писателя.¹ Выход в свет этой статьи окончательно прояснил долго назревавший конфликт между Тургеневым и Некрасовым, — конфликт, носивший далеко не личный характер. Некрасов, по вполне понятным причинам не желавший разрыва Тургенева с «Современником», вынужден был выбирать между старым литературным товарищем и молодым сотрудником журнала и выбрал последнее.

Появление статьи Добролюбова открыло целый ряд полемических выступлений, а подчас и выпадов «Современника» и «Свистка» против Тургенева, что нашло отклик в творчестве писателя.² Участие в журнальной полемике принял и Герцен, поддержавший поколение «лишних людей». Эта полемика, не лишенная крайностей как с той, так и с другой стороны, уже не раз освещалась в литературоведении,³ однако отдельные ее эпи-

¹ См. письмо И. С. Тургенева к Некрасову от 19 февраля (2 марта) 1860 г.: Т. Письма, 4, 41.

² См.: *Перминов Г. Ф.* Тургенев о Н. А. Добролюбове: Неизв. фельетон-пародия Тургенева в «Искре» // Тургеневский сб. Л., 1967. Вып. 3. С. 106—118.

³ См., например: *Евгеньев-Максимов В. В.* «Современник» при Чернышевском и Добролюбове. Л., 1936; *Золина Н. А.* О статье Герцена «Лишние люди и желчевики» / Учен. зап. ЛГУ. 1957. № 229; *Козьмин Б. П.* Из истории революционной мысли в России. М., 1961 и др. Ср. также статью Ф. Я. Прийма «Некрасов и Герцен (из истории взаимоотношений)» в наст. сборнике (с. 3—21).

зоды, на наш взгляд, остаются еще не до конца проясненными. На страницах «Современника» и особенно «Свистка» скрыто немало завуалированных полемических выпадов, которые еще предстоит «прочитать». Не случайно Тургенев писал Герцену 28 декабря 1860 (9 января 1861) г.: «С „Современником“ и Некрасовым я прекратил всякие сношения, что, между прочим, явствует из ругательств à mon adresse почти в каждой книжке» (Т, Письма, 4, 176—177). Обратимся к одной публикации «Свистка», мимо которой прошли исследователи отношений Тургенева с «Современником».

Стихотворение Некрасова «Первый шаг в Европу» (1860) своим антикрепостническим содержанием вызвало соответствующую реакцию в С.-Петербургском цензурном комитете (см. об этом: Свисток, 478). Возможно, оно было связано с путешествием за границу Некрасова и А. Я. Панаевой в 1857 г. Впечатления от общения с Панаевой Тургенев, который виделся с Некрасовым во время этой поездки, изложил в письме к М. Н. Толстой от 4 (16) июля 1857 г.⁴ и в письме к кн. А. А. Трубецкой от 6 (18) июля того же года.⁵ Не исключено, что сатирические строки в стихотворении Некрасова, где он дает характеристику «дражайшей супруги» своего героя, так или иначе связаны с воспоминаниями о поездке за границу и о тех сценах, свидетелем которых был Тургенев. Это, конечно, не означает, что стихотворение носит автобиографический характер, а лишь дает возможность предположить, каковы были конкретные обстоятельства, послужившие основой для создания насыщенного большим общественным содержанием произведения, и, как нам кажется, позволит уточнить дату написания стихотворения, которое пока датируется по первой публикации. По нашему мнению, поводом для очередного полемического выпада Добролюбова и Некрасова послужило появление тургеневского письма «Из-за границы» (Атеней. 1858. № 6).

Следует сразу оговориться, что «напутствие» Добролюбова и Некрасова «Отъезжающим за границу» не было адресовано исключительно Тургеневу, который действительно в мае 1860 г. выехал за границу (кстати, в мае же уехал на лечение за границу и Добролюбов). Тема заграничных путешествий и писем из-за границы, которые в большом количестве появлялись в русской печати, была частым объектом пародий в «Свистке», особенно в стихотворениях Добролюбова, подписанных именами Конрада Лилиеншвагера и Якова Хама. В этих пародиях критик под маской верноподданнических чувств и стремлений раскрывал перед читателем подлинную суть политических событий, происходивших в Европе и в России, противопоставляя идейной облеглаченности многочисленных «путевых заметок» и «заграничных впечатлений», появлявшихся на страницах либеральной печати, глубокий и целенаправленный анализ политических проблем.

Отношение к журналу «Атеней», в котором появилось «Письмо из-за границы» Тургенева, было высказано Добролюбовым в статье «Атенейные

⁴ «Это грубое, неумное <...> существо, — писал Тургенев о Панаевой, — владеет им (Некрасовым. — Н. Г.), как своим крепостным человеком. И хоть бы он был ослеплен на ее счет! А то — нет» (Т, Письма, 3, 128).

⁵ «Но я, признаюсь, в ужасе от этой толстой г-жи Панаевой. Представьте, что у нее случаются припадки с антрактами, которые обусловлены приходом третьего зрителя, модистки и т. п. И Некрасов, с его умом, ничего этого не замечает...» (Tourguénev I. Nouvelle correspondance inédite. Paris, 1971. Т. 1. Р. 321—322; подлинник по-французски).

Ср. у Некрасова:

Покорно ей вручив правления бразды,
Я скоро подчинил ей волю и рассудок
<.....>
И всяк за мною вслед во всем ей потакал,
Противоречием никто не раздражал
Из опасенья слез, трагических истерик... .

(Свисток, 141)

стихотворения» (1859). Название этого журнала нередко мелькает на страницах «Свистка».

Форму предисловия и послесловия к публикуемому стихотворению «Первый шаг в Европу» Добролюбов использовал, чтобы еще раз задеть любителей «чистого искусства». Определяя «благую мысль» автора стихотворного послания русской поговоркой: «В чужой монастырь со своим уставом не ходят», Добролюбов иронически восклицал: «Но не в мысли дело, в произведении, так написанном, могло бы и вовсе не быть мысли, и все-таки оно было бы превосходно: так необыкновенна его форма» (Свисток, 140).⁶

Другой объект полемики Добролюбова — пресловутая гласность — один из главных в споре революционных демократов с либералами. Объясняя отсутствие подписи под стихотворением, Добролюбов язвительно замечал: «Но, с другой стороны, как подумаешь, так увидишь, что он (автор стихотворения. — Н. Г.) и не мог выставить имени. Он уже и так принес большую жертву гласности обнаружением факта (самой поездки за границу. — Н. Г.), и, таким образом, кроме литературного достоинства, произведение его имеет цену общественной заслуги» (Свисток, 141).

Что же позволило нам предположить, что эта заметка имеет конкретный адресат — Тургенева с его «Письмом из-за границы»? Первый аргумент в пользу такого предположения — указание на то, что стихотворение «писано уже несколько лет тому назад» (Свисток, 140). Как уже говорилось, корреспонденция Тургенева была написана в конце 1857 г. в Риме и опубликована в шестом номере «Атеней» за 1858 г. Таким образом, со времени ее создания прошло более двух лет.

Второй аргумент — подзаголовок к стихотворению («Письмо первое»), который прямо указывает на корреспонденцию Тургенева. В послесловии к стихотворению, заканчивавшемуся тремя рядами точек, Добролюбов писал: «Более нет ничего. Но судя по тому, что в начале означено: *письмо первое*, мы вправе надеяться продолжения» (Свисток, 141). Авторы комментария предполагают, что ряды точек имеют цензурное происхождение (Свисток, 483); возможно, однако, что они должны были подчеркнуть незавершенность публикации, — не случайно Добролюбов выделяет курсивом упоминание о «первом письме». Первое письмо Тургенева из-за границы оказалось и последним, хотя в публикации «Атеней» оно имело тот же подзаголовок, что и сатирическое стихотворение Некрасова. Акцентируя внимание читателей на этом подзаголовке, Добролюбов и Некрасов, возможно, имели целью напомнить Тургеневу об обещанных и не представленных в «Современник» произведениях. Не случайно и Е. Ф. Корш, редактор «Атеней», зная эту особенность характера Тургенева, остерегся печатать его корреспонденцию в сопровождении составленной Тургеневым программой последующих писем из опасения «скомпрометировать почтенного автора в случае, если он раздумает писать».⁷

Как нам кажется, наше предположение подтверждается также двумя публикациями Добролюбова, которые, очевидно, предназначались для очередных выпусков «Свистка», но не вошли в него, возможно, по цензурным соображениям.

Одна из них, написанная осенью 1860 г. во время пребывания за границей, носит название «Что о нас думают в Париже?». Напомним, что письмо Тургенева заканчивалось обещанием прислать следующее письмо, посвященное Парижу («Мне остается сказать, — писал Тургенев, — почему в Париже не скучают русские и какое собственно значение этого города для наших туристов, но об этом я потолкую с вами в следующем

⁶ Напомним, кстати, иронический тон восхищения формой в начале статьи «Когда же придет настоящий день?».

⁷ Письмо Е. Ф. Корша к П. В. Анненкову от 9 (21) февраля 1858 г. // ИРЛИ, ф. 7, № 57, л. 23. Ср.: Т. Соч., 10, 562—563.

письме» — Т, Соч., 10, 307). Поскольку это письмо Тургеневым не было написано, корреспонденция Добролюбова с подзаголовком «Письмо русского» могла играть роль обещанного Тургеневым письма.

Намек на письмо Тургенева, упрекавшего русских путешественников в том, что они, не вступая в «живое соприкосновение с народом, среди которого странствуют», ограничиваются «сферой, или, как говорится ныне, „средю“, гостиниц, кельнеров, длинных счетов, звонков, общих обедов, наемных слуг» (там же, 304), содержит и такое высказывание Добролюбова: «В Берлине многие из наших соотечественников уже жаловались на грубость прусского народа, который узнали они по кельнерам своих отелей. Кельнеры эти смотрели на нас большею частью косо. . .» (Свисток, 363).

Думается, что язвительная характеристика «людей хорошего общества и возвышенных стремлений», людей, «украшенных всеми дарами европейской цивилизации и наклонных к тому, чтобы самим внести что-нибудь в сокровищницу человеческой мысли», тоже метила в Тургенева и других представителей дворянской литературы, время которой, по мнению Добролюбова, уже прошло.

Тематически и идейно связана с именем Тургенева еще одна готовившаяся Добролюбовым публикация для «Свистка», не вышедшая в свет при жизни автора. Речь идет о стихотворении «В начале августа вернулся я домой. . .» и послесловии к нему, которые были написаны, как полагают исследователи, в августе 1861 г. по возвращении в Россию. Здесь Добролюбов уже почти прямо выступает от лица Тургенева. Критик пародийно воссоздает ситуацию, в которой оказался вернувшийся из-за границы осенью 1859 г. Тургенев: он нашел изменения в составе редакции «Современника», где ведущее положение все более принадлежало Чернышевскому и Добролюбову, а главное, обнаружил в составе «Современника» недавно народившийся «Свисток». В ответ на насмешки «рыцарей свистопляски» герой статьи Добролюбова настороженно размышляет: «Я уже начинал терять терпение, находя, что я-то между ними в чрезвычайном глупом положении, совершенно как, например, какой-нибудь постоянный сотрудник „Русского вестника“ в толпе читателей „Современника“, только что получивших книжку его со „Свистком“. Хохочут, шумят, а над чем — неизвестно. Думаешь, не надо мной ли? Да нет, с какой стати? Я человек почтенный. . . А впрочем, они почтенных-то еще больше задирают. . . И опять думаешь: не надо мной ли? Не обидеться ли? . . . Да и то думаешь: как бы хуже не было? . . . А может, еще не надо мной. . .»

Наконец добился я объяснений: рыцарям свистопляски показалось < . . . > что, давно не бывши в России, я отстал от наших общественных требований и интересов!» (Свисток, 366).

Содержащийся в этом отрывке намек на сотрудничество с катковским «Русским вестником» мог быть адресован только Тургеневу как бывшему сотруднику «Современника», опубликовавшему в «Русском вестнике» роман «Накануне» и собиравшемуся отдать туда же новое свое произведение — роман «Отцы и дети». Вспомним, что и Герцен упрекал Тургенева в сотрудничестве с «Вестминстерским вестником» в Леонтьевском переулке» (Г, 27₁, 209). В ответ на этот упрек Тургенев писал: «Et tu, Brute! Ты, ты меня упрекаешь, что я отдаю свою работу в „Русский вестник“? Но из чего же я рассорился с „Современником“, воплощенным в образе Некрасова? В программах своих они утверждают, что они мне отказали, яко отсталому: mais tu n'est pas dure <но ты не стал жертвой — франц.>, надеюсь, этого маевра — и очень хорошо знаешь, что я бросил Некрасова, как бесчестного человека». Апеллируя в этом письме к сомнениям Герцена относительно «честности» Некрасова, которые были высказаны в статье «Лишние люди и желчевики», Тургенев как будто нарочно забывает упомянуть о главной причине расхождения с Некрасовым. Этой причиной, как верно отметил еще Чернышевский, была деятельность

Добролюбова и самого Чернышевского. Возможно, фигура умолчания была вызвана тем, что в это время Тургенев всячески пытался отвести от себя подозрения в намерении отомстить Добролюбову и Чернышевскому в «Отцах и детях». Обнаруженный недавно проф. П. Уоддингтоном план романа безусловно подтверждает то, что было очевидно уже Чернышевскому и многим другим: в образе Базарова Тургенев действительно хотел, хотя бы отчасти, изобразить Добролюбова.⁸

Возвращаясь к переписке Герцена и Тургенева, важно отметить и то, что к этому времени Герцен уже не был тем защитником «лишних людей», каким он выступал в 1860 г. Многие либеральные иллюзии, которые он питал относительно реформы, рассеялись, и он должен был вспомнить пророческие предостережения «Русского человека» в присланном в Лондон «Письме из провинции».⁹ Не столь давно защищавший «отцов» от нападков желчных «детей», Герцен теперь упрекает Тургенева в том, что он за «желчевой наружностью» не разглядел «серьезного, реалистического, опытного воззрения», и торжествуя сообщает ему, что Базаров «подавил собой — и пустейшего человека с душистыми усами», и других представителей дворянства (Г, 27₁, 217). Но ведь и Тургенев был совершенно прав, когда, отводя обвинения Герцена в предвзятости, признался в чувстве «невольного влечения» к Базарову, несмотря на то что многое раздражало его в этом типе новых людей. Обмен письмами по поводу «Отцов и детей» убедительно доказывает, что этот роман, по «справедливому» замечанию Каткова, может быть вопреки его первоначальному замыслу, явился «апофёозой» «Современника» и таким образом подвел итог длительной полемике между молодым поколением революционеров и лучшими представителями «отцов», — полемике, в которой «дети» оказались правыми. Думается, что этот важнейший эпизод в общественно-литературной борьбе 1850—1860-х гг. нуждается в дальнейшем изучении, в процессе которого даже небольшие уточнения существенны.

⁸ См.: Тургенев И. С. Полн. собр. соч. и писем: В 30 т. Соч.: В 12 т. М., 1986. Т. 12. С. 566, 718—719.

⁹ Мы придерживаемся мнения Б. П. Козьмина о том, что автором «Письма из провинции» был Добролюбов.

М. В. Теплинский

Я. П. ПОЛОНСКИЙ И «ОТЕЧЕСТВЕННЫЕ ЗАПИСКИ»

(ПИСЬМО ПОЛОНСКОГО К Г. З. ЕЛИСЕЕВУ)

Постоянная забота о направлении «Отечественных записок» была особенно важна в самом начале существования журнала под новой редакцией, когда нужно было установить репутацию нового по существу органа печати. В связи с этим можно вспомнить поучительный случай с повестью «Недоразумение», которую всячески навязывал журналу Ф. М. Толстой в 1868 г. Как ни неприятно было Некрасову отказывать влиятельному цензурному чиновнику, он все же не согласился принять эту повесть по причинам, которые были совершенно правильно сформулированы самим же Ф. М. Толстым. По его словам, Некрасов отказывался печатать великосветскую повесть потому, что желал «предварительно подтвердить укрепить возрожденные „Отечественные записки“ на позициях бывшего „Современника“, то есть на демократических позициях».¹

Лишенный возможности открыто изложить перед читателями программу нового журнала, Некрасов стремился соответствующим подбором материала, подбором определенного круга авторов дать необходимое представление об истинном характере возрожденных «Отечественных записок».² Г. З. Елисеев вспоминал, что в конце 1866 или в начале 1867 г. Некрасов прислал ему письмо, в котором, говоря о намерении основать новый журнал, спрашивал, не пригласить ли в него некоторых новых лиц; в их числе упоминались А. К. Толстой и Я. П. Полонский. Елисеев не советовал Некрасову этого делать: «... заявлять об их постоянном сотрудничестве в журнале значило бы дать новую окраску журнала в глазах публики».³

Все эти обстоятельства объясняют причины, по которым в конце 1867 г. Некрасов не принял стихи Полонского, предназначавшиеся для обновленных «Отечественных записок».

Судя по письму Полонского к Некрасову от 22 декабря 1867 г., сам Некрасов просил у Полонского стихи для журнала.⁴ Однако, получив их, он, видимо, был разочарован, что и высказал автору или лично, или в не дошедшем до нас письменном отзыве.⁵ Собственно, сам Полонский, посылая стихи, кажется, предполагал, что возможны какие-то затруднения в их публикации на страницах нового некрасовского журнала. Он писал, обращаясь к Некрасову: «... дорого оценю Вашу откровенность

¹ Лит. наследство. М., 1949. Т. 51—52. С. 584.

² См.: Теплинский М. В. Новые материалы о Некрасове // Рус. лит. 1961. № 2. С. 163—164.

³ Шестидесятые годы: М. А. Антонович и Г. З. Елисеев. М.; Л., 1933. С. 344—345. См. также: Евгений В. Некрасов и Елисеев в деле воссоздания «Отечественных записок» Краевского // Голос минувшего. 1916. № 2. С. 12—13.

⁴ Некрасов по неизданным материалам Пушкинского Дома. Пг., 1922. С. 275.

⁵ Можно предположить, что стихи, предложенные Некрасову, Полонский тогда же сообщил Тургеневу. Их названия перечислены в ответном письме Тургенева от 2 (14) января 1868 г.: «Вакханка и сатир», «Орел и змея», «Сон язычника». При этом весьма характерно, что Тургенев также критически отнесся к двум последним стихотворениям (см.: Т, Письма, 7, 25).

как редактора».⁶ Некрасов и отвечал ему прежде всего как редактор, причем отвечал откровенно.

Присланные Полонским стихи не соответствовали демократической направленности нового органа печати. Кроме того, приходилось учитывать еще одно обстоятельство: участие Полонского в журнале «Литературная библиотека», что придавало его литературной репутации нежелательный оттенок.⁷ Публикация же на страницах «Отечественных записок» стихов постоянного сотрудника «Литературной библиотеки», да еще таких, как, например, «Вакханка и сатир» (напечатанных вскоре в «Русском вестнике»), не могла не вызвать сомнения в принципиальности позиции Некрасова — особенно если учитывать раскол среди бывших участников «Современника» и другие обстоятельства, сопровождавшие переход «Отечественных записок» к новой редакции.

Получив стихи Полонского, Некрасов не мог не поставить в известность об их характере Г. З. Елисеева — своего единственного в то время соредатора (М. Е. Салтыкова-Щедрина тогда еще не было в Петербурге). О мнении Елисеева Некрасов также информировал Полонского. В результате Полонский решил отвечать не Некрасову, а Елисееву. Правда, в письме Полонского не названо имя адресата, но его легко установить как по содержанию, так и на основании письма Тургенева к Полонскому от 22 февраля (2 марта) 1868 г., в котором прямо упоминается Елисеев в связи с неудачной попыткой Полонского опубликовать свои стихи на страницах «Отечественных записок». Приводим текст полностью:

«Н. А. Некрасов, возвращая мне мои стихотворения, сказал мне, что они ему нравятся и что он охотно бы напечатал их, если бы мое участие в „Литературной библиотеке“ не бросало на меня тени, что для того, чтобы иметь право печататься в „Отечественных записках“, мне следует довести до сведения публики, что я отрекаюсь от всякого соучастия с г. Богушевичем — при этом Николай Алексеевич намекнул мне, что и Вы такого же мнения.

Уважаемая Ваше мнение точно так же, как и Вас, позвольте мне спросить Вас — может ли напечатание объявления в том виде, в каком я Вам его при сем посылаю, поправить дело, т. е. сможет ли это изменить Ваше обо мне мнение, ибо если я решусь его напечатать, то только ради этой цели — а *вовсе не для того, чтобы быть принятым в редакцию „Отечественных записок“*».

Я должен при этом откровенно сказать Вам, что печатать такое объявление мне бы *вовсе не хотелось* — не значит ли это публично каяться в своей неосмотрительности и недальновидности? Не значит ли это — ожидать похвалы или придавать какую-то особенную цену и особенное значение тому, что я уже больше не сотрудник „Литературной библиотеки“? Неужели такое печатное отречение нельзя будет принять за особого рода шегольство ради собственного своего прославления?

Г-ну Богушевичу я уже давно сказал, чтобы он в будущем году не считывал на мое соучастие, что он напрасно напечатал мое имя и что я ему не дам ни строчки. Это дело решено — и какая необходимость оглашать такие решения? Той части публики, которой все равно, что бы я ни писал — все равно, где я печатаю и где не печатаю; а та часть публики, которой это не все равно, давно должна знать или догадываться, что

⁶ Некрасов по неизданным материалам Пушкинского Дома. С. 275.

⁷ Журнал «Литературная библиотека» был основан Ю. М. Богушевичем в октябре 1866 г., в тот тяжелый для русской передовой журналистики период, когда уже не существовало «Современника» и «Русского слова». На первых порах Некрасов даже возлагал некоторые надежды на этот журнал (см. его письмо к А. Н. Островскому от 26 декабря 1866 г.). Однако характер издания вскоре определился: в нем обильно были представлены «антинигилистические» произведения. Имя Полонского было важно для издателя, так как придавало «Литературной библиотеке» видимость некоторой респектабельности.

между мной и направлением „Литературной библиотеки“ ничего нет и быть не может ничего общего. В „Литературной библиотеке“ я начал печатать тогда, когда в ней не было да и не предвиделось никакого политического направления — тогда как все другие петербургские журналы были под цензурой, и когда одна только „Литературная библиотека“ давала мне возможность печатать роман вроде „Признаний Чапыгина“ и стихотворения вроде „Литературный враг“. Литераторы с обеспеченным состоянием могут медлить, ждать, по целым годам не печатать ни строчки, прислушиваться куда ветер дует и вовремя распускать парус свой — не таково было мое положение — подобно всем честным людям, я никому бы не продал своих убеждений — но продать труд свой я не считал большим преступлением в такой год, в продолжение которого жена моя два раза выкинула, лежала больная по целым месяцам и я нуждался в средствах для того, чтобы лечить ее.

У меня также не доставало денег, чтобы выкупить назад у Богушевича свои произведения, — тогда как направление, данное ей «Литературной библиотеке» Стебницким, стало ясно. Все, помещенное Богушевичем в конце прошлого года, было у него в руках чуть ли не с весны, а стихотворение „Смешенье языков“, появившееся в „Литературной библиотеке“ в октябре, было куплено им в феврале месяце прошлого 1867 года.

Когда лишь я высказывал свое негодование на статью вроде „Специалисты по женской части“, Богушевич отвечал мне: „А что же вы не пишете? Найдите мне других сотрудников — я сам не рад — но что же делать? — других у меня нет . . .“.

Из этого я прямо заключаю, что г. Богушевич хитрил со мною, — что он предчувствовал, что я откажусь быть его сотрудником, и к концу года приберегал мои стихотворения.

Одним словом, я забрел в болото. Чтобы выйти из него, мне не нужно никаких усилий, — но, признаюсь, я должен насиловать свою волю для того, чтобы протрубить об этом как о каком-то геройском подвиге — и если решусь я на это, то, конечно, для того только, чтобы Вы, как человек мною уважаемый, не сочли меня к лику литературных пошляков с полицейским направлением.

Итак, ради этой *единственной цели* решите, должен ли я печатать прилагаемое при сем объявление или не должен?

Вы имеете полное право не иметь ко мне ни малейшего снисхождения. Не думаю, чтобы Николай Алексеевич имел такое же право. Захочет ли он перепечатывать свое стихотворение к г. М <уравьеву> — а я с грязных страниц „Литературной библиотеки“ могу снять и опять все напечатать без малейшего зазрения совести. Кто же из нас виноватее?!

Заканчивая письмо мое уверением, что цель его — оправдаться в Ваших глазах — без всякого намерения что-либо печатать в „Отечественных записках“. В честности их будущего направления я нисколько не сомневаюсь. Там, где Вы, там немислимо другое направление, но тот, кто и во мне сомневается, никогда не будет поставлен мною в затруднение — принять или не принять стихи мои». ⁸

Объявление о разрыве Полонского с «Литературной библиотекой» в печати неизвестно. Неизвестно также, было ли вообще послано по назначению приведенное выше письмо (оно найдено среди бумаг Полонского). ⁹

⁸ ИРЛИ, 11786. LXVIIIб. 17. Начальные строки письма были опубликованы в нашей статье «Литературная школа в журнале» (Филол. этюды: Журналистика. Ростов, 1971. Вып. 1. С. 21).

⁹ О конфликте с Некрасовым Полонский сообщил Тургеневу. Тот отвечал 22 февраля (5 марта) 1968 г.: «Штука, которую выкинул с тобою Некрасов, нимало не удивила меня: я его слишком хорошо знаю. У этого мазурика есть, между прочим, привычка — взваливать все неприятное на кого-нибудь из сотрудников. . . „Я, мол, бы рад, да вот такой-то (тебе он говорит: «Елисеев», мне говорил: «Автонович») не согла-

Значение этого письма заключается не только в том, что оно позволяет лучше и, так сказать, нагляднее представить постоянную заботу руководителей «Отечественных записок» о четкости и выдержанности литературной политики журнала. В не меньшей степени письмо важно для понимания тех трудностей, которые нередко испытывал Полонский, пытаясь определить свое место в литературной борьбе эпохи.¹⁹

НЕКРАСОВ И В. М. ЛАЗАРЕВСКИЙ

Личность В. М. Лазаревского и его отношения с Некрасовым давно уже интересуют советских литературоведов. Однако, несмотря на наличие нескольких статей, появившихся в послевоенное время,¹ нельзя все же сказать, что архив Лазаревского изучен и использован досконально. В нем содержится, в частности, неизданная записка Некрасова. Правда, ее значение невелико, но любой автограф великого поэта должен быть взят на учет. Записка эта связана с совместной охотой, которую вели Некрасов и Лазаревский осенью 1873 г. в Чудове, и написана, очевидно, в первых числах сентября: «Как располагаете, отче? С гончими, пожалуй, уже поздно». На этом же листке помещен и ответ Лазаревского: «Я работаю; готовится завтрак, через полчаса поспеет; приходите. С гончими ничего не услышишь. Едва ли я пойду сегодня, впрочем, увижу после завтрака. Вам со свежих ног советую искать вальдшнепов».²

Неопубликованные материалы из архива Лазаревского могут помочь и в решении спора о его личности. Диапазон оценок, даваемых Лазаревскому, весьма широк: его называли и «царской гадиной», и «прожорливым цензором» (В. Д. Бонч-Бруевич). В последней же по времени статье, напротив, отмечается его очевидное, искреннее возмущение «продажностью окружающего его чиновников», доброе участие и сочувствие Некрасову «в трудные минуты его литературной жизни»³ и т. д. Однако прямолинейные суждения нежелательны в любом случае. Совершенно неправильна, например, точка зрения, согласно которой разрыв Некрасова с Лазаревским в 1874 г. был вызван не просто недоразумениями по совместному

сен“. < . . . » Впрочем, я вижу — твою „Вакханку“ поместил Катков. . . » (Т, Письма, 7, 72). Опровергая эти суждения, А. Н. Пыпин писал в своих воспоминаниях: «. . . Тургенев не однажды говорит о „штуках“ Некрасова, состоящих в том, что, не принимая чью-нибудь статью в журнал, он ссылался на „сотрудников“, которые, по его словам, того не желали. Эта ссылка была, по утверждению Тургенева, только „штукой“; в действительности, эта ссылка могла быть совершенно справедлива, потому что, раз предоставивши сотрудникам участие в ведении журнала, Некрасов не мог не слышать их мнений. . . » (Н. А. Некрасов в воспоминаниях современников. М., 1971. С. 124).

¹⁹ В дальнейшем Полонский все же не хотел прерывать связи не только с Некрасовым-поэтом, но и с Некрасовым-редактором (несмотря на язвительные рецензии на произведения Полонского, которые помещал на страницах «Отечественных записок» Салтыков-Щедрин). Очевидно, и Некрасову не хотелось отталкивать Полонского, талант которого он ценил. Возможно, этими причинами объясняется появление в журнале большой поэмы Полонского «Мими» (1873. № 9, 10). Однако от помещения следующей поэмы — «Келиот» — Некрасов решительно отказался. Он прямо писал автору: «„Келиот“ особенно неудобен для „Отечественных записок“ по роду и содержанию своему» (*Капелюш Б. Н. Письмо Некрасова к Полонскому* // Рус. лит. 1968. № 2. С. 179).

¹ См.: Папковский Б. В., Макашин С. А. Некрасов и литературная политика самодержавия // Лит. наследство. М., 1946. Т. 49—50; Бонч-Бруевич В. Лазаревский — осведомитель Некрасова // Звенья. М., 1950. Кн. 8; Краснов Г. В. В. М. Лазаревский и Н. А. Некрасов: (К истории взаимоотношений) // О Некрасове. Ярославль, 1971. Вып. 3; Смирнов В. А. В. М. Лазаревский — современник Некрасова // Некрасовский сб. Л., 1980. Вып. 7.

² ЦГАЛИ, ф. 277, оп. 2, № 14, л. 106. Пользуюсь случаем, чтобы поблагодарить Б. В. Мельгунова за помощь в прочтении и атрибуции этих записок.

³ Смирнов В. А. В. М. Лазаревский — современник Некрасова. С. 139, 141.

охотничьему хозяйству, но и более существенными причинами: «Лазаревский либо уже не мог, либо не хотел больше защищать некрасовский журнал. . . Почвы для „дружбы“ больше не существовало».⁴

На самом деле Лазаревский последовательно и настойчиво выступал как адвокат журнала Некрасова — вне зависимости от того, как складывались его личные отношения с редактором. Судя по протоколам заседаний Совета Главного управления по делам печати, он неизменно придерживался относительно либеральной позиции, постоянно защищая не только «Отечественные записки», но и другие издания демократического характера, например «Дело». И происходило это не только до ссоры с Некрасовым, как об этом говорится во многих исследованиях, но и после 1874 г., когда уже не было ни совместной охоты, ни тонких обидов. И даже после смерти Некрасова Лазаревский придерживался той же позиции, которую занимал в пору близкого знакомства с поэтом.⁵

Однако его отношение собственно к Некрасову, как об этом можно судить по дневнику и различным записям, которые Лазаревский, конечно, не предназначал для печати, нельзя охарактеризовать иначе, как явно недоброжелательное. Контраст по сравнению с письмами к поэту — разительный. Так, одно из писем к Некрасову 1873 г. Лазаревский заканчивал словами: «Христос с Вами, голубчик, обнимаю Вас, дорогой, хороший мой Николай Алексеевич». А в это же самое время в заметках для себя тот же Лазаревский записывает сплетни (именно сплетни — здесь совершенно прав Г. В. Краснов⁷) не только о Некрасове, но и о его близких. Невольно на память приходит Собакевич с его характеристиками губернских чиновников. Недоброжелательное отношение к Некрасову Лазаревский переносил на его родных — сестру Анну Алексеевну и далее (почти автоматически) на гражданского мужа Буткевич — Еракова и даже на его дочерей от первого брака, хотя они-то, казалось бы, уж ни в чем перед Лазаревским не провинились. Вот запись Лазаревского 1870 г.:

«Некрасов рассказывает, что в доме его отца, значительного в свое время ярославского помещика в 1000 душ, но совершенно прогоревшего, вообще дикого человека, они, дети (их было: три брата и сестра) постоянно жили на вареном картофеле и на заячьей похлебке (отец был, между прочим, широкий охотник), но отец, как привыкший к роскоши, и в это время всегда имел для ежедневного употребления вместительную посудину разбавленного рома и кусок швейцарского сыра. < . . . »

У Некрасова два брата и сестра. Один из них — Константин — какой-то убогий, в забросе. Другой «Федор Алексеевич» видный, здоровенный человек, был лет 25 назад приказчиком у Базунова. Я особенно помню его, потому что он обыкновенно весьма подобоострастно называл меня тогда „г. сиклетарь графа Перовского“. С этим братом Некрасов дружит, насколько позволяет его эгоистичность.

Но еще больше дружит (конечно, при том же условии) с сестрою Анной Алексеевной. Последняя, состоя в замужестве за капитаном или полковником безногим, на деревяшке, Буткевичем, давно с ним разошлась и живет на содержании у Еракова, известного взяточника по железнодорожному ведомству. < . . . »

В последнее время она и три дочери Еракова примкнули к литературе. Втащила их Марья Александровна Маркович (Марко Вовчок). Работая при „Отечественных записках“, она, разумеется, не пренебрегла сим маневром, явившись издательницей журнала под эгидой Некрасова.

⁴ Папковский Б. В., Макашин С. А. Некрасов и литературная политика самодержавия. С. 506.

⁵ См.: Теплинский М. В. «Отечественные записки» (1868—1884): История журнала. Литературная критика. Южно-Сахалинск, 1966. С. 86—88.

⁶ Лит. наследство. М., 1949. Т. 51—52. С. 370.

⁷ См.: Краснов Г. В. В. М. Лазаревский и Н. А. Некрасов: (К истории взаимоотношений). С. 317.

Для старухи и детей появиться в печати при полнейшей малограмотности, конечно, лестно.⁸

Действительно, в 1869—1870 гг. руководители «Отечественных записок» хотели получить разрешение на издание газеты или журнала: Марко Вовчок должна была быть редактором. Несколько раз это не удавалось,⁹ лишь короткое время (с 1 января 1871 по май 1872 г.) она редактировала журнал под названием «Переводы лучших иностранных писателей».¹⁰ Характерно, что Лазаревский все это воспринимает с сугубо обывательской точки зрения, неожиданной для человека, связанного с миром литературы. В другой записи он вновь обращался к той же истории, утверждая, будто Некрасов «холил» Марко Вовчок «ради сближения с сестрою, которую, путем сего женского знакомства, хотел ввести в кружок литературного состава. Он свел ее <Марко Вовчок> с Звонаревым, своим субститутом,¹¹ и затеял журнал, в который на первый план вошли сестра его и дочери Бракова. . .».¹²

Не упоминая ни единым словом о Марко Вовчок как писательнице, внесшей заметный вклад и в русскую, и в украинскую литературы. Лазаревский постоянно стремится дискредитировать ее. Наряду с повторением клеветнических слухов об интимной жизни Марко Вовчок он не посчитал для себя зазорным зафиксировать и такой упрек по ее адресу: при переезде на новую квартиру, пишет Лазаревский, она взяла у него «подушки, тарелки, стулья, кастрюли, etc, etc, большей части чего не возвратила».¹³

Пристальный и даже какой-то нездоровый интерес к подробностям личной жизни писательницы не был у Лазаревского случайностью. Нечто подобное проявилось у него и по отношению к Некрасову.

Недавно было высказано мнение, что «Лазаревского волнуют и личные дела Некрасова».¹⁴ Это так, но необходимо уточнение: он интересовался такими сторонами интимной биографии Некрасова, которые порядочного человека никак не должны были бы «волновать». В тайных записках Лазаревского никак не представлены какие бы то ни было суждения поэта о литературе, общественных вопросах, цензуре, наконец. Зато старательно фиксируется все о подругах Некрасова. Особое внимание Лазаревский уделял Зинаиде Николаевне. При этом следует иметь в виду, что о будущей жене поэта Лазаревский пишет только с ее слов. Некрасов же о Зинаиде Николаевне ничего не рассказывал, что само по себе свидетельствует о том, что чувство его к ней было по-настоящему серьез-

⁸ ЦГАЛИ, ф. 277, оп. 2, № 9, л. 69.

⁹ См.: Лит. наследство. Т. 49—50. С. 518—520.

¹⁰ См.: *Брандис Е.* Марко Вовчок. М., 1968. С. 262 (Сер. «Жизнь замечательных людей»).

¹¹ Субститут (от лат. *substitutio* — подставлять, назначать взамен) — здесь: доверенное лицо.

¹² ЦГАЛИ, ф. 277, оп. 2, № 9, л. 70.

¹³ Там же, л. 70 об. Из лиц, близких Некрасову, только, пожалуй, к М. Е. Салтыкову-Щедрину Лазаревский относился с уважением. Среди записей Лазаревского о нем внимание исследователей могут привлечь сведения об истории создания одной из глав «Истории одного города»:

«Когда Шидловский, назначенный управляющим по делам печати, служил губернатором в Туле, Салтыков там же служил председателем казенной палаты. Там он написал помещенную после в „Истории одного города“ статейку „Фаршированная голова“. Он читал ее в кружке близких знакомых. Шидловский узнал и в приезд государя жаловался Шувалову. < . . . »

О Шидловском он <Салтыков> говорить любит, но всегда с пеной у рта.

— Представьте себе, ведь Шидловский даже ест, да, да, — ест — как и вы, и я, и всякий другой. . . » (там же, л. 68).

В перечне имевшихся у него материалов Лазаревский упоминал очерк «Митрофанья» из цикла «Господа ташкентцы»: «Корректирные оттиски, ненапечатанные (история забирания в крепость вследствие розысков по делу Каракозова), в первоначальном виде. В журнале „Отечественные записки“ напечатано с выпуском тех мест, которые Ф. М. Толстой заподозрил якобы прямо указующие на Шидловского» (ЦГАЛИ, ф. 277, оп. 2, № 13, л. 5 об.).

¹⁴ *Смирнов В. А.* В. М. Лазаревский — современник Некрасова. С. 144.

ным. Он сумел внушить к Зине уважение всем своим знакомым (за исключением, быть может, одного только В. М. Лазаревского). Достаточно сказать, что еще один товарищ Некрасова по охоте, генерал-адъютант, вице-адмирал, управляющий морским министерством Н. К. Краббе, в письме к Лазаревскому от 30 августа 1871 г. называет Зину «ангелом».¹⁵

Некрасов был настолько скрытным во всем, что касалось Зинаиды Николаевны, что ее подлинное имя Лазаревский узнал лишь после смерти поэта. На верстке поэмы «Дедушка» (посвященной, как известно, Зиночке) Лазаревский записал: «По смерти Некрасова оказалось, что Зинаиду Николаевну зовут Фекла Трофимовна <ошибка: Анисимовна> (дочь солдата Измайловского полка)».¹⁶

Как же совместить постоянные уверения Лазаревского в дружбе и даже любви к Некрасову (в письмах к поэту) с тем явным недоброжелательством, которое проявилось в его дневниковых записях — и не только по отношению к самому поэту, но и к ближайшему его родственному и литературному окружению? Можно предположить, что эта характерная для Лазаревского двойственность (проявлявшаяся и на служебном поприще) не только не исключает цинизма, но прямо из него исходит. В связи с этим следует привести запись, сделанную Лазаревским, очевидно, в порыве откровенности: «Я хозяин своей жизни, и, если плюю на нее, кому какое дело».¹⁷

НЕКРАСОВ И МОЛОДЕЖЬ

Популярность, которой пользовался Некрасов у демократической молодежи, неоднократно отмечалась в специальных исследованиях.¹ Можно добавить еще несколько штрихов к этой теме.

В январе 1878 г. в III Отделение поступила следующая агентурная записка:

«В настоящее время учащая молодежь особенно занята подпиской для содержащихся в следственной тюрьме. Сбор стал заметно увеличиваться с 31 декабря, т. е. со дня похорон Некрасова. Как слышал сообщающий, на похоронах была собрана громадная сумма денег, которая предназначалась для учреждения одной стипендии в каком-нибудь заведении в память усопшего, но большинством голосов было решено, чтобы эти деньги пошли на подсудимых».²

Достоверность приведенных сведений надлежит еще проверить. Что же касается некрасовской стипендии, то она все же была учреждена несколькими годами спустя сестрою поэта.

30 декабря 1881 г. в Петербургский университет была подана официальная бумага:

«Сестра покойного поэта Н. А. Некрасова Анна Алексеевна Буткевич, желая учредить в С.-Петербургском университете стипендию в память покойного брата ее, представила в университет 6000 рублей и изъявила желание, чтобы этой стипендии присвоено было название „Стипендия Николая Алексеевича Некрасова“ и чтобы ей, г-же Буткевич, предостав-

¹⁵ ЦГАЛИ, ф. 277, оп. 1, № 103.

¹⁶ ЦГАЛИ, ф. 338, оп. 2, № 6, л. 1. В архивном деле не обозначено имя лица, сделавшего запись, но почерк не оставляет сомнений в том, что автором записи был В. М. Лазаревский.

¹⁷ ЦГАЛИ, ф. 277, оп. 2, № 14, л. 101 об.

¹ См.: *Евгеньев-Максимов В. Е.* Некрасов и Петербург. Л., 1947; *Гитлиц Е. А.* Адрес Н. А. Некрасову революционного студенчества в 1877 г. // Некрасовский сб. М.; Л., 1960. Вып. 3; *Теплинский М. В.* Некрасов под жандармским надзором // Рус. лит. 1966. № 3; *Ломан О. В.* Адрес харьковских студентов Н. А. Некрасову // О Некрасове: Ст. и материалы. Ярославль, 1975. Вып. 4.

² ЦГАОР, ф. 109, оп. 1, № 1079, л. 3.

лено было пожизненное право избрания стипендиата, с соблюдением общих для назначения стипендий требований; после же своей смерти право это г-жа Буткевич предоставляет Совету университета).

Некрасовская стипендия была утверждена.³

Наконец, приведем два письма, которые также свидетельствуют о широкой популярности великого поэта и могут быть учтены при разработке темы «Некрасов и его молодые читатели».⁴

На имя А. А. Буткевич было послано следующее письмо от кружка московских студентов:

«Милостивая государыня!

Существующий в Москве кружок студентов-технологов для взаимного образования и развития имеет честь просить Вас пожертвовать кружку изданные Вами стихотворения Вашего брата, нашего незабвенного поэта, будившего своей бессмертной песней любовь к несчастному народу в сердцах русской молодежи».⁵

Гимназисты из Троицка составили примерный список литературы для чтения и представили его на просмотр Н. К. Михайловскому. Он сделал по поводу этого списка некоторые замечания и, в частности, выразил удивление, почему в нем нет собрания сочинений Некрасова, а указано только одно его стихотворение «Размышления у парадного подъезда».

31 октября 1882 г. гимназисты прислали Михайловскому новое письмо, в котором среди прочего было сказано:

«Полное собрание стихотворений Некрасова не помещено потому, что нам казалось излишним даже и указывать на него, он и так читается всеми, и наши товарищи из III и IV и нередко даже II класса знают, кто был и о чем писал Николай Алексеевич. Стихотворение „Парадный подъезд“ помещено в список с целью обратить на него особое внимание, подчеркнуть, так сказать».⁶

³ ГИАЛО, ф. 139, оп. 1, № 7014.

⁴ См.: *Прозоров В. В.* Русские читатели 1890-х годов о Н. А. Некрасове // Некрасовский сб. Калининград, 1972.

⁵ ИРЛИ, ф. 203, № 105, л. 1. Под письмом — семь подписей «членов-учредителей».

⁶ ИРЛИ, ф. 181, оп. 2, № 164, л. 1 об. Примечательно, что личностью и творчеством Некрасова интересовалась не только русская молодежь. В архиве Н. К. Михайловского хранится письмо, подписанное следующим образом: «Башкир Уфимской губернии Хадуш Селим Гирей Султан». В письме, датированном 18 февраля 1902 г., сказано: «Интеллигентная молодежь с нетерпением ожидает Вашего возражения на фельетон Боборыкина, помещенный в 29 № „Русских ведомостей“, посвященный памяти Некрасова» (ИРЛИ, ф. 181, оп. 2, № 135). ■

В. А. Кошелев

«МАТЕРИАЛЫ ДЛЯ ШЕКСНЫ»

(НЕОСУЩЕСТВЛЕННЫЙ ЗАМЫСЕЛ ОДНОЙ ИЗ ГЛАВ ПОЭМЫ
«КОМУ НА РУСИ ЖИТЬ ХОРОШО»)

Дважды в своей жизни, в 1866 и 1872 гг., Некрасов выезжал охотиться на Шексню. В переписке поэта сохранились лишь фрагментарные упоминания об этих охотах, подробно исследованные А. Ф. Тарасовым.¹ В обоих случаях охоты на Шексне были весьма удачными. Охотники отправлялись вверх по реке из имения помещика В. Н. Башилова, которое находилось на берегу Шексны в 30 верстах выше Рыбинска (для этой цели Башиловым был приобретен пароход), и заплывали, вероятно, очень далеко: в одном из писем Некрасов упоминает об этой охоте как о «поездке в другую губернию» (т. е. в Череповецкий уезд Новгородской губернии) (Н I, 11, 76).

Летом и осенью 1872 г. под впечатлением шекснинской охоты у Некрасова оформился замысел новой главы поэмы «Кому на Руси жить хорошо». Об этом замысле главы о чиновнике (под условным наименованием «Смертушка») читатели узнали еще в 1879 г.: в т. 4 собрания сочинений поэта С. И. Пономарев поместил несколько стихотворных и прозаических фрагментов, указав в объяснении, что «по смерти поэта в его бумагах найден был план еще одной задуманной им части поэмы», действие которой «происходит на Шексне в самый разгар сибирской язвы» (Н II, 5, 684). Подготовительные материалы для этой главы были обобщены К. И. Чуковским² и — в более полном виде — Т. А. Бесединой (см.: Н II, 5, 593—597, 683—686).

Среди этих материалов любопытна следующая карандашная запись Некрасова (приводим вариант прочтения, предложенный Т. А. Бесединой):

«Подготовка для сибирской язвы — голод, тогда и на людях; в В. уезде до 400 чел. Ниловцы — и в Белозерск бурлаки приходят на заработки; работы нет, *нрзб* теперь, застой судов. Ждут, мрут массаами, подождав, отпра^вляются с тифом в Архангельскую губ^{ер}нию обратно. Идут больных целые партии изнур^ительно? далеко *нрзб*, верст 400.

Весной тиф от недост^атка пищи, лихорадки при разлитии вод.

Без лекарства, для принятия мер против распр^остранения, отдельные больных. *Нрзб*. Зарывание трупов.

На барках 3—4 креста — покойники, везут до 1-го погоста.

(Вельяшева, ее муж, от них сведения о голоде.)

От укушения насекомых.

15 лошадей тянут барку» (Н II, 5, 595—596).

Запись эта во многом загадочна. А. Ф. Тарасов дал вариант комментария лишь к фразе, заключенной в скобки, — речь идет о филантропической деятельности А. Л. и О. А. Вельяшевых, которые устроили в 1868 г. в г. Пинеге Архангельской губернии даровые обеды, мастерские, лечеб-

¹ См.: Тарасов А. Ф. Некрасов в Карабихе. 2-е изд., доп. Ярославль, 1982. С. 130—136.

² См.: Некрасов Н. А. Полн. собр. соч. и писем. М., 1949. Т. 3. С. 412—414, 569—570, 646—650.

ницу и школу для крестьян, пострадавших от голода. Этот же комментарий повторен и в академическом собрании сочинений (см.: Н II, 5, 685—686). Между тем фраза о Вельяшевых, взятая в скобки, является у Некрасова лишь неким «дополнением» к какому-то другому, более страшному и впечатляющему сюжету. Попробуем дать представление об этом сюжете, пользуясь географическими реалиями, приведенными в записи Некрасова.

Ниловцы. Это богатое торговое село на берегу Шексны (ныне находится в зоне затопления Череповецкого водохранилища) располагалось в 100 верстах выше Череповца, неподалеку от водораздела и канала Александра Вюртембергского (выше села Топорня), соединявшего бассейны северных и южных рек. В 1860—1870-е гг. благодаря местоположению оно стало одним из опорных пунктов Маринской водной системы и одним из центров северного бурлачества.

Бурлачество на Шексне, мелководной, сравнительно быстрой и порожистой реке, в значительной степени отличалось от бурлачества на Волге. Провоз грузов вверх по реке (от Рыбинска до канала) требовал гораздо более значительных людских ресурсов. Летом 1866 г. выдающийся русский художник, уроженец Череповца, В. В. Верещагин, живя в селе Любеч на берегу Шексны, работал над картиной «Бурлаки» (за несколько лет до репинских «Бурлаков на Волге»). Работа эта не была завершена (осталось лишь несколько этюдов и эскизов), но на характерное отличие своей картины от репинской позже указал сам Верещагин: «В моих „Бурлаках“ каждую барку тащило не менее 200—250 человек — целые полки народа, что составляет всю суть дела. И во Франции, и в Германии, и в Египте, и в Испании тащат барки бечевою, но тысячи народа тащат их только у нас в XIX веке».³

К концу 1860-х гг. людская тяга была заменена конной (ср. в записи Некрасова: «15 лошадей тянут барку»), — это в свою очередь повлекло за собой частые эпидемии сибирской язвы, явившиеся настоящим бедствием для селений, расположенных в пришекснинской низменности. Череповецкий врач П. И. Грязнов (впоследствии доктор медицины), автор одной из первых русских монографий о медико-гигиенических условиях крестьянского быта, созданной на материалах исследований жизни крестьян Череповецкого уезда, приводит в связи с этим следующие факты: «Сибирская язва < . . . > в уезде проявляется эндемически, обуславливаясь болотными миазмами, скоплением лошадей на бичевниках Шексны и Мологи при конной тяге судов, особенно на местах мелей и порогов. < . . . > По данным комиссии, учрежденной к изысканию мер против развития сибирской язвы на Шексне в 1868 г., в 1867 г. в Череповецком и Кирилловском уездах пало до 5400 лошадей (поровну), а в 1868 г. в первом 1500, а во втором 2000. < . . . > Комиссия признала, что „источник сибирской язвы заключается в болотных испарениях и что без уничтожения болот совершенное уничтожение этой болезни навсегда останется неразрешенной загадкой“». Тут же приводятся факты смертности людей от сибирской язвы — случаи, которые врачу неоднократно приходилось наблюдать.⁴

Самым угрожаемым в отношении сибирской язвы оказался как раз район Ниловецких болот, расположенных в Череповецком и Кирилловском уездах Новгородской губернии и занимающих огромное пространство — 960 квадратных верст. П. И. Грязнов пишет: «Расположенные в низменностях с плохими стоками, засоренными валежником, болота эти застаиваются, загнивают и производят массу миазмов, делающих эту местность главным гнездом сибирской язвы и эпидемий, тем более что

³ Цит. по: Лебедев А. К. В. В. Верещагин. М., 1968. С. 13.

⁴ Грязнов П. Опыт сравнительного изучения гигиенических условий крестьянского быта и медико-топография Череповецкого уезда. СПб., 1880. С. 203—204.

здесь на Шексне существуют мели и пороги, почему для провода судов: здесь скопляется масса лошадей и людей, дающих пищу этим заразам».⁵ Ср. «застой судов» в записи Некрасова.

В письме к А. Н. Еракову (который был вместе с Некрасовым на шекснинской охоте в 1872 г.) от 25 июня 1873 г. поэт просил его прислать «материалы для Шексны» (Н I, 11, 261). С большой долей вероятности мы можем предположить, что запрашиваемые Некрасовым «материалы» — это как раз «Занятия особой комиссии, учрежденной в 1868 г. при Министерстве внутренних дел об улучшении Мариинской системы в санитарно-гигиеническом отношении», изданные для служебного пользования в небольшом количестве экземпляров. В пользу этого предположения говорит тот факт, что Ераков, бывший крупным чиновником Министерства путей сообщения, имел к этим материалам доступ. Вряд ли это могли быть какие-то «материалы о голоде» (на которые указывает А. Ф. Тарасов),⁶ — получить их Еракову было бы значительно труднее.

Таким образом, «Ниловцы» в записи Некрасова — это не просто указание «переходного» населенного пункта: Ниловцы и Ниловецкие болота оказываются основным местом действия главы «Смертушка», своеобразным эпицентром той трагедии, которая стала материалом поэтического описания. Сохранившиеся фрагменты некрасовского замысла указывают на многочисленные «пришекснинские» реалии: смерть Саврасога от эпидемии и похороны его в лесу; трупы лошадей, плывущие по реке, и обезумевшие люди, бродящие по бичевнику; особенные «сердитые» комары («до смерти заедят») — принадлежность северных болот; «разлитие вод», делающее болота непроходимыми, болотные испарения, вызывающие тиф и лихорадку, и т. д. (Н II, 5, 593—596). Намеченные Некрасовым «действующие лица» главы — «семь мужиков, сторож, ветеринарный врач, на пикете-офицер путей сообщения, посланный своим начальством для дознания о сибирской язве, и, наконец, исправник» (там же, 597) — также характерны: подобное «скопление» чиновников разных ведомств возможно было лишь в центрах очагов эпидемии, наиболее известным из которых были как раз Ниловцы. Даже указание на то, что действие происходит в бездорожном месте (в одном из отрывков описывается встреча крестьян с офицером путей сообщения, потерявшим «дорогу на Шексну», — там же, 596), более всего соответствует Ниловецким болотам.

Сам Некрасов вряд ли побывал в Ниловцах во время охот: слишком далеко вверх по Шексне селение находилось. Но тем значительнее это упоминание: географически Ниловцы действительно входили в маршрут, которым крестьяне шли на заработки и который описан Некрасовым в приведенной выше заметке.

В. уезд. Если исходить из содержания записи, уезд этот должен находиться в Архангельской губернии, — однако там уезда, название которого начиналось бы на «В», не было. Географически не подходят и соответствующие уезды близлежащих губерний — Вологодской (Вологодский, Великоустюгский, Вельский уезды), Новгородской (Валдайский), Олонецкой (Вытегорский), Костромской (Варнавинский, Велужский). Наиболее вероятным оказывается расположенный в бассейне реки Шексны Весъегонский уезд Тверской губернии, граничивший с землями Ярославской и Новгородской губерний. Путь голодных крестьян шел именно из Весъегонского уезда через Ниловцы в Белозерск.

Географические реалии записи Некрасова позволяют иначе взглянуть на попытки некоторых исследователей представить себе маршрут семи странников-правдоискателей. Эти попытки казались достаточно наивными, ибо трудно найти какие-либо географические соответствия Заплатову, Дырявину, Разутову, Знобишину, селу Кузьминскому, деревне

⁵ Там же. С. 17.

⁶ См.: Тарасов А. Ф. Некрасов в Карабихе. С. 133.

Большие Вахлаки и т. д. Но когда в «Крестьянке», работа над которой непосредственно предшествовала замыслу «Смертушки», появляется «Корежина», то это уже конкретная местность на северо-западе Костромской губернии.⁷ Затем семь странников должны были оказаться не просто на большой судоходной реке, но именно на Шексне. Путь их, как видим, «географически» очень продуман: из Корежской волости Буйского уезда, через Пошехонье, в Весьегонский уезд и оттуда на Шексну, вверх по реке, к старому Петербургскому тракту, пересекавшемуся с «чугункой басурманской» (согласно одной из записей Некрасова, крестьяне явились свидетелями «катастрофы на железной дороге» — Н II, 5, 598); наконец, странники-правдоискатели оказываются «в далеком Питере» (там же, 569). В Корежине они находятся в конце лета—начале осени, на Шексне — в середине осени, в Петербург приходят «зимой». Движение их, следовательно, оказывается мотивированным не только географически, но и хронологически.

Таким образом, замысел поэмы «Кому на Руси жить хорошо» нес в себе черты трансформации ее первоначальной, свободной от «географии», подосновы. Начавшись в условно-сказочном духе («в какой земле — угадывай»), поэма постепенно обрастала бытовыми и географическими реалиями крестьянской России. При этом оказывалось, что «Корежина» и «Вахлачина» — различные понятия, что бурлачество на Шексне и на Волге несхожи и во внешнем проявлении, и по внутреннему существу. Поэма обогащалась конкретно-топографическими деталями, характерными для разных местностей России. Дальнейшее развитие сюжета «Кому на Руси жить хорошо» (по крайней мере на том этапе его разработки, на котором писалась глава «Смертушка») явно мыслилось Некрасовым с учетом этого «географического» плана.

⁷ Об особой роли костромской топографии в поэме см.: *Тарасов А. Ф.* О местных источниках поэмы // *Истоки великой поэмы.* Ярославль. 1962. С. 33—40.

В. А. Громов

НЕКРАСОВ И ИСТОРИЯ ПУБЛИКАЦИИ РОМАНА Г. П. ДАНИЛЕВСКОГО «ДЕВЯТЫЙ ВАЛ» (1873)

В указателе неизвестных писем Некрасова, приложенном к Полному собранию сочинений и писем, под № 54 значится: «Данилевскому Г. П. До 17 сентября 1873 г. (см. п. № 808)» (Н I, 11, 445). Источником данных об этом утраченном письме является записка Некрасова к В. М. Лазаревскому от 17 сентября 1873 г., в которой сообщается: «Данилевскому я написал определенное письмо» (Н I, 11, 269). В примечании лишь отмечено, что «это письмо неизвестно» (там же), но чем оно было вызвано и чему посвящено — до сих пор оставалось неясным. Разъяснение содержится в неизданных письмах к А. С. Суворину Г. П. Данилевского, в которых последний кратко излагает содержание следующих несохранившихся эпистолярных материалов: посланного автору «Девятого вала» за границу письма от имени Некрасова (до 12 мая 1873 г.), двух писем к нему Некрасова (8 и 17 сентября 1873 г.), а также записки Некрасова к В. М. Лазаревскому (до 13 сентября 1873 г.). Все эти письма связаны с историей публикации романа Данилевского «Девятый вал».

Еще в январе 1873 г. близкая к «Русскому вестнику» газета «Русский мир» сообщила о том, что Данилевский «занят окончательной обработкой чрезвычайно интересного романа»,¹ предназначенного якобы для журнала Каткова. Позднее в той же газете было сказано и о возможности публикации этого произведения не обязательно в Москве, поскольку нет оснований безоговорочно зачислять его автора «в одну категорию с тенденциозными повествователями и романистами, с которыми Г. П. Данилевский не имеет ничего общего по духу и направлению». Он, «как писатель, связанный всем своим прошлым с преданиями лучшей литературной школы, не служил злобе дня с тем ожесточением, которое сделалось отличительной чертой деятельности многих других писателей нашего времени. Во все время, когда в нашей беллетристике *свирепствовал* столь неприятный тон крайней нетерпимости и раздражения, Г. П. Данилевский не увлекся этим тоном и оставался верен самому себе и вековечным задачам верно им понятого искусства. В этом главнейшим образом кроется разгадка того, что ни одна из образовавшихся у нас литературных партий не считает Данилевского *исключительно* „своим“, хотя и ни одна из них равным образом его не чуждается».²

К новому произведению Данилевского проявил интерес и Некрасов. Об этом свидетельствует письмо Данилевского Суворину из Парижа от 12 (24) мая 1873 г. «Виделись ли Вы вновь с Стасюлевичем? — спрашивал Данилевский. — Мои друзья теперь хлопочут о передаче романа моего Некрасову и от имени последнего мне уже прислано письмо в Париж, где говорится, что он с *распростертыми объятиями* готов принять мой роман. Если что заставит меня с ним не сойтись, то плата. Думаю, что дорожке ста рублей он не даст, а я дешевле 200 р. не отдам. Жаль, если

¹ Рус. мир. 1873. 1 янв. № 1.

² Там же. 1873. 9 сент. № 237.

рутинный либерализм Стасюлевича или скупость Салтыкова (товарища по доходам Некрасова) помешают им купить у меня роман и мне придется отдать его Каткову». ³ Посредником между Некрасовым и Данилевским стал «любый и щирый земляче» ⁴ автора «Девятого вала» В. М. Лазаревский. В неизданном письме к нему Данилевский писал 28 августа 1873 г.: «Что касается Вашего нового обращения ко мне касательно романа, то для того прежде нам надо лично свидеться и поговорить. Вопрос несколько сложный.

Над романом этим, с широкою, в высшей степени поэтической задачей, я в тишине работаю четвертый год. Зайдите ко мне, увидите, что у меня хранится около пяти редакций этого романа. Теперь мой „Девятый вал“ — является в шестой редакции. Все лишнее, случайное, временное, что казалось мне и интересным < . . . > и живнее, — слетело, как шелуха с зерна. „Вал“ мой выплывает в античной простоте . . . и, что замечательно, не только не проиграл от самозакланий, урезок, процеживаний, перестановок и постояннойковки мыслей и слога, — а, напротив, сильно выиграл. Вам, как художнику в душе и на деле («Лир» и пр.) — смело открываю завесу, скрывающую еще эту втайне лелеемую мною и медленно, кирпич за кирпичом и черта за чертой, производимую работу. Вначале — около 4 лет назад — роман этот я написал в один присест, что-то в три месяца, сплеча, как я писал прежние два романа (так и напечатанные в первом наброске): „Беглые в Новороссии“ и „Новые места“. Мысль его я успел, при жизни Писарева покойного, передать последнему при свидании с ним, которое устроил мне Благодетелю у М. А. Марко Вовчка. Наброски первые читали Никитенко и Ахшарумов. Они-то своими отзывами и заставили меня стать на иной путь работы. Четвертая редакция знакома Суворину; пятая — Полонскому. С шестой и последнею я познакомил П. М. Ковалевского. Полагаю, что теперь пора сказать машине — stop!

Но вот результат: из романа в 40 печ. листов — оказывается теперь роман (в 3 частях) только в 25 или и того менее листов. Первые две части не только кончены, но и переписаны набело, даже будут на днях переплетены. Третья находится в предыдущей редакции: то есть она тоже переписана отлично набело и даже переплетена. Но я ее не могу выпустить из рук, пока не пройду по ней с огнем и мечом.

У меня не было литературных покровителей. Тургенев под руку со мной не прошелся по литературе. Мои некоторые рассказы имели успех (особенно в «Современнике», куда Герцен посоветовал мне войти под забралом Скавронского). ⁵ Два прежние романа произвели даже сенсацию и выдержали по два издания. Но все это я считаю ничтожным для того, чтобы иметь какое-либо право на внимание ко мне критики и общества. *Седьмой год я ничего не печатаю* (кроме крошечного «Рассказа прабабушки» в «Русском вестнике»). Вот потому-то выйти теперь перед публикой

³ ЦГАЛИ, ф. 459, оп. 1, № 1154, л. 21об. Далее при ссылках на этот архивный материал листы указываются в тексте статьи.

⁴ ЦГАЛИ, ф. 277, оп. 1, № 64, л. 8. Так назвал Данилевский Лазаревского в письме к нему от 28 марта 1866 г., а письмо от 23 июня 1880 г. обращено к тому же адресату как к «доброму старому покровителю, вдохновителю и даже, в былые времена, учителю» (л. 21).

⁵ Эта фраза приведена в статье: *Свясов Е. В. Г. П. Данилевский в литературной полемике 1860-х годов // Рус. лит. 1981. № 4. С. 173. Ср. письмо Данилевского к Суворину от 30 июля 1872 г. В нем, извещая Суворина о своем новом романе — этом «любимом и заветном труде», куда, по его словам, он уходил отдыхать от корректур «Правительственного вестника», редактором которого тогда являлся, Данилевский писал: «У меня не было литературной няньки и журнального мецената, как у других. Со мной печатно не беседовал Белинский (я начал после его смерти); Тургенев не удостоил пройти со мной по журнальной арене под руку, как с Марко Вовчком; ни Добролюбов, ни Писарев (последнему я, впрочем, благодаря Благодетелю и Марко Вовчку, в ее кабинете, успел рассказать идею и фабулу «Девятого вала») не написали обо мне ни строки. . .» (л. 9—9об.)*

я хочу не иначе как с вещью, доведенной до последней степени, по моим силам, обработки.

Мне сделаны уже два предложения (если хотите, даже три). Я Вам покажу подлинные письма редакторов или их уполномоченных.

Две части, как я Вам говорю, готовы настолько, что их можно хоть сейчас отдать. Печатать, разумеется, я согласен только с января. Третью часть интересующиеся могут не только видеть, но и прочесть теперь же. Над нею нужна только, до появления первых двух, некоторая работа. И эту работу я могу кончить в месяц, т. е. к октябрю.

Но... до вручения Вам, милый земляк и коллега, моего романа — надо нам лично повидаться. Вручить недолго. Смотря по исходу нашего разговора, я могу передать Вам две (а не то и все три части) не дальше субботы, т. е. 1-го сентября. Могу их с нарочным прислать Вам в Чудово, и это нисколько меня не затруднит.

Но... надо повидаться прежде!».⁶

1 сентября Некрасов сообщил Лазаревскому в Чудовскую Луку: «Гр. Данилевский прислал на Ваше имя свой роман; рукопись я читаю, а приложенного к ней пакета запечатанного пока не дерзнул вскрыть, несмотря на Ваше разрешение. Может быть, понадобится вскрыть, дочитавши рукопись» (Н I, 11, 265). Рукою Лазаревского на оригинале письма сделана помета: «Письмо Г. П. Данилевского 28 августа 1873 г.». На обороте — текст телеграммы Лазаревского: «2 сент. ября». Утро. Некрасову. Петербург. Литейная, 32. Собака почти здорова. Ест и гуляет. Дупеля ни одного. Распечатайте.»⁷ Последнее слово относилось к пакету Данилевского с письмом к Лазаревскому от 28 августа. Оно было прочитано Некрасовым, который свое отношение к нему выразил так: «*Размазыватель ненужных слов* как будто годы, десятилетия ждал случая донять Вас письмами, так остервенело накинулся он на Вас по поводу романа!

Утешения надо искать в том, что ему, вероятно, назначено будет на том свете размазывать собственное <...> на собственной роже несколько тысячелетий, да еще в том, что Суворину и проч., вероятно, не менее достается» (Н I, 11, 266). В примечании Лазаревского к этому письму было сказано: «Дело в том, что Данилевский хотел напечатать „Девятый вал“ в „Отечественных записках“ и просил меня устроить это дело. Мы были тогда с Некрасовым в Чудово, и он опротивел нам обоим, присылая курьеров с письмами по несколько страниц — спать даже, черт, не давал уставшим от охоты.»⁸ В разрозненных карандашных записках Лазаревского о Некрасове и Данилевском это пояснение доведено до завершения переговоров, оказавшихся безрезультатными: «У меня где-то записана история о печатании в „Отечественных записках“ „Девятого вала“ — как он истязал Некрасова и меня присылкою чуть не ежедневно в Чудово курьера с длиннейшими письмами, но Некрасов отказал наотрез.»⁹

Эта версия о «неудачной попытке реакционного романиста Г. П. Данилевского проникнуть на страницы „Отечественных записок“»,¹⁰ где он «настойчиво пытался напечатать свой роман „Девятый вал“» (Н I, 11, 265), находится в противоречии с историей переговоров Данилевского с руководителем самого передового печатного органа того времени, как ее излагает автор «Девятого вала» в письме к Суворину от 21 сентября 1873 г.: «Я буду с вами откровенен насчет одного обстоятельства, тем более что оно подкрепит в глазах М<ихаила> М<атвеевича> <Стасюлевича>

⁶ ЦГАЛИ, ф. 277, оп. 1, № 64, л. 15—18.

⁷ Звенья. М., 1950. Вып. 8. С. 340; см. также: Лит. наследство. М., 1949. Т. 51—52. С. 53, 54.

⁸ Звенья. Вып. 8. С. 340.

⁹ ЦГАЛИ, ф. 277, оп. 1, № 15а, л. 4; см. также: Лит. наследство. М., 1949. Т. 53—54. С. 152.

¹⁰ Лит. наследство. Т. 53—54. С. 151.

Ваше доброе и дружеское участие ко мне, Ваши лестные отзывы о моем труде и нисколько не бросит тени на мое личное достоинство в этом деле.

Вы меня известили 7 сентября о желании М<ихаила>М<атвеевича> принять меня у себя для объяснений о романе, а 25 августа, совершенно неожиданно для меня, обратился ко мне, через моего сослуживца, члена Совета <Главного управления по делам печати> В. М. Лазаревского, Н. А. Некрасов. Из прилагаемой Вам на прочтение моей переписки с Лазаревским и Некрасовым Вы увидите следующее:

1) Лазаревский просил меня от имени Некрасова дать последнему на прочтение, на охоте в Чудово, роман. Я отдал, после свидания с Лазаревским у меня на квартире, прося продержать рукопись не далее 12—15 сент<ября>.

2) Я отдавал неохотно, ввиду не отделанной и не переписанной окончательно 3-й части.

3) Затем Некрасов 8-го сент<ября> известил меня письмом, что читает рукопись и к 15-му увидится со мной.

4) Лазаревский прислал мне 13-го сент<ября>, при своей записке, записку к нему в Чудово от Некрасова, где тот пишет, что роман им прочтен и что редакция „Отечественных> зап<исок>“ с удовольствием его напечатает, если я не потребую чрезвычайной цены.

5) Некрасов лично обратился ко мне 17-го сент<ября> с письмом, прося меня к себе и извещаю о том же, т. е. что роман мой „Отечественные> записки“ берут, если я не потребую чрезвычайной цены. Он прибавил, что у них высшая цена 100 р. с листа и эту высшую цену редакция „Отечественных> зап<исок>“ мне через него предлагает.

6) Остальное касалось в письме времени печатания. Лазаревскому я сказал, что ранее 1-й книги печатать я не согласен (хотелось еще поработать), а Некрасов думал, что я требую печати с 1-го номера.

Наконец, 17-го, третьего дня, я виделся лично с Некрасовым. Он принял меня чрезвычайно любезно, отзывался еще более лестно о моем романе — и просил его ему уступить за их высшую плату (100 р.) в силу того, что он связан условиями, не дающими ему средств платить пока более. Я ответил, что, если мне другой роман дастся более легко, я, может быть, уступлю ему с моей цены (200 р.). Мы расстались совершенно дружески, и он сам мне сказал, что от души желает, чтобы мне в другом журнале заплатили желаемое мною, — а если я вздумаю отдать ему на предлагаемых условиях — он берет охотно. Знаю от Полонского, обедавшего у него через день, что он снова жалел, что мы не сошлись, и что я на него произвел приятное впечатление. Вот суть дела. Одно он мне еще советовал: не портить впечатление <от> романа отдачей его в Москву» (л. 27—27 об.).

Глава «Отечественных записок» проницательно угадал, что в романе Данилевского заинтересован также и Катков. В письме Данилевского к Суворину от 29 ноября 1872 г. читаем: «Катков поручил <. . .> вторично просить меня о присылке романа для январской книжки „Русского вестника“, вопреки моему уклончивому пока ответу Любимову, что я еще ничего не могу сказать, когда и где помещу роман. <. . .> Мне грозит заезд ко мне Каткова <. . .> с целью непременно взять у меня этот роман» (л. 10—10 об.). Предстояло «категорически ответить» (л. 11), на что Данилевский не решился. «Я, — сообщал он Суворину 20 декабря 1872 г., — сказался во время заезда Каткова ко мне отсутствующим (прилагая его карточку) — а отдал ему визит в час, когда его не было дома. Таким образом, я постарался, как видите, сделать все возможное для выполнения Вашего желания или намерения — насчет попытки (безобидной для меня и моего достоинства) помещения романа у Стасюлевича». «Словом, — резюмировал беллетрист, — вопрос о романе (т. е. о месте его публикации. — В. Г.) остается открытым, так как я уклонился от личных переговоров с Катковым» (л. 12 об.—13).

О том же «открытом» состоянии вопроса о публикации романа говорится и в письме Данилевского к Суворину от 1 января 1873 г.: «Господа „Русского вестника“, не зная о наших переговорах (с «Вестником Европы». — В. Г.) < . . . > считают, что только и света, что в их окне. Прилагаю сегодняшнюю тираду из передовой статьи „Русского мира“. Не правда ли, в хорошее соседство меня садят?¹¹ А поневоле придется туда отдать вещь свою, в случае, если Стасюлевич не даст более 150 рублей с листа, уже получаемых мною и Достоевским у Каткова. Иначе не будет предлога оставить этих господ; да я нахожу, что плата 150 рублей за вещь, обработанную упорно и с любовью, — недостаточна» (л. 15 об.). Данилевский касается своих взаимоотношений с «Русским вестником» и в письмах к Суворину от 13 марта («. . . если роман им понравится, они не постоят и за надбавку еще к этой цене <200 р. за лист>» — л. 18 об.) и от 10 ноября («Получил письмо от Н. Ив. Соловьева из Москвы вчера, где он вновь передает мне усерднейшее приглашение Любимова в „Русский вестник“. Я вам его на днях завезу прочесть. Ох, как бы мне не хотелось отдавать роман в Москву, где дают такую плату, равно и в „Дело“, где цензура может меня очень искалечить» — л. 31—32 об.).

Недатированное письмо Данилевского к Суворину, которое, судя по его содержанию, относится ко второй половине 1873 г. (написано не ранее второй половины сентября — времени встречи с Некрасовым, и не позже второй половины ноября 1873 г. — времени окончательной договоренности со Стасюлевичем), отражает колебания Данилевского: «. . . если цены Некр<асова> и Стас<юлевича> будут равны, я не буду иметь права отдать рукопись Ст<асюлевичу>, а не Некр<асову>, ибо Некр<асов> первый вызвался и первый предложил цену, — да еще и совершенно иначе предложил: сказал, что их *высшая цена* — столько-то и эту высшую цену они мне предложили. Тут уж не каприз! . . .» (л. 285—286 об.).

Особенно любопытно в смысле уяснения позиции Некрасова в вопросе о печатании романа Данилевского письмо последнего к Суворину без даты, написанное также во второй половине 1873 г.: «Три дня назад в одном семействе я встретил Плещеева. Он удивился, что доныне дело устройства моей рукописи не кончено, и сказал, что удивляется, как Некрасов упустил такую вещь, о которой он выразился Плещееву так (буквально): „Роман Данилевского лучше всего, что явилось по этой части за пять последних лет, не исключая и произведений Тургенева. Типы все, как живые, идея — свежая, честная. Роман будет читаться сильно“.

Скрепя сердце, привожу Вам эти слова Некрасова не потому, чтобы я им верил, т. е. считал их справедливыми, я не настолько горд и самонадеян. Привожу же их вот для чего. Вместо Ст<асюлевича> не направить ли опять взоры наши на Некрасова? Не повидаетесь ли с ним и не поговорите ли? Может быть, он одумался и встретит радушно это возобновление переговоров, а равно и возвысит цену. Между прочим, Ваше мнение о тормозе Салтыкова, очевидно, верно: слова Салтыкова о полном будто бы портфеле редакции их — пуф! и никакого романа Боборыкина в 4-х томах у них нет и не предвидится. Боб<орыкин> в переписке с Плещеевым» (л. 249 об.—250).

Отзвук каких-то разговоров, а может, и споров внутри «Отечественных записок» о «Девятом вале» отчетливо слышен в письме Данилевского к Стасюлевичу, датируемом январем 1874 г.: «У Некрасова (по словам Плещеева) идут дебаты о романе, и большинство на моей стороне».¹² Речь тут шла уже, конечно, не о рукописи, а о напечатанной в январской книжке «Вестника Европы» первой части этого произведения, автор которого еще 21 ноября 1873 г. писал о нем Суворину: «С Стасюлевичем я кон-

¹¹ Данилевский был упомянут в одном ряду с Б. М. Маркевичем, В. В. Крестовским и другими постоянными авторами «Русского вестника» (см.: Рус. мир. 1873. 1 янв. № 1).

¹² Стасюлевич и его современники в их переписке. СПб., 1913. Т. 5. С. 309.

чил. Мне до того опротивела возня с этой злосчастной рукописью, а он приводил такие убедительные доводы, что я растерялся, мне совестно было возражать, и я отдал ему роман по 100 р. с листа». «Надо всем нашим братьям, для которых я так хлопотал возвысить полистную плату, — поблагодарить Вашего коллегу Буренина, который глумился так над возвышением платы со стороны Некрасова Полонскому. Это, между прочим, имело значительное влияние на торг на новые вещи — как у Некрасова, так и у Стасюлевича. Этому я имею несколько доказательств. Буренин может радоваться: мой роман пойдет теперь у Стасюлевича дешевле того, как у Каткова пишут Маркевич, Авсеенко и Нарская. Я еще от того не очень пострадаю; но для других это, я убежден, отзовется нехорошо, особенно если мой роман (выторгованный дешево только потому, что его в Москву я не мог и не должен был посылать) будет иметь успех» (л. 35—36).

Таким образом, совет Некрасова автору «Девятого вала» не портить впечатления от этого романа отдачей его в Москву хотя бы и за двойную в сравнении с «Отечественными записками» полистную плату был реализован, но, правда, отнюдь не к выгоде Данилевского.

Печатные отзывы о романе отличались от допечатных откликов на него. Об этом Данилевский с горечью писал Суворину 17 января 1874 г. «Отчего так резко разошелся с Вами в мнении о моем романе Ваш коллега Буренин? Неужели я здесь жертва его недовольства чем-нибудь посторонним, кроме романа? Мог еще ошибиться кто другой? Но вспомните письменные мне отзывы читавших с Вами рукопись Ковалевского, Полонского, Некрасова? Кроме того — читали рукопись Соловьев, а через него Иван Сергеевич Аксаков. Я имею их самые лестные отзывы на письме. Вы скажете, что это одна сторона печати, — одна церковь, после разделения наших литературных церквей. . . Но я слышал на днях отзывы и другой церкви: Лескова, Авсеенки, Ахшарумова и получил письмо от Чебышева-Дмитриева <. . .> в таких выражениях, коих не повторяю.

Откуда же такой жесткий, безапелляционный, огульный отзыв со стороны Вашего коллеги? И как мог он — повторяю, главное всего — так разойтись с Вами?

Его отзыв произвел на Стасюлевича впечатление. Меня Буренин только озадачил и поставил совершенно в тупик. А Стасюлевич начал со мною переговоры о последней части с такими стеснениями, которые совершенно невыносимы и которые я объясняю себе только впечатлением его от заметки Вашего друга, хотя он и пишет мне о ней вскользь.

Ясное дело — роман не имеет успеха ни в лагере людей, коим я горячо сочувствую, ни среди тех, кто мне чужд, — и об этом нельзя не призадуматься. „Голос“ швырнул мне упрек в либерализме; Буренин меня поставил ниже Маркевича, а Маркевич, по-французски, еще куда-то ниже меня спрятал. <. . .>

Горе обеих наших церквей, что нет у нас общего центра, каким мог бы быть сильный, твердо ставший критический талант. . .» (л. 39—40 об.).

Письмо Данилевского от 4 января 1877 г. к тому же адресату дает возможность понять, что привлекло Некрасова в романе «Девятый вал»: «. . . читая тургеневскую „Новь“, — пишет Данилевский, — я приятно изумился, увидев, что он так же симпатически отнесся к типу русского так называемого радикального юноши (даже буквально в том же тоне!), как и я, за три года до него, в „Девятом вале“, где мною впервые под таким углом зрения выведен революционер Столешников. Этого смелого шага с моей стороны никто тогда не заметил в печати, где царствовали только или грубые и цинические обличения этого типа, в повестях Лескова и Крестовского, или мастерские шаржи Достоевского, огульно подводившего этот тип под больничный скорбный ярлык „тронувшихся умом“ или „библейских свиней“. Напоминаю мою повесть собственно для Вас; мне дорого будет, если Вы *про себя* сознаете истину моего напоминания. Я твердо верил и верю, что все так называемые наши радикальные, революционные

юноши — явление честное, привлекательное; мы, кончающие свое человеческое поприще, потому и хороши, тогда только и хороши, если сами были когда-то такими же юношами. Сидевши некогда по делу Петрашевского в каземате, я прочел там в крепости „Неточку Незванову“ Достоевского и, не зная его, страстно к нему привязался. Единственно это не охладило меня к его последним произведениям. Помните ли Вы „Неточку“? Как она добыла ключ к библиотеке деспота — родича своего, прочла его книги, переродилась, нежданно для него, и предстала ему, готовая на борьбу? . .

Дивная вещь! Золотые былые годы! Докончим беседу когда-нибудь лично» (л. 59—60 об.).¹³

Некрасов по обыкновению проявил свою удивительную критическую пронзительность, обостренную чуткость к злобе дня и редакторскую оперативность, уловив поворот в русской беллетристике от «антинигилистических романов» к сочувственному изображению типа «радикального юноши». Именно «Девятый вал» способствовал восстановлению взаимоотношений Данилевского со всем прогрессивным лагерем русской литературы и с одним из главных деятелей революционной демократии, программное стихотворение которого «Поэт и гражданин» он дважды сочувственно цитировал в пятой главе «Новые птицы — новые песни» первой части своего романа. История и характер переговоров Некрасова с автором «Девятого вала» были гораздо содержательнее и сложнее, чем это казалось Лазаревскому, которому из-за начавшегося как раз тогда по его инициативе расхождения с Некрасовым далеко не все было известно. Приведенные новые данные расширяют наши представления о редакторской деятельности руководителя преобразованных «Отечественных записок» и делают понятной причину появления в альбоме Данилевского 10 декабря 1873 г. записи начала стихотворения «Влас» рукою автора.¹⁴

¹³ Частично опубликовано: Лит. наследство. М., 1973. Т. 86. С. 451—452.

¹⁴ ГПБ, ф. 326, № 274, л. 185; см. также: Михайлова А. Н. Рукописи Н. А. Некрасова: Каталог. Л., 1940. С. 11.

Р. Б. Заборова

ИЗ ПОЭМЫ «МАТЬ»

(ТЕКСТОЛОГИЧЕСКИЕ НАБЛЮДЕНИЯ)

Поэма, в которую умирающий поэт, по словам его сестры А. А. Буткевич, «вложил всю свою истерзанную душу», вышла в свет и по форме истерзанной. «Вообще из страха и нерешительности и за потерю памяти я перед операцией испортил в поэме „Мать“ много мест, заменил точками иные строки», — сознавался поэт (Н I, 12, 26), адресуя для восстановления некоторых пропусков к корректурам (см.: Н I, 2, 742). Тем важнее воспроизведение дошедших до нас предварительных текстов, раздвигающих рамки напечатанной поэмы и проясняющих процесс ее писания и печатания.

Черновые редакции и варианты к поэме опубликованы в ряде изданий.¹ Однако воспроизведены они не всегда полностью; если же и воспроизведены, то в приводимых параллелях иногда нет идентичности в показе чередования и расслоения вариантов, в прочтении отдельных слов и фраз.²

Так, в ранних набросках конца 1840—1850-х гг. по-разному во всех изданиях передано добродушное подтрунивание отца над собакой, контрастно оттеняющее жестокость обращения крепостника-самодура с женой и сыном.

С приближением к автографу этот отрывок, видимо, следует читать так:

А зачем сегодня
Ты зайца упустила? [А?] Поленилась?..
Что, поленилась?.. Нет же и кусочка?
Не будешь вперед испускать... а, не будешь...
Ну-ну... на, дура, без³

В перечисленных выше изданиях правильное прочтение «вперед испускать» (Н II, 4, 508) противостоит прочтениям: «не пускать» (Н I, 2, 530), «упускать (?)» (ПССт, 3, 435), «впредь испускать» (ПП, 202). Конечное слово, обозначенное в последнем собрании сочинений как «ешь» (Н II, 4, 508), нами читается как недописанное.

Исправим попутно неточное прочтение слов «ударившись об ель» (см.: Н II, 4, 508); следует читать: «ударившись об пеня».

В этом же автографе густо вымаранная, не прочитанная до сих пор строка, по нашему мнению, может быть прочитана следующим образом:¹

[С утра соседи тешиться].

¹ См.: Н I, 2, 529—532, 610—612, 622—623, также: 743, 795—796; Некрасов Н. А. Полн. собр. стихотворений: В 3 т. 2-е изд. Л., 1967. Т. 3. С. 433—439; также: с. 479—480 (Б-ка поэта. Большая сер.) (далее ссылки на это издание даются в тексте сокращенно: ПССт, том и страница (арабскими цифрами)); Некрасов Н. А. Последние песни / Изд. подгот. Г. В. Краснов. М., 1974. С. 201—211, также: с. 312 (Лит. памятники) (далее ссылки на это издание даются в тексте сокращенно: ПП, страница); Н II, 4, 507—517, также: 616—617.

² Мелкие отличия имеются и в подаче основного текста из-за неодинакового использования вариантов, сообщенных А. А. Буткевич, и в пунктуации заглавия.

³ ИРЛИ, ф. 203, № 14. л. 2 об.

Она была заменена известными стихами:

Лихая к утру выпала пороша.
Соседи из окрестных деревень . . .

Другое наше уточнение касается публикации чернового автографа Института русской литературы (Пушкинский Дом) АН СССР (ИРЛИ), находящегося в той же единице хранения, что и ранние наброски, о которых говорилось выше. Главка I этого автографа, начинающаяся словами: «В насмешливом и дерзком нашем веке. . .», была с мелкими изменениями напечатана в издании стихотворений Некрасова 1861 г. под названием «Начало поэмы». С этого печатного текста (а не с чернового автографа, как сказано в ПП, 312) переписчиком (по-видимому, в конце 1876—начале 1877 г., на новом этапе работы Некрасова над произведением, — см. ниже) была снята копия. В копии (и соответственно в печатном тексте 1861 г.) сравнительно с автографом отмечается разночтение: в автографе — «Я много лет среди *труда* и лени»; в копии (и в печатном тексте) — «Я много лет среди *трудо*в и лени». Пересмотрев копию, Некрасов сохраняет это сделанное на раннем этапе работы изменение, но задерживает внимание на описке копииста в стихах:

В груди кипят рыдающие звуки
И бурей наполняют грудь мою . . .

(в автографе: «В душе кипят. . .», т. е. слово «грудь» употреблено единожды) — и вносит в копию поправку, придающую стихам стремительный и действенный порыв:

В груди кипят рыдающие звуки —
Пора, пора им верить мысль мою. . .⁴

Одновременно углубляется сама идея замысла: воспевается не «погибель» матери, а ее «борьба».

Работа по углублению «мысли» произведения ярко проступает и при уточненном прочтении и расслоении вариантов главки II анализируемого чернового автографа. Набросок к ней на обороте (в пять строк) включает зачеркнутую строку, посвященную «детским мечтам» поэта:

И вызвал я родную из гробницы.
Ее осанка, поступь и черты. . .
Как в старом зданье вспугнутые птицы,
В душе проснулись детские мечты —
[Давнишние неузнанные гости], —⁵

которая в Н¹П, 4, 510 и ПП, 205 прочитана неверно.

В последующих вариантах патетика ослаблена: нет высоких слов «гробница», «осанка»; тень матери является из могилы; в последнем же варианте не упоминается и «могила».

- а. [И вызвал я родную из могилы
Передо мной печальная стоит. . .
Но отчего ж мои упали силы]
- б. [И вот она явилась из могилы
[Истомлена] Измучена, печальна, но жива. . .
И [в миг один мои упали] чувствую как погасают силы]
< >
- в. [Она подходит в саване] — ⁶

⁴ ИРЛИ, ф. 134, оп. 11, № 5а, л. 1.

⁵ ИРЛИ, ф. 203, № 14, л. 1 об.

⁶ Там же, л. 1.

намечает переделку автор, вписав за отсутствием места вариант «в.» под номером главы (отсюда заблуждение, что этот вариант — первый).

Однако вместо переделки Некрасов зачеркивает всю мистическую сцену, вызывающую смятение в герое и погружающую его в воспоминания детства.

[В ребячестве надменен и упорен], —

начал было поэт, но оборвал повествование. В ПП с этим оборванным изложением слита строфа, написанная на обороте, так же как и пятистрочие «И вызвал я родную из гробницы. . .»:

[Потом, читая Данта и Шекспира,
Я узнавал знакомые черты, —
То образы из их живого мира
В моем уме напечатлела ты. . .].

Несомненно, строфа связана и с пятистрочием, и с текстом главы II на лицевой стороне листа, но не смыкается с ними непосредственно, входя в воспоминания детства, как это видно из фрагмента поэмы «Та бледная рука, ласкавшая меня. . .», напечатанного в издании «Стихотворения» Некрасова 1869 г. с опечаткой «читала» (ср.: Н II, 4, 517) и включенного затем в главу III окончательного текста (ст. 187—203). Печатание этой строфы без интервала (см.: ПП, 205) неправомерно. В этом убеждает еще одно обстоятельство. Дело в том, что наброски в ранних набросках:

«А! . ты еще и рассуждать! .» и снова
Удар линейкой. . . —

наводят на предположение, что между стихами, описывающими явление матери, и изложением воспоминаний о ее рассказах могли находиться строки о заступничестве надменного и упорного отрока за мать (см. наброски: «Не понимал, но ты ла<ская>» (ср. иное прочтение варианта: Н II, 4, 508, сн. 1); «Лишь только раз. . .»).

Продолжение работы над оставленным в 1860-х гг. замыслом, судя по дошедшей до нас корректуре «Песни первой» («Я отроком покинул отчий дом. . .») и правленной копии «Начала поэмы», падает на декабрь 1876—январь 1877 г., т. е. на тот период, когда для поэта определилась безнадежность его состояния. Копия сделана на бумаге фирмы Lacroix frères, которая была в ходу у Некрасова и в это время (на ней написано, например, стихотворение «Есть и Руси чем гордиться. . .», относящееся к январю 1877 г.). В названных выше изданиях перекликающиеся между собой авторские указания для типографии на обеих рукописях не всегда точно воспроизведены и нигде не сопоставлены между собой. Пометы эти свидетельствуют о спешной подготовке текста для январского и февральского номеров «Отечественных записок» за 1877 г., готовившихся параллельно с книгой «Последние песни», куда также предназначалась «Мать».

Сделав указанные выше поправки в копии «Начала поэмы», Некрасов надписал:

Моя мать }	крупно
Поэма }	тоже, но не очень
Вступление }	как было набрано Песня 1-ая ⁷

В свою очередь на упомянутой корректуре «Песни первой» с надписью сверху «О. З.» Некрасов дал указание метранпажу типографии «Отечественных записок» присоединить начало с заглавием к «Песни первой»

⁷ ИРЛИ, ф. 134, оп. 11, № 5а, л. 1.

(этот титр — «Песнь первая» — относился к вступлению и не должен фигурировать «вместо заглавия», как в комментариях в Н I, 2, 743 и ПСС, 3, 480). «Начало у вас, или я свой оттиск где-то забросил. Оно выправлено», — пометил Некрасов на левом поле корректуры, начав эту помету над уровнем строки «Песнь первая». По окончательном просмотре поэт написал над текстом: «(Поместить *Вступление* и это — сводку показать мне)»; последние строфы VII—VIII он отчеркнул, отложив «до следующего» номера», и под текстом просил анонсировать: «Продолжение впрод».⁸ Но ни в январский, ни в февральский номер сводный текст не вошел, так как не удовлетворенный им автор, чувствуя, что ему не удастся завершить заветную «большую поэму», стал писать об основном — о подвиге матери, — посвятив этой теме сравнительно небольшое стихотворение «Затворница», в корректуре имеющее печатную дату «28 января».

Можно только удивляться, как, напрягая последние силы, Некрасов, забрав «Затворницу», в десять дней, с 28 января по 9 февраля 1877 г., сумел подготовить текст «большой поэмы» «Мать», творчески используя предшествующие пробы пера.

М. М. Саксонова, автор работы «Книга Н. А. Некрасова „Последние песни“», и Г. В. Краснов, подготовивший издание ПП, считают, что развитие некрасовского замысла шло от «Начала поэмы» через «Затворницу» к «Песни первой». Автор комментария в ПСС, т. 4 Б. В. Мельгунов представляет себе этот путь иначе: от «Начала поэмы» через «Песнь первую» к «Затворнице». Попытаемся дополнительно обосновать нашу точку зрения на последовательность, в которой работал Некрасов: автограф «Начала поэмы» — подготовка сводного текста «Песни первой» и правленной копии «Начала поэмы» — «Затворница» — и, наконец, окончательный текст.

Тот факт, что «Песнь первая» предшествует «Затворнице» (с набросками плана окончательной редакции), кроме помет Некрасова о срочной подготовке к печатанию в двух номерах журнала «сводки» из «Начала поэмы» и «Песни первой» подтверждается анализом содержания отрывков и анализом поступательного движения замысла в целом, полному осуществлению которого мешали и болезнь поэта, и цензурные рогатки. Так, например, вычерк строфы III в «Песни первой» (в Н I, 2 и ПП не отмеченный), который М. М. Саксонова объясняет художественными соображениями,⁹ нам кажется продиктованным цензурными предосторожностями.

Приводим уточненный по пересмотру всех публикаций текст (конец строфы II и строфа III) корректуры «Песни первой» с правкой Некрасова:

А берег [уж] спит. Знакомы[й] с этим сном,

III

Я жду иных тягучих грозных звуков.
Где шел отец — сегодня сын пройдет,
Но — благ господь, <уж>¹⁰ не увижу внуков?
Подумал я, припомнив пароход. . .]

Внуков коснется прогресс, они уже не будут бурлаками, надеялся поэт, вспоминая преобразенную стремительным пароходом Волгу:

[Еще кипит] Кипела ты — зубчатым колесом
Прорытая — дорога водяная.¹¹

⁸ Факсимиле корректуры, хранящейся в ЦГАЛИ (ф. 338, оп. 1, № 16, л. 1), см.: ПП, 203.

⁹ См.: Саксонова М. М. Книга Н. А. Некрасова «Последние песни». Ташкент, 1960. С. 91 (Тр. / Ташкент. ун-т; Т. 159, вып. 2).

¹⁰ Иное предположительное прочтение см.: ПП, 209.

¹¹ В ПП, 209 и Н II, 4, 511 эти две строки напечатаны с пропусками и неточностями.

В строфе I «Затворницы» Некрасов повторил исправленный текст, дополнительно изменив в обрисовке сада только один штрих — «угрюмой» на «прохладней». «Зеленый свод» потом превратится в «зеленую сень» в окончательной редакции, но не в строфе VI «Песни первой», как получается в III, 210 из-за случайного вклинивания в текст ст. 60—62 окончательной редакции. Желанная «зеленая сень» по воле поэта станет последним приютом матери, которая найдет упокоение не на погосте, в печальной обители смерти, но на лоне сияющей красотой природы.

Эпиграф к «Песни первой»: «Надо мной Младая тень уже летала. . .» — из стихотворения Пушкина на смерть Амалии Ризнич («Под небом голубым страны своей родной Она томилась, увядала. . .») свидетельствует, что на этом этапе работы картина явления матери мыслилась в таком же романтическом духе (в виде витающей над сыном тени), как и затем в эпилоге «Затворницы», где читаем:

Незримо ты витаешь надо мной
И мне поешь с любовью несказанной:
«То не тюрьма, а рай обетованный —
Забвение, желанное тобой».

В ходе дальнейшей творческой работы Некрасова картина эта как бы отслоилась, дав жизнь теме грез об утешительных словах матери в стихотворении «Баюшки-баю» (укажем, кстати, что бесцензурный стих «Царя — о подданных радельца» неточно напечатан среди вариантов этого стихотворения в III, 212—213 и II, 3, 382).

Строфы VII—VIII «Песни первой» о чтении письма к матери из Варшавы Некрасов, правя корректуру, отсек совсем, — видимо, потому, что в этой первой редакции письмо мельчило подвиг матери, превращая разрыв ее с родней и польским краем для новой семьи и новой, еще более несчастной родины в семейный конфликт из-за неравного брака, ущемлявшего сословную спесь ее родичей. Задавшись мыслью переделать письмо, придать общественное значение приобщению матери к судьбам страны, Некрасов отчеркнутые строфы не правил и оставил без внимания промах наборщика, обесмыслившего начало письма пропуском строки. Стих, вызвавший в II I, 2, 611 недоуменное «sic!»:

Ни мать твоя, ни сестры не пеняй, —

повис в воздухе без логического продолжения авторской мысли. Набранная вместо пропущенной заключительная строка первого четверостишия:

Ты первая красавица Варшавы —

явно принадлежит второму четверостишию (славословиям «красавице»), превратившемуся с отколом этой строки в трехстишие, и ни в коем случае не должна отделяться от второго четверостишия точкой и интервалом. Устранив неправильность слитного, без деления на строфы, воспроизведения письма в указанном издании и некоторые неточности других публикаций, текст, видимо, лучше печатать так:

Позор, позор! с армейским офицером
Бежать в чужой недружелюбный край.
Ни мать твоя, ни сестры не пеняй,
< >

Ты первая красавица Варшавы,
Родной семьи любимое дитя,
Ты, чьей руки граф К.¹⁴ искал, как славы,
Кого князь Р. посватал не шутя,

¹⁴ Ср. иное прочтение: II I, 2, 611.

Ты замужем за северным медведем,
Пиши скорей, пади к ногам отца,
Простил бы он, мы за тобой приедем,
Довольно нам терзала ты сердца.

В «Затворнице» по сравнению с предыдущими отрывками подвиг матери поднимается на новую ступень: тихий плач и гордое страдание прорываются «воплем души многострадальной», бурным проявлением внушенных и сыну чувств любви и сострадания к неизмеримо более, чем она, угнетенному народу:

Но край, где я люблю и умираю,
Тот бедный край [несчастнее] несчастней во сто крат.

Здесь необходимо подчеркнуть, что «Затворница» — этот апофеоз матери-страдалицы, ее завещанного сыну подвига противостояния деспотизму и тирании — не «черновой вариант поэмы», как определил К. И. Чуковский (Н I, 2, 795), не «сокращенная редакция поэмы» (Н II, 4, 617), не «сокращенный вариант» поэмы (ПСС, 3, 480), не ее «стихотворный конспект» (ПП, 313), а самостоятельное, композиционно цельное и высокопоэтическое стихотворение несколько иного хронологического охвата и идейного содержания, чем «Мать».

Ж. Ф. Ананьина, правильно возражая К. И. Чуковскому и В. П. Ройзману, по мнению которого «Затворница» представляет собой фрагменты будущей поэмы «Мать»,¹⁵ одним из доказательств самостоятельности и законченности стихотворения считает то обстоятельство, что «в „Затворницу“ ни одна строка из опубликованных ранее (в 1861 и 1869 гг.) отрывков поэмы „Мать“ не вошла».¹⁶ Следует добавить, что «Затворница» явилась новым этапом работы и по сравнению со сводным текстом и входящей в него «Песнью первой». Начав повествование в «Затворнице» с того, чем он хотел заключить в сводном тексте «Песнь первую», — с посещения сада, поэт разработал в новом стихотворении уже не первую, а центральную часть сюжета и его финал.

Хотя правка корректуры «Затворницы» не повлекла за собой печатание ее в февральской книжке журнала, доработка корректуры явилась решающим побудительным импульсом к осуществлению замысла «большой поэмы». Перекрестная работа над изданием книги «Последние песни», лейтмотивом которой было воспевание «претерпевших борьбу многолетнюю» и упование на грядущее торжество свободы и справедливости, побудила Некрасова к новому углублению образа матери, усилению черт гражданственности ее подвига. Не только жертвенная любовь к семье и детям, но и действенная любовь к людям, ободряющая тысячи угнетенных сердец, будут характеризовать мать в окончательном тексте поэмы.

Испытывая лихорадочный прилив сил, обрывая и не дописывая слова, поэт делает карандашом на обороте корректуры «Затворницы» заметки для дальнейшей работы. «Они написаны дрожащей рукой и почти не поддаются прочтению», — говорится в ПСС, 3, 480. Между тем эти важные для творческой истории поэмы записи настоятельно требуют расшифровки, предположительно делаемой здесь для тех мест, которые печатались в Н I, 2, 612 и Н II, 4, 516 с неточностями, пропусками слов или с неверными, с нашей точки зрения, их прочтениями:

Взял назад сы<новнюю?> свободу
Твою навек оставил за собой
Ты с п. д. помят<ия> вложила
И началась незримая глухая борьба

¹⁵ Ройзман В. П. Некоторые особенности поэмы Н. А. Некрасова «Мать» // Учен. зап. / Ленингр. пед. ин-т им. А. И. Герцена. 1957. Т. 150. С. 197.

¹⁶ Ананьина Ж. Ф. Из творческой истории поэмы Некрасова «Мать» // Н. А. Некрасов и его время: Межвуз. сб. Калининград, 1975. Вып. 1. С. 57.

Пусть жизнь твоя ничтож⟨ней⟩ кап⟨ли⟩ в море
 Влилась в их жизнь
 Ты ⟨зрела?⟩ жизнь всегда с парад⟨ной⟩ стороны
 А здесь ты с ней л⟨лицом⟩ к л⟨лицу⟩ стояла
 Смягчаться понем⟨ногу⟩
 И если я не вышел на дорогу
 С ножом в руке тебе обязан я

Как на небе ни много черных туч,
 Но если ночь еще не наступила
 Всё ж где-нибудь проглянет солнца луч
 Но уж одно, что ты им не враждебна никому.¹⁷

Неправильное раскрытие строки «Пусть жизнь твоя ничтож⟨на⟩ как ⟨всегда⟩» (вместо «Пусть жизнь твоя ничтож⟨ней⟩ кап⟨ли⟩ в море») и пропуск строк «Ты < . . . > понятия вложила»; «Но уж одно, что ты им не враждебна никому» в Н I, 2, 612 отразились на комментариях к поэме. Поскольку исчезла связь данных строк с окончательным текстом, где говорится, что сочувствие матери к подневольным — «дар беднее капли в море, Но двадцать лет! Но тысячам сердец < . . . > Границы зла открыты наконец», К. И. Чуковский во главу угла комментария положил не весь план, а не нашедшие развития строки, заявив: «„Затворница“ не удовлетворила поэта. На обороте < . . . > он начал набрасывать другую поэму о матери:

И если я не вышел на дорогу
 С ножом в руке, тебе обязан я.

Эта другая поэма была < . . . > напечатана под заглавием „Из поэмы: «Мать»“» (Н I, 2, 796).

М. М. Саксонова, опираясь на эту ущербную публикацию и цитируя искаженные строки «Пусть жизнь твоя ничтожна, как всегда, Влилась в их жизнь», пришла к еще более неверным выводам: «Их жизнь — безусловно жизнь детей, для которых она сделала так много». Как символ победы в семейной борьбе воспринят и «солнца луч», пробившийся среди «черных туч»,¹⁸ что сужает общественное значение победы матери, не только преодолевавшей деспотизм мужа и высокомерие родных, но и ободрявшей рабов и вдохновлявшей поэта на высокое служение людям.

Такого многогранного триумфа не было в «Затворнице»; он вырос из беглых набросков плана на ее обороте, и это различие является еще одним аргументом в пользу разницы между стихотворением и поэмой, в основном верно охарактеризованной авторами указанных выше исследований.

Связывая по намеченному плану трагедию матери с горем народным, Некрасов для «большой поэмы» дорабатывает «начало». Заглавие «Моя мать» заменяется обобщающим «Мать», заставляющим вспомнить стихотворение 1868 г. «Мать» («Она была исполнена печали. . .») — произведение политического звучания. Идея борьбы, но не гибели, диктует появление стихов, которые превращают пассивную страдальицу в подвиж-

¹⁷ В этом конспективном наброске достоверное раскрытие авторских сокращений, состоящих из одной или двух букв, не представляется возможным. Здесь могут быть лишь условные соображения о примерной направленности мысли автора. Исходя из данного контекста и всех автографов поэмы, а также из текстов, близких ей, — «Родина», «На Волге», «Рыцарь на час», можно предположить, что Некрасов в наброске плана имел в виду и посягательства отца на «сы⟨новню⟩?» свободу», стремление к которой он круто обрывал окриками и «линейкой», когда отрок стал «надменен и упорен», и лишение своей жены свободы «навек», и «невидимую, глухую борьбу» с ним «страдальицы безгласной», с пылкой душой, внушавшей сыну «понятия» правды и добра (не эти ли слова стоят за буквенными обозначениями «п. д.»?), и сочувствие матери, которая раньше знала (слово это, как нам кажется, можно прочесть как «зрела») жизнь лишь с «парадной стороны», крестьянам.

¹⁸ Указ. соч. С. 87.

ницу, способную дать русской женщине «урок железной воли»; гражданское значение ее подвига намеренно подчеркивается посвящением поэмы не сестре, а известной деятельнице женского движения, сотруднице «Отечественных записок» Е. О. Лихачевой. Поэт соответственно плану («Ты < . . . > понятия вложила») включает в окончательный текст и другой ранее напечатанный фрагмент «Та бледная рука, ласкавшая меня. . .» о рассказах матери из «Данта и Шекспира», в которых читатель угадывал сочувствие рассказчицы гуманистическим идеалам, идее исторического возмездия.

В новой переделке вводится в текст поэмы «Письмо», играющее большую функциональную роль в обрисовке жизненного подвига матери. По мнению М. М. Саксоновой, письмо выросло из нескольких строк «Затворницы»:

Зовет семья: «Твоей ли вынести груди
Суровый гнет неволи и зимы,
Где заодно с природой стонут люди?
Вернись скорей — давно простили мы».

Текст письма «Песни первой», по мнению исследовательницы, «еще очень близок к тому, что было в „Затворнице“, в последней же редакции «усилен социальный момент».¹⁹

Однако «Письмо» окончательной редакции, хотя и включает в себя мотив «сурового гнета неволи и зимы» из письма «Затворницы», гораздо больше по форме и содержанию напоминает письмо «Песни первой». Не нужно забывать, что корректура «Песни первой» обрывается после первых трех строф письма, и мы не знаем, как оно было продолжено, но мотив недовольства высокомерной родни унижением дочери имеет место и в «Песни», и в последней редакции. Текст и здесь и там в отличие от краткой цитации в четыре строки в «Затворнице» развернутый (с указанием даты и места написания) и делящийся на строфы.

Заключение строфы V «Затворницы» с краткой цитацией письма, замененной в окончательной редакции полным текстом, претерпело существенные изменения. Вместо беспроблемного состояния изолированности, чувства горечи от утраты старых привычных связей:

Ты гордо замолчала,
И у тебя ни друга с той поры,
Ни родины, ни брата, ни сестры. —

возникает сознательное, твердое решение избрать патриотический путь служения новой Родине:

Ты на письмо молчаньем отвечала,
Своим путем бесстрашно ты пошла.

Несколько раз меняет поэт эмоциональный настрой повествования, перекрывая под конец мрачную тональность стихов мажорной нотой.

Попытаемся детально воспроизвести эту ступенчатую творческую работу.

В тексте «Затворницы» первоначально было:

А новый край? Ты, чистая, святая,
Ты, кроткая, с мечтательным умом,
О, что кругом ты видела, родная! . . .
Я помню ночь. . . Казалось, грянул гром:
Играла ты и пела гимн печальный,
Ту песню, вопль души многострадальной,
Твой первенец наследовал потом.

¹⁹ Указ. соч. С. 91.

Варианты на полях вводят мотив подавленности, напоминающий «Родину» 1846 г.:

- а. А новый край? Ты, чистая, святая,
Ты, кроткая, с мечтательным умом,
О, что кругом ты видела, родная!
Как ты была подавлена [пылая
И ужасом, и [скорбью] гневом, и стыдом!]
- б. Как ты была подавлена!.. Как гром
Гремел рояль — и голос твой печальный
Звучал как вопль души многострадальной!²⁰

Стихи, рисовавшие мать подавленной, убитой страхом и тоской, в окончательный текст не вошли. Замышляя этот новый текст, Некрасов не доработал корректуры и при варианте «б.» остался не согласованный с ним стих основного текста «Твой первенец наследовал потом». Отслоение этого стиха от второго варианта в Н II, 4, 515 и в ПССт 3, 437 в отличие от ПП, 207 совершенно правомерно.

В окончательной редакции, изображающей мать вершительницей «скромной борьбы», верной своему семейному и гражданскому долгу героической женщиной типа русских женщин — жен декабристов, ее характеризует сила характера, бодрость и стойкость духа. Эти черты роднят ее и с образом «породистой русской крестьянки», в каком являлась муза поэту «всею чаще <...> и в каком обрисована в поэме <...> „Мороз, Красный нос“» (Н I, 12, 25). Героиня-крестьянка «всегда терпелива, ровна»; ср.:

Гремел рояль, и голос твой печальный
Звучал, как вопль души многострадальной,
Но ты была тверда и весела.

Изменена в поэме «Мать» по сравнению с «Затворницей» и общая оценка гуманной деятельности матери. В «Затворнице» «чистая, святая» страсто-терпица, мучимая палачом-мужем, оставленная детьми, выступает как жертва судьбы, «чужой беде бессильная помочь». Пережив тяжелые годы, она безвременно гибнет в беспросветной ночи, в мрачном доме-тюрьме нераскаявшегося тирана. В окончательном тексте поэмы Некрасов с могучей силой проникновения вглубь нового общественного движения высвечивает черты, связывающие подвиг матери с современной общественной борьбой, увлекшей и ее сына. Поэт акцентирует внимание не на затворничестве матери, а на ее близости к народной жизни, на ее сострадательной любви к людям, он подчеркивает ее нравственную победу, под конец увенчавшую ее борьбу с насилием и жестокостью в семье и окружающем быту. Мать изображена здесь не как бесплотный ангел «Затворницы», витающий над поэтом (к сожалению, в ПССт, 3, 438; ПП, 208; Н II, 4, 516 вместо «витаешь надо мной» напечатано «витаешь предо мной») и ниспосылающий ему «забвение» страданий и «рай обетованный»; она земная вдохновительница своего первенца на пути борьбы за идеалы добра и справедливости, которая принесла бессмертную славу его лире.

²⁰ ИРЛИ, 2408LXC, л. 1. Попутно следует заметить, что в Н II, 4, 515 исправлена опечатка ПССт, 3, 437: «гремела рознь» вместо «гремел рояль».

Р. С. Шукинская

ДОМ № 36 НА ЛИТЕЙНОМ ПРОСПЕКТЕ:
ВЛАДЕЛЬЦЫ И ОБИТАТЕЛИ

Дом № 36 на Литейном пр. построен его первым владельцем П. В. Неклюдовым в 1781—1782 гг.¹

В 1790 г. Неклюдов продал свой дом купцу Н. Н. Баскову.²

Купчую подписали П. В. Неклюдов, Н. Н. Басков; свидетели: князь П. А. Голицын, князь А. С. Мещерский, тайный советник А. А. Ржевский, камергер А. А. Нарышкин, граф А. К. Разумовский, обер-прокурор А. Н. Зубов, статский советник Л. И. Талызин, князь Н. Н. Трубецкой и др.

Купец Н. Н. Басков владел домом с 1790 г. до смерти. В 1811 г. городской землемер Кашкин получил приказ из Управы благочиния: «Вследствие прошения умершего здешнего 1 гильдии купца Баскова жены Авдотьи Басковой предписывается Вам <...> учинить двору ее <...> Литейной части в 4-м квартале под № 372 обмер либо разделение, как она пожелает <...> ноября 13 дня 1811 года».³

В архиве сохранился план двора, разделенного на три части: № 397, 398, 399. Фактически раздел был совершен на две части: № 397 — часть дома, выходящая на Преображенскую ул. (ныне ул. Короленко, д. 2/4), № 398, 399 — часть дома, выходящая на Литейную ул. (ныне Литейный пр., д. 36).

Владельцами части под № 397 стали: с 1822 г. — Е. И. Борисова, с 1844 г. — Лаврентьева, с 1846 г. — И. В. Лаврентьев, в 1850—1860 гг. — А. Досс.⁴

¹ Впервые на это указал А. Н. Петров (см. его неопубликованную рукопись (машинопись) «Исторические сведения о доме № 36 по Литейному проспекту» (1972), хранящуюся в музее Н. А. Некрасова). П. В. Неклюдов (1745—1786) — председатель С.-Петербургской палаты гражданского и уголовного суда (1784—1786), с 1786 г. — обер-прокурор Сената, приятель Г. Р. Державина, служивший с ним в молодости в Преображенском полку. В 1782 г. Державин, живя в доме Неклюдова, написал знаменитую «Фелицу» (см.: *Державин Г. Р. Соч. / С объяснит. примеч. Я. Грота.* СПб., 1880. Т. 8. С. 296).

² О постройке и продаже дома говорит «Книга записей крепостей на дворы и лавки за 1790 г.: «Лета тысяча семсот девяностого ноября в четвертый на десят день правительствующего Сената обер-прокурор и ордена святого Владимира кавалер Петр Васильев сын Неклюдов, в роде своем не последний, продал я санктпетербургскому первой гильдии купцу Никите Никитину сыну Баскову каменный свой дом, выстроенный мною на доставшемся мне в тысяча семсот семьдесят девятом марта в первый на десят коллежского асессора Степана Васильева сына Капустина от жены Анны Ануфриевой дочери по купчей крепости <...> на Литейной улице, идучи от Литейного двора на левой стороне под номером тысяча пятьсот вторым на десят, в межах по сторону двор санктпетербургского купца Михайлы Полуектова, а по другую проезжий переулоч <...> за которой мой каменный дом со всем имеющимся в нем строением взял я, Неклюдов, у него, Баскова, денег сорок тысяч рублей» (ЛГИА, ф. 757, оп. 1, № 1010).

³ ЛГИА, ф. 841, оп. 1, № 3, л. 117.

⁴ См.: *Аллер С. Указатель жилищ и зданий в Санкт-Петербурге...* СПб., 1822; *Нистрем К. 1)* Адрес-календарь санктпетербургских жителей. СПб., 1844; *2)* Оценочная табель домов Литейной части за 1846 г. (ЛГИА, ф. 513, оп. 163, № 249); *Цылов Н. 1)* Атлас 13-ти частей Петербурга. СПб., 1849. Т. 1—2; *2)* Описание улиц С.-Петербурга... СПб., 1862.

В Ленинградском государственном историческом архиве (ЛГИА) хранится план двора и чертеж лицевого фасада этого дома, датируемый 1857 г. (со стороны Бассейной ул.), где указано имя владельца: «мекленбургский подданный Адольф Досс».⁵ План был сделан в связи с установкой железного зонтика на чугунных колонках у центрального подъезда.

Этот же дом Досса изображен на акварельном рисунке в альбоме Ф. Баганца (1858—1860). До сих пор во всех публикациях этот рисунок назван: «Дом А. А. Краевского на углу Литейного проспекта и Бассейной улицы»,⁶ несмотря на то что над рисунком есть надпись: «Бассейная улица — дом Досса». Дом А. А. Краевского на рисунке изображен левее, он в лесах (купив дом, Краевский перестраивал и надстраивал его со стороны Бассейной ул.); под ним, внизу альбомного листа, надпись: «Литейная — дом Краевского».

С. А. Рейсер пишет, что дом № 36 на Литейном пр. «современники называют < . . . > домом Гассе или Доссе»,⁷ то же повторяет О. В. Ломан в путеводителях по Музею-квартире Н. А. Некрасова издания 1950—1970-х гг. Теперь ясно, что А. Досс был владельцем дома на углу Бассейной ул. (ныне ул. Некрасова) и Басковой ул. (ныне ул. Короленко), а И. И. Гассе был хозяином дома на углу Литейной ул. и Бассейной ул., прежде № 398, 399 (ныне № 36 по Литейному пр.).⁸

В предписании на имя землемера Кашкина от 20 июня 1831 г. читаем: «Вследствие указа 2-го департамента гражданского суда от 16-го сего июня № 3906 Управа благочиния предписывает Вам двору статского советника Ивана Ивановича сына Гассе, состоящему в 4-м квартале Литейной части под № 398—399, учинить обмер и о последующем доложить».⁹ Обычно измерение дворов производилось перед их продажей. В 1832 г. дом Гассе стал принадлежать барону генерал-майору К. А. Шлиппенбаху. Фамилия Шлиппенбаха указана на чертежах фасада этого дома 1832 г. с подписью архитектора Болотова.¹⁰

До сих пор фамилия Шлиппенбаха называлась в работах о петербургских адресах Некрасова без инициалов (см. работы С. А. Рейсера и О. В. Ломан). Сравнивая данные адрес-календарей Петербурга¹¹ о бароне Константине Антоновиче Шлиппенбахе с рассказами современников М. Ю. Лермонтова о начальнике Школы гвардейских подпрапорщиков — К. А. Шлиппенбахе, можно заключить, что это одно и то же лицо. С 1831 г. генерал-майор К. А. Шлиппенбах (1796—1859) — начальник Школы гвардейских подпрапорщиков и кавалерийских юнкеров, в 1840-е гг. — директор 1-го Кадетского корпуса, в 1850-е гг. — член Совета Главного управления военно-учебных заведений. Он был знаком с Е. А. Арсеневой, бабушкой Лермонтова, бывал в ее квартире (б. дом кв. Шаховского, ныне: Садовая ул., № 61). Домом на Литейном пр. Шлиппенбах владел до 1845 г. Продав дом на Литейном, он жил на квартирах; умер в чине генерал-лейтенанта в Петербурге в 1859 г.

О том, что дом на Литейном принадлежал Шлиппенбаху до 1845 г., говорит записка А. А. Краевского к В. Ф. Одоевскому, датированная 24 октября,¹² где находим такой адрес: «На углу Литейной и 9-ой роты, в доме *Норова*». Фамилия Норова подчеркнута Краевским, — видимо, потому, что дом недавно поменял владельца. Правда, Краевский не указал

⁵ ЛГИА, ф. 513, оп. 102, № 3938.

⁶ См. например: Лит. наследство. М., 1946. Т. 49—50. С. 317.

⁷ Рейсер С. А. Революционные демократы в Петербурге. Л., 1957. С. 62.

⁸ См.: Аллер С. Указатель жилищ и зданий в С.-Петербурге. . . ; ЛГИА, ф. 841, оп. 1, № 79.

⁹ ЛГИА, ф. 841, оп. 1, № 79, л. 1.

¹⁰ ЛГИА, ф. 513, оп. 102, № 4220, л. 49—52.

¹¹ См.: *Нистрем К.* Адрес-календарь санктпетербургских жителей. СПб., 1844; *Весь Петербург в кармане.* СПб., 1846; [*Матвеев В. М.*] Путеводитель 60 000 адресов С.-Петербурга. СПб., 1854.

¹² ГПБ, ф. 539, оп. 2, № 641, л. 28—29.

года, но установить его нетрудно: записка, очевидно, датируется 1845 г.,¹³ так как в октябре 1846 г. Одоевский жил уже в квартире дома Румянцевского музея на Английской набережной (ныне наб. Красного флота, д. 44 — Музей истории Ленинграда).¹⁴

В «Оценочной табели домов Литейной части за 1846 г.» о доме № 36 по Литейному пр. (тогда № 398 и 399) читаем: «Дом тайного советника Норова, каменный, 3-этажный, на дворе 3 каменные 2-этажные флигеля и деревянные службы».¹⁵

Тайный советник П. Д. Норов владел домом до 1857 г.; некоторое время хозяйкой его была его дочь. Так, И. И. Панаев пишет В. П. Боткину 16 октября 1857 г.: «Осень в Петербурге отличная и теплая. Новой квартирой своей (на углу Бассейной и Литейной в доме г-жи Норовой) я очень доволен. У меня гостиная, кабинет и спальня. Уютно и хорошо. Тургеневский Грѣз висит у меня в гостиной. . .».¹⁶

В письме к М. Н. Лонгинову 10 октября 1857 г. И. И. Панаев пишет: «Мой новый адрес таков: „На Литейной, в доме дочери тайного советника П. Д. Норова, на углу 9-ой роты“. Я думаю, что дом тебе знаком коротко, ибо ты сто раз в день проезжал мимо него». В другом письме (5 сентября, б. г.) И. И. Панаев сообщает М. Н. Лонгинову о своем адресе так: «Живу я: на углу Бассейной и Литейной, № 38, дом бывший Норова, ныне Андрея Краевского, и редакция „Современника“ стена с стеной с редакцией» „Отечественных записок“». Недурно?!¹⁷

В «С.-Петербургских сенатских объявлениях» за 1859 г. (№ 40) обнаружена запись о совершении крепостного акта: «1858 год мая 21-го совершена купчая на проданный женою барона Софиею Петровою Люцероди статскому советнику Андрею Александровичу Краевскому дом, состоящий в С.-Петербургской части 4 квартала под №№ по табели 1822 года 398 и 399 и 1846 — 458, за 80 000 р. сер.». Отчество жены барона Софьи Люцероди — Петровна убеждает, что она — дочь Петра Дмитриевича Норова; выйдя замуж за барона Люцероди, она, очевидно, получила в приданое дом, который затем и продала.

Все изложенное выше позволяет сделать вывод, что дом этот не был куплен А. А. Краевским в 1841 г. и что с 1840-х гг. в нем не могла находиться редакция «Отечественных записок», как это считалось до сих пор. Ошибка эта восходит к воспоминаниям Ю. Арнольда: «В 1841 году Краевский купил дом на Литейной, против Департамента уделов, на углу Бассейной улицы: там же поместилась тогда и редакция „Отечественных записок“».¹⁸

После смерти Краевского в 1889 г. хозяйкой дома стала его дочь Ольга Андреевна, жена историка В. А. Бильбасова (1837—1904). Она была последней владелицей дома до Великой Октябрьской революции. По хода-

¹³ Отметим попутно любопытную деталь: в 1845 г. на Литейном у Одоевского бывал Некрасов. Он готовил тогда к печати «Петербургский сборник» и получил для него у писателя рассказ «Мартингал».

¹⁴ 22 сентября 1846 г. Краевский поздравляет Одоевского с переездом: «Поздравляю с переездом. Желал бы послать Вам, как стражу теперь *благого просвещения*, христианское учение, но такового не получаю уже года четыре, вместо его пришло лучше крендель на новоселье. . .» (ГПБ, ф. 539, оп. 11, № 644, № 37). В доме на Литейном Одоевский жил с 1842 г. (см. письмо Одоевского к Краевскому от 29 июня 1842 г. из Берлина с таким адресом: «Его высокоблагородию Андрею Александровичу Краевскому. Спросить на Литейном в доме Шлиппенбаха, на квартире князя Одоевского, у живущего в оной чиновника Бабина» — ГПБ, ф. 391, № 588, л. 1—2). Ошибочные сведения на этот счет дают Ю. Арнольд в «Воспоминаниях» (М., 1892. Вып. 2. С. 222) и А. Серяков в рассказе о своей жизни (Рус. старина. 1875. № 10. С. 344—345). Указанием на последний источник мы обязаны В. М. Глинке.

¹⁵ ЛГИА, ф. 513, оп. 168, № 249.

¹⁶ Тургенев и круг «Современника». М.; Л., 1930. С. 430.

¹⁷ Сборник Пушкинского дома на 1923 год. Пг., 1922. С. 226—227. Н.В. Яковлев, публикуя оба письма, датировал второе 1857 г., но написано оно, по нашему мнению, не ранее 1858 г.

¹⁸ Арнольд Ю. Воспоминания. Вып. 2. С. 203.

тайству О. А. Краевской-Бильбасовой¹⁹ в 1905 г. на доме была укреплена белая мраморная доска с надписью «Николай Алексеевич Некрасов жил 20 лет в этом доме и скончался 27 декабря 1877 года».

¹⁹ ЛГИА, ф. 792, оп. 1, № 9244. В доме № 36 по Литейному пр. жили кроме уже названных выше Г. Р. Державина, В. Ф. Одоевского и А. А. Краевского (на квартире которого происходили совещания Пушкинской комиссии — см. письмо И. А. Гончарова к А. А. Краевскому от 5 января 1887 г., хранящееся в ГПБ, ф. 73, № 1177) известные деятели науки, литературы и искусства: Н. Н. Пирогов, И. И. (1857—1862) и А. Я. (1857—1864) Панаевы, Н. А. Добролюбов (1858—1859), В. Р. Зотов (1863—1896), хранивший у себя архив «Народной воли» (см.: *Морозов Н. А. Повесть моей жизни*. М., 1961. Т. 2. С. 679), Г. И. Успенский (1867), П. Н. Яблочков (1878) и Н. Н. Фигнер (1897—1905).

А. М. Гаркави

МОИ ВСТРЕЧИ С К. И. ЧУКОВСКИМ

«Не хотите ли месяц прожить со мной в Переделкине под Москвой? . Я болен, а между тем у меня есть срочная работа, которую мы сделали бы вместе. . . Двинули бы в производство двенадцатый том. . . Не знаю, как Вы, а я очень, очень люблю апрель в подмосковной. Право, приезжайте».

Так писал мне Корней Иванович весной 1951 г. Речь шла о последнем, двенадцатом томе некрасовского «Полного собрания сочинений и писем», выходявшего тогда в Гослитиздате.

Я жил в Ленинграде. Защитил в университете кандидатскую диссертацию о Некрасове и сразу же собрался в дорогу.

С трудом втащил я довольно увесистый чемодан на шестой этаж того дома по улице Горького, где находилась квартира Чуковского (лифт почему-то не работал). Едва я переступил порог, как навстречу мне бросился Корней Иванович. Он уже успел поправиться и был в хорошей форме. Узнав, что я привез диссертацию, он радостно схватил чемодан и, слегка подкидывая его, с подчеркнутой торжественностью зашагал по квартире.

В этой московской квартире он меня и поселил: ближе к Ленинской библиотеке, к архивам.

Работоспособность Корнея Ивановича была, при его возрасте, изумительна. Правда, он рано ложился спать, но зато вставал до рассвета и, видимо, сразу садился к письменному столу. Ежедневно в восьмом часу утра, заслышав движение в моей маленькой комнате, приходил ко мне — и мы вместе разбирали сделанное мною за предыдущий день. Надо было «перекорректировать» (как говорил Корней Иванович), свести воедино, дополнить, кое-где прокомментировать все многообразные материалы двенадцатого тома, собранные не только мной, но и другими составителями: деловые бумаги Некрасова, его заметки, цензурные документы, поправки и дополнения ко всему изданию. Работа шла дружно. Корней Иванович при мне своим стремительным почерком, похожим на почерк самого Некрасова, вносил исправления в мою работу — и как бы чудом из моих тяжеловесных фраз возникали изящные, лаконичные, чеканные формулировки.

В ту пору он работал над несколькими книгами сразу, писал статьи для газет и т. д., но больше всего, мне кажется, увлекал его Некрасов.

Вообще говоря, Корней Иванович не любил, особенно среди незнакомых, говорить о своих научных заслугах. Помню, — это было позже, в 1952 г., на Всесоюзной Некрасовской конференции в Ленинграде, — во время перерыва между заседаниями к нему подошла группа молодых девушек и попросила его рассказать о его последних некрасоведческих трудах. А Корней Иванович, сидя в кресле, озорно ответил им: «Да что вы, я совсем не тот Чуковский, который занимается Некрасовым. Я пишу только сказки для детей». И с победным возгласом «Он рычит, и кричит, и усами шевелит» начал как-то особенно весело двигать руками и ногами.

Однако он был и крупнейшим литературоведом. И особое место в его разносторонней литературной работе занимало изучение Некрасова.

Этому делу он отдал более полувека. Он был бессменным редактором советских изданий великого поэта, которые, как небо от земли отличаясь от искаленных цензурой, неполных, плохо выверенных дореволюционных изданий, принадлежат к бесспорным достижениям нашей текстологии. Еще о первом советском однотомнике Некрасова, вышедшем под редакцией Чуковского в 1920 г., В. И. Ленин, по свидетельству М. Горького, сказал: «хорошая, толковая работа».¹ Широко известны и труды Чуковского о Некрасове, прежде всего его великолепная книга «Мастерство Некрасова», удостоенная Ленинской премии 1962 г. и выдержавшая уже шесть изданий, — завидный удел для литературоведческого труда!

Наиболее значительным своим вкладом в некрасововедение сам Корней Иванович считал подготовку новых собраний сочинений Некрасова, в которых так ярко выступил подлинный облик поэта революционной демократии. Он вносил важные поправки в тексты Некрасова, неустанно совершенствовал свои комментарии, не жалея ни сил, ни времени. Это была поистине титаническая работа, растянувшаяся на многие десятилетия. В марте 1951 г., взволнованный несправедливыми нападками какого-то начинающего литературоведа на новые издания Некрасова, Корней Иванович писал мне: «Если Вы возьмете дореволюционные издания Некрасова (вплоть до 1917 г.) и сравните их хотя бы с моим однотомником 1927 года, Вы увидите, какая между ними колоссальная разница. Тем больше эта разница между дореволюционными изданиями и нынешним двенадцатитомником. Не забудьте, что многие тексты мне приходилось добывать самому, разыскивать их в частных архивах; что в деле писания комментариев у меня не было предшественников (если не считать эпизодического Пономарева); что я был вынужден устанавливать десятки дат, десятки канонических текстов, попутно освобождая их от цензурных искажений. Конечно, нельзя забывать непревзойденных заслуг Владислава Евгеньевича в деле создания предпосылок для научного освоения поэзии Некрасова, но, кроме него, не было ни одного человека, который шел бы со мною по той же дороге. . . Я занимался и другими делами: написал цикл детских сказок («Мойдодыр», «Крокодил»), книги „От двух до пяти“, „Искусство перевода“ и т. д., но в центре моих работ всегда находился Некрасов. Помню, что над одним только комментарием к „Современникам“ я работал около полугода, расшифровывая все упомянутые там имена, характеризуя эпоху и т. д. Всюду я шел по целине, и такие примечания, как к „Кому на Руси. . .“, к „Современникам“, имеют характер спрессованных диссертаций, или вспомните мой комментарий к „Каменному сердцу“ и т. д., и т. д., и т. д. Так как я высоко ценю прозрачность стиля, ясность языка, я каждую страницу переписывал по нескольку раз. Словом, здесь ухлопана уйма работы. . . Для людей завоевана целая обширная область нового знания. . .».

В. Е. Евгеньев-Максимов наряду с К. И. Чуковским был одним из зачинателей советского некрасововедения. В некоторых научных вопросах К. И. Чуковский расходился с В. Е. Евгеньевым-Максимовым, однако высоко ценил его заслуги. «Очень потрясла меня смерть Владислава Евгеньевича. . .», — писал мне Корней Иванович в январе 1955 г. — Он неоспоримо новатор, он первый поставил изучение Некрасова (и вообще 60-х годов) на научные рельсы, и его статьи о Некрасове и Боткине, Некрасове и Льве Толстом, Некрасове и Добролюбове часто бывали прервосходны.

В некоторых письмах Корней Иванович упоминает о своей работе по редактированию трехтомного издания Некрасова, которое вышло в библиотеке «Огонька» (изд. «Правда») в 1954 г. В октябре 1953 г. он писал мне, что уже подготовил это издание: «Решив сделать этот трехтомник лучшим изданием Некрасова, я внес в него несколько десятков существен-

¹ Горький М. Письмо в редакцию // Правда. 1928. 14 марта.

ных исправлений». О том, насколько он на первых порах был доволен этим изданием, свидетельствует его заявление в письме от января 1955 г.: «. . . я лично оторвался от Некрасова — и, думаю, навсегда. Изданием огоньковского трехтомника я поставил точку своим некрасововедческим работам. Хочется писать — сказки в стихах, мемуары, книгу о Чехове, хотя вряд ли удастся осуществить этот план».

Он создавал и сказки в стихах, и книгу о Чехове, и мемуары, — но от некрасововедческой работы ему не было суждено отойти до самого конца жизни.

В апреле 1963 г. он написал мне, что в издательстве «Художественная литература» запланировано новое собрание сочинений Некрасова — в восьми томах, из которых три будут отведены стихам (издание вышло в 1965—1967 гг.). Приглашая меня принять участие в работе над этим изданием, он особо подчеркивал, что необходимо учесть опыт «огоньковского» трехтомника. Впрочем, по ходу дела многое было изменено, в частности порядок расположения стихотворений. В «огоньковском» издании стихи Некрасова разделены на две части: основной свод (куда вошли выдающиеся произведения поэта) и приложения (некоторые из второстепенных стихотворений). Первоначально предполагали так же сделать и в восьмитомнике. По этому поводу много совещались в Переделкине (куда я приезжал летом 1963 г.). В конце концов решено было дать единый свод всех стихотворений поэта, обладающих художественной завершенностью и представляющих непосредственный интерес для современного читателя, и расположить их в хронологической последовательности. В этот общий свод вошло несколько стихотворений, которые сам Некрасов, будучи исключительно взыскательным художником слова, браковал или печатал лишь в приложениях («Говоруи», «Чиновник», «Слезы и нервы» и др.). О стихотворении «В неведомой глуши, в деревне полудикой. . .» Корней Иванович сказал, что поместить его в приложениях (как распорядился Некрасов) — это все равно, что вырвать у человека здоровый зуб. А о стихотворении «Слезы и нервы» он писал (в октябре 1963 г.): «„Слезы и нервы“ я перенес в приложение (в «огоньковском» издании. — А. Г.), но это стихотворение так прекрасно написано, художественная его техника стоит на такой высоте, что не лучше ли ввести его в основной текст? Жалко прятать его на задворках».

В то же время Корней Иванович очень решительно объявлял некоторые стихотворения Некрасова неудачными, — даже и такие, которые сам автор не браковал. Слабым считал он, например, стихотворение «Детство» («В первые годы младенчества. . .», 1873). Он говорил: «Здесь у поэта не хватило дыхания: Ра — ра — ра, ра — ра — ра, ра — ра — ра, — потому-то стихотворение и осталось неоконченным. И ничего нового, захлебнулся». Очевидно, ему не нравилась однообразная фактура стиха в «Детстве» — трехстопный белый дактиль с одними лишь дактилическими окончаниями. В сентябре 1963 г. он писал мне: «Если нужно исключать второстепенные неудачные вещи Некрасова, раньше всех нужно исключить „Детство“. . . Хотя в нем есть несколько живописных подробностей». Вот почему «Детство» не вошло в восьмитомник.

Должен признаться, что такое дифференцированное отношение Корнея Ивановича к текстам Некрасова меня сперва озадачивало, казалось субъективным. Но потом я понял, что оно основано и на замечательном эстетическом чутье писателя, поэта, волшебника слова, каким был Чуковский, и на его многолетнем редакторском опыте. Ведь недаром подготовленные им издания избранных произведений Некрасова получили такой теплый прием у читателей.

В разговорах он давал оценки и некрасовским шедеврам. Помню, он говорил о поэмах Некрасова: «Лучшие из них — „Саша“ и „Мороз, Красный нос“. Они написаны на едином дыхании и потому так поражают. В „Кому на Руси“ сильнее всего первая часть. „Крестьянка“ перегружена

фольклорными материалами. „Пир на весь мир“ — гениальная вещь, но в нем слышатся предсмертные хрипы Некрасова».

Перечитываю письма Корнея Ивановича с отзывами о разысканной мною некрасовской «Сказке о добром царе, злом воеводе и добром крестьянине». Опубликовав отрывок этой некрасовской сказки в газете «Калининградская правда» (1956, 11 марта), я послал Корнею Ивановичу газетную вырезку — и сразу получил от него взволнованное письмо: «От души поздравляю с великолепной находкой. С нетерпением жду полного текста». Письмо, как говорится, окрылило меня. И я был несколько огорчен, когда в следующем письме (также в марте 1956 г.) Корней Иванович дал полному тексту сказки уже весьма сдержанную оценку: «Спасибо за полный текст „Сказки“. Признаться, что тот отрывок, который напечатан в „Калининградской правде“, мне больше понравился. В целом вся сказка лишена главных достоинств Некрасова: она не лаконична и не вдохновенна. В ней нет некрасовского взлета, в котором была вся его сила. Фактура чуть-чуть дрябловата. И нет мускулатуры. Такую сказку мог написать и Курочкин (т. е. В. С. Курочкин — известный поэт некрасовской школы. — А. Г.). < . . . > Нельзя не почувствовать, что это писал больной Некрасов». Сначала, повторяю, эта суровая оценка меня несколько огорчила. Но я знаю, что художественный вкус Корнея Ивановича в таких случаях был непогрешимым, и понимаю, что его слова были совершенно справедливыми.

Возвращаясь к вопросу об изданиях Некрасова, хочу привести суждение К. И. Чуковского о расположении частей поэмы «Кому на Руси жить хорошо». Споры вокруг этого вопроса, как мне кажется, сейчас уже зашли в тупик, а между тем порядок расположения частей некрасовского шедевра в новых изданиях разный (несмотря на то что основные издания вышли под редакцией одного и того же К. И. Чуковского). Очевидно, Корней Иванович колебался, взвешивая все доводы за и против. Тем больший интерес представляют его слова в письме от декабря 1960 г.: «Я мечтаю о строго научном издании, где, напр<имер>, части „Кому на Руси жить хорошо“ не были бы искусственно перетасованы, а были бы даны в порядке их написания, без всяких притязаний на то, чтобы фрагменты ощущались как нечто монолитное».

В моей переписке с Корнеем Ивановичем вставал и вопрос об адресатах некрасовских стихов. В частности, речь зашла о стихотворении «Еще скончался честный человек. . .» (1855), которое долго рассматривалось как поэтический некролог Т. Н. Грановского, — на том основании, что отдельные строки стихотворения Некрасов использовал при характеристике Грановского в позднейшей лирической комедии «Медвежья охота» (1867). Но, как мне удалось доказать в одной из статей, стихотворение это не могло быть откликом на смерть Грановского, ибо было написано весной 1855 г., т. е. еще при жизни Грановского (он умер в октябре 1855 г.). Должно быть, я изложил свои соображения не вполне вразумительно: Корней Иванович обратился ко мне за разъяснением. Он писал (в феврале 1952 г.): «Я вчитался в стих<отворение> „Еще скончался честный человек. . .“, и мне опять показалось, что оно, может быть, связано со смертью Грановского. Ведь оно написано *по поводу* какой-то смерти, и все его строки, начиная с седьмой, есть общее рассуждение о *разных* смертях той эпохи, не имеющее отношения к данному конкретному покойнику; ни „разгул“, ни „злодейство“ не относятся к тому, о ком говорится в первой строке; вся тема стихотворения: на Руси появились страдальцы, далекие от „личного горя“, жаждущие благородного дела и принужденные проводить свой век в бездействии. Ведь и в „Медвежьей охоте“ есть такие же рассуждения *по поводу* смерти Грановского, — о невольной праздности». Это письмо Корнея Ивановича представляется мне классическим разбором одного из программных незаслуженно забытых стихотворений Некрасова: стихи были посвящены важной для 1850-х гг. проблеме «лишнего человека» и содержали такое верное и меткое описание «лишних людей», что Некрасов через много

лет перенес его в «Медвежью охоту». Прав Корней Иванович и в том, что стихи написаны по определенному поводу. Позже была высказана вполне убедительная догадка, что они были откликом на смерть сотрудника «Современника» Н. Г. Фролова.²

Корней Иванович всегда очень волновался, если в какое-нибудь издание Некрасова вкрадывалась хоть небольшая ошибка. Это и понятно: ведь речь шла о текстах великого поэта и о комментариях, целью которых было разъяснить эти тексты, сделать их более понятными и более близкими для целых миллионов читателей. Поэтому изданиям Некрасова он, как уже говорилось, придавал особое значение. К своим же собственным теоретическим исследованиям о Некрасове Корней Иванович, сколько мне известно, всегда подходил с суровой самокритичностью, несмотря даже на то, что они были очень высоко оценены в научных кругах. Например, о своей замечательной книге «Мастерство Некрасова» он писал мне несколько раз — и оценивал ее следующим образом. В письме от января 1951 г.: «Я все еще скриплю и хриплю. Книга моя о Некрасове — в десять раз хуже, чем могла бы быть при иных обстоятельствах. Но я писал ее урывками, больной, впопыхах. . .». В сентябре 1951 г.: «Книга моя застопорилась. В ней 900 страниц — и все полуфабрикат. А довести ее до конца — нет ни физических, ни умственных сил». В ноябре 1952 г.: «Мое бедное „Мастерство Некрасова“ уже сверстано — сырая, рыхлая, немощная книга. Первая скучная книга, которую я написал за всю жизнь». В марте 1953 г.: «Про свою книжку я могу сказать то же, что сказал когда-то старик Собинов после одного из своих концертов:

Ждали от Собинова
Пенья соловьиного,
Услыхали Собинова, —
Ничего особенного».

Он тщательно перерабатывал книгу, улучшая ее от издания к изданию. В июне 1954 г. он писал: «Я закончил подготовку второго издания „Мастерства“. Внес около 400 поправок, дополнений, наименований. . .». Он постоянно обращался к специалистам с просьбой высказать критические замечания о книге, вполне искренне уверяя, что абсолютно лишен авторского самолюбия.

Хочу сказать еще об одной отличительной особенности Чуковского — о большой доброжелательности, с которой он всегда относился к научной смене, даже к самым молодым, только еще начинающим исследователям Некрасова. Едва лишь он узнавал, что кто-нибудь разыскал новые материалы о поэте, он сразу же обращался к такому человеку с письмом или даже отправлялся к нему в гости. Это я знаю и от других, и по собственному опыту. В конце 1949 г., сделав свои первые некрасововедческие находки, я послал их ему на строгий суд (с чего и началось наше знакомство) — и он сразу же ответил мне таким письмом: «Мне нужно решительно все: и цензурное дело о романе „Мертвое озеро“, и доказательство, что о „Воспоминаниях Булгарина“ написал (как я и думал) Белинский, и официальные отношения Некрасова в цензурный комитет. . .». И он обратился ко мне, тогда еще аспиранту, с самым лестным предложением: «Очень хотелось бы, чтобы Вы возможно ближе встали к нашему изданию Некрасова» (т. е. к подготовке двенадцатого тома «Полного собрания сочинений и писем» Некрасова). Позже Корней Иванович горячо поддержал мое намерение заняться систематическим изучением темы «Некрасов в борьбе с царской цензурой». На мой вопрос, считает ли он эту тему перспективной, он ответил (в декабре 1961 г.): «. . . тема „Некрасов и цензура“ — нужнейшая тема. В области некрасововедения она до сих пор составляет большой пробел. Конечно, многие литературоведы (и я в том

² См.: *Вопр. лит.* 1971, № 11. С. 249—252.

числе) не могли не касаться этой темы, но всегда случайно, мимоходом, посвящая ей лишь несколько страниц. Между тем тот не знает всего великого гражданского подвига Некрасова, кому неизвестна его повседневная (из месяца в месяц, из недели в неделю) борьба с душителями свободного слова в сороковых, пятидесятых, шестидесятых и семидесятых годах. Борьба эта велась очень разнообразными средствами, но неустанно, все годы. . .». Он постоянно выдвигал научную молодежь, заботясь о том, чтобы изучение Некрасова приняло возможно более широкий размах. Так, в ноябре 1952 г. он писал: «Я предложил Некрасовской комиссии издать „Некрасовский сборник“ из трудов молодых. Исключительно молодой сборник, без участия лысых, седых, бородатых». Когда в Калининградском педагогическом институте (вскоре преобразованном в государственный университет) возник студенческий некрасоведческий кружок и члены этого кружка послали Корнею Ивановичу свои первые отпечатанные на ротаторе статьи, он ответил им таким письмом (в июне 1965 г.): «Дорогие друзья! Когда вы станете стариками и старухами, вы поймете, какая это радость для человека, уже прошедшего свой жизненный путь, получить дружеский привет от молодежи. Честь и хвала Некрасову, который связал нас такими крепкими, нерасторжимыми узами! Конечно, в моей работе, посвященной изучению его жизни и творчества, есть много промахов, ошибок, погрешностей, — надеюсь, вполне извинительных. И мне весело думать, что есть кому исправить мои ошибки, есть кому продолжить мой труд, ибо молодость — огромная сила».

Н. Н. Мостовская

БИБЛИОГРАФИЯ ЛИТЕРАТУРЫ О НЕКРАСОВЕ ¹
1975—1986

1975

1. Антонова Г. Н., Самосюк Г. Ф. Новая биография Некрасова // Освободительное движение в России. Саратов, 1975. Вып. 5. С. 144—147.
Рец. на кн.: Жданов В. Некрасов. М., 1971.
2. Баскевич И. Некрасов и поэзия революционной России // Волга. 1975. № 2. С. 193—185.
Рец. на кн.: Розанова Л. А. 1) Поэзия Некрасова и народников. Иваново, 1972; 2) Н. А. Некрасов и русская рабочая поэзия. Ярославль, 1973.
3. Борисов В. В. Художественное время в эпопее Н. А. Некрасова «Кому на Руси жить хорошо» // Материалы науч. студ. конф. / Новосиб. ун-т. 1975. Вып. 13. С. 54—55.
4. Васильева А. Н. Н. А. Некрасов. «Размышления у парадного подъезда» // Васильева А. Н. Стилистические разработки по русской классике. М., 1975. С. 128—151.
5. Вердеревская Н. А. Становление типа разночинца в русской литературе 40—60-х годов XIX века: (К пробл. типологии жанра, сюжета и образа): Пособие для спецкурса. Казань, 1975. С. 19—40.
«Жизнь и похождения Тихона Тростникова».
6. Воробьев В. Судьба книги // Книжное обозрение. 1975. 28 марта. С. 16.
«Стихотворения Н. Некрасова» (М., 1856) с рукописными вставками читателей.
7. Дарвин М. Н. Еще раз о статье Н. А. Некрасова «Русские второстепенные поэты» // XXVII герценовские чтения: Литературоведение: Науч. докл. Л., 1976. С. 33—38.
8. Двигунов Б. Н. Устойчивая символика в структуре поэтической речи П. Якубовича и Н. Некрасова // Вопросы теории и истории литературы. Тамбов, 1975. С. 54—70.
9. Енишерлов В. Некрасов далекий и близкий // Огонек. 1975. № 32. С. 15.
Рец. на кн.: Скотов Н. Некрасов: Современники и продолжатели. [1-е изд.] Л., 1973.
10. Ерастова Н. Ф. Семантико-стилистические функции субстантивированных причастий и прилагательных в поэтических произведениях Н. А. Некрасова: Автореф. дис. . . . канд. филол. наук. Калинин, 1975. 24 с.
11. Ефимова Е. М. Об идейно-творческих связях И. С. Тургенева и Н. А. Некрасова в 40—50-е годы: (Из спецкурса «И. С. Тургенев и революционные демократы») // Четвертый межвуз. тургеневский сб. Орел, 1975. С. 183—212 (Науч. тр. / Курский пед. ин-т; Орлов. пед. ин-т; Т. 17).
12. Жданов В. Большая жизнь Некрасова // Новый мир. 1975. № 1. С. 229—237.
О проблемах современного изучения биографии Некрасова.
13. Жданов В. В. Посвящается Некрасову // Вопр. лит. 1975. № 7. С. 229—300.
Некрасовская конференция в Калининградском университете (апрель 1975 г.).
14. Жданов В. Чуковский продолжается... // Лит. обозрение. 1975. № 9. С. 66.
Рец. на кн.: Чуковский К. Несобранные статьи о Н. А. Некрасове. Калининград, 1972.
15. Захаркин А. Ф. Русские поэты второй половины XIX века: Пособие для учителя. М., 1975. С. 10—70.
16. Илюшин А. А. О некоторых формах гротескной образности в литературе и искусстве // Славяне и Запад. М., 1975. С. 36—55.
Некрасов и Гойя.
17. Комте Н. Некрасовские мотивы в рассказе В. Г. Короленко «В облачный день»; Об отношении русских писателей-народников к наследию Н. А. Некрасова // Studia Slavica. Budapest. 1975. T. 21, fasc. 1—2. С. 187—189.
18. Королева Н. В. Н. А. Некрасов // Очерки истории русской театральной критики. Конец XVIII—первая половина XIX века. Л., 1975. С. 322—330.

¹ Настоящая библиография является продолжением библиографии литературы о Некрасове, опубликованной в изд.: Некрасовский сб. Л., 1978. Вып. 6. С. 179—201.

19. Лазерсон Б. И. Чернышевский о любовной лирике Некрасова // Н. Г. Чернышевский: Ст., исслед. и материалы. Саратов, 1975. Вып. 7. С. 95—108.
20. Лебедельгерн З. И. Екатерина Трубецкая / Публ., предисл., примеч. и пер. В. Павловой, А. Вайнштейн // Звезда. 1975. № 12. С. 179—194.
21. Машинский С. И. Многомерность критериев: (Заметки о Некрасове-критике) // Писатель и жизнь. 1974. М., 1975. С. 126—138.
22. Машинский С. И. Эстетика революционной мысли // Машинский С. И. Слово и время: Ст. М., 1975. С. 253—298.
23. Назарова Н. С. Некрасов и Польша // Сов. славяноведение. 1975. № 2. С. 115—117.

Обзор работ польских исследователей творчества Некрасова.

24. Н. А. Некрасов и его время: Межвуз. сб. Калининград, 1975. Вып. 1. 158 с. Содерж.: Гаркави А. М. Образ автора-повествователя в сатирических произведениях Некрасова. Егоров В. А. Определение объекта исследования при изучении сатиры Н. А. Некрасова. Егоров В. А. Особенности некрасовской сатиры 1840-х годов. Роговер Е. С. Драматический элемент в лирике Н. А. Некрасова. Гришунин А. Л. «Родина» Н. А. Некрасова в ряду прочих произведений о «возвращении на родину». Баевский В. С., Кошелев А. Д. Поэтика Некрасова: анаграммы. Альбина З. Н. Некрасовские «записки охотника». Краснов Г. В. О неосуществленном замысле Некрасова. (Лирический цикл 1874—1877 гг.). Колесникова Л. И. О народности поэмы Некрасова «Саша» (Саша и Татьяна). Червяковский С. А. Из творческой работы Некрасова над поэмой «Княгиня М. Н. Волконская». Савостин И. Г. Монтажный принцип композиции поэмы Н. А. Некрасова «Современники». Ананьина Ж. Ф. Из творческой истории поэмы Некрасова «Мать». Соколов В. Б. О типологии положительного героя в поэмах Н. А. Некрасова 1870-х годов. Максидонова Л. Г. Об идейном содержании первой главы поэмы «Кому на Руси жить хорошо». Уманская М. М. Искусство режиссуры Некрасова в поэме «Кому на Руси жить хорошо». Прокшин В. Г. О роли числа семь в структуре эпопеи. Маймин Е. А. К проблеме стиховой интонации у Некрасова. Теплинский М. В. О времени работы Н. А. Некрасова над частью первой поэмы «Кому на Руси жить хорошо». Гаркави А. М. Входит ли «Пролог» в состав первой части поэмы «Кому на Руси жить хорошо»? Самочатова О. Я. Несколько штрихов из отношений Некрасова и Тургенева в 50-е годы. Лебедев Ю. В. Некрасов и Достоевский в 60-е годы. (Эпизод из творческих взаимосвязей). Корман Б. О. Лирический герой Некрасова в «Записках из подполья» Достоевского. Васильева Э. Ш. П. М. Ковалевский — забытый поэт некрасовской школы. Нольман М. Л. Некрасов и Гейне. Гаркави А. М. Некрасовский «Современник» о труде и быте рабочих. Смирнов В. Б. Н. А. Некрасов в оценке журнала «Дело». Шпеер Г. А. Проблема стилового единства публицистического и художественного материала журнала Н. А. Некрасова «Отечественные записки» (середина 1870-х гг.). Межевая М. Н. Щедрин и Некрасов в первые годы издания «Отечественных записок». Прозоров В. В. «Отечественные записки» Некрасова и Салтыкова о народном читателе. Дмитровский А. В. О методологии литературно-критического исследования у Белинского.

25. Н. А. Некрасов и русская литература: Второй межвуз. сб. Ярославль, 1975. Вып. 40. 203 с.

Содерж.: Касаткина В. Н. Поэзия Ф. И. Тютчева в некрасовском «Современнике». Благово В. А. Картины народной жизни в русской поэзии 40—50-х годов XIX века. (Н. А. Некрасов и Ю. В. Жадовская). Захарова Т. В. Образы Некрасова в «Дневнике писателя» Ф. М. Достоевского. Лебедев Ю. В. Н. А. Некрасов и русская поэзия 1870-х годов. Гиндин С. И. Брюсов о Некрасове. Крупышев А. М. Традиции Н. А. Некрасова и поэма С. Есенина «Анна Снегина». Баевский В. С. К эволюции стиха некрасовской лирики. Руднев П. А. Полиметрические композиции Н. А. Некрасова. Гин М. О психологическом методе Н. А. Некрасова и статье А. М. Гаркави. Ломан О. В. Кому посвящено стихотворение Н. А. Некрасова «Мелодия». Царькова Т. С. Фольклорный вариант стихотворения Н. А. Некрасова «Размышления у парадного подъезда».

26. Некрасов Н. К. По их следам, по их дорогам. . . : (Н. А. Некрасов и его герои). Ярославль, 1975. 304 с.

То же. 2-е изд., перераб. и доп. М., 1979. 330 с.

Рец.: Леонтьев И. По некрасовским местам // Сел. жизнь. 1979. 20 июня; Бойко М. // Новый мир. 1981. № 1. С. 268—269.

27. Нестеренко А. А. Л. Толстой о Некрасове // Рус. лит. Алма-Ата. 1975. Вып. 5. С. 95—104.

28. Николаев П. А. Реализм как творческий метод: (Ист.-теорет. очерки). М., 1975. С. 75—97.

Литературно-эстетические взгляды Некрасова 1840—1860-х гг.

29. Николаева Е. П., Пинаев М. Т. Неопубликованная статья корреспондентки Н. А. Некрасова // Русские писатели и народничество: Межвуз. сб. Горький, 1975. Вып. 1. С. 132—147.

Публикация статьи М. Е. Селенкиной «Назвался груздем, так полезай в кузов» и письма М. Е. Селенкиной к Некрасову от 1 ноября 1873 г.

30. Овчаренко Ф. Е. Подвиг, прозвизвший время; Традиции Некрасова в советской поэзии. // Овчаренко Ф. Е. С Родиной в сердце: Лит.-крит. очерки. М., 1975. С. 53—72.

31. О Некрасове: Ст. и материалы. Ярославль, 1975. Вып. 4. 320 с.
Содерж.: Гин М. М. О жанровой природе поэмы Н. А. Некрасова «Тишина». Груздев А. И. «Мороз, Красный нос» — эпическая поэма нового типа. Теплинский М. В. О принципах создания реалистических образов в поэме Н. А. Некрасова «Кому на Руси жить хорошо». Прокишин В. Г. Истоки и роль числа семь в структуре «Кому на Руси жить хорошо» и некоторых других эпоей. Гаркави А. М. Пушкинская традиция в поэме Некрасова «Несчастные». Скатов Н. Н. «Пушкинское» стихотворение Некрасова. («Элегия»). Краснов Г. В. К истории создания поэмы «Современники». Теплинский М. В. Листок с черновыми записями Некрасова. Гаркави А. М. Тургеневу или Герцену? Верховский Г. П. С чего начинается некрасоведение... Розанова Л. А. Декабристы, декабризм в изображении Н. А. Некрасова и его современников — поэтов. Уманская М. М. Некрасов и Лермонтов. (Проблема творческих связей). Тарасов А. Ф. О сборниках стихотворений Н. А. Некрасова 1856 года с рукописными вставками. Студенческая работа А. Т. Твардовского о поэме «Кому на Руси жить хорошо». — Письмо М. И. Вилькен (Ушаковой) о пребывании в Караихе в 1863 году. — Адрес харьковских студентов Н. А. Некрасову 1877 года / Публ. А. Ф. Тарасова.
Рец.: Нольман М. О Некрасове — эпике и лирике // Волга. 1976. № 9. С. 164—165.
32. Пилипюк Е. Л. Традиции Некрасова в стихотворениях-плачах периода Великой Отечественной войны // Науч. тр. / Куйбышев. пед. ин-т. 1974. Т. 155. С. 90—107. На обл.: 1975.
33. Портнова Н. А. Из наблюдений над некрасовской «поэзией сердца» // Науч. тр. / Куйбышев. пед. ин-т. 1974. Т. 155. С. 30—51. На обл.: 1975.
34. Прокофьев А. А. «Его слава будет бессмертна...» // Прокофьев А. Свет поэзии: Ст. и заметки о лит. Л., 1975. С. 258—260.
То же // Прокофьев А. А. Собр. соч. Л., 1980. Т. 4. С. 390—394.
35. Прокшии В. Г. Еще раз о композиции поэмы «Кому на Руси жить хорошо» // Писатель и время. Ульяновск, 1975. Вып. 2. С. 205—207.
36. Розанова Л. А. Н. А. Некрасов и демократическая поэзия последней трети XIX—начала XX века: Автореф. дис. . . . докт. филол. наук. Л., 1975. 37 с.
37. Руднев П. А. Метрический репертуар Некрасова // Труды по русской и славянской филологии. XXIV: Литературоведение. Тарту. 1975. С. 93—121 (Учен. зап. / Тарт. ун-т; Вып. 358, № 24).
38. Салтыков-Щедрин М. Е. Собр. соч. М., 1975—1977. Т. 18, кн. 1—20.
Письма к Некрасову (101) 1861—1876 гг.; см. также указатель имен в т. 20.
39. Скатов Н. Две поэмы Некрасова // Некрасов Н. А. Мороз, Красный нос; Русские женщины. Л., 1975. С. 3—14.
40. Сквозников В. Д. Реализм лирической поэзии. М., 1975. С. 353—365.
Особенности реализма лирики Некрасова.
41. Удалова Л. И., Марфутина Л. Н. Колоративная лексика в поэме Н. А. Некрасова «Кому на Руси жить хорошо» // Очерки по стилистике русского языка. Курск, 1975. Вып. 2. С. 30—40 (Науч. тр. / Курский пед. ин-т; Т. 54).
42. Чернышевский Н. Г. Заметка для А. Н. Пыпина и Н. А. Некрасова // Чернышевский Н. Г. Что делать? Из рассказов о новых людях. Л., 1975. С. 744 (Лит. памятники / АН СССР).
43. Яшин А. Народный заступник // Некрасов Н. А. Кому на Руси жить хорошо. М., 1975. С. 3—18.
То же (в сокр.) // Яшин А. Я. Рогатый пегас: О поэзии. М., 1976. С. 45—49.

1976

44. Аскарлов Т. Наш современник // Аскарлов Т. Восхождение к зрелости. Фрунзе, 1976. С. 248—263.
45. Барковская Е. Ф. Стихотворение Н. А. Некрасова «Еду ли ночью по улице темной. . .» (К вопр. о лирич. основе «сюжетных» стихотворений Н. А. Некрасова) // Науч. тр. / Свердлов. пед. ин-т. 1976. № 284. С. 6—17.
46. Березнева А. Н. Русская романтическая поэма (Лермонтов, Некрасов, Блок): К пробл. эволюции жанра: Автореф. дис. . . . канд. филол. наук. Саратов, 1976. 17 с.
47. Березнева А. Н. Русская романтическая поэма. Лермонтов, Некрасов, Блок: К пробл. эволюции жанра. Саратов, 1976. 97 с.
48. Борисова В. В. Художественное время в эпоее Н. А. Некрасова «Кому на Руси жить хорошо» // О традициях и новаторстве в литературе. Уфа, 1976. С. 107—116.
49. Вадуро В. Э. Некрасов и К. А. Данненберг // Рус. лит. 1976. № 1. С. 131—144.
50. Верховский Г. П. О поэме Н. А. Некрасова «Мороз, Красный нос»: (К вопр. о системе образов) // Проблемы эстетики и поэтики. Ярославль. 1976. С. 38—47.
51. Власов М. Ф. К изучению синонимии прилагательных в поэзии Н. А. Некрасова // Исследования по стилистике. Пермь, 1976. Вып. 5. С. 39—54.
52. Воспоминания и дневники XVIII—XX вв.: Указ. рукописей / Ред. и предисл. С. В. Житомирской. М., 1976. 622 с.

См. указатель имен.

53. Гаркави А. М. О реализме лирики Н. А. Некрасова // Проблемы реализма. Вологда, 1976. Вып. 3. С. 101—122.
54. Гаркави А. М. Примечания // Некрасов Н. А. Лирика. М., 1976. С. 133—141.
То же. 2-е изд. М., 1977.
То же. 3-е изд. М., 1978.
То же. 4-е изд. М., 1979.
55. Гиршман М. М., Орлова О. А. Четырехстопный ямб Некрасова и Полонского и проблема типологии ямбического ритма в русской поэзии 50-х годов XIX века // Проблемы типологии истории русской литературы. Пермь. 1976. С. 178—192 (Учен. зап. / Перм. ун-т; № 304).
56. Груздев А. И. Декабристский цикл поэм Некрасова: Курс лекций. Л., 1976. 138 с.
57. Гудонене В. В. Н. А. Некрасов в Литве: (Особенности восприятия его творчества во второй пол. XIX в.) // Лирическая и эпическая поэзия XIX века. Л., 1976. С. 63—74.
58. Долгих У. М. А. Я. Панаева — соавтор Н. А. Некрасова: (Роман «Три страны света») // Пути русской прозы XIX века. Л., 1976. С. 43—55.
59. Долгих У. М. По поводу одного стихотворного обращения к Н. А. Некрасову // Лирическая и эпическая поэзия XIX века. Л., 1976. С. 127—129.
60. Ф. М. Достоевский, А. Г. Достоевская. Переписка / Изд. подгот. С. В. Белов и В. А. Туниманов. Л., 1976. 483 с.
См. указатель имен.
61. Ерастова Н. Ф. Ритмико-мелодические функции субстантивированных причастий и прилагательных (субстантиватов) в поэтических произведениях Н. А. Некрасова // Вопросы русского языка. Ярославль, 1976. Вып. 11. С. 56—64 (Сб. науч. тр. / Яросл. пед. ин-т; Вып. 158).
62. Жанр и композиция литературного произведения: Межвуз. сб. Калининград, 1976. Вып. 2. С. 49—71, 163—167.
Содерж.: Гаркави А. М. Проблема родовой классификации литературных жанров и некоторые возможности изучения лирики Н. А. Некрасова. Соколов В. Б. О жанровых особенностях «народной книги» Н. А. Некрасова. Гаркави А. М. Неизвестные строки Н. А. Некрасова. [Публ. стихотворений «Наш век» и «Толк с новым годом»].
63. Жанр и композиция литературного произведения: Межвуз. сб. Калининград, 1976. Вып. 3. С. 39—64.
Содерж.: Гаркави А. М. Возможности лирико-драматического жанра. (К спору о «Песне Еремюшке» Н. А. Некрасова). Лебедева Е. Я. О жанрообразующей роли фольклорных мотивов в поэме Н. А. Некрасова «Мороз, Красный нос». Соколов В. Б. Н. А. Некрасов и беллетристы-народники. К проблеме типологической общности в демократической литературе.
64. Жданов В. В. [Рец. на кн.: Живые страницы: Н. А. Некрасов в воспоминаниях, письмах, дневниках. М., 1974. 448 с.] // Дет. лит. 1976. № 3. С. 49—50.
65. Иванов Ю. Некрасов, Дюма-отец и «Монте-Кристо» // Лит. Россия. 1976. 8 окт.
О французском переводе (А. Дюма-отца) стихотворения «Еду ли ночью по улице темной».
66. Камшлова М. Г. Н. А. Некрасов и узбекская советская поэзия: (Некоторые аспекты идейно-эстет. влияния): Автореф. дис. . . канд. филол. наук. Ташкент, 1976. 18 с.
67. Карякина А. В. Чернышевский о Некрасове и Гете как «великих поэтах любви» // О традициях и новаторстве в литературе: Межвуз. науч. сб. Уфа, 1976. С. 94—106.
68. Королева Н. В. Театральная критика 1840—1850-х годов // Королева Н. В., Лапкина Г. А. История русской театральной критики: Учеб. пособие. Л., 1976. Вып. 2. С. 84—90.
69. Краснов Г. В. К расколу редакции «Современника» в 50-е годы XIX в. (по новым материалам) // Проблемы истории общественной мысли и историографии. М., 1976. С. 115—126.
70. Кривошапова С. А. Демократический герой в прозе М. Ю. Лермонтова и Н. А. Некрасова // Вопр. рус. лит. Львов. 1976. Вып. 1. С. 33—41.
71. Л. К. Чешские переводы Некрасова // Сов. славяноведение. 1976. № 1. С. 107—108.
72. Лагутов В. «Секрет»: (Опыт совр. баллады Н. А. Некрасова) // Литературоведческие поиски. Самарканд, 1976. С. 138—145. (Сб. тр. молодых ученых; Новая сер. Вып. № 290).
73. Ло Гатто Мавер А. Искусство разрушать атмосферу лирики: («Колыбельная» Некрасова, подражание Лермонтову) / Пер. Р. М. Гороховой // Сравнительное изучение литератур: Сб. ст. к 80-летию М. П. Алексеева. Л., 1976. С. 44—49.
74. Ломан О. В. Н. А. Некрасов // Литературные памятные места Ленинграда. 3-е изд., испр. и доп. Л., 1976. С. 229—257.
75. Лосев А. Ф. Проблема символа и реалистическое искусство. М., 1976. С. 210—213.

- Тургенев и Некрасов.
76. Лукашевский А. А. Неизвестный источник романа Н. А. Некрасова «Три страны света» // Рус. лит. 1976. № 4. С. 191—193.
О книге В. Верещагина «Очерки Архангельской губернии» (СПб., 1849).
77. Луначарский А. В. Н. А. Некрасов // Луначарский А. В. *Очерки по истории русской литературы*. М., 1976. С. 276—291.
78. Маслов В. Гордость и слава России: К 155-летию со дня рождения Н. А. Некрасова // Ленингр. ун-т. 1976. 30 нояб.
79. Наровчатов С. Слово о Некрасове // Некрасов Н. А. Соч.: В 2 т. М., 1976. Т. 1. С. 5—14.
80. Неизвестные автографы русских писателей / Публ. М. Д. Эльзона // Рус. лит. 1976. № 3. С. 154.
Недатированные письма Некрасова к А. А. Потехину и П. В. Васильева к А. А. Потехину о Некрасове.
81. Н. А. Некрасов и его время: Межвуз. сб. Калининград, 1976. Вып. 2. С. 3—66.
Содерж.: Максимова Л. Г. Поэма «Кому на Руси жить хорошо» (глава «Помещик») и общественная борьба 60-х годов. Савостин И. Г. К творческой истории поэмы «Кому на Руси жить хорошо» и сатиры «Современники». Егоров В. А. У истоков некрасовской сатиры. (От эпигонства к пародии). Трофимов И. В. Из наблюдений над лексикой любовной лирики Н. А. Некрасова. Биншток Л. М., Корман Б. О. Некрасов и Тютчев. (К типологии лирич. систем). Трофимов И. В. К вопросу о литературных влияниях в прозе Н. А. Некрасова 40-х годов. (Некрасов и Достоевский). Медведева А. И. «Некрасовское» в рассказе А. П. Чехова «У знакомых». Дементьев А. Г. Письмо Некрасова Панаевой. (Еще раз об «огаревском деле»). Гаркави А. М. К теме «Некрасов и литературные чтения». Царькова Т. С. Фельетоны и рецензии Некрасова в газетах 1844 года. (Новые атрибуции).
82. Н. А. Некрасов и русская литература: Сб. науч. тр. Ярославль, 1976. Вып. 43 (3). 116 с.
Содерж.: Зарецкий В. А. Стихотворение Некрасова «Похороны». (К проблеме фольклоризма Некрасова). Червяковский С. А. Идеино-художественная структура «Коробейников». Гаркави А. М. Творческая история «Трех элегий» Н. А. Некрасова. Лебедев Ю. В. У истоков поэтического эпоса Н. А. Некрасова. Гаспаров М. Л. Некрасов в истории русской рифмы. Баевский В. С. Некрасов о стихе. Царькова Т. С. Корреспонденты некрасововеда проф. В. Е. Евгеньева-Максимова 1910—1920-х годов (по материалам муз. Н. А. Некрасова).
83. Нольман М. Не классификации ради // Вопр. лит. 1976. № 6. С. 212—216.
Полемика с Г. Тамарченко и А. Фризманом по поводу статьи М. Нольмана «Некрасов и Пушкин. Эволюция лирического жанра воспоминания-исповеди».
84. Озмитель В. М. Современность поэзии Некрасова // Некрасов Н. А. Стихотворения; Поэмы. Фрунзе, 1976. С. 3—9.
85. *Очерки истории русской культуры второй половины XIX века: Пособие для учителя*. М., 1976. С. 178—183.
86. Прокшин В. Г. О структуре эпопеи «Кому на Руси жить хорошо» // Науч. докл. высш. шк. Филол. науки. 1976. № 4. С. 72—79.
87. Ровенский Н. С. Бесстрашие: (Слушая музу мести и печали) // Ровенский Н. С. *Читая и перечитывая...: Ст., лит. портреты*. Алма-Ата, 1976. С. 179—199.
88. Савостин И. Г. Диалектика фабулы, сюжета и композиции поэмы Н. А. Некрасова «Современники». 1. Фабульность и монтаж // Вопросы сюжетосложения: Сб. ст. Рига, 1976. Вып. 4. С. 81—90.
89. Скатов Н. Н. Некрасовские эпиграфы у В. И. Ленина // Рус. лит. 1976. № 1. С. 34—40.
90. Соловьев Б. И. Великий народный поэт // Соловьев Б. И. *От истории к современности*. М., 1976. С. 7—72.
91. Соскин В. «Я роду именитого» // Наука и жизнь. 1976. № 11. С. 127—129. Комментарий к имени помещика Оболдуева в «Кому на Руси жить хорошо».
92. Станкева З. В. Некрасов и Есенин // Проблемы типологии и истории русской литературы. Пермь, 1976. С. 138—152 (Учен. зап. / Перм. ун-т; № 304).
93. Талашов Г. Карабах: К 155-летию со дня рождения Н. А. Некрасова // Ленингр. ун-т. 1976. 30 нояб.
94. Тимофеев Л. Последний автограф Некрасова // Лит. Россия. 1976. 6 февр. С. 16.
К истории дружбы Некрасова и И. Н. Крамского. Публикация текста дарственной надписи Некрасова на экземпляре книги «Стихотворения Н. Некрасова» (М., 1856), принадлежавшем И. Н. Крамскому.

1977

95. Бельская Л. Л. К проблеме классификации и систематизации рифм (на материале поэмы Некрасова «Мороз, Красный нос») // Науч. докл. высш. шк. Филол. науки. 1977. № 4. С. 86—92.
96. Бессонов Б. Некрасов в Алешуевине // Муром. рабочий. 1977. 29 нояб. См. также аннотацию: Вопр. лит. 1978. № 5. С. 318—319.
97. Бойко М. Н. Лирика Некрасова. М., 1977. 119 с.
Рец.: Аникин В. П. // Лит. в шк. 1978. № 1. С. 74—76; Княжицкий А. // Новый мир. 1978. № 3. С. 285.
98. Бочкарев В. А. Н. А. Некрасов об исторической драме // Вопросы поэзии и драматургии. Куйбышев, 1977. Вып. 2. С. 103—109 (Науч. тр. / Куйбышев. пед. ин-т.; Т. 187).
99. Будникова Л. И. Н. А. Некрасов в критике символистов // Советская поэзия 20—30-х годов. Челябинск, 1977. Вып. 5. С. 78—88.
100. Бухаркин П. Е. Любовно-трагедийный цикл в поэзии. Ф. И. Тютчева // Рус. лит. 1977. № 2. С. 121.
О психологизме лирики Некрасова.
101. Бушканец Е. Г. Вольная русская поэзия 1870-х—начала 1890-х годов: Публ. текстов // Учен. зап. / Казан. пед. ин-т. 1977. Вып. 177. С. 23—25.
102. Венюк Некрасову. Ярославль, 1977. 96 с.
Стихи, высказывания русских и советских писателей о Некрасове.
103. Волконская М. Н. Записки. М., 1977. 95 с.
104. «Воспоминания о Тургеневе» Н. А. Островской: (Неизв. страницы) / Публ. В. А. Громова // Тургенев и его современники. Л., 1977. С. 204—206.
Споры о стихах Некрасова.
105. Горячкина М. С. Шедрин и Некрасов // Горячкина М. С. Сатира Шедрина и русская демократическая литература 60—80-х годов XIX века. М., 1977. С. 109—155.
106. Григорьев А. Л. Русская литература в зарубежном литературоведении. Л., 1977. 302 с.
См. указатель имен.
107. Груздев А. И. Эпическая поэма Н. А. Некрасова («Кому на Руси жить хорошо») // Изучение художественного произведения: (Рус. лит. второй пол. XIX в.). М., 1977. С. 21—34.
108. Гудонене В. В. О судьбе одного стихотворения Некрасова // XXX герценовские чтения: Литературоведение: Науч. докл. Л., 1977. С. 28—30.
«Несжатая полоса».
109. Дементьев А. «На всю жизнь»: (Твардовский о Некрасове) // Вопр. лит. 1977. № 8. С. 190—215.
110. Долгих У. М. Цензурная история некрасовского «Иллюстрированного альманаха» (по архивным материалам) // Рус. лит. 1977. № 2. С. 122—126.
111. Дубинский И. В. Фразеология Некрасова // Вопросы стилистики. Саратов, 1977. Вып. 13. С. 129—142.
112. Емельянов Н. П. «Отечественные записки» Н. А. Некрасова (1868—1877). Л., 1977. 168 с.
113. Ермилова Е. В. Народнопоэтическое мышление в поэтическом стиле: (Некрасов) // Типология стиливого развития XIX века. М., 1977. С. 48—84.
114. История дореволюционной России в дневниках и воспоминаниях: Аннот. указ. книг и публ. в журналах // Ред. П. А. Зайончковского. М., 1977—1978. Т. 2, ч. 1—2.
См. указатель имен.
115. Кочетков В. Некрасовская традиция // Кочетков В. Люди и судьбы: (Заметки о совр. лит.). М., 1977. С. 13—33.
116. Кукина Е. А. Вольная поэзия в Сибири (вторая половина XIX—начало XX в.). Новосибирск, 1977. С. 40—46.
Распространение в Сибири литературного наследия Некрасова.
117. Лебедев Ю. В. Некрасов в вузе и школе // Лит. в шк. 1977. № 3. С. 94—96.
Научно-методическое совещание «Изучение творчества Некрасова в вузе и школе» (Кострома, февраль 1977 г.).
118. Липаева Т. А. Изучение идейно-художественного своеобразия стихотворения Н. А. Некрасова «Железная дорога» в VII классе // Преподавание литературы в школе: Опыт работы по новым программам: Сб. тр. М., 1977. Вып. 2. С. 52—67.
119. Мельгунов Б. В. К творческой истории поэмы Некрасова «Саша»: (Страничка из дневника Ап. Майкова) // Рус. лит. 1977. № 3. С. 101—102.
120. Мельгунов Б. В. Некрасов в документах жандармских управлений (по материалам ЦГИА УССР) // Рус. лит. 1977. № 4. С. 136—140.
121. Мельгунов Б. Ораниенбаумские дни поэта // Аврора. 1977. № 12. С. 58—59.
122. Меншутина О. И. Язык стихотворения Н. А. Некрасова «Еду ли ночью по улице темной» // Вопросы грамматики и семантики русского языка. М., 1977. С. 121—158.

123. Меньшиков Г. Поэма Альфреда де Виньи «Ванда» и «Русские женщины» Некрасова // Тр. / Самарканд. ун-т. 1977. Вып. 320. С. 113—128.

124. Н. А. Некрасов и его время: Межвуз. сб. Калининград, 1977. Вып. 3. С. 5—113, 139—154.

Содерж.: Роговер Е. С. Развитие эстетического идеала Н. А. Некрасова в 40-х—начале 60-х годов и революционно-демократическая критика. Трофимов И. В. О стихотворении «Рыцарь на час». Гаркави А. М. О стихотворении «Орина, мать солдатская». Максимова Л. Г. О песнях «Голодной» и «Соленой» из поэмы «Кому на Руси жить хорошо». Баевский В. С. Психологический параллелизм в поэтическом мирозерцании Некрасова. Савостин И. Г. Пространство народных героев Некрасова. Теплинский М. В. Из творческой лаборатории Н. А. Некрасова. Пейсахович М. А. Астрофический стих Некрасова. Карамышова О. В. О жанре и композиции романа Н. А. Некрасова и А. Я. Панаевой «Три страны света». Юделевич И. А. «Железная дорога» в журнальном и книжном контексте. Смирнов В. Б. «Горе старого Наума» в журнальном контексте «Отечественных записок». Егоров Е. А. Неизвестные рецензии Н. А. Некрасова в «Литературной газете». Бушканец Е. Г. Статья о Некрасове в рукописном журнале «Светоч» (1859).

125. Н. А. Некрасов и русская литература: Межвуз. сб. науч. тр. Ярославль, 1977. Вып. 4. 144 с.

Содерж.: Бухштаб Б. Я. Об изучении эзопова языка Некрасова. Гаркави А. М. Агарин в ряду «лишних людей». Лебедева Е. Я. Эпос и лирика в поэме Н. А. Некрасова «Мороз, Красный нос». Дарвин М. Н. Некрасов и Тютчев в литературной жизни «Современника» первой половины 1850-х годов. Прозоров Ю. М. О художественном своеобразии пародий Н. А. Некрасова. Мирошникова О. В. Некрасовская традиция и творческое самоопределение К. К. Случевского. Коптева Л. В. Поэма-легенда конца 50—70-х гг. XIX века в России. (От А. К. Толстого до Некрасова). Долгих У. М. А. Я. Панаева и Н. А. Некрасов. (Из истории взаимоотношений). Благово В. А. Некрасовские традиции в поэзии Жадовской. Трофимов И. Т. Стихи о Некрасове. Паршина В. Л. Атрибутивные словосочетания с прилагательными в поэме Н. А. Некрасова «Мороз, Красный нос». Ерастова Н. Ф. Субстантиваты-антонимы в поэтических произведениях Н. А. Некрасова. Паршина В. А. Предложно-падежные сочетания с предлогом «без» и их синонимы (по материалам картотеки словаря поэтических произведений Н. А. Некрасова).

126. Некрасов Н. К. Дорогие всем нам уголки. . . // Москва. 1977. № 12. С. 203—207.

К биографии Некрасова.

127. Новые материалы к истории русской литературы и журналистики второй половины XIX века. Тбилиси, 1977. Т. 2. С. 108—111.

М. А. Антонович в «Тифлисском вестнике» (1876). Критический отзыв М. А. Антоновича о ч. 2 поэмы Некрасова «Современники».

128. Овакимян Б. М. М. А. Гамазов — друг Н. А. Некрасова // Русско-армянские литературные связи: Исслед. и материалы. Ереван, 1977. С. 103—112 (Лит. связи; Т. 2).

То же // Вестн. Ерев. ун-та. Обществ. науки. 1971. № 3. С. 154—160.

129. Осьмаков Н. В. Некрасов и русская революционная поэзия его времени // Осьмаков Н. В. Родина. Народ. Революция: Этапы развития рус. рев. поэзии второй пол. XIX—нач. XX в.: Пособие для учителей. М., 1977. С. 5—36.

130. Письма Исаковского и Твардовского о Некрасове / Публ. Т. А. Бесединой // Рус. лит. 1977. № 4. С. 157—158.

131. По некрасовским местам Ярославской области / [Сост. Р. Лобовская]. М., 1977. 36 с.

132. Прокофьев А. А. «Его слава будет бессмертна» // Вопр. лит. 1977. № 11. С. 131.

133. Пушкарев Л. Н. Подвиг декабристов в освещении поэта и историка: (Н. А. Некрасов и И. Г. Прыжов) // Декабристы и Сибирь. Новосибирск, 1977. С. 222—230.

134. Раков Ю. Парадный подъезд // Лит. Россия. 1977. 29 июля. С. 24.

К истории создания стихотворения «Размышления у парадного подъезда».

135. Семанов С. Ясный идеал: (Образ рус. женщины в поэзии Некрасова) // Семанов С. Сердце Родины. М., 1977. С. 166—174.

136. Скатов Н. Народный поэт: (Н. А. Некрасов) // Скатов Н. Русские поэты: Очерки. М., 1977. С. 21—43.

137. Скатов Н. Н. Особенности поэтического стиля в лирике Н. А. Некрасова // Изучение художественного произведения: (Рус. лит. второй пол. XIX в.). М., 1977. С. 5—21.

138. Слинко А. А. [Рец. на кн.: Смирнов В. Б. 1) Н. А. Некрасов и журнальная поэзия «Отечественных записок». Уфа, 1972; 2) Литературная история «Отечественных записок». 1868—1884. Пермь, 1974] // Вопр. рус. лит. Львов. 1977. Вып. 1. С. 125—129.

139. Смирнов-Сокольский Н. П. Таинственный «Театральный альбом» // Смирнов-Сокольский Н. П. Рассказы о книгах. М., 1977. С. 270—282.

То же. 5-е изд. М., 1983. С. 225—236.

- Некрасов — сотрудник «Театрального альбома» (1842—1843).
140. Соколов Н. И. Н. А. Некрасов в оценках революционных народников // Соколов Н. И. Критики и литература: Из истории рус. лит. и критики второй пол. XIX в. Л., 1977. С. 157—167.
141. Тарасов А. Некрасов в Карабихе. Ярославль, 1977. 208 с.
142. Тарасов А. Некрасовские места. Ярославль, 1977. 46 с.
143. Торочкова К. На память Некрасову. . . // Лит. Россия. 1977. 23 дек. С. 16. О книгах карабихской библиотеки: «Сочинения» Байрона, т. 2 (1864) и «Поэзия славян» (1871) с дарственными надписями Н. В. Гербеля Некрасову.
144. Тынянов Ю. Н. Поэтика; История литературы; Кино. М., 1977. С. 18—28. Стиховые формы Некрасова; «Извозчик» Некрасова.
145. Царькова Т. С. О литературной жизни ранних произведений Н. А. Некрасова // Рус. лит. 1977. № 3. С. 89—100.
146. Чуковский К. Н. А. Некрасов // Некрасов Н. А. Стихи для детей. М., 1977. С. 5—12.
147. Чуковский К. Предисловие // Некрасов Н. А. Лирика. М., 1977. С. 3—14.
148. Шахалова Н. Николай Алексеевич Некрасов // Русские писатели в Москве. М., 1977. С. 473—477.

1978

149. Анания Г. Г. Чаренц и Некрасов // Вестн. Ерев. ун-та. Обществ. науки. 1978. № 1. С. 61—70. Текст на арм. яз.; резюме на рус. яз.
150. Балашов П. Некрасов и западноевропейская культура // Болг. русистика. София. 1978. № 1. С. 21—26.
151. Бегак Б. Некрасов и дети: К 100-летию со дня смерти // Дошкол. воспитание. 1978. № 3. С. 42—48.
152. Белинский В. Г. «Мечты и звуки» Н. Н. СПб., 1840. [Рец.] // Собр. соч.: В 9 т. М., 1978. Т. 3. С. 372—373.
153. Бессонов Б. К истории «огаревского дела» (по вновь найденным материалам) // Рус. лит. 1978. № 3. С. 139—144.
154. Будникова Л. И. Некрасов и русские символисты: Автореф. дис. . . канд. филол. наук. М., 1978. 15 с.
155. Власов М. Ф. Об изобразительных средствах в поэзии Некрасова // Функциональные стили речи в синхронном и диахроническом аспектах. Пермь, 1978. С. 58—62.
156. Влияние творчества Н. А. Некрасова на русскую поэзию: Республ. сб. науч. тр. Ярославль, 1978. Вып. 53. 164 с.
- Содерж.: Прозоров Ю. М. Книга Н. А. Некрасова «Мечты и звуки» и русская романтическая поэзия. Ильина Л. Ф. Н. А. Некрасов. «Мороз, Красный нос». Художественное пространство и время. Альян И. Л. О некоторых особенностях поэтики Н. А. Некрасова. Морозов Н. Г. Народный «мир» в стихотворении Н. А. Некрасова «Деревенские новости». Прокшин В. Г. Поэма «Железная дорога» на пути Некрасова к эпосе. Штейнгольд А. М. Аполлон Григорьев о Некрасове. (Диалектика критических суждений и творческих «соприкосновений»). Лебедев Ю. В. Поэзия революционных народников в свете некрасовских традиций. Жданов В. В. Решительно улучшить изучение творчества Некрасова в школе. Богданова О. Ю. Проблема изучения стиля лирики Некрасова в 9 классе. Смоляков В. Г. Некрасов в восприятии узбекских школьников (на материале изучения поэмы «Кому на Руси жить хорошо»). Розанова Л. А. Проблема жанрового развития некрасовской лирики в спецкурсе «Из истории русской поэзии». Никитина Н. Д. К вопросу о текстологии стихотворения Н. А. Некрасова «Поэт и гражданин». Киселева А. К. Отражение смерти и похорон Н. А. Некрасова в периодической печати (конец декабря 1877—январь 1878 года). Ломан О. В. По поводу комментариев к стихотворениям Н. А. Некрасова, посвященным Зине. Мельгунов Б. В. «Путь далек до Киева». (Об одном из ярославских знакомых Некрасова). Александр Иванович Грушедев. (К 70-летию со дня рождения).
157. Волкова Л. С. Некрасовские традиции в русской советской поэзии 50—60-х годов // Русская советская поэзия: Традиции и новаторство. 1946—1975. Л., 1978. С. 148—178.
158. Гаркави А. М. К характеристике лирического героя Н. А. Некрасова // Проблемы автора в русской литературе. Ижевск, 1978. Вып. 2. С. 167—174.
159. Гаркави А. М. Примечания // Некрасов Н. А. Стихотворения. Краснодар, 1978. С. 44—47.
160. Гаркави А. М. Текстолого-стилистические заметки о Н. А. Некрасове // Проблемы языка и стиля в литературе. Волгоград, 1978. С. 111—122. О поэме «В. Г. Белинский» и стихотворениях «Душно! без счастья и воли. . .», «О Муза! я у двери гроба!..».
161. Гаркави А. М., Чуковский К. И. Примечания // Некрасов Н. А. Соч.: В 3 т. М., 1978. Т. 1. С. 377—424; Т. 2. С. 391—440; Т. 3. С. 385—439.
162. Гин М. М. Об идейно-литературных взаимоотношениях Н. Г. Чернышевского и Н. А. Некрасова: (К постановке вопр.) // Н. Г. Чернышевский: Ст., исслед. и материалы. Саратов, 1978. Вып. 8. С. 112—119.

163. Джафарова В. А. Из наблюдений над переводами поэзии Н. А. Некрасова на азербайджанский язык // Учен. зап. / Азерб. пед. ин-т рус. яз. и лит. 1978. № 2. С. 37—42.
164. Дозорец Ж. А. Стихотворение Н. А. Некрасова «Стихи мои! Свидетели живе. . .» // Рус. яз. в шк. 1978. № 1. С. 67—73.
165. Ельницкая Т. М. Репертуар драматических трупп Петербурга и Москвы. 1826—1845 // История русского драматического театра. М., 1978. Т. 3. С. 218—338.
166. Енишерлов В. Певец боли и гнева: (К 100-летию со дня смерти Н. А. Некрасова) // Огонек. 1978. № 2. С. 12—15.
167. Ерастова Н. Ф. Функциональный анализ субстантивированных прилагательных и причастий в языке поэтических произведений Н. А. Некрасова. // Межвуз. сб. Ярославль, 1978. С. 20—29 (Науч. тр. / Яросл. пед. ин-т; Вып. 170).
168. Жанр и композиция литературного произведения: Межвуз. сб. Калининград, 1978. Вып. 4. С. 46—60, 61—69, 70—79, 80—82.
- Содерж.: Гаркави А. М. Композиция стихотворений Н. А. Некрасова. Лирический герой и поэтическая ситуация. Егоров В. А. Трансформация жанровых образований в ранней лирике Н. А. Некрасова. Савостин И. Г. Сюжет дороги в поэзии Некрасова. («Последние элегии»). Юделевич И. А. О композиции книги Н. А. Некрасова «Сатиры и песни».
169. Ильина Л. Ю. Поэма Н. А. Некрасова «Мороз, Красный нос»: Система образов персонажей в структуре худож. пространства и времени // Проблемы художественного метода и жанра: Сб. науч. тр. Л., 1978. С. 32—35 (XXXI герценовские чтения / Ленингр. пед. ин-т).
170. Илюшин А. А. «Кому на Руси жить хорошо» как эпопея // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 9. Филология. 1978. № 3. С. 3—14.
171. Исаев Е. Прозвительно на все времена // Комс. правда. 1978. 8 янв.
172. История русского драматического театра. М., 1978—1979. Т. 3—4. См. указатель имен.
173. Корман Б. О. Лирика Некрасова. 2-е изд., перераб. и доп. Ижевск, 1978. 299 с.
174. Кулешов В. И. История русской критики. 2-е изд., испр. и доп. М., 1978. С. 183—186.
- Проблема реализма в критике Некрасова.
175. Лебедев Ю. В. Об источниках одного образа в поэме «Кому на Руси жить хорошо» // Рус. лит. 1978. № 1. С. 185—186.
176. Литвиненко Л. С. Воплощение героического характера: (Произведения А. Н. Островского и Н. А. Некрасова шестидесятых гг. XIX в.) // Рус. яз. и лит. в шк. УССР. 1978. № 4. С. 43—47.
177. Малкин В. А. О некрасовской теме в лирике Ф. И. Тютчева // Поэтика искусства слова. Воронеж, 1978. С. 58—67.
178. Мельгунов Б. В. Девятнадцатая некрасовская конференция // Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз. 1978. Т. 37, вып. 6. С. 566—568.
- Отчет о некрасовской конференции 23—24 января 1978 г. в Институте русской литературы (Пушкинский Дом) АН СССР.
179. Некрасов Н. К. Жизнь и лирика Некрасова // Некрасов Н. А. Лирика. М., 1978. С. 3—16.
180. Некрасов Н. К. Некрасов сегодня // Москва. 1978. № 12. С. 198—203.
181. Некрасовский сб. Л., 1978. Вып. 6. 208 с.
- Содерж.: Прийма Ф. Я. Народность поэзии Некрасова. Громов В. А. Некрасов и «Записки охотника» И. С. Тургенева (1846—1862). Вильчинский В. П. Некрасов в Италии. Равич Л. М., Эльзон М. Д. О стихотворении Некрасова «Литературная травля». Вильчинский В. П. Некрасов и А. Н. Островский в их переписке. Ломан О. В. Знаида Николаевна Некрасова — жена и друг поэта. Бухштаб Б. Я. Пародия Некрасова на А. А. Фета. Гин М. М. Некоторые вопросы атрибуции литературно-критических текстов Некрасова. Гаркави А. М. О двух приписываемых Некрасову стихотворениях. Бессонов Б. Л. Об авторской принадлежности романа «Три страны света». Мельгунов Б. В. Из комментария к стихотворениям Некрасова. Теплинский М. В. О тексте поэмы Некрасова «Современники». Лебедев Ю. В. Текстологические заметки к поэме Некрасова «Несчастные». Заборова Р. Б. Стихотворение Некрасова «Есть и Руси чем гордиться. . .». Краснов Г. В. Авторские дополнения и пометы к «Последним песням» Некрасова. Царькова Т. С. Некрасовские материалы в архиве В. Е. Евгеньева-Максимова. Мостовская Н. Н. Библиография литературы о Некрасове 1970—1974 гг.
- Рец.: Талашов М. Шестой некрасовский // Ленингр. ун-т. 1980. 4 янв. С. 9.
182. Нечкина М. «Пророк» // Наука и жизнь. 1978. № 7. С. 101—104.
- О датировке стихотворения, посвященного Н. Г. Чернышевскому.
183. Новикова А. М., Александрова Е. А. Фольклор и литература: Семинарий. М., 1978. С. 90—94, 117.
- Некрасов и фольклор.
184. Паршина В. А. Указатель слов к поэтическим произведениям Н. А. Некрасова (на букву А) // Межвуз. сб. Ярославль, 1978. С. 78—83 (Науч. тр. / Яросл. пед. ин-т; Вып. 170).

185. Петряев Евг. «Добрые семена»; Восприятие Некрасова в Вятке. // Петряев Евг. Записки книголюбца. Киров, 1978. С. 192—197.
186. Подольская И. Карающая лира // Наука и религия. 1978. № 1. С. 62—65.
187. Портнов В. Великий новатор: (К 100-летию со дня смерти Н. А. Некрасова) // Лит. Азербайджан. 1978. № 1. С. 123—125.
188. Прийма Ф. Я. Он лиру посвятил народу своему. . . // Некрасов Н. А. Стихотворения. М., 1978. С. 296—308.
189. Прозоров Ю. М. О пушкинских мотивах в книге Н. А. Некрасова «Мечты и звуки» // Проблемы художественного метода и жанра: Сб. науч. тр. Л., 1978. С. 28—32 (XXXI герценовские чтения / Ленингр. пед. ин-т).
190. Прудников Ф. М. К ленинской оценке творчества Н. А. Некрасова // Рус. лит. 1978. № 3. С. 169—170.
191. Рейсер С. А. Основы текстологии. 2-е изд. Л., 1978. С. 67—68.
См. указатель имен.
192. Рыбаков В. Раннее сердце: (К 100-летию со дня смерти Н. А. Некрасова) // Семья и шк. 1978. № 1. С. 44—46.
193. Савостин И. Г. Диалектика фабулы, сюжета и композиции поэмы Н. А. Некрасова «Современники». 2. Композиция пространства // Вопросы сюжетосложения: Сб. ст. Рига, 1978. Вып. 5. С. 119—127.
194. Савостин И. Г. Субъект сознания и тип «открытого» пространства в поэзии Некрасова // Проблема автора в русской литературе 19—20 вв. Ижевск, 1978. С. 157—166.
195. Смирнов В. А. Изучение биографии Н. А. Некрасова (1950—1970-е гг.) // Рус. лит. 1978. № 1. С. 221—233.
196. Сухих И. Н. Заметки о Некрасове // Рус. лит. 1978. № 1. С. 184—185.
Об эпиграфе к рассказу В. Г. Короленко «Эпизоды из жизни искателя»; о двух примечаниях к главе «Пир на весь мир».
197. Талашов Г. XIX некрасовская. . . // Ленингр. ун-т. 1978. 10 февр.
Отчет о некрасовской конференции 23—24 января 1978 г. в Институте русской литературы (Пушкинский Дом) АН СССР.
198. Талашов Г. Между строк автографа // В мире книг. 1978. № 1. С. 83.
Об автографе А. А. Буткевич («А. А. Краевскому. . .») на первом томе первого посмертного собрания стихотворений Некрасова (1879).
199. Талашов Г. Н. А. Некрасов и дело Каракозова // Ленингр. ун-т. 1978. 6 янв.
200. Л. Н. Толстой в воспоминаниях современников / Вступ. ст. К. Н. Ломунова; Сост., подгот. текста и примеч. Г. В. Краснова, Н. М. Фортунатова. М., 1978. Т. 1—2.
См. указатель имен.
201. Хихадзе Л. Д. Из истории восприятия русской литературы в Грузии: (Опыт ист.-функционального изучения). Тбилиси, 1978. С. 222—236.
Восприятие Некрасова в Грузии.
202. Царькова Т. С. Девятнадцатая некрасовская конференция // Рус. лит. 1978. № 3. С. 216—219.
Отчет о некрасовской конференции 23—24 января 1978 г. в Институте русской литературы (Пушкинский Дом) АН СССР.
203. Царькова Т. С. Раннее творчество Н. А. Некрасова и фольклор // Рус. лит. 1978. № 4. С. 109—116.
204. Царькова Т. С. Становление поэтики Н. А. Некрасова: (Стихотв. произведения 1840—1845 гг.): Автореф. дис. . . канд. филол. наук. Л., 1978. 18 с.
205. Цыбенко Е. З. Из истории польско-русских литературных связей XIX—XX вв. М., 1978. С. 37.
Некрасов в польском литературоведении.
206. Чуковский К. [Предисловие] // Некрасов Н. А. Лирика. М., 1978. С. 3—14.
207. Чумак Т. М. Традиции Н. А. Некрасова в творчестве закарпатского поэта-просветителя А. И. Павловича // Вопр. рус. лит. Львов. 1978. Вып. 2. С. 108—113.

1979

208. Ахметзянов М. Г. Некрасов // Ахметзянов М. Г. Изучение литературных взаимосвязей в татарской школе. Казань, 1979. С. 38—41.
209. [Без подписи]. «Служа великим целям века. . .»: Всесоюз. некрасовский праздник поэзии // Лит. газ. 1979. 25 июля.
А. Сурков, М. Алигер, С. Баруздин, Е. Исаев о влиянии творчества Некрасова на современную поэзию.
210. Белинский В. Г. Русский театр в Петербурге: («Актер», оригинальный водевиль в одном действии, соч. Н. А. Перепельского). [Рец.] // Собр. соч.: В 9 т. М., 1979. Т. 4. С. 485—486.
211. Бельчиков Н. Некоторые вопросы работы с документами и мемуарами о писателях: (О науч. экспертизе источников) // О художественно-документальной литературе. Иваново, 1979. С. 49—65.
О воспоминаниях Достоевского и Чернышевского о Некрасове.

212. **Винокуров Е. М.** Н. А. Некрасов // Винокуров Е. Остается в силе: О классике и современности. М., 1979. С. 81—89.
213. **Волкова Л. Д.** Поэма Некрасова «Кому на Руси жить хорошо» в IX классе // Лит. в шк. 1979. № 6. С. 24—34.
214. **Гаркави А.** «Документализм» в поэзии Н. А. Некрасова // О художественно-документальной прозе: Межвуз. сб. науч. тр. Иваново, 1979. С. 91—100.
215. **Гаркави А. М.** Лирика Н. А. Некрасова и проблемы реализма в лирической поэзии: Учеб. пособие по спецкурсу. Калининград, 1979. 83 с.
216. **Гаркави А. М.** Методические указания к спецкурсу «Поэзия Н. А. Некрасова». Калининград, 1979. 48 с.
217. **Гаркави А. М.** Стихотворение «Поэту (Памяти Шиллера)» — эстетическая декларация Н. А. Некрасова // Эстетические взгляды писателя и художественное творчество. Краснодар, 1979. Кн. 3. С. 61—68 (Науч. тр. / Кубанск. ун-т; Вып. 273).
218. **Гудонене В. В.** Восприятие творчества Н. А. Некрасова в Литве // Межнациональные литературные связи на уроках русской литературы: Сб. ст. Каунас, 1979. С. 29—33.
219. **Гудонене В. В.** «Несжатая полоса» Н. А. Некрасова в становлении литовской поэзии // Идейно-художественные искания русских писателей XIX века. Л., 1979. С. 153—162. Деп. в ИНИОН АН СССР. № 4354.
220. **Дементьев А. К.** истории «огаревского дела»: (Неизв. письма А. Я. Панаевой) // Вопр. лит. 1979. № 11. С. 238—246.
221. **Емельянов Н. П.** «Отечественные записки» Н. А. Некрасова 1868—1877 гг.: (Ист.-теорет. анализ публицистики журнала в свете ленинской концепции просветительства и народничества): Автореф. дис. . . докт. филол. наук. М., 1979. 33 с.
222. **Ерастова Н. Ф.** Из наблюдений над языком и стилем поэтических произведений Н. А. Некрасова: (Употребление однокоренных суффиксальных существительных и субстантиватов) // Теоретические аспекты лингвистических исследований. Ярославль, 1979. С. 69—77.
223. **Ермилова Е.** «Грустно-победная песня»: О поэзии Некрасова // Лит. учеба. 1979. № 1. С. 162—168.
224. **Журбина Е.** Некрасов, Достоевский, Герцен — фельетонисты // Журбина Е. Повесть с двумя сюжетами: О публицистической прозе. М., 1979. С. 91—110.
225. **Залипаев В.** Детище поэта // Учит. газ. 1979. 10 июля.
История школы в Аббакумцево.
226. **Зорина Г. В.** Семантико-стилистические функции сравнений в поэме Н. А. Некрасова «Кому на Руси жить хорошо» // Теоретические аспекты лингвистических исследований. Ярославль, 1979. С. 46—56.
227. **Зотова Н. П.** Семантика номинативных предложений в русском языке (на материале поэзии Н. А. Некрасова) // Теоретические аспекты лингвистических исследований. Ярославль, 1979. С. 78—90.
228. **Илюшин А.** Стилистическая палитра Н. А. Некрасова: (Анализ худож. текста) // Рус. яз. в нац. шк. 1979. Вып. 3. С. 63—77.
229. **Калмыков С.** «Воля и труд человека. . .» // Вечное солнце: Русская социальная утопия и научная фантастика (вторая половина XIX—начало XX века). М., 1979. С. 44—47.
230. **Крупская Н. К.** О детской литературе и детском чтении. М., 1979. 271 с. См. указатель имен.
231. **Куняев С.** Звено к звену. . . // Куняев С. Свободная стихия. М., 1979. С. 32—44.
Некрасов и Блок. Некрасов и современность.
232. **Лебедев Ю. В.** Чернышевский и Некрасов // Н. Г. Чернышевский: Эстетика; Литература; Критика. Л., 1979. С. 116—136.
233. **Ленсу Е. Я., Розанов И. И.** Курсовые работы по русской литературе XIX в. и советской литературе: Метод. указания; Перечень и разработка тем; Библиография. Минск, 1979. С. 24—26.
- Образ революционера в лирике Некрасова.
234. **Мельгунов Б. В.** К литературной «родословной» стихотворения Некрасова «Еще тройка» // Рус. лит. 1979. № 3. С. 163—172.
235. **Мельгунов Б. В.** Некрасов в общественно-литературной борьбе 40—70-х годов: (К пробл. ист. судеб России) // Рус. лит. 1979. № 1. С. 26—40.
236. **Н. А. Некрасов и его время:** Межвуз. сб. Калининград, 1979. Вып. 4. С. 3—104, 134—137, 143—159.
- Содерж.: **Роговер Е. С.** Формирование эстетического идеала Н. А. Некрасова в 60-е годы и русская критика. **Трофимов И. В.** О характере трансформации социально-бытовой ситуации в художественный образ. (Н. А. Некрасов. «Еду ли ночью по улице темной. . .»). **Альми И. Л.** О структуре «большой формы» в лирике Н. А. Некрасова. **Червяковский С. А.** Работа Н. А. Некрасова над белой рукописью поэмы «Мороз, Красный нос». **Юделевич И. А.** Творческая история «Песен о свободном слове». **Горелик Л. Л.** Смысловая рифма Некрасова. **Карамышова О. В.** Образ автора-повество-

вателя в романе Н. А. Некрасова «Тонкий человек, его приключения и наблюдения». Гаркави А. М. Концепция «нового человека» в поэзии Некрасова. Грачев А. П. Проблематика «Поэта и гражданина» в «Прологе» Чернышевского. Егоров В. А. Рассказ Некрасова «Без вести пропавший пиита» в литературной полемике начала 1840-х годов. Демченко А. А. Из творческой истории некрасовской части «Свистка». Смирнов В. Б. Литературно-эвристическая гипотеза о Некрасове-рецензенте.

237. Н. А. Некрасов и русская литература второй половины XIX—начала XX вв.: Межвуз. сб. науч. тр. Ярославль, 1979. Вып. 56. 112 с.

Содерж.: Жаркова В. И. «Некрасовские» мотивы в творчестве крестьянских поэтов начала XIX века. Гин М. М. О двух легендах из «Кому на Руси жить хорошо». Гаркави А. М. Термин «сатира» в поэтической системе Некрасова. Вьялицына Н. Традиции Н. А. Некрасова в дореволюционной лирике А. Ахматовой. Волкова Л. Д. Поэма Н. А. Некрасова «Кому на Руси жить хорошо» в IX классе. Козлов Б. М. Об одном «отзвуке» Н. А. Некрасова в литературе периода первой мировой войны. Паршина В. Л. Особенности употребления слова «красный» в поэзии Некрасова.

238. Некрасов Н. К. О Волга! . . . колыбель моя! Очерк. М., 1979. 190 с.

239. Нечкина М. В. Стихотворение Н. А. Некрасова о Н. Г. Чернышевском // Революционная ситуация в России в 1859—1861 гг.: Чернышевский и его эпоха. М., 1979. Т. 8. С. 512.

О стихотворении «Пророк» («Не говори: „Забыл он осторожность! . . .“»).

240. Паршина В. Л. Атрибутивные словосочетания с антонимичными прилагательными «черный», «белый» в поэтических произведениях Н. А. Некрасова // Теоретические аспекты лингвистических исследований. Ярославль, 1979. С. 57—68.

241. Прокшин В. Г. В сотворчестве с народом // Фольклор народов РСФСР. Уфа, 1979. С. 19—26.

242. Прокшин В. Г. Н. А. Некрасов: Путь к эпосе. Уфа, 1979. 272 с.

Рец.: Розанова Л. А. // Науч. докл. высш. шк. Филол. науки. 1980. № 6. С. 81—83; см. также № 421.

243. Розанова Л. Вопрос об авторской позиции и жанровой системе произведений художественно-документального ряда: (По страницам журн. «Современник», 1854—1866) // О художественно-документальной литературе. Иваново, 1979. С. 18—38.

244. Сигрист А. Библиотека П. В. Губара // Альманах библиофила. М., 1979. Вып. 7. С. 71—73.

Об «Иллюстрированном альманахе» (1848).

245. Скатов Н. «Кому на Руси жить хорошо»: Поэма Некрасова как эпосея народной жизни // Лит. в шк. 1970. № 6. С. 2—10.

246. Скатов Н. Народный поэт // Некрасов Н. А. Собр. соч. М., 1979. Т. 1. С. 3—50.

247. Скатов Н. Н. «Ты проснешься ль, исполненный сил? . . .» // Рус. яз. и лит. в шк. УССР. 1979. № 1. С. 56—61.

О стихотворении «Размышления у парадного подъезда».

248. Смирнов И. Карабах: (Дом-музей Н. А. Некрасова в Карабихе) // Волга. 1979. № 7. С. 174—189.

249. Сурков А. А. Великий русский поэт-демократ; Некрасов-сатирик // Собр. соч. М., 1979. Т. 4. С. 32—55.

250. Сурков А. Всесоюзный некрасовский. . . // Лит. газ. 1979. 18 июля.

О всесоюзном некрасовском празднике поэзии в Карабихе.

251. Торочкова К. Друг и сотрудник Некрасова: История автографа // Лит. Россия. 1979. 16 ноября.

Автограф П. И. Вейнберга на томе сочинений Г. Гейне, подаренном Некрасову.

252. Торочкова К. Любимая сестра // Лит. Россия. 1979. 22 июня.

А. А. Буткевич.

253. Трофимов И. Т. Пойски и находки в московских архивах. М., 1979. С. 39.

О стихотворениях, посвященных Некрасову: Б-в М. «На смерть Некрасова («Он умер, Смерть не пощадила. . .»); Р. «Памяти Некрасова» («Средь ночи унылой, бессонной. . .»).

254. Унковский А. М. Алексей Михайлович Унковский (1828—1893). М., 1979.

См. указатель имен.

255. Фролова Т. Д. Из истории восприятия поэзии Н. А. Некрасова в конце XIX—начале XX веков // Русские писатели-демократы второй половины XIX—начала XX вв.: Сб. ст. Казань, 1979. С. 42—66.

256. Царькова Т. Примечания // Некрасов Н. А. Собр. соч. М., 1979. Т. 1. С. 319—362; Т. 2. С. 369—412; Т. 3. С. 386—413; Т. 4. С. 379—394.

257. Чернышевский Н. Г. Письма без адреса. М., 1979. С. 155—165.

О стихотворениях Н. Некрасова.

258. Чуковский К. Н. А. Некрасов // Некрасов Н. А. Стихи для детей. М., 1979. С. 3—6.

259. Чуковский К. Н. А. Некрасов // Некрасов Н. А. Стихотворения; Кому на Руси жить хорошо. Киев, 1979. С. 5—33.

260. Чукоккала: Рукописный альманах Корнея Чуковского. М., 1979. С. 149—150, 213—215, 251—252, 265, 272—274, 313—316.

Ответы на анкету о Некрасове Ф. Сологуба, А. Блока, Вяч. Иванова, В. В. Маяковского, А. А. Ахматовой, М. А. Волошина.

261. Эльзон М. Существовала ли книга Н. А. Некрасова «Как я велик!»? // Альманах библиофила. 1979. М., 1979. Вып. 7. С. 179—183.

1980

262. Анцыферов М. Ю. Пушкин и Некрасов: Социология творчества: Учеб. пособие. Иваново, 1980. 94 с.

263. [Без подписи]. Сохранить дом Некрасовых в Ярославле: Читатель тревожится // Лит. Россия. 1980. 4 июля.

264. Бойко М. Поэзия Некрасова // Некрасов Н. А. Стихотворения и поэмы. М., 1980. С. 3—22.

265. Борщевский Ф. М. Изучение творчества Н. А. Некрасова: Пособие для учителя. Киев, 1980. 128 с.

266. Бочарников В. Живое слово о Н. А. Некрасове: Интересные находки // Сов. правда. Кострома. 1980. 12 нояб.

Подписной лист на открытие школы и библиотеки им. Н. А. Некрасова в с. Грешневе 17 сент. 1902 г. (из архива Ф. В. Смирнова).

267. Выходцев П. С. Вместе с классиками // Выходцев П. С. В поисках нового слова. М., 1980. С. 217—241.

Роль некрасовского наследия в формировании русской советской поэзии.

268. Гаркави А. М. Образ Матрены Корчагиной и идейно-художественные функции песен и причитаний в поэме Некрасова «Кому на Руси жить хорошо» // Фольклорная традиция и литература. Владимир, 1980. С. 56—65.

269. Гаркави А. М. Примечания // Некрасов Н. А. Стихотворения и поэмы. М. 1980. С. 520—553.

270. Гаркави А. М. Романтическое начало в поэме Некрасова «Княгиня Трубецкая» // Проблемы романтического метода и стиля. Калинин, 1980. С. 107—115.

271. Гаркави А. М. Своеобразие реализма в поэме Н. А. Некрасова «Княгиня М. Н. Волконская» // Проблемы реализма. Вологда, 1980. Вып. 7. С. 53—67.

272. Глебова Л. Поэмы Н. А. Некрасова о декабристах // Некрасов Н. А. Русские женщины: Поэмы. Кемерово, 1980. С. 65—71.

273. Евтушенко Е. А. «За великое дело любви. . .» // Евтушенко Е. А. Талант есть чудо неслучайное: Кн. ст. М., 1980. С. 40—46.

274. Енишерлов В. Певец боли и гнева: Очерки // Енишерлов В. Дань памяти. М., 1980. С. 3—11.

275. Жанр и композиция литературного произведения: Межвуз. сб. Калининград, 1980. Вып. 5. С. 37—62.

Содерж.: Гаркави А. М. Композиция стихотворных циклов Н. А. Некрасова. Трофимов И. В. Образ рассказчика и жанровая природа стихотворения: («Говорун» Н. А. Некрасова). Юделевич И. А. Творческая история и композиционные особенности цикла «Песен» Н. А. Некрасова.

276. Жданов В. В. Проблемы решенные и нерешенные // Вопр. лит. 1980. № 3. С. 234—248.

277. Ковалева М. М. Н. А. Некрасов-журналист (1841—1846): Лекции для студентов заоч. и веч. отд-ний фак. журналистики гос. ун-та. М., 1980. 57 с.

278. Македонская Е. Московская библиотека А. Н. Островского // Альманах библиофила. М., 1980. Вып. 8. С. 81—82.

Публикация текста дарственной надписи Некрасова на экземпляре первого тома «Стихотворений Н. Некрасова» (СПб., 1873), принадлежавшем А. Н. Островскому.

279. Медведев В. П. Всесоюзная некрасовская конференция (г. Иваново. Июнь 1980 г.) // Лит. в шк. 1980. № 6. С. 75—76.

Отчет о некрасовской конференции 10—12 июня 1980 г. в Иваново.

280. Мельгунов Б. В. Из разысканий о Некрасове // Рус. лит. 1980. № 4. С. 140—144.

О стихотворениях «Вино», «Чуть-чуть не говоря: „Ты сущая ничтожность!“ . . .» и «Железная дорога».

281. Мельгунов Б. В. Национально-историческая проблематика в творчестве Н. А. Некрасова: Автореф. дис. . . канд. филол. наук. Л., 1980. 18 с.

282. Мельгунов Б. В. Некрасов и крестьянская утопия // Рус. лит. 1980. № 1. С. 73—88.

283. Н. А. Некрасов и его время: Межвуз. сб. Калининград, 1980. Вып. 5. С. 3—52, 60—67, 93—121.

Содерж.: Максидонова Л. Г. Уроки нравственности. (К изучению поэмы Некрасова «Мороз, Красный нос» в школе). Роговер Е. С. Воплощение эстетического идеала Н. А. Некрасова в его творчестве семидесятых годов. Беглов В. А., Трофимов И. В. Социальное сознание семи странников в поэме Н. А. Некрасова «Кому на Руси жить хорошо». Гаркави А. М. Из творческой истории поэмы «Русские женщины». (Статья С. В. Максимова как источник «Русских женщин»). Карамышлова О. В. О жанре романа

Н. А. Некрасова «Тонкий человек, его приключения и наблюдения». Гилина М. Л. О фольклоризме А. Н. Островского. (Народные песни в драме «Гроза»). Егоров В. А. Н. А. Некрасов и В. С. Межевич. (Попытка атрибуции анонимной рецензии в «Литературной газете»). Бушканец Е. Г. А. М. Скабичевский о «Воспоминаниях» А. Я. Головачевой. Смирнов В. Б. Об авторе романа-фельетона «Розы прогресса». (К истории полемике некрасовских «Отечественных записок» с «Санкт-Петербургскими ведомостями»). Рейсер С. А. Псевдонимосточник. . .

284. Н. А. Некрасов и русская литература второй половины XIX—начала XX века: Межвуз. сб. науч. тр. Ярославль, 1980. Вып. 57. 132 с.

Содерж.: Прозоров Ю. М. Н. А. Некрасов после книги «Мечты и звуки». К проблеме преодоления романтизма в творчестве Н. А. Некрасова 1840 г. Морозов Н. Г. Стихотворение Н. А. Некрасова «Школьник». Торопова А. В. Фольклорные истоки поэтической символики Н. А. Некрасова в поэме «Мороз, Красный нос». Лебедев Ю. В. Эпический цикл у Некрасова и в русской литературе 1850—1860-х гг. Крупнышев А. М. К вопросу о развитии народного сознания в романе из народной жизни и в поэме Н. А. Некрасова «Кому на Руси жить хорошо». Полякова Г. В. Сатира А. М. Жемчужникова «В чем вся суть?» и сатирическая поэзия Н. А. Некрасова. Волкова Л. Д. «Не только над помещиком, привычка над крестьянином сильна». (Урок по поэме Н. А. Некрасова «Кому на Руси жить хорошо»). Мелерович А. М. Семантический анализ фразеологии в художественной речи на материале произведений Н. А. Некрасова и Л. Н. Толстого. Паршина В. Л. Цветопись в поэзии Н. А. Некрасова и его современников.

285. Некрасовский сб. Л., 1980. Вып. 7. 240 с.

Содерж.: Прийма Ф. Я. Н. А. Некрасов и М. Е. Салтыков-Щедрин. Гаркави А. М. Творческая история поэмы «В. Г. Белинский». Гин М. М. Эволюция замысла «Медвежья охота» и духовная драма Некрасова 1866—1867 гг. Бессонов Б. Л. Об утраченной переписке А. Я. Панаевой и Некрасова. (История одной публикации). Алексеева О. Б. К вопросу об основном тексте «Пира на весь мир». Груздев А. И. О названиях глав в «Пире на весь мир». Прокшин В. Г. «Эпиграф. Гриша Добросклонов». Мельгунов Б. В. Редакционные предисловия и примечания в журналах Некрасова. Вацуро В. Э. Один из источников «Огородника». Мельник В. И. История одного сюжета. (Рассказ Некрасова «Двадцать пять рублей»). Бухштаб Б. Я. К истолкованию стихотворения «Песня Еремушке». Эльзон М. Д. О датировке стихотворения «Вчерашний день, часу в шестом. . .». Лебедев Ю. В. Об источниках образа Павлуши Веретеникова в поэме «Кому на Руси жить хорошо». Смирнов В. А. В. М. Лазаревский — современник Некрасова. Краснов Г. В. Вокруг истории первого посмертного издания «Стихотворений» Некрасова. Базанов В. В. Некрасов в творческой биографии Александра Прокофьева. Мельгунов Б. В. Из материалов к декабристской теме в архиве Некрасова. Мостовская Н. Н. Неизвестное письмо М. К. Цебриковой о Некрасове. Евтеньев-Максимов В. Е. Из прошлого. Записки некрасововеда (1902—1924) / Публ. Т. С. Царьковой.

Рец.: Павлова И. Б. // Обществ. науки в СССР: Литературоведение. РЖ. 1980. № 6. С. 83—85; Талашов Г. Новое о Некрасове // Ленингр. ун-т. 1980. 3 окт.

286. Нечкина М. В. Встреча двух поколений: Из истории рус. рев. движения кон. 50-х—нач. 60-х гг. XIX в. М., 1980. С. 519—527.

О датировке стихотворения «Пророк» («Не говори: „Забыл он осторожность!“. . .»).

287. Осоват А. Л. «Как слово наше отзовется»: (О первом сб. Ф. И. Тютчева). М., 1980. С. 37—40, 42—48, 58—60.

Некрасов и Ф. И. Тютчев.

288. Паршина В. Теоретические и практические вопросы, решаемые при составлении словаря к поэтическим произведениям Н. А. Некрасова // Проблемы теории и методики языка. Ярославль, 1980. С. 64—90.

289. Пименов В. Офени, кто они такие? Из владимирской старины // Призыв. Владимир. 1980. 20 июля.

Офени в «Коробейниках» и «Кому на Руси жить хорошо».

290. Практикум по курсу «Русская литература XIX века» (вторая половина): Для студентов-заочников / [Сост. Н. С. Гродцева, В. В. Ильин, Н. В. Карпов, Р. Г. Певцова, В. И. Этов]. М., 1980. С. 36—54.

«Кому на Руси жить хорошо» — реалистическая эпопея современной крестьянской жизни.

291. Приходько В. А. Певец многомерного мира // Некрасов Н. А. Избр. лирика Петрозаводск, 1980. С. 3—24.

292. Прозоров Ю. М. Н. А. Некрасов и русский романтизм: Автореф. дис. . . канд. филол. наук. Л., 1980. 25 с.

293. Прокушев Ю. «Я лиру посвятил народу своему. . .» // Прокушев Ю. Время. Поэзия. Критика. М., 1980. С. 17—21.

294. Раков Ю. В некрасовском Петербурге // Смена. 1980. 28 июня, 12, 14 июля. По следам литературных героев («Тараса», «Петербургский сборник», «Жизнь и похождения Тихона Тростникова», «Русские женщины»).

295. Самохвало Н. Новгород // Смена. Россия. 1980. 16 янв.

Музей-усадеб Некрасова в Чудове.

296. Сапогов В. А. Анализ художественного произведения: (Поэма Н. А. Некрасова «Мороз, Красный нос»): Пособие по спецкурсу. Ярославль, 1980. 64 с.
297. Синев Н. Проект реконструкции Музея-усадьбы Н. А. Некрасова в Чудове // Сов. культура, 1980. 4 янв.
298. Старицына З. А. Беранже в русской литературе. М., 1980. С. 110—114. Поэзия Беранже и Некрасова в их типологическом соотношении.
299. Сурков А. Великий русский поэт-демократ; Некрасов-сатирик // Собр. соч. М., 1980. Т. 4. С. 32—55.
300. Сурков А. Признание в любви // Лит. газ. 1980. 9 июля. О Всесоюзном некрасовском празднике поэзии в Карабихе.
301. Тарасов А. Ф. Карабиха: Музей-усадьба Н. А. Некрасова: Путеводитель. 2-е изд. Ярославль, 1980. 79 с.
302. Тарасов А. Ф. Некрасов в Грешневе // Сев. рабочий. Ярославль. 1980. 29 июня. Отрывок из книги А. Ф. Тарасова «Некрасов и земля Ярославская».
303. Торочкова К. Рядом с поэтом: Страницы истории // Сев. рабочий. Ярославль. 1980. 4 янв., 7 марта.
304. Трофимов И. В. Н. А. Некрасов — мастер психологического анализа (1840—первая половина 1860-х гг.): Автореф. дис. . . канд. филол. наук. Киев, 1980. 24 с.
305. Чуковский К. Некрасов // Некрасов Н. А. Лирика. Грозный, 1980. С. 3—12.
306. Щербина В. Р. Революционно-демократическая критика и современность: Белинский. Чернышевский. Добролюбов. М., 1980. С. 312—318. Писатели — революционные демократы (М. Е. Салтыков-Щедрин и Некрасов).

1981

307. Алдошина Н. Б. «Современник» в борьбе за передовую драматургию: (Об анонимной рецензии на альманах «Комета»): Межвуз. сб. науч. тр. Куйбышев, 1981. С. 90—111 (Учен. зап. / Куйбыш. пед. ин-т; Т. 256). Атрибуция рецензии Некрасову.
308. Алексеева О. Б., Гаркави А. М., Гин М. М., Мельгунов Б. В., Прийма Ф. Я., Скатов Н. Н., Эльзон М. Д. Комментарии к стихотворениям Некрасова 1855—1866 гг. // Некрасов Н. А. Полн. собр. соч. и писем: В 15 т. Л., 1981. Т. 2. С. 331—439.
309. [Без подписи]. История подписного листа // Белгород. правда. 1981. 23 апр. Подписной лист на открытие школы и библиотеки им. Н. А. Некрасова в с. Грешневе к 25-летию со дня смерти поэта.
310. Белинский В. Г. «Физиология Петербурга», ч. I. СПб., 1845; «Физиология Петербурга», ч. II. СПб., 1845. [Ст.] // Собр. соч.: В 9 т. М., 1981. Т. 7. С. 556—564, 598—605.
311. Бухштаб Б. Я. О конструкции поэмы Некрасова «Кому на Руси жить хорошо» // Жанр и композиция литературного произведения. Петрозаводск, 1981. С. 25—40.
312. В. Ж. Некрасовская конференция в Иванове (Июнь 1980 г.) // Вопр. лит. 1981. № 1. С. 305—309. Отчет о некрасовской конференции 10—12 июля 1980 г. в Иванове.
313. Вацуро В. Э., Гаркави А. М., Царькова Т. С. Комментарии к стихотворениям Некрасова 1838—1855 гг. // Некрасов Н. А. Полн. собр. соч. и писем: В 15 т. Л., 1981. Т. 1. С. 567—708.
314. Верховский Г. Еще одна рецензия // Сев. рабочий. Ярославль. 1981. 8 дек. Публикация анонимной рецензии на «Мечты и звуки» (Сын отеч. 1840. Т. 1. № 2. Кн. 2. С. 894).
315. Власов М. Ф. Приемы и методы использования глагольной синонимии в поэзии Н. А. Некрасова // Проблемы функционирования языка в его разновидностях. Пермь, 1981. С. 119—122.
316. Волкова Л. Д. Некрасов и писатели Верхней Волги // Лит. в shk. 1981. № 3. С. 78—79. Отчет о некрасовской межвузовской конференции 29—31 января 1981 г. в Костроме.
317. Гаркави А. М. Стихотворение Н. А. Некрасова «Блажен незлобивый поэт. . .» в литературной полемике середины XIX века // Наследие революционных демократов и русская литература. Саратов, 1981. С. 194—204.
318. Гаркави А. М. Тютчев в восприятии Некрасова // «В Россию можно только верить»: Ф. И. Тютчев и его время: Сб. ст. Тула, 1981. С. 5—32.
319. Голуб И. Б. Гармония звуков, мыслей и чувств: К 160-летию со дня рождения Н. А. Некрасова // Рус. речь. 1981. № 6. С. 23—30.
320. Грибушин И. И. О поэтике социальной утопии: (Гоголь и Некрасов) // Русская литература 1870—1890-х годов: Сб. ст. Свердловск, 1981. Вып. 14. С. 138—151.
321. Гуськов П. Некрасов и Владимирский край // Призыв. Владимир. 1981. 22 нояб.
322. Гуськов П. Стихи оставались в строю // Ленинское знамя. Москва. 1981. 27 дек. О значении творчества Некрасова в годы Великой Отечественной войны.

323. Дедюхин Б. Апрельский визит // Волга. 1981. № 12. С. 170—187. Достоевский и Некрасов.
324. «Дом Некрасова» и «Салтыковская тропа» // Ленингр. рабочий. 1981. 20 февр.
О реставрации дачи А. Н. Еракова в Ломоносове, где часто бывал Некрасов.
325. Жданов В. В. Жизнь Некрасова. М., 1981. 239 с.
Рец.: Подольская И. Дело и слово Некрасова // Вопр. лит. 1982. № 6. С. 247—252.
326. Иванова Н. Н. «Сестра народа и моя!»: (К 160-летию со дня рождения Н. А. Некрасова) // Рус. речь. 1981. № 6. С. 16—22.
327. Иванова Н. Н. Традиции стихотворной речи в лирике Некрасова // Григорьева А. Д., Иванова Н. Н. Язык лирики XIX в.: Пушкин. Некрасов. М., 1981. С. 220—339.
Рец.: Калашник В. С., Тарасов А. Ф. // Рус. яз. в шк. 1981. № 6. С. 107—109.
328. Иванова Н. Н. Яркая черта индивидуального стиля Некрасова // Рус. яз. в шк. 1981. № 6. С. 45—49.
329. Капустин И. В., Куприяновский П. В. Научная конференция «Н. А. Некрасов и писатели Верхней Волги» (Кострома, январь 1981 г.) // Науч. докл. высш. шк. Филол. науки. 1981. № 4. С. 95—96.
Отчет о межвузовской некрасовской конференции 29—31 января 1981 г. в Костроме.
330. Карамышлова О. В. О жанровом своеобразии романа Н. А. Некрасова «Жизнь и похождения Тихона Тростникова». Калининград, 1981. 16 с. Деп. в ИНИОН АН СССР. № 7763.
331. Коршунова С. И. К проблеме реализма в русской критике 70-х годов XIX века: Творчество Н. А. Некрасова в освещении журн. «Дело»: Автореф. дис. . . . канд. филол. наук. Киев, 1981. 24 с.
332. Краснов Г. В. Н. П. Огарев и Н. А. Некрасов: (К творч. истории элегии «Уныние») // Наследие революционных демократов и русская литература. Саратов, 1981. С. 296—302.
333. Краснов Г. В. Последние песни. М., 1981. 110 с.
334. Лесневский С. Читатель Некрасова // А. Блок и современность. М., 1981. С. 188—198.
Блок и Некрасов.
335. Лесневский С. «Я лиру посвятил народу своему. . .» // Огонек. 1981. № 49. С. 20—21.
336. Мельгунов Б. В. «Декабристские» замыслы Некрасова после «Княгини Волконской» // Рус. лит. 1981. № 3. С. 147—150.
337. Морозов Н. Г. Изображение народной жизни в творчестве Н. А. Некрасова 1858—1860 гг. // Рус. лит. 1981. № 4. С. 180—191.
338. Морозов Н. Г. Н. А. Некрасов и писатели Верхней Волги // Рус. лит. 1981. № 3. С. 230—233.
Отчет о межвузовской некрасовской конференции 29—31 января 1981 г. в Костроме.
339. Мостовская Н. Н. Двадцатая некрасовская конференция // Рус. лит. 1981. № 1. С. 250—255.
Отчет о некрасовской конференции 10—12 июня 1980 г. в Иванове.
340. Некрасов и его время: Межвуз. сб. Калининград, 1981. Вып. 6. С. 3—115, 148—156.
Содерж.: Трофимов И. В. Нравственное сознание лирического героя в творчестве Н. А. Некрасова 40—50-х годов. Соколов В. Б. Некрасов и Салтыков-Щедрин. (К общности идейно-творческих позиций в 1860—1870-е годы). Карамышлова О. В. Жанровое своеобразие романа Н. А. Некрасова и А. Я. Панаевой «Три страны света». Юделевич И. А. «Стихотворения 1868 г.» Н. А. Некрасова как цикл. Беглов В. А. Единство и противоречивость образа семи странников в поэме «Кому на Руси жить хорошо». Медведева А. И. Некрасов и Гаршин. Фролова Т. Д. Некрасов в художественном мире Репина. Малютина А. И. Некрасовская тема в журнале «Сибирские записки». Зельдович М. Г. «Взаимоотражение» художественных произведений Некрасов и Достоевский. (К постановке историко-функционального изучения литературы). Ямпольский И. Г. Повесть о поэте Гезиоде. Егоров В. А. Две заметки о пародиях Н. А. Некрасова. Максидонова Л. Г. К изучению лирики Некрасова в 9-м классе. Теплинский М. В. Две анкеты о Некрасове. Савостин И. Г. Памяти Александра Мироновича Гаркави. Библиография научных трудов А. М. Гаркави / Сост. И. Г. Савостин, Б. А. Липшиц.
341. Н. А. Некрасов и русская литература второй половины XIX—начала XX века: Межвуз. сб. тр. Ярославль, 1981. Вып. 59. 162 с.
Содерж.: Бухштаб Б. Я. О замысле поэмы «Кому на Руси жить хорошо». Крупышев А. М. О композиции «Пролога» в поэме Н. А. Некрасова «Кому на Руси жить хорошо». Вердеревская Н. А. Композиционная структура поэмы Н. А. Некрасова «Мороз, Красный нос» и традиции натуральной школы (физиологического очерка). Розанова Л. А. Об афористичности некрасовского стиля (к постановке вопроса). Морозов Н. Г. Народно-этические идеалы в стихотворении Н. А. Некрасова «Песня Еремущке». Стадников Г. В. Стихотворения «Ах, были счастливые годы. . .» и «Душно! без счастья и воли. . .» и проблема творческих связей Некрасова с Г. Гейне. Кабинетская Т. Н. Об одном переводе Некрасова. Белова В. С. Выразительное чтение как сред-

ство постижения учащимися личностной природы литературного произведения (6 класс).
Волкова Л. Д. Проблема «греха» в поэме Н. А. Некрасова «Кому на Руси жить хорошо».
Лебедев Ю. В. Текстологические заметки, уточнения, комментарии к поэмам Н. А. Некрасова. **Паршина В. Л.** Использование цветových прилагательных в создании портрета в поэзии Н. А. Некрасова (к вопросу о коннотации).

342. **Никитина Е. П.** Споры о Некрасове и Тютчеве в предреволюционные годы (1912—1916) // Наследие революционных демократов и русская литература. Саратов, 1981. С. 204—217.

343. **Павлов К. Н.** А. Некрасов и писатели Верхней Волги // Рабочий край. Иваново. 1981. 10 марта.

344. «Парадный подъезд» // Ленингр. правда. 1981. 6 дек.

Читатели о стихотворении Некрасова «Размышления у парадного подъезда».

345. **Пашин В.** Подсказала молва // Веч. Ленинград. 1981. 20 июля; также: Псков. правда. 1982. 6 янв.

О реальных фактах, положенных в основу стихотворения «Огородник».

346. **Попова З.** Офени // Сов. Россия. 1981. 28 июня.

О знакомстве Некрасова с владельцем книжной лавки в Мстере А. К. Голышевым.

347. **Прийма Ф. Я.** К характеристике фольклоризма Н. А. Некрасова // Рус. лит. 1981. № 2. С. 76—91.

348. **Прийма Ф. Я.** «Псовая охота» Некрасова и ее место в историко-литературном процессе // Наследие революционных демократов и русская литература. Саратов, 1981. С. 181—194.

349. **Приходько В.** Наш современник, поэт и гражданин: (К 160-летию со дня рождения Н. А. Некрасова) // Молодая гвардия. 1981. № 12. С. 242—249.

350. **Савинова Р.** «Живу я . . . близ города Муром»: Некрасовские места Владимирщины // Призыв. Владимир. 1981. 10 дек.

351. **Скатов Н. Н.** Некрасов и советская поэзия: (Лирика Михаила Исаковского, эпос Александра Твардовского); Некрасовские эпитафии у В. И. Ленина // Скатов Н. Н. Далекое и близкое. М., 1981. С. 269—280, 293—335.

Реп.: **Лебедев Ю. В.** Когда далекое становится близким // Рус. лит. 1982. № 3. С. 231—235; **Никитина Е. П.** // Волга. 1982. № 11. С. 155—157; **Нольман М.** Современность классики // В мире книг. 1982. № 10. С. 80; **Ромм А.** Жизнь традиции // Нева. 1982. № 7. С. 179—180; **Прозоров Ю.** Век нынешний. . . Век минувший // Лит. обозрение. 1983. № 3. С. 53—56; **Котельников В.** Освоение ценностей // Молодая гвардия. 1984. № 1. С. 284—287.

352. **Скатов Н.** «Пушкинское» стихотворение Некрасова // Лит. в шк. 1981. № 5. С. 13—16.

О стихотворении «Элегия» («Пускай нам говорит изменчивая мода. . .»).

353. **Скатов Н.** Россия у Александра Блока и поэтическая традиция Некрасова // В мире Блока: Сб. ст. М., 1981. С. 85—114.

354. **Скатов Н.** «Ты проснешься ль, исполненный сил?»: (Стихотворение «Размышления у парадного подъезда» Н. А. Некрасова); Эпопея народной жизни: (Поэма «Кому на Руси жить хорошо» Н. А. Некрасова) // Вершины. М., 1981. С. 319—332, 333—361.

355. **Смирнов С.** Воистину народный: К 160-летию со дня рождения Н. А. Некрасова // Сов. культура. 1981. 8 дек.

356. **Сухова Н.** «Помни и люби эти стихи. . .» // Некрасов Н. А. Саша; Стихотворения. М., 1981. С. 3—9.

357. **Тарасов А.** Грешново и грешневцы: (К 160-летию со дня рождения Н. А. Некрасова) // Волга. 1981. № 12. С. 163—169.

358. **Твердохлебов И. Ю.** Некрасов и его народная эпопея // Некрасов Н. А. Кому на Руси жить хорошо. М., 1981. С. 3—30.

359. **Теплинский М. В.** Из истории творческих взаимоотношений М. Е. Салтыкова-Щедрина и Н. А. Некрасова // Наследие революционных демократов и русская литература. Саратов, 1981. С. 311—320.

360. **Тимофеев Л.** Четырнадцатый автограф // В мире книг. 1981. № 7. С. 79—80.

Публикация текста дарственной надписи Некрасова на экземпляре первого тома «Стихотворений Н. Некрасова» (СПб., 1873), принадлежавшем И. Н. Крамскому.

361. **Торочкова К.** Здесь жил поэт. . .: (Рассказы об экспонатах музея Н. А. Некрасова в Карабихе) // Волжские дали: Лит.-худож. сб. Ярославль, 1981. С. 207—221.

362. **Торочкова К.** История редкого портрета // Сев. рабочий. Ярославль. 1981. 17 дек.

Портрет Некрасова и картина «Некрасов в период „Последних песен“» И. Н. Крамского. «Последние песни» с дарственной надписью Некрасова Крамскому 7 апр. 1877.

363. **Фрумкин Л. Р.** Раздумья о судьбе народной // Фрумкин Л. Р. Эти сердцу милые края. . . Л., 1981. С. 10—15.

364. **Царькова Т. С.** К проблеме становления поэтики Н. А. Некрасова: (Сказки 1840 г.) // Рус. лит. 1981. № 3. С. 134—146.

365. **Чуковский К. И.** Н. А. Некрасов // Крылов И. А. Избр. соч.; Грибоедов А. С. Горе от ума; Некрасов Н. А. Стихотворения и поэмы. М., 1981. С. 51—78 (Б-ка мировой лит. для детей).

366. Шокудилов Х. Преемственность: К характеристике переводов и освоения творч. опыта Некрасова // Проблемы таджикской литературы и фольклора. Душанбе, 1981. Вып. 1. С. 80—106.

1982

367. Алексеева О. Б., Беседина Т. В., Груздев А. И., Твердохлебов И. Ю., Царькова Т. С. Комментарии к «Кому на Руси жить хорошо» // Некрасов Н. А. Полн. собр. соч. и писем: В 15 т. Л., 1982. Т. 5. С. 601—686.

368. Алексеева О. Б., Битюгова И. А., Гаркави А. М., Гришунин А. Л., Лебедев Ю. В., Мельгунов Б. В., Скатов Н. Н., Теплинский М. В. Комментарии к поэмам Некрасова 1855—1877 гг. // Некрасов Н. А. Полн. собр. соч. и писем: В 15 т. Л., 1982. Т. 4. С. 521—620.

369. Алексеева О. Б., Битюгова И. А., Гин М. М., Краснов Г. В., Ломан О. В., Мельгунов Б. В., Скатов Н. Н., Царькова Т. С., Эльзон М. Д. Комментарии к стихотворениям Некрасова 1866—1877 гг. // Некрасов Н. А. Полн. собр. соч. и писем: в 15 т. Л., 1982. Т. 3. С. 387—503.

370. Анциферов М. Поэт и «толпа» у Пушкина и у Некрасова // Лит. учеба. 1982. № 1. С. 126—135.

371. Базанов Вас. Сергей Есенин и крестьянская Россия // Л., 1982. С. 257—259. О традициях Некрасова в творчестве Есенина.

372. Басова Н. Некрасов и Костромской край: К 160-летию со дня рождения писателя // Сев. правда. 1982. 5 янв.

373. [Без подписи]. «Живу я... близ города Муром» // Сов. Россия. 1982. 12 февр. Об экспозиции «Некрасов и Владимирский край» в селе Фоминки Гороховецкого района.

374. Белинский В. Г. Петербургский сборник. СПб., 1846; Первое апреля. СПб., 1846; Петербургский сборник. [Ст. и рец.] // Собр. соч.: В 9 т. М., 1982. Т. 8. С. 149—151, 481—482, 503—506.

375. Бессонов Б. Л. Когда и где родился Некрасов? // Рус. лит. 1982. № 2. С. 191—194.

376. Бухштаб Б. Я. К истории стихотворения Некрасова «Катерина»; Об исчезнувшем тексте Некрасова // Бухштаб Б. Я. Литературоведческие расследования. М., 1982. С. 51—59, 60—71.

377. Владимиров Е. В. Путь к Н. А. Некрасову // Владимиров Е. В. Обретение традиций. Чебоксары, 1982. С. 108—130.

378. Гаркави А. М. Автобиографический роман «Жизнь и похождения Тихона Тростникова» и реалистическая поэзия Н. А. Некрасова // Проблемы развития русской лирической поэзии XVIII—XIX вв.: Сб. науч. тр. М., 1982. С. 68—80.

379. Гаркави А. М. Н. А. Некрасов и поэты его школы в литературном процессе середины XIX века // Концепция человека в русской литературе. Воронеж, 1982. С. 42—51.

380. Емельянов Н. П. «Отечественные записки» Н. А. Некрасова о программе демократической печати 1870-х годов // Вестн. Ленингр. ун-та. 1982. № 8. Сер. истории, яз., лит. Вып. 2. С. 40—45.

381. Енихен И. Народно-песенный характер лирики Н. А. Некрасова и М. Конопницкой // Вестн. Белорус. ун-та. Сер. 4. Филология, журналистика, педагогика, психология. 1982. № 3. С. 21—24.

382. Жданов В. В. Н. А. Некрасов // История русской литературы. Л., 1982. Т. 3. С. 333—381.

383. Иванова Н. Н. Речевой демократизм Некрасова: (Лирика) // Проблемы структурной лингвистики. 1980. М., 1982. С. 192—204.

384. Ильина Л. Ю. Поэма 1860-х годов и «Мороз, Красный нос» Н. А. Некрасова: Автореф. дис. . . . канд. филол. наук. Л., 1982. 18 с.

385. Калининкова Е. Я. Русская классика и Мулк Радж Ананд: (Уроки Толстого; Некрасов и Ананд) // Русская классика в странах Востока. М., 1982. С. 68—84.

386. Карамышлова О. В. Художественное своеобразие романов Н. А. Некрасова: Автореф. дис. . . . канд. филол. наук. Киев, 1982. 19 с.

387. Кателлина Л. С. Метафорические эпитеты в поэмах А. С. Пушкина, М. Ю. Лермонтова, И. С. Никитина и Н. А. Некрасова. Воронеж, 1982. 18 с. Деп. в ИНИОН АН СССР. № 12349.

388. Кателлина Л. С. Эпитеты в поэмах Н. А. Некрасова «Несчастные» и «Мороз, Красный нос» // Поэтическая стилистика. Воронеж, 1982. С. 93—100.

389. Киселева А. Последняя книга поэта // Байкал. 1982. № 1. С. 125—130. «Последние песни».

390. Колосова И. Поэзии чудесный гений // Волга. 1982. № 11. С. 159—175. О литературно-мемориальных музеях в Михайловском, Болдине, Карабихе и Тарханах.

391. Конкин С. Николай Огарев: (Жизнь, идейно-творч. искания, борьба). 2-е изд., испр. и доп. Саранск, 1982. С. 224—252, 479—482.

- К истории «огаревского дела».
392. Кулешов В. И. *Натуральная школа в русской литературе XIX века*. 2-е изд. М., 1982. 239 с.
393. Лазарева Т. В доме Некрасова // Веч. Ленинград. 1982. 19 февр.
О Музее-квартире Н. А. Некрасова в Ленинграде.
394. Лебедев Ю. В. С. В. Максимов и Н. А. Некрасов // Рус. лит. 1982. № 2. С. 134—140.
395. Лебедев Ю. В. *Поэзия 70-х годов* // История русской литературы. Л., 1982. Т. 3. С. 584—605.
396. Леонова Т. Г. *Русская литературная сказка XIX века и ее отношение к народной сказке: (Поэт. система жанра в истории развития)*. Томск, 1982. С. 114—117. Сказки Некрасова.
397. Маллер Л. М. *Метрика Н. А. Некрасова и традиции русского стиха: Автореф. дис. . . канд. филол. наук*. М., 1982. 17 с.
398. Маллер Л. М. Об отрывке из водевиля Н. А. Некрасова «Утро в редакции» // Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз. 1982. Т. 41, № 2. С. 160—162.
Использование Некрасовым эпиграммы французского поэта Экушара Лебрена.
399. Мельгунов Б. В. «Княгиня Трубецкая» как историческая поэма // Рус. лит. 1982. № 1. С. 180—189.
400. Назарова Л. Н. *Тургенев и его современники (1. Тургенев в 1846 г.)* // И. С. Тургенев: Вопр. биографии и творчества. Л., 1982. С. 135—139.
Тургенев о Некрасове. Публикация отрывка письма А. А. Беер к Т. А. Бакуниной от 6 мая ст. ст. 1846 г.
401. *Н. А. Некрасов и русская литература второй половины XIX—начала XX вев: Межвуз. сб. науч. тр.* Ярославль, 1982. Вып. 64. 157 с.
Содерж.: Пайков Н. Н. О поэтической эволюции раннего Некрасова (1838—1840 гг.). Каминский В. И. Из наблюдений над прозой Некрасова. (О романе «Мертвое озеро»). Ковалева Т. Н. «Саша», или «сеятель и почва». Розанова Л. А. Об афоризмах и афористичности стиля в поэме Н. А. Некрасова «Современники». Громов В. А. «Безжин луг» Тургенева и «Крестьянские дети» Некрасова. (Общее и своеобразное). Тихомиров В. В. Творчество Н. А. Некрасова в оценке В. А. Зайцева. Мусатов В. В. Некрасов в поэтическом сознании Мандельштама. Михеева Л. Н. Н. А. Некрасов и «смоленская поэтическая школа». Волкова Л. Д., Лебедев Ю. В. Н. А. Некрасов в школьном курсе литературы. Белова В. С. О целостности восприятия школьниками поэмы Н. А. Некрасова «Кому на Руси жить хорошо». Волкова Л. Д. Крестьянство пореформенной России в споре о счастье и в поисках счастливого. (К изучению поэмы Н. А. Некрасова «Кому на Руси жить хорошо»). Груздев А. И. О тексте «Пира на весь мир». Лебедев Ю. В. О некоторых «загадках» в сюжете поэмы Н. А. Некрасова «Мороз, Красный нос».
402. Нечкина М. В. Третий «Пророк» русской литературы: (Стихотворение Н. А. Некрасова о Н. Г. Чернышевском) // Нечкина М. В. *Функция художественного образа в историческом процессе*. М., 1982. С. 160—173.
403. Нурмухамедов М. К. Некрасов — гордость русской литературы // Нурмухамедов М. К. *Судьбы народов — судьбы культур*. Ташкент, 1982. С. 90—102.
404. Олисов В. Лука Чудовская — некрасовская // Новгород. правда. 1982. 11 февр.
405. Осетров Е. И. *Сеятель* // Осетров Е. И. *Книга о русской поэзии*. М., 1982. С. 162—177.
О творчестве Некрасова.
406. Петровский М. К. И. Чуковский и А. Ф. Кони // Огонек, 1982. № 13. С. 20—21.
К истории изучения и издания творческого и эпистолярного наследия Некрасова.
407. Прокшин В. Г. О песнях Гриши Добросклонова // Рус. лит. 1982. № 4. С. 174—176.
408. Редько Н. Н. Н. А. Некрасов. «Памяти Добролюбова»: Опыт анализа ключевых слов и словосочетаний // *Методика преподавания рус. яз. и лит.* Киев, 1982. Вып. 15. С. 83—90.
409. Рез З. Я. *Лирика Н. А. Некрасова в школьном изучении: Пособие для учителей*. М., 1982. 96 с.
Рец.: Волкова Л. Д. *Войти в поэтический мир Некрасова* // Лит. в шк. 1984. № 1. С. 66—68.
410. Рейсер С. А. *Русская палеография нового времени*. М., 1982. С. 98—100. *Графическая экспертиза поэмы «Светочи»*.
411. Селезнев Ю. И. *Певец судьбы народной: К 160-летию со дня рождения Н. А. Некрасова* // Селезнев Ю. И. *Мысль чувствующая и живая*. М., 1982. С. 71—75.
412. Сидоров В. «Рыцарь на час»: О нравственной проблематике поэзии Н. А. Некрасова // Лит. учеба. 1982. № 4. С. 160—171.
413. Скатов Н. Н. А. Некрасов — литературный критик // Некрасов Н. А. *Поэт и гражданин*. М., 1982. С. 5—23.
414. Скатов Н. Н. *Поэзия 50—60-х годов; Поэты некрасовской школы* // История русской литературы. Л., 1982. Т. 3. С. 315—332, 382—402.

415. Старшинов Н. Н. Некрасов и А. Блок: Неумирающая традиция // Наш современник. 1982. № 11. С. 180—184.
416. Сухова Н. «Поэзия сердца» // Поэзия. 1982. № 32. С. 75—79.
О любовной лирике Некрасова.
417. Талашов Г. XXI некрасовская. . . // Ленингр. ун-т. 1982. 12 февр.
Отчет о некрасовской конференции 27—29 января 1982 г. в Институте русской литературы (Пушкинский Дом) АН СССР.
418. Тарасов А. Ф. Некрасов в Карабихе. 2-е изд., доп. Ярославль, 1982. 224 с.
Рец.: Талашов Г. // Волга. 1983. № 8. С. 155—156.
419. Храпченко М. Б. Современность Некрасова // Храпченко М. Б. Горизонты художественного образа. М., 1982. С. 261—273.
420. Царькова Т. С. Двадцать первая некрасовская конференция // Рус. лит. 1982. № 3. С. 240—245.
Отчет о некрасовской конференции 27—29 января 1982 г. в Институте русской литературы (Пушкинский Дом) АН СССР.
421. Царькова Т. С. Книги о Некрасове последних лет // Рус. лит. 1982. № 1. С. 217—223.
Оценка книг: Некрасовский сб. Л., 1980. Вып. 7; Прокшин В. Г. Путь к эпосе. Уфа, 1979; Борщевский Ф. М. Изучение творчества Н. А. Некрасова. Киев, 1980; Сапогов В. А. Анализ художественного произведения. (Поэма Н. А. Некрасова «Мороз, Красный нос»). Ярославль, 1980.
422. Чистова И. С. Водевиль 1830—1840-х годов // История русской драматургии. XVII—первая половина XIX века. Л., 1982. С. 402—425.
О Некрасове-водевиллисте.
423. Чуковский К. Некрасов // Некрасов Н. А. Избр. произведения. Пермь, 1982. С. 434—437.
424. Чуковский К. Н. А. Некрасов // Некрасов Н. А. Кому на Руси жить хорошо: Поэма. Л., 1982. С. 3—33.
425. Шенников Г. К. Эволюция представлений о специфике авторской идеи в русском реализме 1840—1870-х годов // Проблемы типологии литературного процесса. Пермь, 1982. С. 65—77.
426. Эльзон М. Д. О «Воспоминаниях» Н. И. Попова и их авторе // Рус. лит. 1982. № 3. С. 205—206.
Атрибуция «Воспоминаний о Н. А. Некрасове» Б. А. Садовскому.
427. Юделевич И. А. Проблема литературного контекста и сборник Н. А. Некрасова «Сатиры и песни»: Автореф. дис. . . канд. филол. наук. Киев, 1982. 24 с.

1983

428. Ананян Г. Г. Чаренц и Некрасов // Ананян Г. Г. Чаренц и русская литература. Ереван, 1983. С. 159—163.
429. Бухмейер К. К., Лотман Л. М., Теплинский М. В., Царькова Т. С. Комментарии к драматическим произведениям Некрасова 1840—1859 гг. // Некрасов Н. А. Полн. собр. соч. и писем: В 15 т. Л., 1983. Т. 6. С. 645—714.
430. Волкова Л. С. О некрасовских традициях в послевоенном творчестве Твардовского // Рус. лит. 1983. № 1. С. 60—76.
431. Гаркави А. М. Лирический герой в художественном мире Н. А. Некрасова // Проблема автора в художественной литературе. Ижевск, 1983. С. 70—78.
432. Головкин Н. В. Некоторые вопросы поэзии и интерпретации Н. А. Некрасова // Весн. Беларус. ун-та. Сер. 4. Філалогія, журналістыка, педагогіка, псіхалогія. 1983. № 1. С. 3—6.
433. Горелик Л. Л. Об одном приеме некрасовского стиля у Твардовского // Проблемы творческих связей: (А. Твардовский, М. Исаковский, Н. Рыленков). Смоленск, 1983. С. 55—61.
434. Грачева А. Д. И. С. Тургенев и Н. А. Некрасов // Проблемы восприятия и оценки русской классической литературы. Ашхабад, 1983. С. 26—53.
435. Дементьев А. Г. Твардовский и Некрасов // Дементьев А. Г. Статьи о советской литературе. М., 1983. С. 316—345.
436. Душечкина Е. В. Стихотворение Н. А. Некрасова «Вчерашний день, часу в шестом. . .» // Преподавание литературного чтения в эстонской школе. Таллин, 1983. С. 28—49.
437. Иванышина Т. В. Редакционная статья «Русского слова» о Н. А. Некрасове // Вопросы источниковедения русской литературы второй половины XIX века. Казань, 1983. С. 49—61.
438. Исаев Е. Берег вечности: Перечитывая Некрасова // Лит. газ. 1983. 13 июля. С. 5.
439. Кателина А. С. Некоторые особенности синтаксиса определений (эпитетов) и их изобразительные функции в поэмах М. Ю. Лермонтова «Мцыри» и Н. А. Некрасова «Мороз, Красный нос» // Материалы по русско-славянскому языкознанию. Воронеж, 1983. С. 52—57.

440. Колесниченко Т. В. Жанровая типология темы природы в русской поэзии середины XIX века: Н. А. Некрасов, А. А. Фет, И. С. Никитин // Жанры русского реализма. Днепропетровск, 1983. С. 60—71.

441. Коровин В. И. «Гражданином быть обязан» // Коровин В. И. Русская поэзия XIX века. М., 1983. С. 98—126.

442. Корсовецкая Р. И. Преемственность в формировании навыков целостного анализа лирического произведения (на материале поэзии Н. А. Некрасова): Автореф. дис. . . . канд. пед. наук. М., 1983. 15 с.

443. Костина Е. «И песнь слагается в уме. . .» // Лит. Россия. 1983. 16 сент. С. 19. О Доме-музее Н. А. Некрасова в Чудове.

444. Лебедев Ю. В. Заметки о герою русской классической литературы 1860-х годов // Лит. в шк. 1983. № 2. С. 7—14.

445. Мельгунов Б. В., Мостовская Н. Н., Царькова Т. С. Комментарии к прозаическим произведениям Некрасова 1840—1855 гг. // Некрасов Н. А. Полн. собр. соч. и писем: В 15 т. Л., 1983. Т. 7. С. 531—621.

446. Мусаханова Г., Абакалова Ф. Некрасов и дагестанская литература // Сов. Дагестан. 1983. № 2. С. 63—64.

447. Недзвецкий В. А. Манифест новой поэзии: («Поэт и гражданин» Н. А. Некрасова) // Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз. 1983. Т. 42, вып. 5. С. 418—432.

448. Некрасов и его время: Сб. науч. тр. Калининград, 1983. Вып. 7. С. 3—94.

Содерж.: Портнова Н. А. К проблеме эволюции своеобразия лирического метода Некрасова. Майорова Т. В. Своеобразие циклических структур в поэтической системе Некрасова. Юделевич И. А. Композиция раздела «Приложение» в книге Некрасова «Сатиры и песни». Маллер Л. М. Изображение природы Некрасовым и поэтическая традиция. Соколов В. Б. К проблеме типологической общности героев Некрасова и писателей-народников. Егоров В. А. Заметки о ранних стихотворениях Некрасова. Лебедев Ю. В. Народный мир «Губернских очерков» М. Е. Салтыкова-Щедрина и проблема «народознания» в русской литературе 1850-х годов. Бушканец Е. Г. Некрасов и «С.-Петербургские ведомости». Эльзон М. Д. Об авторе одного стихотворения в некрасовском «Современнике». Роговер В. С. Н. А. Некрасов и русская живопись второй половины XIX века.

449. Н. А. Некрасов и русская литература второй половины XIX—начала XX веков: Межвуз. сб. науч. тр. Ярославль, 1983. Вып. 67. 133 с.

Содерж.: Крыстева Д. Н. Образ Петра I в композиционно-смысловой структуре «Медного всадника» А. С. Пушкина и поэмы «Несчастные» Н. А. Некрасова. Пайков Н. Н. В. Т. Нарезный и ранняя проза Н. А. Некрасова. Крупышев А. М. Спор о лиризме Н. В. Гоголя в «Мертвых душах» и «Заметки о журналах за октябрь 1855 года» Н. А. Некрасова. Чурсина Л. К. К вопросу о звуковом строе русской лирики середины XIX века. (Тютчев, Фет, Некрасов). Морозов Н. Г. О литературных источниках поэмы Некрасова «Коробейники». Прокшин В. Г. О документальности и эпопеевности в творчестве Н. А. Некрасова. Капустин Н. В. О некоторых особенностях сатирических поэм Некрасова «Современники» и Твардовского «Теркин на том свете». Тамаев П. М. О некоторых мотивах поэзии Некрасова (на материалах произведений 40—50-х гг. XIX века). Медведев В. П. Наблюдения над стилем при изучении лирики Н. А. Некрасова в средней школе. Белова В. С. Динамика восприятия лирики Некрасова в 9 классе. Волкова Л. Д. Русь народная в поэме Н. А. Некрасова «Кому на Руси жить хорошо». Бушканец Е. Г. Приход Н. Г. Чернышевского в журнал Некрасова «Современник».

450. Некрасов Н. К. Жизнь и творчество Н. А. Некрасова // Некрасов Н. А. Избранное. М., 1983. С. 5—24.

451. Некрасовский сб. Л., 1983. Вып. 8. 213 с.

Содерж.: Прийма Ф. Я. Тема труда в творчестве Некрасова. Мостовская Н. Н. Гоголь в восприятии Некрасова. Николаев А. А. К истории подготовки сборника стихотворений Ф. И. Тютчева (1854), изданного редакцией некрасовского «Современника». Громов В. А. К истории создания и восприятия «Песни Еремушке». Смирнов В. А. В. П. Гаевский — современный Некрасова. Кралин М. М. Некрасовская традиция у Анны Ахматовой. Куриьяновский П. В. О краеведческом аспекте изучения Некрасова. Мазур Т. П. Некрасов и К. К. Случевский. Гин М. М. Текстологические заметки. Бухштаб Б. Я. Чужие строки в стихах Некрасова. Эльзон М. Д. Об эпиграмме «Он у нас осымое чудо. . .». Лебедев Ю. В. О полемическом подтексте поэмы «Крестьянские дети». Гаркави А. М. Малоизвестная эстетическая декларация Некрасова. Теплинский М. В. Изучение авторского замысла поэмы «Кому на Руси жить хорошо» в современном литературоведении. Бессонов Б. Л. По поводу одной публикации. Из переписки Некрасова / Публ. М. Я. Блинчевской. Документы «огаревского дела» / Публ. Б. Л. Бессонова. В. Е. Евгеньев-Максимов. Из прошлого. Записки некрасоведа (продолж.) / Публ. Т. С. Царьковой.

Рец.: Талашов Г. // Волга. 1984. № 12. С. 145—146.

452. Опришко Е. Н. Поэтика жанра элегий Н. А. Некрасова // Жанры русского реализма. Днепропетровск, 1983. С. 25—36.

453. Пайков Н. Н. Равняя проза Н. А. Некрасова и русский вульгарный романтизм. Л., 1983. 51 с. Деп. в ИНИОН АН СССР. № 13935.

454. Пайков Н. Н. Ранняя проза Н. А. Некрасова и творчество В. Т. Нарезного. М., 1983. 16 с. Деп. в ИНИОН АН СССР. № 13936.
455. Паршина В. Л. Закономерности функционирования цветковых слов в поэтических произведениях Н. А. Некрасова: Автореф. дис. . . . канд. филол. наук. Л., 1983. 19 с.
456. Пиппя В. Где родился Некрасов? // Ленингр. рабочий. 1983. 30 дек. То же. Труд. 1985. 28 окт.
- Интервью с Б. Л. Бессоновым: уточнение места рождения Некрасова — село Синьки Подольской губернии; см. также № 375.
457. Подмогильная Н. В. Изображение революционера в поэзии Н. А. Некрасова: (К постановке вопр. о жанровой типологии) // Жанры русского реализма. Днепропетровск, 1983. С. 36—50.
458. Поляков М. Я. Н. А. Некрасов — театральный критик // Поляков М. Я. В мире идей и образов: Ист. поэтика и теория жанров. М., 1983. С. 92—109.
459. Прозоров Ю. М. Стихотворение Некрасова «Родина» и поэтические традиции русских романтиков // Лит. в шк. 1983. № 6. С. 17—20.
460. Ровенский Н. С. Бесстрашие: Слушая музу мести и печали // Ровенский Н. С. Портреты. Алма-Ата, 1983. С. 187—208.
461. Розанова Л. А. Из истории русской народной книги: (Об опытах И. А. Худякова и Н. А. Некрасова) // Проблемы типологии литературного процесса: Межвуз. сб. науч. тр. Пермь, 1983. С. 49—65.
462. Самочатова О. Я. Место журнальной беллетристики в литературном процессе 1861—1864 годов // История и художественный мир писателя: Сб. науч. тр. Элиста, 1983. С. 111—120.
463. Сухова Н. Пленительные образы // Некрасов Н. А. Русские женщины. М., 1983. С. 3—12.
464. Твердохлебов И. Ю. Некрасов и его народная эпопея // Некрасов Н. А. Кому на Руси жить хорошо. М., 1983. С. 3—30.
465. Теплинский М. В. Письма К. И. Чуковского о Н. А. Некрасове // Вопр. рус. лит. Львов. 1983. Вып. 2. С. 126—130.
- Публикация писем 1948—1962 гг.
466. Ткачев П. И. Поэт мести и печали // Ткачев П. И. Силуэты прошлого. Минск, 1983. С. 148—151.
467. Толанчук Е. М. Творческое претворение фольклорных традиций в стихотворениях Некрасова // Рус. яз. и лит. в шк. УССР. 1983. № 4. С. 76—78.
468. Тюрин В. В. Некрасов в Чудове: Новгородские страницы жизни и творчества великого русского поэта. Л., 1983. 86 с.
- 468а. Указатель слов в поэтических произведениях Н. А. Некрасова (А—Г) / Сост. В. А. Паршина. Ярославль, 1983. 88 с.
469. Федоров О. И. Некоторые замечания к жанрово-композиционной структуре сатиры Н. А. Некрасова «Балет» // Вопросы художественной структуры произведений русской классики. Владимир, 1983. С. 81—96.
470. Формозов А. А. Забелин и Некрасов // Вопр. истории. 1983. № 6. С. 182—184.
471. Фролова Т. Д. Анкета как источник изучения восприятия Некрасова // Вопросы источниковедения русской литературы второй половины XIX века. Казань, 1983. С. 27—49.
472. Чельшев Б. Д. Имеют свое имя. . . Кишинев, 1983. 207 с.
- Разыскания книголюбца о Некрасове, Пушкине, Гоголе, Лермонтове и др.
473. Яковлев В. В. Свообразие трактовки социальности в поэзии Н. А. Некрасова 1845—1856 гг. Петрозаводск, 1983. 19 с. Деп. в ИНИОН АН СССР. № 15397.
474. Яковлев В. В. Эволюция принципа социальности в творчестве Н. А. Некрасова // Эстетические категории и формирование гармонического человека. Петрозаводск, 1983. С. 63—65.

1984

475. Алексеева О. Б. XXII некрасовская конференция // Рус. лит. 1984. № 3. С. 250—255.
- Отчет о некрасовской конференции 31 января—1 февраля 1984 г. в Институте русской литературы (Пушкинский Дом) АН СССР.
476. Бессонов Б. Л. Комментарий к роману «Три страны света» (1848) // Некрасов Н. А. Полн. собр. соч. и писем: В 15 т. Т. 9, кн. 2. Л., 1984. С. 307—378.
477. Битюгова И. А., Голованова Т. П., Коровин В. И., Мостовская Н. Н. Комментарий к незавершенным прозаическим произведениям Некрасова 1841—1856 гг. // Некрасов Н. А. Полн. собр. соч. и писем: В 15 т. Т. 8. Л., 1984. С. 693—780.
478. Борисов Ю. «Высок и свят их подвиг незабвенный»: (О рус. женщинах в поэзии Н. А. Некрасова) // Некрасов Н. А. Русские женщины. Саратов, 1984. С. 171—175.
479. В краю моем родном: Некрасовские места России / Сост. Н. Р. Некрасов. М., 1984. 194 с.
- Рец.: Бобров А. // Наш современник. 1984. № 6. С. 165—167.

480. Гин М. М. Незавершенные произведения Некрасова // *Вопр. лит.* 1984. № 7. С. 109—134.
481. Гин М. М. О фольклоризме Некрасова: (Некоторые итоги) // *Проблемы взаимосвязи литературы и фольклора*. Воронеж, 1984. С. 26—33.
482. Головкин Н. В. Пафос литературной критики Н. А. Некрасова (начало 40-х годов) // *Вестн. Беларус. ун-та. Сер. 4. Филология, журналистика, педагогика, психология*. 1984. № 2. С. 9—12.
483. Горелов А. Е. Поруганная красота: Н. А. Некрасов // *Горелов А. Е. Очерки о русских писателях*. Л., 1984. С. 277—297.
484. **Жанр и композиция литературного произведения**: Межвуз. сб. Петрозаводск, 1984. С. 80—113.
- Содерж.: Яковлев В. В. Прозаический фельетон Н. А. Некрасова как жанр натуральной школы. Трофимов И. В. Предметный мир лирики Н. А. Некрасова. — Поэтика заглавий Н. А. Некрасова. (К вопросу о жанровой специфике).
485. Зайцев В. А. Стихотворения Н. Некрасова. Часть III. СПб., 1864 // *Шестидесятники*. М., 1984. С. 139—151.
486. Зельдович М. Г. Поэзия Некрасова в истолковании Дружинина и борьба направлений в литературе и критике // *Зельдович М. Г. Страницы истории русской литературной критики*. Харьков, 1984. С. 149—174.
487. Зубков М. Поэт, патриот, демократ: Н. А. Некрасов в трудах В. И. Ленина // *Наш современник*. М., 1984. № 4. С. 165—170.
488. Ким И. Некрасов и бурятская советская поэзия // *Байкал*. 1984. № 4. С. 125—127.
489. Кривонос Т. В. Поэзия Н. А. Некрасова в украинских переводах: (К проблеме взаимодействия рус. и укр. литератур) // *Вопросы литературы народов СССР: Респ. межведомств. науч. сб.* Киев; Одесса, 1984. Вып. 10. С. 148—157.
490. Кузьмина Т. «Спасибо, сторона родная!» // *Лит. газ.* 1984. 11 июля. С. 7. О всесоюзном некрасовском празднике поэзии в Карабихе.
491. Мельгунов Б. В. К истории некрасовского «Современника» (1865—1867) // *Рус. лит.* 1984. № 3. С. 178—188.
492. Мельгунов Б. В. Некрасов в общественно-литературной борьбе 40—70-х годов: (К пробл. ист. судеб России) // *В мире отечественной классики*. М., 1984. С. 161—183.
493. **Наша анкета** // *Поэзия*. 1984. № 39. С. 105—122.
- А. Блок, В. Астафьев, А. Романов, Л. Аннинский, О. Фокина, Е. Лебедев, Ю. Болдырев, Г. Калужный, Ю. Селезнев о творчестве Некрасова.
494. Недзвецкий В. Манифест социальной беллетристики // *Физиология Петербурга*. М., 1984. С. 5—28.
495. **Некрасов и наша современность** // *Лит. газ.* 1984. 4 июля. С. 2.
- Выступления Н. Старшинова, Г. Касьянина, О. Дмитриева, С. Лесневского.
496. Н. А. Некрасов и русская литература XIX—начала XX веков: Межвуз. сб. науч. тр. Ярославль. 1984. Вып. 71. 124 с.
- Содерж.: Гаркави А. М., Трофимов И. В. Юношеские эстетические декларации Н. А. Некрасова. Шарафадина К. Н. Жанровая традиция пушкинского послания в лирике Н. А. Некрасова. Мясоедова Н. Г. Соотношения автора-повествователя и автора-персонажа в мемуарно-биографической прозе А. С. Пушкина и Н. А. Некрасова. Кашина Н. Поэмы А. А. Фета в контексте эпических традиций Н. А. Некрасова и русской поэзии конца XIX—начала XX вв. Лысенкова Е. И. О «шиллеровской идее» у Некрасова. Тихомиров В. О восприятии поэзии Н. А. Некрасова в эстетической и почвеннической критике. Гаркави А. М., Москалева И. А. «Русские женщины» как стихотворный цикл Н. А. Некрасова. Ананьина Ж. Ф. Художественное время в поэме Н. А. Некрасова «Мать». Крупышев А. М. Своеобразие и художественное единство «Последних песен» Н. А. Некрасова. Волкова Л. Д. Работа над текстом поэмы «Кому на Руси жить хорошо» при изучении образа Савелия. Белова В. С. О возможностях читательской восприимчивости подростков (на материале изучения поэмы Н. А. Некрасова «Мороз, Красный нос» в 6 классе). Ямпольский И. Г. Заметки о Некрасове. Лебедев Ю. В. Журнальные мотивы в поэзии Н. А. Некрасова.
497. Н. А. Некрасов и современность: Сб. ст. и материалов. Ярославль, 1984. 191 с.
- Содерж.: Верховский Г. П. Некрасов-поэт в произведениях В. И. Ленина. Бельчиков Н. Ф. Некрасов и современность. Тамаев П. М. На пути к «народной книге». (Н. А. Некрасов и А. А. Потехин). Хромова И. А. Пьеса Н. А. Некрасова «Осенняя скука» как произведение «натуральной школы». (К вопросу об особенностях развития русской драматургии 1840—1850-х гг.). Лебедев Ю. В. Об одной из «ветвей» некрасовской традиции. Процессы циклизации в русской прозе и поэзии 1840—1860-х годов. Смирнов В. Б. «Сцены из лирической комедии „Медвежья охота“» в журнальном контексте «Отечественных записок». Бушканец Е. Г. В. С. Курочкин о Некрасове. Ермилова Г. Г. Н. К. Михайловский о личности и творчестве Н. А. Некрасова. Цинаев М. Т. «Она другим дорогу проложила. . .». («Русские женщины» Н. А. Некрасова в историко-литературном контексте). Маевская Т. П. Тема труда в поэзии Н. А. Некрасова и И. Я. Франко. (Опыт типологического исследования). Гальцева Л. П. Традиции

Н. А. Некрасова в творчестве Б. А. Ручьева. Розанова Л. А. Загадка «Светочей». Деметьев А. Г. «Огаревское дело» в архиве Московского надворного суда. Куприяновский П. В. Н. А. Некрасов и край Ивановский. Медведев В. П. Внеклассная работа по творчеству Н. А. Некрасова.

Рец.: Николаев О. Книга о Некрасове // Сев. рабочий. 1985. 4 апр.; Талашов Г. // Волга. 1985. № 10. С. 161—182.

498. Порудоминский В. Вокруг портрета // Библиотекарь. 1984. № 4. С. 56—60.

О последних днях жизни Некрасова и создании его портрета И. Н. Крамским.

499. Пыпин А. Н. Письмо к Н. А. Некрасову / Публ. А. В. Дубровского // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1980 год. Л., 1984. С. 157—163.

500. Розанова Л. А. Некоторые вопросы развития художественно-документальной литературы и общей теории реализма: (По страницам журн. «Современник» 1854—1866 гг.) // Художественно-документальная проза: (История и теория): Межвуз. сб. науч. тр. Иваново, 1984. С. 129—145.

501. Сахно И. М. Многофункциональность эстетического отражения природы в поэме Некрасова «Кому на Руси жить хорошо» // Пейзаж как развивающаяся форма воплощения авторской концепции. М., 1984. С. 18—25.

502. Смигирева Т. А. Твардовский и Некрасов: Взаимодействие жанров // Содержание и форма в языке и литературе. Свердловск, 1984. С. 88—102. Деп. в ИНИОН АН СССР. № 19546.

503. Талашов Г. История литературы без Некрасова? // Лит. Россия. 1984. 20 янв.

О вузовских учебниках: Поспелов Г. Н. История русской литературы XIX века (1840—1860). 2-е изд. М., 1972; Кулешов В. И. История русской литературы XIX века (1870—1890). М., 1983.

[Отклик редакции «Литературной России»] // Лит. Россия. 1984. 27 апр.

504. Талашов Г. Научные чтения // Ленингр. ун-т. 1984. 20 янв.

О чтениях 1—2 дек. 1983 г., посвященных памяти В. Е. Евгеньева-Максимова, в Институте русской литературы (Пушкинский Дом) АН СССР и в Ленинградском университете.

505. Талашов Г. Некрасовская конференция // Ленингр. ун-т. 1984. 17 февр.

Отчет о некрасовской конференции 31 янв.—1 февр. 1984 г. в Институте русской литературы (Пушкинский Дом) АН СССР.

506. Тарасов А. Николай Алексеевич Некрасов // Некрасов Н. А. Стихи и поэмы. Ярославль, 1984. С. 248—253.

507. Тарасов А. Новое о родословной Некрасовых // Сев. рабочий. 1984. 21 окт.

508. Тархова Н. Русская драматургия на пути к Чехову // От Некрасова до Чехова: Рус. драматургия второй пол. XIX в. М., 1984. С. 3—22.

509. Теллинский М. В. Эпизод из истории некрасовского журнала «Отечественные записки» // Рус. лит. 1984. № 3. С. 189—192.

510. Торочкова К. А. Из истории создания Музея-усадеб Н. А. Некрасова в Карабихе // Краевед. записки. Ярославль, 1984. Вып. 5—6. С. 29—36 (Яросл. ист.-архит. музей-заповедник).

511. Хаханашвили И. Н. Историко-философское художественное мышление Н. А. Некрасова в поэме «Кому на Руси жить хорошо» // Сообщ. АН ГССР. 1984. Т. 114, № 1. С. 117—180.

512. Чуковский К. Н. А. Некрасов // Некрасов Н. А. Избр. произведения: Стихотворения; Поэмы. Киев, 1984. С. 5—36.

513. Чуковский К. Н. А. Некрасов // Некрасов Н. А. Стихотворения; Поэмы. М., 1984. С. 5—34.

1985

514. Аверин Б. В. Стихотворение Н. А. Некрасова «Надрывается сердце от муки...» // Анализ одного стихотворения. Л., 1985. С. 155—162.

515. Белодубровский Е. Б. К датировке записки Некрасова к Н. А. Ратынскому // Рус. лит. 1985. № 1. С. 237—238.

516. Бессонов Б. Л. Комментарий к роману «Мертвое озеро» (1851) // Некрасов Н. А. Полн. собр. соч. и писем: В 15 т. Л., 1985. Т. 10, кн. 2. С. 249—294.

517. Ближневская М. Я. Заметки к теме «Некрасов и Достоевский» (40—60-е годы) // Достоевский: Материалы и исслед. Л., 1985. Вып. 6. С. 201—207.

518. Гин М. М. Достоевский и Некрасов: Два мировосприятия. Петрозаводск, 1985. 184 с.

Рец.: Кунильский А. Радость общения // Ленинская правда. 1985. 20 дек.; Сараскина Л. Цена познания // Вопр. лит. 1986. № 4. С. 252—257.

519. Глухов В. И. Эпическая форма в творчестве Н. А. Некрасова // Науч. докл. высш. шк. Филол. науки. 1985. № 1. С. 22—28.

520. Голубева Т. В. Из истории распространения наследия Н. А. Некрасова в до-революционном Туркменистане // Изв. АН ТССР. Сер. обществ. наук. 1985. № 4. С. 69—74.

521. Гудонене В. Наследие Н. А. Некрасова и литовская литература конца XIX—начала XX века // Literatura in Kalba. Vilnius, 1985. С. 99—127.

522. Енишерлов В. П. Певец боли и гнева // Енишерлов В. П. Времен прослеживая связь. М., 1985. С. 4—12.
523. Ермакова З. П. Заметки о Некрасове: Кто скрывается за инициалами «А. С.»? // Рус. лит. 1985. № 1. С. 236—237.
524. Зубков М. Некрасов и современность // Наш современник. 1985. № 6. С. 187—190.
525. Колесниченко Т. В. Природа в поэмах Н. А. Некрасова и И. С. Никитина: («Сапа», «Тарас») // Проблемы развития жанров в русской литературе XVIII—XX вв.: Сб. ст. Петрозаводск, 1985. С. 26—31.
526. Ломан О. В. Некрасов в Петербурге. Л., 1985. 248 с.
Рец.: Талашов Г. // Ленингр. ун-т. 1986. 10 окт.; Царькова Т. С. // Веч. Ленинград. 1986. 27 июля.
527. Малиновский В. Поправка к биографии поэта // Правда Украины. 1985. 20 дек.
528. Маслов В. С. «Зеленый шум» Н. А. Некрасова // Анализ одного стихотворения. Л., 1985. С. 147—155.
529. Мельгунов Б. В. Некрасовская конференция в Иванове // Рус. лит. 1985. № 4. С. 253—258.
Отчет о некрасовской конференции 30 января—3 февраля 1985 г. в Иванове.
530. Мельгунов Б. В. Об авторе редакционной статьи о «Стихотворениях А. Фета» в «Современнике» 1850 г. // Рус. лит. 1985. № 3. С. 146—151.
531. Мельгунов Б. В. О 300-м стихе поэмы «Сапа» // Рус. лит. 1985. № 1. С. 238—239.
532. Некрасов и современная поэзия // Лит. газ. 1985. 10 июля. С. 5.
Выступления В. Фирсова, Х. Берулавы, В. Некляева, Ю. Полякова.
533. Некрасов Н. К. «Преклони колени! . . .»: Декабристские поэмы Н. А. Некрасова // Наш современник. 1985. № 6. С. 179—186.
534. Некрасовские традиции в истории русской и советской литературы: Межвуз. сб. науч. тр. Ярославль, 1985. Вып. 75. 116 с.
Содерж.: Страшнов С. Л. Н. А. Некрасов в истории баллады. Пайков Н. Н. Проблема народа и мир современный в стихотворении Н. А. Некрасова «В дороге». Козлов Б. М. Н. А. Некрасов в русской критике 1914—1917 гг. (По страницам русских журналов периода первой мировой войны). Крупнышев А. М. Литературно-критическая программа Н. А. Некрасова в «Заметках о журналах». Келейникова Н. М. М. Е. Салтыков-Щедрин — соратник Н. А. Некрасова. (К проблеме национальной рецепции творчества писателя). Ермолаева Н. Л. А. Т. Твардовский и Н. А. Некрасов. (К вопросу о народной книге). Краснова О. К. П. Д. Боборыкин в «Отечественных записках» Некрасова. Михеева Л. Н. Н. И. Рыленков и Н. А. Некрасов. Гвоздиковская Т. С. Н. А. Некрасов и ритмическая тенденция советской лирики конца 50—60-х годов. Волкова Л. Д. Изучение традиции Некрасова в поэзии Блока на уроках литературы в 10 классе. Капустин Н. В., Розанова Л. А. Вопросы изучения жизни и творчества Н. А. Некрасова в трудах члена-корреспондента АН СССР Н. Ф. Бельчикова.
535. Немзер А. Поэт и Проза // Некрасов Н. А. Избр. проза. М., 1985. С. 440—455.
536. Скатов Н. Русская поэзия середины XIX века и поэты некрасовской школы; «Ты проснешься ль, исполненный сил? . . .» (Стихотворение Н. А. Некрасова «Размышления у парадного подъезда»); Эпопея народной жизни: («Кому на Руси жить хорошо»); О двух тайнах русской поэзии: (Некрасов и Тютчев); Некрасов в поэтическом мире Блока // Скатов Н. Литературные очерки. М., 1985. С. 118—341.
537. Скатов Н. Н. «Я лиру посвятил народу своему»: О творчестве Н. А. Некрасова: Кн. для учителя. М., 1985. 175 с.
Рец.: Волков Б. В. У великого истока // Лит. в шк. 1986. № 4. С. 75—77; Ильин Е. Не принижая великих алтарей // Учит. газ. 1986. 11 янв.; Нольман М. // Волга. 1986. № 8. С. 165—166.
538. Старицина З. Л. Беранже и Некрасов: Типология эстетических систем. Казань, 1985. 15 с. Деп. в ИНИОН АН СССР. № 20650.
539. Талашов Г. Новоселье на Литейном, 36 // Ленингр. ун-т. 1985. 21 июня. Об открытии 16 мая 1985 г. Музея-квартиры Н. А. Некрасова в Ленинграде.
540. Указатель слов в поэтических произведениях Н. А. Некрасова (Д—К) / Сост. В. А. Паршина. Ярославль, 1985. 86 с.
541. Филат Т. В. Идеино-художественные принципы создания народного характера в стихотворениях «Косарь» Кольцова и «Огородник» Некрасова; Об эволюции поэтики названий стихотворений в связи с развитием категории народности: (Кольцов и Некрасов) // Проблемы развития жанров в русской литературе XVIII—XX вв. Днепропетровск, 1985. С. 31—41.
542. Фролова Т. Д. Мемуары как источник изучения восприятия Некрасова в начале XX века // Вопросы источниковедения русской литературы второй половины XIX—начала XX века. Казань, 1985. С. 103—113.
543. Фролова Т. Д. Некрасов в восприятии Фадеева. Казань, 1985. 11 с. Деп. в ИНИОН АН СССР. № 21839.

544. Яковлев В. В. Некрасов и «натуральная школа»: Автореф. дис. . . . канд. филол. наук. Киев, 1985. 17 с.
 545. Ямпольский И. М. Некрасов и музыка // Ямпольский И. М. Избр. исследования и статьи. М., 1985. С. 268—272.

1986

546. Алексеева О. Б. XXIII некрасовская конференция // Рус. лит. 1986. № 3. С. 244—248.
 Отчет о некрасовской конференции 29—30 января 1986 г. в Институте русской литературы (Пушкинский Дом) АН СССР.
 547. Архипов В. «. . . Поэт истинный»: (Из неопубликованного) / Вступ. заметка и публ. М. Н. Зубкова и Н. К. Некрасова // Наш современник. 1986. № 6. С. 154—161.
 548. Великанов Н. П. О гоголевской традиции в творчестве Некрасова // Гоголь и литература народов Советского союза. Ереван, 1986. С. 105—111.
 549. Горелов А. А. Н. С. Лесков и Н. А. Некрасов // Рус. лит. 1986. № 3. С. 55—70.
 550. Евсеева Н. Г., Беляева Р. М. Список научных трудов М. М. Гина и литературы о нем // Жанр и композиция литературного произведения: Межвуз. сб. Петрозаводск, 1986. С. 7—15.
 551. Кателина Л. С. Устойчивые словосочетания, включающие эпитеты, в поэмах А. С. Пушкина, М. Ю. Лермонтова, И. С. Никитина и Н. А. Некрасова // Материалы по русско-славянскому языкознанию. Воронеж, 1986. С. 79—83.
 552. Корман Б. О. Лирика и реализм. Иркутск, 1986. 95 с.
 Лирика Некрасова.
 553. Кулешов В. И. Неизбывная сила поэта: К 165-летию со дня рождения Н. А. Некрасова // Наш современник. 1986. № 6. С. 161—164.
 554. Куценко Ф. П. Поэтическая речь Н. А. Некрасова в поэме «Кому на Руси жить хорошо». Краснодар, 1986. 25 с. Деп. в ИНИОН АН СССР. № 25558.
 555. Мельгунов Б. В. Некрасов, Панаев — *Новый поэт*: (К истории создания журнальной маски) // Рус. лит. 1986. № 3. С. 153—169.
 556. Некрасов Н. К. Некрасов и Белинский // Звезда. 1986. № 6. С. 160—168.
 557. Некрасовские чтения: (Тез. выступлений). Ярославль, 1986. 38 с.
 Содерж.: Лебедев Ю. Эпическая основа поэмы Н. А. Некрасова «Мороз, Красный нос». Мельгунов Б. Н. А. Некрасов и Ярославский театр (1830—1840-е годы). Мостовская Н. Н. А. Некрасов и И. С. Тургенев. Ермакова З. Русские крестьяне — читатели Н. А. Некрасова. Краснов Г. Н. А. Некрасов и эстетическая критика 1850—1860-х годов. Бурдина И. Н. А. Некрасов — литературный критик. Чихачева Е. Н. А. Некрасов и народники-пропагандисты (И. И. Добровольский, М. Э. Гейштор) в Ярославской губернии. Баталова Т. Авторская позиция и ее выражение в поэме Н. А. Некрасова «Горе старого Наума». Викторovich В. Н. А. Некрасов и Я. П. Полонский. Астафьева Н. Некоторые итоги изучения творчества Н. А. Некрасова ярославскими исследователями. Пайков Н. Еще раз о восприятии Н. А. Некрасова русскими символистами. Леденев А. Проблема традиций Н. А. Некрасова в современной советской поэзии. Рымашевский В. К вопросу творческой интерпретации поэзии Н. А. Некрасова Маяковским. Павлова И. О датировке одного из писем Н. А. Некрасову. Душина Л. Элегический жанр в поэзии Н. А. Некрасова. Соколова И. Н. А. Некрасов и Литературный фонд. Паршина В. Дети и стихи для детей в лирике Н. А. Некрасова. Сударушкин Б. К вопросу изучения творчества Н. А. Некрасова в школе. Торочкова К. Из истории мемориального музея Н. А. Некрасова в Карабихе. Волков Я. Парки Музея-усадеб «Карабиха». Мазикова А. Повтор как средство создания экспрессивности в поэме Н. А. Некрасова «Кому на Руси жить хорошо». Миллионщиков О. Семантика и некоторые особенности употребления притяжательных местоимений в поэзии Н. А. Некрасова. Ширина С. Основные тенденции использования слов — номинаций эмоций в лирических стихотворениях Н. А. Некрасова. Гаврилова В. Изучение цветowych слов в поэтических текстах Н. А. Некрасова. Кругликова Л. Экспрессивные обращения в поэтической речи Н. А. Некрасова. Смирнова К. Н. А. Некрасов и Ярославский край. (Библиография 1971—1985).
 558. Пайков Н. Н. Ранняя проза Н. А. Некрасова и русская литературная традиция: Автореф. дис. . . . канд. филол. наук. Л., 1986. 17 с.
 559. Проскурина Ю. М. Трансформация очерка в русской литературе середины XIX века // Проблемы стиля и жанра в русской литературе XIX—начала XX веков: Сб. науч. тр. Свердловск, 1986. С. 39—48.
 О «Петербургских углах» Некрасова.
 560. Рейсер С. Через пятьдесят шесть лет. . . // Вопр. лит. 1986. № 2. С. 217—223.
 Полемика с Л. А. Розановой по поводу ее атрибуции Некрасову поэмы «Светочы».
 561. Скатов Н. Некрасов и Верхняя Волга // Вечные входы: Сб. очерков о писателях Костромского края. Ярославль, 1986. С. 5—16.

562. Скатов Н. Некрасов: Современники и продолжатели. [2-е изд.] М., 1986. 336 с.
563. Стрелкова И. Воспитание по Некрасову // Наш современник. 1986. № 11. С. 176—183.
564. Талашов Г. Музей открыт вновь // Волга. 1986. № 11. С. 190.
Об открытии 16 мая 1985 г. Музея-квартиры Н. А. Некрасова в Ленинграде.
565. Талашов Г. Некрасовская конференция // Ленингр. ун-т. 1986. 13 июня. Отчет о некрасовской конференции 29—30 января 1986 г. в Институте русской литературы (Пушкинский Дом) АН СССР.
566. Тюрия В. В. На земле Садко. Л., 1986. С. 105—149.
Некрасов в Чудове.
567. Чилингарян Е. Патканян и Некрасов: (Типология творчества) // Вестн. обществ. наук АН Арм.ССР. 1986. № 1. С. 31—40.
568. Чистов К. В. М. М. Гин (1919—1984) // Жанр и композиция литературного произведения: Межвуз. сб. Петрозаводск, 1986. С. 3—6.
569. Эйхенбаум Б. Некрасов // Эйхенбаум Б. О прозе. О поэзии. Л., 1986. С. 340—373.
570. Ямпольский И. Г. Слово о Некрасове // Ямпольский И. Г. Поэты и прозаики. Л., 1986. С. 6—22.

ДОПОЛНЕНИЯ К БИБЛИОГРАФИИ ЛИТЕРАТУРЫ О НЕКРАСОВЕ,
ОПУБЛИКОВАННОЙ В ИЗД.: НЕКРАСОВСКИЙ СБ. Л., 1978.
ВЫП. 6. С. 179—201

571. Блинчевская М. Я. Об авторе «Писем из Москвы о Москве» в «Современнике» // Вопр. лит. 1970. № 9. С. 252—254.
А. В. Станкевич.
572. Блинчевская М. «Бедные люди» или «Северная пчела»? // Неделя. 1971. 6—12 дек. С. 9.
Атрибуция Некрасову отзыва о «Бедных людях» Достоевского в рецензии на вып. 3 альманаха «Новоселье».
573. Блинчевская М. «На празднике» // Моск. комсомолец. 1971. 10 дек.
Рассказ писательницы М. Е. Селенкиной об отношении молодежи к поэзии Некрасова в 1860-е гг.
574. Блинчевская М. «О важной вещи должно говорить с важностью»: (Неизв. заметка юноши Некрасова) // Моск. комсомолец. 1971. 19 нояб.
Рецензия Некрасова на «Указатель губернских и уездных почтовых дорог в Российской империи» (Лит. газ. 1842. 1 февр.).
575. Блинчевская М. Я. «Переводите Горация. . .»: (Страничка воспоминаний о Некрасове) // Лит. газ. 1971. 15 сент.
576. Блинчевская М. Я. «Русский ум, русский юмор, русская душа. . .»: (Неизв. отзыв молодого Некрасова о И. А. Крылове) // Изв. 1971. 10 дек.
577. Блинчевская М. «Это, увы, современный герой»: Неизв. статья Некрасова // Лит. газ. 1971. 26 мая.
Атрибуция Некрасову отрывка из статьи «„Комета“, учено-литературный альманах» (Современник. 1851. № 5).
578. Кандалин Н. С. Некрасовские традиции в языке и стиле советской поэзии: (Н. А. Некрасов и А. Сурков) // Вопросы русского языка. Ярославль, 1971. Вып. 6. С. 50—64.
579. Лазарев А. Глубокое созвучие: Полемические заметки о некрасовских традициях // Урал. 1971. № 12. С. 142—150.
580. Никитина Е. П. «Я лиру посвятил народу своему»: (Некрасов и сов. поэзия) // Волга. Саратов. 1971. № 12. С. 149—156.
581. Станкеева З. В. О некрасовских традициях в поэтике Блока // Учен. зап. / Перм. ун-т. 1971. Т. 241. С. 215—229.
582. Вразовская Л. В. Полиметрические конструкции в творчестве Н. А. Некрасова и современной советской поэме // Сборник трудов аспирантов и соискателей / Киргизский ун-т. Сер. гуманитар. наук. 1972. Вып. 8. С. 98—109.
583. Гаркави А. М. От редактора // Некрасовский сб. Калининград, 1972. С. 129—130.
Примечания к статье С. А. Червяковского «Поэма Н. А. Некрасова „Недавнее время“», опубликованной в этом же сборнике.
584. Смирнов И. Эстафета гражданственности // Наш современник. 1972. № 3. С. 108—113.
585. Орлов О. В. Книга Корбе о русской литературе во Франции XIX века // Русская литература в оценке современной зарубежной критики: (Против ревизионизма и бурж. концепций). М., 1973. С. 197.
Ошибочное указание Ш. Корбе на источник сатиры Некрасова «Отрывки из путевых заметок графа Гаранского».

586. Гаркави А. М. Об эволюции лирического героя Н. А. Некрасова // Проблемы автора в художественной литературе. Ижевск, 1974. Вып. 1. С. 130—143.
587. Гладышева Д. Н. Крылатые слова Некрасова в языке современной публицистики // Сб. науч. тр. / Моск. пед. ин-т иностр. яз. 1974. Вып. 78. С. 22—23. На обл.: 1973.
588. Лотман Л. М. Реализм русской литературы 60-х годов XIX века. Л., 1974. С. 20—23.
О стихотворении Некрасова «Поэт и гражданин».
589. Разгон Л. [Рец. на кн.: Максименко Н. Праздники и будни поэта Николая Некрасова. М., 1973] // Дет. лит. 1974. № 10. С. 59—60.
590. Туркус Н. Последняя песнь // Лит. Россия. 1974. 26 июля.
Публикация текста дарственной надписи Некрасова на экземпляре «Последних песен», принадлежавшем Л. И. Стасюлевич.
591. Ямпольский И. Русская поэзия 1850—1860-х годов // Ямпольский И. Г. Середина века: Очерки о рус. поэзии 1840—1870-х гг. Л., 1974. С. 4—82.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

- Авдеев М. В. 44, 48
 Авсеенко В. Г. 153
 Айзеншток И. Я. 22
 Аксаков И. С. 153
 Аксаков С. Т. 45
 Алдолина Н. Б. 40
 Александр I 94
 Александр II 16—18, 100, 116
 Аллер С. 165, 166
 Алмазов Б. Н. 29
 Алферьев В. П. 34
 Аваньина Ж. Ф. 161
 Анненков П. В. 11, 23, 39, 58, 64, 67, 133
 Антонович М. А. 136, 138
 Арнольд Ю. К. 167
 Арсеньева Е. А. 166
 Аруин М. 115
 Архипов В. А. 19
 Афанасьев А. Н. 129
 Ахшарумов Н. Д. 149, 153
- Баганц Ф. 166
 Базунов Ф. В. 140
 Байрон Д.-Г. 46, 69
 Балзак О. де 45
 Барон Брамбеус см. Сенковский О. И.
 Басков Н. Н. 165
 Баскова А. 165
 Башилов В. Н. 144
 Бегичев Д. Н. 56
 Бекетов В. Н. 110
 Белинский В. Г. 5, 11, 12, 19, 25—30, 48, 49, 56, 57, 59, 61, 64, 66, 67, 101—104, 108, 149, 173
 Белодубровский Е. Б. 129
 Бенедиктов В. Г. 29, 54, 89, 90, 118
 Берг Н. В. 52, 117, 118
 Берг Ф. Н. 129, 130
 Бесекина Т. А. 144
 Бессонов Б. Л. 96
 Бестужев-Рюмин М. П. 18
 Бильбасов В. А. 167
 Бичурин И. 27
 Благосветлов Г. Е. 149
 Блинчевская М. Я. 3, 6, 40, 113, 116
 Боборыкин П. Д. 143, 152
 Богданов А. А. 79
 Боград В. Э. 23, 29, 37, 38, 41, 45, 48, 63
 Богусевич Ю. М. 137, 138
 Болотов (архитектор) 165
 Бонч-Бруевич В. Д. 139
 Борисова Е. И. 165
 Боткин В. П. 27, 43, 58, 67, 113, 115, 167, 170
 Брандис Е. П. 141
 Брант Л. В. 38, 56
 Бригер Г. 34
 Булгарин Ф. В. 56, 57, 96
 Буренин В. П. 153
 Бурмистров А. С. 97
 Буткевич А. А. (урожд. Некрасова) 140, 142, 143, 155
- Бухштаб Б. Я. 22, 25, 54, 91
 Бюло Ф. 45, 46
 Бюлов-Денневицкий Ф.-В. 100
- Вакер М. А. 51
 Варгин (нотариус) 115
 Вапуро В. Э. 54, 89, 93, 101
 Вельяшев А. Л. 114, 115
 Вельяшева О. А. 114, 115
 Верещагин В. В. 115
 Вовчок Марко (псевд.; наст. имя — М. А. Вилинская-Маркович) 140, 141, 149
 Волкова Л. С. 80
 Волконский П. М. 100
 Вольтер 57, 102
 Вольф Ч. 92
 Второв Н. И. 121
 Выводовцев Н. М. 22
- Гагарин (князь) 72
 Гаевский В. П. 63
 Галахов А. Д. 27
 Гаркави А. М. 19, 22, 41, 45, 54, 57—59, 89, 91, 96, 102, 105, 113, 115, 169
 Гассе И. И. 166
 Гейне Г. 37, 38, 89
 Генералова Н. П. 3, 6, 106, 131
 Гербель Н. В. 109, 110
 Гервег Г. 69
 Герцен А. И. 3—21, 57, 101, 105, 106, 131, 134, 135, 149
 Герцен Н. А. 3
 Гин М. М. 22, 23, 64, 91, 101, 117
 Гитлиц Е. А. 142
 Гоголь Н. В. 12, 28—30, 34, 51, 59, 68, 104
 Голицын П. А. 165
 Гончаров И. А. 27, 168
 Горемыкин Ф. И. 90
 Горленко В. П. 22
 Горький А. М. 89, 170
 Грановский Т. Н. 101, 115, 172
 Греков Н. П. 34, 46, 48
 Греч А. Н. 98
 Греч Н. И. 27, 51, 56
 Гржегелевский И. Т. 5
 Григорович Д. В. 58, 64, 67, 94
 Григорьев Ап. А. 97
 Гришунин А. Л. 101
 Громов В. А. 59, 148
 Грязнов П. И. 145
- Давыдов И. И. 37
 Даль В. И. 27
 Данилевский Г. П. (псевд. — А. Скавронский) 48, 148—154
 Дамненберг К. А. 89
 Данте 109, 131
 Дементьев А. Г. 5

- Демут-Малиновский В. И. 126
 Демченко А. А. 116
 Джаншиев Г. А. 106
 Де-Пуле М. Ф. 129
 Державин Г. Р. 97, 165, 168
 Дернова В. П. 22
 Диккенс Ч. 59
 Добролюбов Н. А. 7, 9—12, 18—21, 23, 24, 36, 54, 62, 105, 107, 116, 131—135, 168, 170
 Долгоруков В. А. 16
 Досс А. 165, 166
 Достоевский Ф. М. 27, 29, 64—67, 97, 105, 108, 109, 121, 152, 153
 Драгомирецкая Н. В. 22
 Дружинин А. В. 23, 24, 30—32, 48, 50, 58, 67
 Дун А. З. 69, 70, 79
 Дурова Н. А. 98
 Дупчеккина Е. В. 105
 Дюма А. 40
- Евгенъев-Максимов В. Е. 5, 16—19, 22, 26, 35, 37, 59, 60, 91, 131, 136, 142, 170
 Егоров В. А. 29, 54, 89, 101
 Екатерина II 94
 Елисеев Г. З. 136—138
 Ераков А. Н. 140, 141, 146
 Ефимова Е. М. 59
- Жемчужников Александр М. 41
 Жемчужников Алексей М. 41
 Жук А. А. 116
 Жукова М. С. 102
 Жуковский В. А. 54, 92, 93
 Жуковский Ю. Г. 35
- Забелин А. Р. 114
 Заболоцкий Н. А. 80
 Заборова Р. Б. 155
 Зайцев В. А. 125, 126
 Закревский А. А. 100
 Захаров Г. Я. 124
 Звонарев С. В. 141
 Зименко (поэт) 34
 Зимица А. Н. 59
 Золина Н. А. 131
 Зотов В. Р. 40, 168
 Зубов А. Н. 165
- Иванов И. Ф. 124
 Измайлов А. Е. 102
 Исаев Е. А. 80—88
- Кавелин К. Д. 27
 Казанова Д. 40
 Капелюш Б. Н. 139
 Каракозов Д. В. 35, 141
 Карамышлова О. В. 59, 60
 Катков М. Н. 35, 50, 106, 135, 139, 148, 151—153
 Кашкин (землемер) 165, 166
 Квитка-Основьяненко Г. Ф. 102
 Кессених В. А. 94
 Кессених (Графемус) Л. 95—100
 Кессених Н. 98
 Кетчер Н. Х. 113, 115
- Ковалевский П. М. 25, 50, 149, 153
 Козлов И. И. 93
 Козьмин Б. П. 131, 135
 Кольцов А. В. 13, 81, 82
 Кони Ф. А. 55
 Конопницкая М. 69
 Константин Николаевич (великий князь) 16
 Корман Б. О. 108
 Корнель П. 102
 Корсаков А. К. 34
 Корф Ф. Ф. 18
 Корш Е. Ф. 133
 Кошелев В. А. 144
 Коц А. Я. 69
 Краббе Н. К. 146
 Краевская О. А. (в замуж. Бильбасова) 167, 168
 Краевский А. А. 3, 25—27, 39, 46, 166—168
 Краснов Г. В. 33, 139, 140, 155, 158
 Крестовский В. В. 152, 153
 Кржижановский Г. М. 69
 Кривенко С. Н. 61
 Крошкин А. Ф. 23
 Курочкин В. С. 172
- Лаврентьев И. В. 165
 Лаврентьева 165
 Лазаревский В. М. 139—142, 148—151, 154
 Лазутин С. Г. 40
 Лафонтен Ж. 102
 Лебедев Ю. В. 67, 122
 Левицкий (Львицкий) С. Л. 6
 Ленин В. И. 17, 69, 70, 80, 170
 Леонтьев П. М. 106
 Лермонтов М. Ю. 13, 30, 37, 54, 69, 80, 93, 166
 Лесков Н. С. 138, 153
 Лихачев Д. С. 22
 Лихачева Е. О. (урожд. Косинская) 163
 Ломан О. В. 89, 142, 166
 Лонгинов М. Н. 25, 167
 Львицкий см. Левицкий
 Любимов Н. А. 151
 Люцероди С. П. 167
- Макашин С. А. 36, 139, 140
 Максимов В. 102
 Максимов С. В. 48, 122, 123, 126—128
 Максимович А. Я. 22
 Маркевич Б. М. 152, 153
 Маркс К. 73
 Маргынов А. Е. 50
 Марцинкевич К. М. 97
 Масальский К. П. 30
 Матвеев В. М. 166
 Маяковский В. В. 80, 81, 84, 85, 88
 Межевич В. С. 56
 Мейзенбург М.-А. фон 9
 Мельгунов Б. В. 22, 25, 139, 158
 Мельгунов Н. А. 23
 Мещерский А. С. 165
 Мин Д. Е. 109
 Мицкевич А. 69
 Михаил Федорович (Романов) 126
 Михайлов А. И. 80
 Михайлов М. Л. 12, 23, 45, 46, 107
 Михайлова А. Н. 154
 Михайловский Н. К. 143

- Михайловский-Данилевский А. И. 90
 Михневич В. О. 97
 Морозов А. А. 54
 Морозов Н. А. 168
 Мостовская Н. Н. 3, 28, 29, 54
 Муравьев-Апостол М. И. 18
 Муравьев-Виленский М. Н. 11, 16, 35, 106
 Муратов А. Б. 17
 Мюнстер А. 99
 Найдич Э. Э. 22
 Нарезный В. Т. 102, 103
 Нарская Е. см. Шаликова Н. П.
 Нарышкин А. А. 165
 Неклюдов П. В. 165
 Некрасов К. А. 140
 Некрасов Ф. А. 140
 Некрасова З. Н. (Зина, Викторова Ф. А.) 141, 142
 Нечкина М. В. 69, 70, 105
 Никитенко А. В. 25, 27, 149
 Никитин И. С. 118—121
 Николай I 9, 34, 37
 Нистрем К. М. 137, 166
 Новиков В. И. 54, 55
 Норов П. Д. 166, 167
 Ободовский П. Г. 56
 Обручев Н. Н. 36
 Огарев Н. П. 4, 5, 7—9, 13, 37, 38, 46, 47, 69, 105
 Огарева М. Л. 4, 5, 7, 8
 Одоевский А. И. 69, 73
 Одоевский В. Ф. 166—168
 Опочинин А. П. 34
 Ореус И. И. 98
 Орлов А. Ф. 4
 Островская Н. А. 62
 Островский А. Н. 31, 40, 44, 137
 Павлов Н. Ф. 28
 Павлова К. К. 40
 Пальмин Л. И. 69
 Панаев И. И. 3, 7, 23, 25, 26, 28, 30—34, 36—38, 41, 43, 45, 47, 48, 50, 52, 64, 67, 167, 168
 Панаева (Головачева) А. Я. (псевд. — Н. Станицкий) 4, 5, 7, 8, 38, 52, 91, 129, 132, 168
 Панин В. Н. 106
 Папковский Б. В. 139, 140
 Пезаровиус П. П. 90, 91, 99
 Перминов Г. Ф. 131
 Перро Ж. 94
 Пестель П. И. 18
 Петерсон Л. 99
 Петр I 118
 Петров А. Н. 165
 Петров С. Г. (псевд. — Скиталец) 67
 Пилецкая Т. Л. 94, 98
 Пирогов Н. И. 117, 118, 168
 Писарев Д. И. 149
 Писемский А. Ф. 68
 Плетнев П. А. 23, 26
 Плеханов Г. В. 129
 Плещеев А. Н. 152
 Погодин М. П. 56, 57
 Позняков Я. М. 34
 Полевой Н. А. 56
 Полонский Я. П. 136—139, 149, 151, 153
 Поляков М. Я. 56
 Помяловский И. В. 110
 Пономарев С. И. 22, 144, 170
 Портнова Н. П. 54
 Прийма Ф. Я. 3, 19, 86, 131
 Прозоров Ю. М. 89, 93
 Прохазка Э. 109
 Пушкин А. С. 8, 45, 49, 54, 69, 72, 80, 93, 101, 111, 118, 131, 160
 Пыпин А. Н. 7, 22, 24, 34, 35, 139
 Радин Л. П. 69
 Разумовский А. К. 165
 Расин Ж. 102
 Рафаэль 43
 Рейсер С. А. 66, 166
 Рейхель М. К. 5
 Ржевский А. А. 165
 Ризенкамф А. Е. 107
 Робер А. 94
 Розанов Л. И. 35
 Ройzman В. П. 161
 Ростопчина Е. П. 37
 Руссо Ж.-Ж. 102
 Ручьев Б. А. 80
 Рылеев К. Ф. 69
 Рымаренко С. С. 12
 Сажин В. Н. 64, 108
 Сазиков (фабрикант) 50
 Саксонова М. М. 158, 162
 Сакулин П. Н. 14
 Салтыков-Щедрин М. Е. 22, 54, 57, 97, 105, 137, 139, 141, 149, 152
 Самочатова О. Я. 62
 Сатин Н. М. 7
 Свешников (маклер) 115
 Свиясов Е. В. 149
 Селезнев В. М. 31
 Сенковский О. И. (псевд. Барон Брамбеус) 31, 52
 Серно-Соловьевич Н. А. 12, 107
 Сержков А. 167
 Скавронский А. см. Данилевский Г. П.
 Скатов Н. Н. 20, 59, 102
 Скиталец см. Петров С. Г.
 Смеляков Я. В. 80
 Смирнов В. А. 139, 141
 Собинов Л. В. 173
 Солдатенков К. Т. 133—135
 Соллогуб В. А. 4, 67, 91
 Соловьев С. М. 27, 153
 Соловьицын В. А. 47, 48
 Сорокин В. В. 80
 Станицкий Н. см. Панаева (Головачева) А. Я.
 Станкевич А. В. 40, 44, 115
 Старчевский А. В. 31, 52
 Стасюлевич М. М. 148—153
 Столянский П. Н. 94
 Султан Х. С. Г. 143
 Сумароков А. П. 33
 Сурков А. А. 86
 Суслов И. 34
 Сушков Н. В. 34
 Талызин Л. И. 165
 Тальони М. 94
 Тарасов А. Ф. 102, 126, 144, 146, 147
 Тарасов Н. 97
 Тарасова Т. 97

- Твардовский А. Т. 80, 81, 84, 85, 87
 Теккерей У.-М. 59
 Теплянский М. В. 6, 136, 140, 142
 Тимашев А. Е. 16
 Тимм В. Ф. 57
 Тимофеев А. Г. 104, 107
 Тишкин Г. А. 3, 29, 104
 Толстая М. Н. 132
 Толстой Л. Н. 60, 61, 81, 105, 170
 Толстой Ф. М. 136, 141
 Толстяков А. П. 113, 115
 Тредиаковский В. К. 54
 Трубецкая А. А. 132
 Трубецкой Н. Н. 165
 Туниманов В. А. 67
 Тур Е. (псевд.; наст. имя — Е. В. Салиас де Турнемир, урожд. Сухово-Кобылина) 44
 Тургенев И. С. 4—11, 14, 17—21, 27, 34, 44, 48—65, 67, 81, 92, 95, 116, 121, 131—139, 149, 152
 Тургенев Н. Н. 6
 Тынянов Ю. Н. 54, 57
 Тютчев Ф. И. 118
- Уваров С. С. 36, 37
 Украинка Л. (псевд.; наст. имя — Л. П. Косач) 69
 Унгер А. 99
 Уоддингтон П. 135
 Успенский В. В. 91
 Успенский Г. И. 168
 Уханов И. П. 69
- Федоров В. Д. 80
 Фет А. А. 45
 Фигнер Н. Н. 168
 Филарет (митрополит) 106
 Фридлиндер Г. М. 64
 Фридрих-Вильгельм 91, 99
 Фролов Н. Г. 173
- Хольц Г. 99
- Царькова Т. С. 22, 30, 89, 91
 Цейтлин А. Г. 69
 Цылов Н. И. 165
- Ч-ъ И. 56
 Чебышев-Дмитриев А. П. 153
 Чернов А. 56
 Чернышевский Н. Г. 5, 7—9, 11, 12, 16, 19, 23, 31, 36, 48, 62, 105, 107, 108, 116, 121, 134, 135
 Черняк Я. З. 5
 Чехов А. П. 171
 Чуковский К. И. 41, 45, 55, 66, 69, 70, 72, 95, 96, 112, 113, 144, 161, 162, 169—174
- Шаликова Н. П. (псевд. — Е. Нарская) 153
 Шаншиев Н. С. 4, 5, 7, 8
 Шевченко Т. Г. 69, 107
 Шевырев С. П. 56, 57
 Шелгунов Н. В. 107
 Шереметьевский П. В. 34
 Шидловский М. Р. 141
 Шиллер И.-К.-Ф. 46, 109
 Шлиппенбах К. А. 166, 167
 Штрандман Р. Р. 23
 Шувалов А. И. 144
- Щедровский И. С. 108, 109
 Щепкин Н. М. 8
 Щербина Н. Ф. 34, 41—44
 Щукинская Р. С. 165
- Эйдельман Н. Я. 129
 Эйхенбаум Б. М. 54
 Эльзон М. Д. 104—107, 111
 Энгельгардт Н. А. 102
 Энгельс Ф. 73
- Яблочков П. Н. 168
 Языков Н. М. 101
 Яковлев Н. В. 167
 Якубович П. Ф. 122
 Ямпольский И. Г. 25
 Яхонтов А. Н. 46

УКАЗАТЕЛЬ ПРОИЗВЕДЕНИЙ Н. А. НЕКРАСОВА

- «Баюшки-баю» 160
 «Без вести пропавший пиита» 55
 «Безвестен я. Я вами не стяжал. . .» 107
 «В. Г. Белинский» 9, 64
 «Беседа журналиста с подписчиком» см. «Деловой разговор»
 «Блажен незлобивый поэт. . .» 51
 «В альбом» 89
 ««В альбом Марии Фермор»» 88
 «В больнице» 113
 «В дороге» 101, 103
 «В неведомой глуши, в деревне полудикой. . .» 41, 171
 «В один трактир они оба ходили прилежно. . .» 37
 «В полном разгаре страда деревенская. . .» 70, 107
 «В тот же день часов в одиннадцать утра. . .» 54, 64, 66
 «Ванька» 14
 «Великий человек» см. «Секрет»
 «Витязь горестной фигуры» 67
 «Влас» 154
 «Внимая ужасам войны. . .» 113
 «Воров» 93
 «Всего повемногу» 23
 «Вчерашний день, часу в шестом. . .» 104, 105, 107
 «Говорун» 49, 171
 «Губернаторша» («Кому на Руси жить хорошо») 126
 «Дамский альбом» 42
 «Деловой разговор» 39
 «День рождения» 89
 «Детство» («В первые годы младенчества. . .») 171
 «Достопримечательные письма» 29
 «Драматические сочинения и переводы Н. А. Полевого» 56
 «А. В. Дружинин» 22, 23
 «Дума» («О чем тоска и сокрушение. . .») 89
 «Есть и Руси чем гордиться. . .» 157
 «Еще скончался честный человек. . .» 172
 «Железная дорога» 70, 76, 77, 86
 «Жизнь и похождения Тихона Тростникова» 28—30, 43, 54—57, 94
 «Журналистика» 22, 25, 66
 «За стеной» 191
 «За то, что ходит он в фуражке. . .» 67
 «Забытая деревня» 8, 113
 «Заметки о журналах» 23
 «Заметки о журналах за июль месяц 1855 года» 117, 119
 «Заметки о журналах за октябрь 1855 года» 68
 «Заметки о журналах за февраль 1856 года» 59
 «Застенчивость» 108, 109
 «Затворница» 158—164
 «Из поэмы „Мать“» 155—164
 «К ней. . .» см. «В неведомой глуши, в деревне полудикой. . .»
 «Как я велик!» см. «В тот же день часов в одиннадцать утра. . .»
 «Каменное сердце» см. «В тот же день часов в одиннадцать утра. . .»
 «Карп Пантелеич и Степанида Кондратьевна» 92
 «Комета. Учено-литературный альманах» (отрывок из рецензии, посвященный повести А. В. Станкевича «Идеалист») 40
 «Кому на Руси жить хорошо» 17, 70—73, 78, 81—84, 86, 88, 116, 125—127, 144—147, 171, 172
 «Коробейники» 13, 123
 «Крестьянка» («Кому на Руси жить хорошо») 126, 127, 147, 171
 «Медвежья охота» см. «Сцены из лирической комедии „Медвежья охота“»
 «Мелодия» 89, 90
 «Мертвое озеро» 52, 173
 «Мечты и звуки» (сборник) 89, 93
 «В. А. Милютин» 36
 «Мне жаль, что нет теперь поэтов. . .» 121
 «Моды» 23, 38, 53
 «Мое разочарование» 39
 «„Молодик“ на 1843 год» 41, 58
 «Мороз, Красный нос» 13, 164, 171
 «На Волге» 81, 83, 159, 162
 «На родине» 113
 «На улице» (1—4) 14
 «Недавнее время» 58
 «Необыкновенный завтрак» 28, 55
 «Несколько замечаний на последние выходы „Отечественных записок“ против Современника» 24
 «Несчастные» 64, 122
 «Новозобренетная привилегированная краска братьев Дирлинг и К^о» 38
 «Новоселье» 29
 «Новости» 94, 95
 «Новый год» («На Новый год») 45
 «О моих стихах» 89
 «Обед Н. И. Пирогову» 23
 «Обозрение русской литературы за 1850 год» 34
 «Огородник» 101
 «Он у нас осьмое чудо. . .» 57
 «Опытная женщина» 92
 «Орина, мать солдатская» 70, 72, 73
 «Осада Севастополя, или Таковы русские» 119
 «Осенняя скука» 90, 91
 «От редакции „Современника“ (1850)» 24
 «Отрывок» («Родился я в губернии. . .») 41
 «Офелия» 89
 «Очерки литературной жизни» 55
 «„Очерки русских нравов, или Лицевая сторона и изнанка человеческого рода“ Фаддея Булгарина» 56, 57

- «Памяти Белинского» 64
 «Памяти приятеля» см. «Памяти Белинского»
 «Первый шаг в Европу» 131—133
 «Песни о свободном слове» 58
 «Песня Еремушке» 70, 73
 «Петербургские дачи и окрестности» 49
 «Петербургские известия» 22, 36
 «Петербургские углы» 58
 «Пир на весь мир» («Кому на Руси жить хорошо») 172
 «Письмо от купца к купцу» 91
 «Письмо петербургских литераторов к М. С. Шепкину» 23
 «Полька в Париже и в Петербурге» 94
 «Помещик» («Кому на Руси жить хорошо») 116
 «Послание Белинского к Достоевскому» 65
 «Послание к другу (из-за границы)» 57
 «Послание к поэту-старожилу» 34, 44—48
 «Последние песни» 157, 161
 «Посмертные стихотворения Н. А. Добролюбова» 22, 23
 «Поэт и гражданин» 8, 113
 «Предмет, любопытный для взора. . .» 50
 «Прекрасная партия» 94
 «Привет русскому патриоту» 29
 «Признания труженника» 35, 39
 «Притча» 14—17
 «Пробил час! . . Не скажу, чтоб с охотой. . .» 45
 «Пролог» («Кому на Руси жить хорошо») 125
 «Псовая охота» 8
 «Пять стихотворений Н. Ступина» 56
 «Разговор» 93
 «Размышления у парадного подъезда» 9, 70, 74, 75, 77, 129, 159
 «„Раут“ на 1852 год» 40
 «Родина» 70, 72, 101, 162, 164
 «Роман в письмах» 29
 «Русские второстепенные поэты» 42, 58, 118
 «Русские женщины» 70, 73
 «Русский патриот» 29, 56, 57
 «Рыцарь на час» 70, 73, 78, 80, 83, 162
 «Самодовольных болтунов. . .» 67
 «Саша» 11, 62, 63, 113, 171
 «Свобода» 70, 72
 «Секрет» 41, 43
 «Сеятелям» 70, 78
 «Сказка о добром паре, злом воеводе и бедном крестьянине» 172
 «Скорбь и слезы» 89
 «Слеза разлуки» 89
 «Слезы и нервы» 171
 «Смертушка» («Кому на Руси жить хорошо») 144, 146, 147
 «Смоляки честные, доблестно павшие. . .» 70, 76
 «Со славою прошел ты полдороги. . .» 50
 «Современники» 17
 «Стихотворение, заимствованное из Шиллера и Гете» 57
 «Суд» 58
 «Сцены из лирической комедии „Медвежья охота“» 172, 173
 «„Теория бильярдной игры“ и Новый поэт» 23, 27, 42
 «Тишина» 80, 83
 «Тонкий человек, его приключения и наблюдения» 54, 58—60, 62, 63, 91
 «Три страны света» 25, 30, 40, 91, 94, 96, 98
 «Труженник» см. «Признания труженника»
 «Т<ургене>ву» («Мы вышли вместе. . . Наобум. . .») 17, 18
 «У парадного крыльца» см. «Размышления у парадного подъезда»
 «Утро в редакции» 55
 «<Чернильница>» 35, 50
 «Черты для характеристики петербургского народонаселения» 49
 «Четыре страницы по поводу тридцати четырех страниц, напечатанных в 12 № 1 „Отечественных записок“» 24
 «Чиновник» 45, 171
 «Шила в мешке не утаишь — девушки под замком не удержишь» 102
 «Элегия» 70, 71
 «Я за то глубоко презираю себя. . .» 2

СО Д Е Р Ж А Н И Е

I. СТАТЬИ

П р и й м а Ф. Я. Некрасов и Герцен (из истории взаимоотношений)	3
М е л ь г у н о в Б. В. Некрасов — участник публицистического отдела «Современника»	22
М о с т о в с к а я Н. Н. Пародия в прозе Некрасова (сатирическое мастерство; полемика)	54
Д у н А. З. Поэзия Некрасова в большевистских листовках	69
В о л к о в а Л. С. Немеркнувшие традиции (Некрасов и Е. Исасв)	80

II. СООБЩЕНИЯ, ЗАМЕТКИ, МАТЕРИАЛЫ, ВОСПОМИНАНИЯ

Ц а р ь к о в а Т. С. О стихотворении «Мелодия»	89
К творческой истории «Осенней скуки»	90
«Карп Пантелеич и Степанида Копдратьевна»	92
П р о з о р о в Ю. М. Из комментария к книге «Мечты и звуки»	93
К е с с е н и х В. А., П и л е ц к а я Т. Л. Петербургский танцкласс в произведениях Некрасова 1840—1850-х гг.	94
Е г о р о в В. А. О полемическом подтексте стихотворений «Родина» и «В дороге»	101
Т и ш к и н Г. А. К вопросу о датировке стихотворения «Вчерашний день, часу в шестом. . .»	104
С а ж и н В. Н. Об одном общем мотиве у Достоевского и Некрасова (стихотворение «Застенчивость»)	108
Пометы Некрасова на переводе Д. Е. Мина «Песни о колоколе» Ф. Шплера	109
Э л ь з о н М. Д. Об источнике стихотворения «Мне жаль, что нет теперь поэтов. . .»	111
Б л и н ч е в с к а я М. Я. К истории издания «Стихотворений» 1856 г. (договор Некрасова с К. Т. Солдатенковым)	113
О нескольких строках поэмы «Кому на Руси жить хорошо» (к теме «Некрасов и Добролюбов»)	116
Г и н М. М. Статья Н. В. Берга «Десять дней в Севастополе» и «Заметки о журналах за июль месяц 1855 года» Некрасова	117
Отзыв Некрасова о стихотворении И. С. Никитина	118
Л е б е д е в Ю. В. О «ложном мелодраматизме» в поэме «Несчастные»	122
Комментарий к поэме «Коробейники» (дополнения)	123
Комментарий к поэме «Кому на Руси жить хорошо» (дополнения)	125
Б е л о д у б р о в с к и й Е. Б. Неизвестный список «Размышлений у парадного подъезда»	129
Г е н е р а л о в а Н. П. Об одной публикации Добролюбова и Некрасова в «Свистке»	131
Т е п л и н с к и й М. В. Я. П. Полонский и «Отечественные записки» (письмо Полонского к Г. З. Елизееву)	136
Некрасов и В. М. Лазаревский	139
Некрасов и молодежь	142
К о ш е л е в В. А. «Материалы для Шексны» (неосуществленный замысел одной из глав поэмы «Кому на Руси жить хорошо»)	144
Г р о м о в В. А. Некрасов и история публикации романа Г. П. Данилевского «Девятый вал» (1873)	148
З а б о р о в а Р. Б. Из поэмы «Мать» (текстологические наблюдения)	155
Щ у к и н с к а я Р. С. Дом № 36 на Литейном проспекте: владельцы и обитатели	165
Г а р к а в и А. М. Мои встречи с К. И. Чуковским	169
М о с т о в с к а я Н. Н. Библиография литературы о Некрасове. 1975—1986	175
У н а з а т е л ь и м е н	203
У к а з а т е л ь п р о и з в е д е н и й Н. А. Некрасова	207